

2021 №2

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Глухова В.А., Мальцева А.С.

Специфика личностных конструкторов специалистов экстремальных сфер деятельности (на примере сотрудников МЧС и МВД России).....2-16

Гончарова Н.А., Калашник А.А., Ситников В.Л.

Сравнительный анализ выраженности свойств, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность сотрудников органов внутренних дел.....17-25

Падун М.А., Сорокко Е.А., Сучкова Е.А., Люсин Д.В.

Сензитивность в восприятии эмоций у лиц с различной склонностью к подавлению эмоциональной экспрессии (на выборке сотрудников МВД).....26-39

Карпова Г.С., Черемисова И.В., Ковальчук И.А.

Особенности профессионально важных качеств руководителей исправительных учреждений.....40-54

Цветкова Н.А., Кулакова С.В.

Женщины в уголовно-исполнительной системе: личностные особенности и перспективы профессионально-должностного роста.....55-71

Ежова О.Н., Ушков Ф.И.

Ответственность как профессионально значимое качество сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.....72-85

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.

Механизмы психологической защиты и доминирующее защитное поведение осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность.....86-105

Сорока А.В.

Возрастные особенности готовности к ресоциализации личности в постпенитенциарный период106-119

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ | PSYCHOLOGY OF DEVIANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Чернышева Е.В.

Правосознание в детерминации коррупционного поведения.....120-131

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Чибисова И.А.

Показатели виктимности у несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия и злоупотребления.....132-145

Медведева А.С., Дозорцева Е.Г.

Роль и участие родителей в процессе кибергруминга.....146-159

Миронова О.И.

Предупреждение вовлечения молодежи в религиозные и культовые организации через интернет-пространств.....160-177

ПСИХОЛОГИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА | JUDICIAL PSYCHOLOGY

Андрианов М.С.

Психология участников уголовного судопроизводства: копинг-стратегия потерпевшего178-192

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А.

Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка).....193-207

Власова Н.В., Лановая А.М.

Особенности саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью208-220

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Ильина В.А.

Актуальность аксиологических проблем юридической психологии..... 221-231

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | FOREIGN STUDIES IN LEGAL PSYCHOLOGY

Кумар Д.

Исследование судебной культуры и разработка параметров ее описания232-238

CONTENT:

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Glukhova V. A., Maltseva A. S.

Peculiarities of personal constructs in professionals of extreme spheres of activity (with officers of the Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as an example).....2-16

Goncharova N.A., Kalashnik A.A., Sitnikov V.L.

Comparative analysis of intensity of traits limiting the professional and psychological fitness of internal affairs officers17-25

Padun M. A., Sorokko E. A., Suchkova E., Lyusin D.

Emotion sensitivity in individuals with various degrees of expressive suppression: The case of policemen26-39

Karpova G. S., Cheremisova I. V., Kovalchuk I. A.

Professionally relevant traits of the heads of correctional facilities.....40-54

Tsvetkova N. A., Kulakova S. V.

Women in penal correction system: personality characteristics and opportunities for professional and career development55-71

Ezhova O. N., Ushkov F. I.

Responsibility as a professionally significant trait of an officer of the penal correction system of the Russian Federation72-85

THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Bovin B.G., Kazberov P. N., Bovina I. B.

Mechanisms of psychological defense and dominant defense behavior of convicts for terrorist and extremist activities.....86-105

Anatoly V. Soroka

Age-related peculiarities of a delinquent personality's preparedness to resocialize in the post-penitentiary period.....

PSYCHOLOGY OF DEVIANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Chernysheva E.V.

Legal consciousness in determination of corrupt behavior120-131

JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Nuckova E. V., Dozortseva E. G., Badmaeva V. D., Chibisova I. A.

Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual Violence and Abuse.....132-145

Medvedeva A. S., Dozortseva E. G.

Role and involvement of parents in the cybergrooming process.....146-159

Mironova O. I.

Prevention of youth involvement in religious and cult organizations via the online space.....160-177

JUDICIAL PSYCHOLOGY

Andrianov M. S.

Psychology of participants in criminal proceedings: the coping-strategy of the aggrieved party178-192

FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Safuanov F. S. , Sarycheva J. A.

Psychologically traumatic situation as a formal element of an offence under article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (murder by a mother of her newborn child)....193-207

Vlasova N. V., Lanovaya A. M.

Self-control peculiarities of men with alcohol dependence208-220

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Пыина V. A.

Urgency of axiological problems in legal psychology.....221-231

FOREIGN STUDIES IN LEGAL PSYCHOLOGY

Kumar D.

Exploring Court Culture and its Scale Development.....232-238

Уважаемые читатели!

Мы рады представить вашему вниманию второй номер нашего журнала «Психология и право» за 2021 год. Тема этого номера «Психология профессиональной деятельности».

В рамках обозначенной темы в данном выпуске журнала обсуждаются личностные особенности специалистов экстремальных сфер деятельности, проводится сравнительный анализ свойств, связанных с психологической пригодностью сотрудников ОВД. Особый интерес представляет исследование сензитивности в восприятии эмоций, проведенное на выборке сотрудников МВД. В двух статьях рассматривается ряд профессионально значимых качеств сотрудников УИС и возможности их развития. Отдельно поднимается вопрос о личностных особенностях и перспективах профессионально-должностного роста женщин, занятых трудовой деятельностью в пенитенциарной системе.

В номере рассматриваются основные направления и подходы в практической работе психологов силовых структур, сфера интереса юридических психологов самых разнообразных направлений деятельности. В статьях по пенитенциарной тематике можно ознакомиться с исследованием особенностей защитного поведения осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность и исследованием возрастных особенностей готовности к ресоциализации личности в постпенитенциарный период.

Акцентируется внимание на работе с детьми и подростками. Поднимаются вопросы предупреждения вовлечения молодежи в религиозные и культовые организации через интернет-пространство; освещены результаты комплексного психолого-психиатрического обследования несовершеннолетних жертв сексуального насилия и злоупотребления. Представляет особый интерес статья, посвященная обсуждению результатов эмпирического исследования в рамках вопроса роли и участия родителей в кибергруминге.

Рубрика «Психология судопроизводства» включает в себя статью, в которой анализируется понятие «совладающее поведение» применительно к потерпевшему как важному участнику уголовного судопроизводства.

Рассматриваются особенности психотравмирующей ситуации как признака состава преступления по ст. 106 УК РФ. Обсуждаются особенности саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью.

Также данный выпуск включает статью, посвященную обсуждению и анализу результатов теоретического исследования аксиологических проблем юридической психологии.

Уважаемые читатели, содержание статей отражает многообразие направлений исследований юридической психологии в контексте глобальных процессов, происходящих как в мировом сообществе, так и в нашей стране. Мы надеемся, что номер оказался для вас интересным, актуальным и востребованным.

Искренне ваша,
Редакция журнала «Психология и право»

Специфика личностных конструкторов специалистов экстремальных сфер деятельности (на примере сотрудников МЧС и МВД России)

Глухова В.А.

Южно-Уральский государственный университет (ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»),
г. Челябинск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8322-0302>, e-mail: glukhovava@susu.ru, gluhovavera@mail.ru

Мальцева А.С.

Южно-Уральский государственный университет (ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»),
г. Челябинск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9315-9843>, e-mail: maltsevaas@susu.ru, alisena85@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных качеств сотрудников МЧС и МВД России. Сопоставлялся уровень выраженности личностных качеств сотрудников по методикам: тест жизнестойкости С. Мадди, методика стрессоустойчивости и социальной адаптации Т. Холмса и Р. Пэге, методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко, калифорнийский психологический опросник (СРІ). Исследование направлено на выявление специфичных сочетаний личностных качеств — личностных конструкторов, отличающих представителей разных экстремальных профессий. При сопоставлении факторных структур выявлены инвариантные (со значимой факторной нагрузкой в обеих группах) и вариативные (со значимой факторной нагрузкой в одной группе) элементы. В личностной структуре сотрудников МВД описаны конструкторы: транзакционное лидерство, стратегия вариативной адаптивности в ситуации неопределенности, стратегия принятия ответственности в заданных условиях, личная и социальная нормативность. В личностной структуре сотрудников МЧС описаны конструкторы: ролевая мужественность, ролевая эмпатия, стратегия волевого контроля в ситуации неопределенности, стратегия вариативной адаптивности в заданных условиях.

Ключевые слова: личностный профиль, экстремальная деятельность, сотрудники МЧС, сотрудники МВД.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания Минобрнауки России № 17.7255.2017/8.9.

Для цитаты: Глухова В.А., Мальцева А.С. Специфика личностных конструкторов специалистов экстремальных сфер деятельности (на примере сотрудников МЧС и МВД России) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2—16. DOI:10.17759/psylaw.2021110201

Глухова В.А., Мальцева А.С.
Специфика личностных конструкторов специалистов
экстремальных сфер деятельности (на примере
сотрудников МЧС и МВД России)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2—16.

Glukhova V. A., Maltseva A. S.
Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of
Extreme Spheres of Activity (with Officers of the
Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as
an Example)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2—16.

Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of Extreme Spheres of Activity (with Officers of the Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as an Example)

Vera A. Glukhova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8322-0302>, e-mail: glukhovava@susu.ru, gluhova-vera@mail.ru

Alisa S. Maltseva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9315-9843>, e-mail: maltsevaas@susu.ru, alisena85@mail.ru

The article presents the results of an empirical study of personality traits of officers of the Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs. The study is aimed at revealing specific combinations of personality traits - personality constructs characterizing specialists of different extreme occupations. 80 individuals took part in the research work. The pronouncedness of personality traits in the officers of the Ministry of Emergency Situations (MES) and the Ministry of Internal Affairs (MIA) was compared using the following techniques and methodologies: S.Maddy Hardiness Survey; Holmes-Rahe Stress and Social Adjustment Scale; Method for Diagnosing of Emotional Burnout Levels by V.V. Boyko; California Psychological Inventory (CPI). The MIA officers have been found to have more pronounced personality traits such as vitality and hardiness (according to the S. Maddy Survey), social presence, independence, responsibility, socialization, making a good impression, "ordinary guy" impression, feeling of well-being, achievement through subordination, intellectual effectiveness, manliness (according to CPI). The comparison of the factor structures revealed invariant (with significant factor loading in both groups) and variable (with significant factor loading in one group) elements. The following personality constructs have been identified in the personality structure of the MIA officers: transactional leadership, strategy of variational adjustment in situations of uncertainty, strategy of taking responsibility under the given conditions, personal and social normativity. The following personality constructs have been identified in the personality structure of the MES officers: role-related masculinity, role-related empathy, strategy of volitional control in situations of uncertainty, strategy of variational adjustment under the given conditions.

Keywords: personality profile, extreme activity, officers of the Ministry of Emergency Situations, officers of the Ministry of Internal Affairs.

Funding. The study was carried out within the framework of the basic part Of the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 17.7255.2017/8.9

Глухова В.А., Мальцева А.С.
Специфика личностных конструкторов специалистов
экстремальных сфер деятельности (на примере
сотрудников МЧС и МВД России)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2—16.

Glukhova V. A., Maltseva A. S.
Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of
Extreme Spheres of Activity (with Officers of the
Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as
an Example)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2—16.

For citation: Glukhova V. A., Maltseva A. S. Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of Extreme Spheres of Activity (with Officers of the Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as an Example). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2—16. DOI:10.17759/psylaw.2021110201 (In Russ.).

Современный мир характеризуется повышением частоты и масштабов возникающих экстремальных ситуаций. Ликвидацией последствий, обеспечением безопасности, урегулированием различного рода конфликтов занимаются специалисты различных ведомств, таких как Росгвардия, Министерство чрезвычайных ситуаций (МЧС), Министерство внутренних дел (МВД). Высокий исследовательский интерес к изучению личностных и профессионально-психологических особенностей представителей экстремальных профессий связан с необходимостью прогнозирования поведения и деятельности профессионала в экстремальных условиях.

Профессионально значимыми личностными качествами для представителей экстремальных профессий называют, в первую очередь, склонность к риску [12; 14], и стрессоустойчивость [5; 18]. Н.Н. Смирнова и А.Г. Соловьев в исследовании сотрудников полиции выявили, что стрессоустойчивость является сложной многокомпонентной структурой [19], включающей силу возбуждения центральной нервной системы, самооценку, ассертивные, уверенные действия (на положительном полюсе); личностную и реактивную тревожность, агрессивность, склонностью к алкогольной зависимости (на отрицательном полюсе). Выявлена взаимосвязь стрессоустойчивости с устойчивостью к организационному стрессу у специалистов опасных профессий [20]. При этом в ряде исследований отмечается снижение уровня стрессоустойчивости по мере профессионального становления [21]. Личность сотрудников изменяется в процессе профессиональной деятельности под воздействием травмирующих ситуаций [33]. В связи с этим зарубежные исследователи в настоящее время сосредоточили внимание на условиях и ресурсах повышения устойчивости к стрессу. Направления исследований в этой области разнообразны — от изучения эффективности различных вариантов социальной поддержки [30] и тренинговых программ, развивающих навыки, опосредованно способствующие снижению стрессовых реакций [25], до выявления структурных особенностей головного мозга, участвующих в формировании устойчивости к стрессу, как самостоятельной характеристики, независимой от других психиатрических характеристик [32].

Во многих исследованиях рассматривается взаимосвязь стрессоустойчивости и жизнестойкости сотрудников экстремальных профессий. В исследованиях Л.Н. Молчановой, А.И. Редькина [10], Е.С. Агапитовой, Н.А. Левиной [1] жизнестойкость рассматривается как фактор устойчивости (сопротивляемости) к психическому выгоранию. В ряде работ выявлена обратная взаимосвязь показателей эмоционального выгорания и жизнестойкости сотрудников МЧС. Так, в экстремально-кризисных ситуациях высокий уровень жизнестойкости препятствует развитию психического выгорания у сотрудников. Аналогичные данные были получены в зарубежных исследованиях. V. Florian, M. Mikulincer, O. Taubman обнаружили, что высокий уровень жизнестойкости способствует сохранению психического здоровья в кризисной ситуации. На этом основании жизнестойкость рассматривается как один из факторов предупреждения эмоционального выгорания людей, чья работа сопряжена с экстремальными ситуациями [27].

Глухова В.А., Мальцева А.С.
Специфика личностных конструкторов специалистов
экстремальных сфер деятельности (на примере
сотрудников МЧС и МВД России)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2—16.

Glukhova V. A., Maltseva A. S.
Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of
Extreme Spheres of Activity (with Officers of the
Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as
an Example)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2—16.

Сотрудники экстремальных профессий обладают более высоким уровнем сформированности осознанной саморегуляции, по сравнению со специалистами других профилей [13]. В исследованиях сотрудников полиции Новой Зеландии [24], Испании [28], Китая [30], Норвегии [22], Италии [29], США [26] выявлен более высокий уровень добросовестности и, в ряде исследований, эмоциональной стабильности (методика «Big five») по сравнению представителями популяции в целом. Многие авторы подчеркивают необходимость и эффективность раннего развития навыков волевой регуляции [2], в том числе в процессе тренинговой работы [3], освоения разнообразных приемов естественной и искусственной регуляции психических состояний сотрудников [16], формирования индивидуального стиля саморегуляции [7]. Кроме того, высокий уровень саморегуляции рассматривается как одно из свойств, обеспечивающих устойчивость личности сотрудников к антисоциальному креативному поведению, в том числе коррупционному [8].

Толерантность к неопределенности и копинг-поведение, как стресс-преодолевающее, стабилизирующее и способствующее эффективной адаптации поведение, также, по мнению исследователей, являются крайне значимыми для специалистов, работающих в экстремальных условиях, сопряженных с непредсказуемым риском [15].

Исследователи отмечают, что существует ряд проблем в изучении личностных особенностей и профессионально значимых качеств представителей экстремальных профессий. С одной стороны, сложно однозначно определить причину формирования определенного личностного склада — является он результатом отбора/отсева людей с особым сочетанием личностных качеств или же результатом динамики личности в специфичных условиях профессиональной деятельности [31]. На наш взгляд, наиболее логичным в этом контексте выглядит предположение о сочетании предрасположенности и профессионального опыта, что, соответственно, предъявляет одновременно высокие требования как к отбору (в том числе, на стадии подготовки специалистов в учебных заведениях), так и к процессам подготовки и сопровождения сотрудников. Значимой становится такое сочетание личностных качеств, которое будет способствовать снижению профессиональной деформации и профессионального выгорания. Как отмечают в своем исследовании С.Г. Фогео с соавт., личностные особенности являются основным предиктором успешности, как в процессе обучения, так и при непосредственном исполнении профессиональных обязанностей, однако эффективность все же опосредована обучением [28]. С другой стороны, отсутствуют работы, которые смогли бы надежно обосновать соответствие между личностными свойствами и задачами, которые ставятся в рамках конкретной профессиональной деятельности [23].

Некоторые авторы систематизируют профессионально значимые качества, подчеркивая необходимость наличия и развития целого комплекса характеристик, личностных черт. Так, Д.В. Деккерт [4] выделяет три компонента личностного профиля: эмоциональный, деонтологический и коммуникативный. Э.С. Русаев [17] личностные особенности работников МЧС объединяет в 3 группы: моральные и характерологические особенности; волевые качества; качества психологической надежности.

В итоге, на наш взгляд, каждое следующее исследование расширяет список профессионально значимых качеств, создавая трудности для специалистов по отбору и сопровождению сотрудников данной группы. В связи с этим в данном исследовании мы

поставили цель — выявить некоторые специфичные личностные паттерны, которые отличают представителей разных экстремальных профессий, в том числе относящихся к различным ведомствам.

Исследование проводилось на выборке сотрудников МЧС (пожарные и сотрудники городской службы спасения г. Челябинска, 40 человек) и МВД России (сотрудники Южно-Уральского линейного управления МВД России на транспорте по Челябинской области, 40 человек). Всего в исследовании приняли участие 80 человек. Мы предположили, что особенности конкретной профессиональной деятельности, реализуемой соответствующими специалистами, будут сопряжены с некоторыми системными особенностями личности. А именно, отличаться будут не только степень выраженности тех или иных личностных характеристик, но и их сочетание. То есть, на наш взгляд, у представителей вышеназванных ведомств будут наблюдаться различные личностные паттерны (специфически сгруппированные личностные свойства).

В исследовании сопоставлялся уровень выраженности ряда личностных качеств у сотрудников МЧС и МВД по следующим методикам: тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой; методика стрессоустойчивости и социальной адаптации Т. Холмса и Р. Раге; методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко; калифорнийский психологический опросник (СРІ форма 434 русскоязычный вариант). Применялся U-критерий Манна—Уитни. Кроме того, на основе факторного анализа исследовались различия в структуре личностных свойств сотрудников представленных ведомств. Расчеты осуществлялись с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics [11].

У всех сотрудников МЧС и МВД наблюдается уровень жизнестойкости и ее компонентов на уровне нормы и выше, что согласуется с результатами исследований особенностей стрессоустойчивости и жизнестойкости представителей профессий, сопряженных с риском [9; 20]. Наиболее выраженным в обеих группах является компонент жизнестойкости «Принятие риска»: 80% и 72% респондентов продемонстрировали результаты выше среднего, соответственно в группах сотрудников МВД и МЧС. У сотрудников МВД эта характеристика значимо более выражена ($U_{эмп.} = 481,5$; $p < 0,01$). Значимое отличие между группами сотрудников МВД и МЧС было также выявлено для компонента жизнестойкости «Контроль» ($U_{эмп.} = 581,5$; $p < 0,05$). У сотрудников МВД по сравнению с сотрудниками МЧС уровень контроля значимо выше. Жизнестойкость в целом у сотрудников МВД оказалась значимо более высокой ($U_{эмп.} = 560,5$; $p < 0,01$). Таким образом, сотрудники МВД более устойчивы к воздействию стрессовых ситуаций и воспринимают их как менее значимые в сравнении с сотрудниками МЧС, хотя представители обоих ведомств демонстрируют достаточно высокий уровень жизнестойкости.

Исследование уровня стрессоустойчивости и социальной адаптации показало, что наибольшую долю выборки составляют респонденты с большой степенью сопротивляемости стрессу: 68% сотрудников МВД и 65% сотрудников МЧС. Лишь небольшая доля респондентов продемонстрировала уровень стрессоустойчивости ниже порогового: 2% сотрудников МВД и 5% сотрудников МЧС. У сотрудников МВД и МЧС не было выявлено значимых различий: по уровню стрессоустойчивости и социальной адаптации ($U_{эмп.} = 739,0$; $p \text{ н.з.}$); по показателям фаз эмоционального выгорания — напряжение ($U_{эмп.} = 625,5$; $p \text{ н.з.}$),

резистенция (Uэмп.= 643,5; р н.з.) и истощение (Uэмп.= 680,5; р н.з.).

Также проведено сравнение уровня различных личностных свойств в группах сотрудников МВД и МЧС с помощью калифорнийского психологического опросника. Были рассчитаны средние профили для сотрудников МВД и МЧС (рис. 1). С помощью U-критерия Манна—Уитни группы сотрудников сопоставлялись по уровню выраженности личностных свойств.

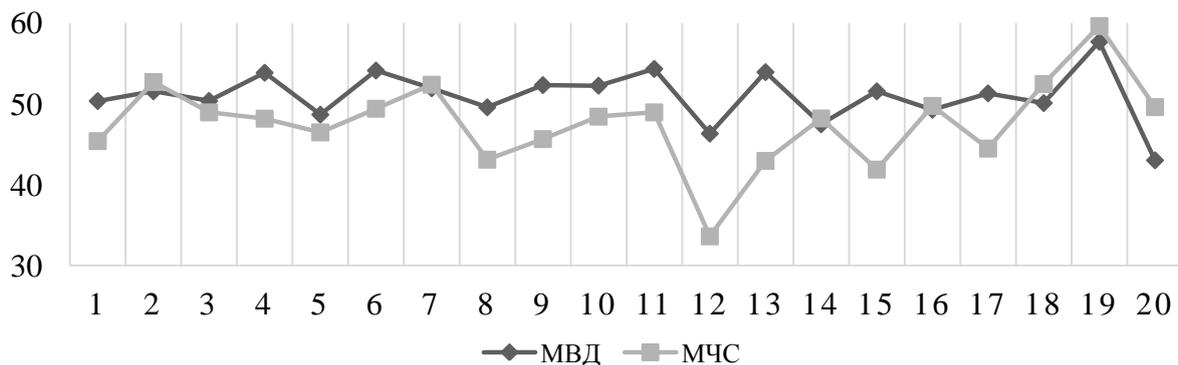

Рис. 1. Профили личностных свойств на основе средних значений в группах сотрудников МВД и МЧС по опроснику CPI:

шкалы: 1 — доминирование; 2 — способность к статусу; 3 — общительность; 4 — социальное присутствие; 5 — самопринятие; 6 — независимость; 7 — эмпатия; 8 — ответственность; 9 — социализация; 10 — самоконтроль; 11 — хорошее впечатление; 12 — обычность; 13 — чувство благополучия; 14 — толерантность; 15 — достижение через подчинение; 16 — достижение через независимость; 17 — интеллектуальная эффективность; 18 — психологический склад ума; 19 — гибкость; 20 — женственность—мужественность

Выявлены значимые различия между группами сотрудников МВД и МЧС в уровне выраженности по десяти личностным характеристикам. А именно, у сотрудников МВД значимо выше результаты по следующим шкалам опросника: социальное присутствие (U=567,5; p<0,05), независимость (U=529,5; p<0,01), ответственность (U=538,5; p<0,01), социализация (U=581; p<0,01), хорошее впечатление (U=486; p<0,01), обычность (U=496; p<0,01), чувство благополучия (U=417,5; p<0,01), достижение через подчинение (U=419; p<0,01), интеллектуальная эффективность (U=551; p<0,01) — и значимо более низкие результаты — по шкале женственности (U=598; p<0,01). В целом, среди сотрудников МВД по сравнению с сотрудниками МЧС больше людей, с одной стороны, социально ориентированных, проявляющих инициативу, упорство, стремление к власти и стремящихся отстаивать свои интересы; с другой стороны, умело вписывающихся в заданные нормативы и создающих хорошее мнение о себе.

Несмотря на выявленные значимые различия, при сопоставлении результатов в группах сотрудников МВД и МЧС мы можем говорить о достаточно высоком уровне развития профессионально значимых свойств в обеих группах. Личностные профили отличаются в целом незначительно, ряд свойств интенсивнее представлены в группе сотрудников МВД. В связи с этим мы предположили, что у сотрудников различных ведомств существуют

специфичные личностные паттерны, группы взаимосвязанных личностных свойств, для выявления которых была реализована процедура факторного анализа по модели главных компонент с последующим варимакс-вращением (Varimax normalized) в статистическом пакете SPSS Statistics [11]. Отдельно проводилась факторизация показателей по личностному опроснику CPI (табл. 1). Показатели других, обозначенных выше, методик исследования были исключены из процедуры факторного анализа, так как давали значимые нагрузки внутри факторов, соответствующих этим методикам.

Таблица 1

**Факторная структура личностных характеристик сотрудников МВД и МЧС
 по шкалам калифорнийского психологического опросника**

Шкалы методики CPI	Факторная структура личностных характеристик сотрудников									
	МВД					МЧС				
	Факторы					Факторы				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Доминирование										
Способность к статусу	0,71									0,81
Общительность	0,79									
Социальное присутствие	0,72					0,83				
Самопринятие	0,85									
Независимость					0,76					
Эмпатия	0,73									0,84
Ответственность			0,84							
Социализация								0,75		
Самоконтроль							0,88			
Хорошее впечатление					0,70					
Обычность				0,90						
Чувство благополучия										
Толерантность		0,76					0,77			
Достижение через подчинение			0,75					0,73		
Достижение через независимость		0,88					0,75			
Интеллектуальная эффективность										
Психологический склад ума										
Гибкость		0,76							-0,83	
Женственность—мужественность	-0,74					-0,72				
% дисперсии	0,23	0,15	0,15	0,10	0,13	0,17	0,22	0,20	0,13	

По результатам диагностики сотрудников МВД и МЧС были определены факторные структуры их личностных свойств (личностные конструкты), которые имеют

Глухова В.А., Мальцева А.С.
Специфика личностных конструкторов специалистов
экстремальных сфер деятельности (на примере
сотрудников МЧС и МВД России)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2—16.

Glukhova V. A., Maltseva A. S.
Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of
Extreme Spheres of Activity (with Officers of the
Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as
an Example)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2—16.

количественную и качественную специфику. Факторная структура личностных свойств в группе сотрудников МВД оказалась более сложной, по сравнению с группой сотрудников МЧС: выделено большее число факторов, которые включают в целом большее количество личностных характеристик. Некоторые характеристики вошли в структуру личностных конструкторов только в группе сотрудников МВД и сформировали 2 уникальных для этой группы конструктора (4-й и 5-й факторы).

Идентичных конструкторов (факторов) в группах сотрудников МЧС и МВД не выявлено. Однако в большинстве факторов (кроме двух специфичных в группе сотрудников МВД) можно выделить *базовую/инвариантную* составляющую (идентичные для обеих групп характеристики, дающие значимую нагрузку на фактор) и *вариативную/уникальную*, подчеркивающую специфику данной группы (характеристики, дающие значимую нагрузку на фактор только в одной группе). Рассмотрим последовательно содержание каждого фактора.

Первый фактор в структуре личностных характеристик сотрудников МВД является многокомпонентным, биполярным и включает такие характеристики, как «способность к статусу», «общительность», «социальное присутствие», «самопринятие», «эмпатию» на одном полюсе и «женственность—мужественность» — на противоположном. Данное сочетание, на наш взгляд, можно обобщить и представить как конструктор *транзакционного лидерства*, предполагающего наличие направленности на сотрудничество, социальную инициативу и активность, эмоциональную вовлеченность в процессе взаимодействия с другими людьми [6]. Уникальными компонентами для данного конструктора у сотрудников МВД являются «общительность» и «самопринятие».

В структуре личности сотрудников МЧС конструктор транзакционного лидерства расщепляется на два базовых (более простых) ролевых конструктора, связанных со статусом: конструктор *ролевой мужественности* (1-й биполярный фактор, включающий «социальное присутствие» и «женственность—мужественность») и конструктор *ролевой эмпатии* (4-й фактор, включающий «способность к статусу» и «эмпатию»).

Второй фактор в личностной структуре сотрудников МВД и МЧС в качестве инвариантных элементов образуют такие характеристики, как «достижение через независимость» и «толерантность». На основе содержания шкал опросника CPI и с учетом уровня показателей по инвариантным шкалам в группах мы обозначили данный конструктор как *фактор принятия решений в ситуации неопределенности*. При этом в каждой группе данный конструктор дополняется различными элементами. Так, у сотрудников МВД второй фактор включает «гибкость», у сотрудников МЧС — «самоконтроль». Уровень выраженности этих качеств в группах не имеет значимых отличий. Содержание фактора в целом с учетом вариативных составляющих мы интерпретировали как стратегии принятия решений в ситуации неопределенности — *стратегии вариативной адаптивности* и *волевого контроля* у сотрудников МВД и МЧС соответственно.

Третий фактор в личностной структуре сотрудников МВД и МЧС в качестве инвариантного элемента образует такая характеристика, как «достижение через подчинение». В соответствии с особенностями факторной структуры и содержания шкал опросника CPI мы обозначили данный конструктор как *фактор принятия решений в заданных условиях*. Уникальным элементом у сотрудников МВД в третьем факторе является

Глухова В.А., Мальцева А.С.
Специфика личностных конструкторов специалистов
экстремальных сфер деятельности (на примере
сотрудников МЧС и МВД России)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2—16.

Glukhova V. A., Maltseva A. S.
Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of
Extreme Spheres of Activity (with Officers of the
Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as
an Example)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2—16.

«ответственность», а у сотрудников МЧС — «гибкость» и «социализация». Содержание фактора в целом с учетом вариативных составляющих и их средних значений по группам мы интерпретировали как стратегии принятия решений в заданных условиях— *стратегии принятия ответственности и вариативной адаптивности* у сотрудников МВД и МЧС соответственно.

Четвертый и пятый факторы в группе сотрудников МВД уникальны — характеристики, образующие эти факторы, не включаются в факторную структуру личности сотрудников МЧС.

Четвертый фактор в личностной структуре сотрудников МВД обозначен нами как *фактор личной нормативности*, поскольку включает лишь одно свойство, которое значимо сильнее выражено у сотрудников МВД ($U=496$; $p<0,01$) по сравнению с сотрудниками МЧС— «обычность».

Пятый фактор в личностной структуре сотрудников МВД, включающий «независимость» и «хорошее впечатление», значимо более выраженные у сотрудников МВД ($U=529,5$; $U=486$; $p<0,01$), обозначен нами как *фактор социальной нормативности*.

Выводы

1. Сотрудники МВД в целом демонстрируют более высокий уровень жизнестойкости по сравнению с сотрудниками МЧС. При этом у большинства сотрудников обоих ведомств выявлен очень высокий уровень сопротивляемости стрессу.

2. В личностной структуре сотрудников МВД выявлены конструкторы, содержательно описывающие их как лидеров, акцентирующих внимание на выстраивание отношений, организацию взаимодействия с партнерами; склонных к гибкой адаптивности в ситуациях неопределенности и принятию ответственности в заданных, определенных условиях, личная нормативность которых связана с отношением к себе как части большинства, а социальная нормативность — с необходимостью демонстрации независимости как одобряемого и поощряемого поведения.

3. В личностной структуре сотрудников МЧС выявлены конструкторы, содержательно описывающие специфику взаимодействия и поведения в различных ситуациях: ролевая мужественность и ролевая эмпатия; стратегия волевого контроля при необходимости принятия решений в ситуации неопределенности и стратегия гибкой адаптивности в заданных, определенных условиях.

Литература

1. Агапитова Е.С., Левина Н.А. Психологические ресурсы жизнестойкости и проблема предупреждения эмоционального выгорания у сотрудников МЧС // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7—8. С. 238—243.
2. Аникеева Н.В. Психологические особенности становления волевой регуляции в процессе служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2017. 194 с.
3. Аникеева Н.В., Паршутин И.А. Исследование волевой сферы личности курсантов, обучающихся в образовательных организациях МВД России открытого и закрытого типов // Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 142—154. DOI:10.17759/psylaw.2018080413

Глухова В.А., Мальцева А.С.
Специфика личностных конструкторов специалистов
экстремальных сфер деятельности (на примере
сотрудников МЧС и МВД России)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2—16.

Glukhova V. A., Maltseva A. S.
Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of
Extreme Spheres of Activity (with Officers of the
Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as
an Example)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2—16.

4. Деккерт Д.В. Особенности формирования профессиональной культуры сотрудников ГПС МЧС России // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 4. С. 48—56.
5. Дмитриева М.Г. Особенности профессионально важных качеств сотрудников ФСИН России // Вестник ЧГПУ. 2014. № 2. С. 100—105.
6. Дмитриева Ю.А., Грязева-Добшинская В.Г. Структура лидерства менеджеров: результаты эмпирического исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2014. № 4. С. 5—12.
7. Коноплева И.Н., Калягин Ю.С. Саморегуляция психических состояний как элемент психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях // Психология и право. 2011. № 4. С. 99—109.
8. Личностные особенности и антисоциальная креативность на примере кадетов и сотрудников МВД / Мешкова Н.В. [и др.] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 83—96. DOI:10.17759/psylaw.2018080306
9. Меткин М.В., Москаленко Г.В. Компоненты психологической структуры жизнестойкости сотрудников МЧС России, работающих в экстремальных условиях // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2019. Том 31. № 1. С. 42—48.
10. Молчанова Л.Н., Редькин А.И. Жизнестойкость как детерминанта состояния психического выгорания у спасателей МЧС // Перспективы науки и образования. 2014. № 1(7). С. 216—223.
11. Наследов, А. IBM Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
12. Осипов А.В. Профессионально важные качества сотрудников пожарно-спасательных формирований на разных этапах профессионального становления: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 24 с.
13. Особенности саморегуляции у специалистов экстремального профиля профессиональной деятельности / Кабанова Т.Н. [и др.] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 89—105.
14. Психология чрезвычайных ситуаций: учеб. пособие для студ. вузов / Под ред. П.С. Гуревич. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 495 с.
15. Рогачев В.А., Коноплева И.Н. Толерантность к неопределенности и выбор копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов // Психология и право. 2017. № 4. С. 106—126.
16. Родин В.Ф. Саморегуляция психических состояний сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 271—275.
17. Русаев Э.С. Психология человека в чрезвычайных ситуациях. Уфа: ГУ МЧС России по Республике Башкортостан, 2003. 183 с.
18. Рыбников В.Ю., Ашанина Е.Н. Психологический стресс и проблема толерантности сотрудников ГПС МЧС России // Вестник психотерапии. 2007. № 24(29). С. 155—157.
19. Смирнова Н.Н., Соловьёв А.Г. Структура стрессоустойчивости сотрудников полиции // Журнал медико-биологических исследований. 2013. № 3. С. 75—81.
20. Цветкова Н.А., Кулакова С.В. Исследование стрессоустойчивости и жизнестойкости сотрудников уголовно-исполнительной системы // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 112—129. DOI:10.17759/psylaw.2019090208

Глухова В.А., Мальцева А.С.
Специфика личностных конструкторов специалистов
экстремальных сфер деятельности (на примере
сотрудников МЧС и МВД России)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2—16.

Glukhova V. A., Maltseva A. S.
Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of
Extreme Spheres of Activity (with Officers of the
Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as
an Example)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2—16.

21. Шевченко Т.И., Макарова Н.В., Бохан Т.Г. Стрессоустойчивость специалистов опасных профессий МЧС России // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 164—167.
22. Abrahamsen S., Strype J. Are they all the same? Norwegian police officers' personality characteristics and tactics of conflict resolution // Policing and Society. 2010. Vol. 20. № 1. P. 99—123. DOI: 10.1080/10439460903377303
23. Akca D. The theoretical and methodological problems in the usage of police personality measurement to predict job performance // Psychreg Journal of Psychology. 2017. Vol. 1. № 2. P. 76—86.
24. Black J. Personality Testing and Police Selection: Utility of the 'Big Five' // New Zealand Journal of Psychology. 2000. Vol. 29. P. 2—9.
25. Christopher M.S., Hunsinger M., Goerling Lt.R.J., Bowen S., Rogers B.S., Gross C.R., Dapolonia E., Pruessner J.C. Mindfulness-based resilience training to reduce health risk, stress reactivity, and aggression among law enforcement officers: A feasibility and preliminary efficacy trial // Psychiatry Research. 2018. Vol. 264. P. 104—115. DOI: 10.1016/j.psychres.2018.03.059
26. Detrick P., Chibnall J.T. Revised NEO Personality Inventory Normative Data for Police Officer Selection // Psychological services. 2013. Vol. 10(4). P. 372—377. DOI: 10.1037/a0031800
27. Florian V., Mikulincer M., Taubman O. Does hardiness contribute to mental health during a stressful real-life situation? // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 68. P. 687—695.
28. Forero C.G., Gallardo-Pujol D., Maydeu-Olivares A., Andrés-Pueyo A. A longitudinal model for predicting performance of police officers using personality and behavioral data // Criminal Justice and Behavior. 2009. Vol. 36 № 6. P. 591—606.
29. Garbarino S., Chiorri C., Magnavita N., Piattino S., Cuomo G. Personality Profiles of Special Force Police Officers // Journal of Police and Criminal Psychology. 2012. Vol. 27. P. 99—110. DOI: 10.1007/s11896-011-9099-6
30. Huang J., Wang X., Li W., An Y. The relationship between conscientiousness and posttraumatic stress disorder among young Chinese firefighters: The mediating effect of perceived social support // Psychiatry Research. 2019. Vol. 273. P. 450—455. DOI: 10.1016/j.psychres.2019.01.053
31. Twersky-Glasner A. Police personality: What is it and why are they like that? // Journal of Police and Criminal Psychology. 2005. Vol. 20. P. 56—67. DOI: 10.1007/BF02806707
32. Van der Werff S.J.A., Elzinga B.M., Smit A.S., van der Wee N.J.A. Structural brain correlates of resilience to traumatic stress in Dutch police officers // Psychoneuroendocrinology. 2017. Vol. 85. P. 172—178. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2017.08.019
33. Wills J., Schuldberg D. Chronic Trauma Effects on Personality Traits in Police Officers // Journal of Traumatic Stress. 2016. Vol. 29. DOI: 10.1002/jts.22089

References

1. Agapitova Ye.S., Levina N.A. Psikhologicheskie resursy zhiznesteikosti i problema preduprezhdeniya emotsional'nogo vygoraniya u sotrudnikov MChS [Psychological resources of vitality and the problem of the prevention of emotional burning out at the staff of the ministry of Ministry of Emergency Situations]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy [Social-Economic Phenomena and Processes]*, 2012, no. 7—8, pp. 238—243. (In Russ., abstr. in Engl.).

Глухова В.А., Мальцева А.С.
Специфика личностных конструкторов специалистов
экстремальных сфер деятельности (на примере
сотрудников МЧС и МВД России)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2—16.

Glukhova V. A., Maltseva A. S.
Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of
Extreme Spheres of Activity (with Officers of the
Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as
an Example)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2—16.

2. Anikeeva N.V. Psikhologicheskie osobennosti stanovleniya volevoi regulyatsii v protsesse sluzhebnoi deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del. Diss. kand. psikhol. nauk. [Psychological features of the formation of volitional regulation in the course of official activities of employees of internal affairs bodies. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2017. 194 p. (In Russ.).
3. Anikeeva N.V., Parshutin I.A. Issledovanie volevoi sfery lichnosti kursantov, obuchayushchikhsya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii otkrytogo i zakrytogo tipov [The study of volitional sphere of the personality of cadets, students in the educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia open and closed types]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2018. Vol. 8, no. 4, pp. 142—154. DOI:10.17759/psylaw.2018080413. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Dekkert D.V. Osobennosti formirovaniya professional'noi kul'tury sotrudnikov GPS MChS Rossii [Features of the formation of professional culture of employees of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [South Ural State Humanitarian Pedagogical University Bulletin]*. 2012, no. 4, pp. 48—56. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Dmitrieva M.G. Osobennosti professional'no vazhnykh kachestv sotrudnikov FSIN Rossii. [Features of professionally important qualities of the staff of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Vestnik ChGPU [Bulletin of the CSPU]*. 2014, no. 2, pp. 100—105. (In Russ.).
6. Dmitrieva Yu.A., Gryazeva-dobshinskaya V.G. Struktura liderstva menedzherov: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya [structure leadership of managers: results of empirical research]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Psikhologiya [Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"]*. 2014, no. 4, pp. 5—12. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Konopleva I.N., Kalyagin Yu.S. Samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyanii kak element psikhologicheskoi gotovnosti k deyatel'nosti v ekstremal'nykh usloviyakh [Self-regulation of psychic conditions as an element of psychological readiness to act in extreme conditions]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*. 2011. Vol. 1, no. 4, pp. 99—109. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Meshkova N.V., et al. Lichnostnye osobennosti i antisotsial'naya kreativnost' na primere kadetov i sotrudnikov MVD [Personal features and malevolent creativity on the example of cadets and policemen]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*. 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 83—96. DOI:10.17759/psylaw.2018080306. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Metkin M.V., Moskalenko G.V. Komponenty psikhologicheskoi struktury zhiznestoikosti sotrudnikov MChS Rossii, rabotayushchikh v ekstremal'nykh usloviyakh [components of the psychological structure of hardness in employees of EMERCOM of Russia working in extreme conditions]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty [Scientific notes journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work]*. 2019. Vol. 31, no. 1, pp. 42—48. (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Molchanova L.N., Red'kin A.I. Zhiznestoikost' kak determinanta sostoyaniya psikhicheskogo vygoraniya u spasatelei MChS [Resilience as a determinant of the state of mental burnout among the rescuers EMERCOM of Russia]. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya [Perspectives of Science and Education]*. 2014, no.1 (7), pp. 216—223. (In Russ., abstr. in Engl.).

Глухова В.А., Мальцева А.С.
Специфика личностных конструкторов специалистов
экстремальных сфер деятельности (на примере
сотрудников МЧС и МВД России)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2—16.

Glukhova V. A., Maltseva A. S.
Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of
Extreme Spheres of Activity (with Officers of the
Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as
an Example)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2—16.

11. Nasledov, A. IBM Statistics 20 i AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh [IBM Statistics 20 and AMOS: Professional Statistical Data Analysis]. St. Petersburg: Piter, 2013. 416 p. (In Russ.).
12. Osipov A.V. Professional'no vazhnye kachestva sotrudnikov pozharo-spasatel'nykh formirovaniy na raznykh etapakh professional'nogo stanovleniya. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. [Professionally important qualities of employees of fire and rescue units at different stages of professional development. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Rostov-on-Don, 2009. 24 p. (In Russ.).
13. Kabanova T.N., et. al. Osobennosti samoregulyatsii u spetsialistov ekstremal'nogo profilya professional'noi deyatel'nosti [Peculiarities of self-regulation of extreme profile specialists]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*. 2017. Vol. 7, no. 1, pp. 89—105. DOI:10.17759/psylaw.2017070108. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Psikhologiya chrezvychainykh situatsii: ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Psychology of emergency situations: textbook. manual for university students]. In P.S. Gurevich (eds.). Moscow: YuNITI-DANA, 2007. 495 p. (In Russ.).
15. Rogachev V.A., Konopleva I.N. Tolerantnost' k neopredelennosti i vybor kopingstrategii u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Tolerance to uncertainty and the choice of coping strategies in law enforcement]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*. 2017, no. 4, pp. 106—126. DOI:10.17759/psylaw.2017070409. (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Rodin V.F. Samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyaniy sotrudnikov organov vnutrennikh del [Self-regulation of mental condition of employees of internal affairs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2019, no. 3, pp. 271—275. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10180 (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Rusaev E.S. Psikhologiya cheloveka v chrezvychainykh situatsiyakh [Human psychology in emergency situations]. Ufa: GU MChS Rossii po Respublike Bashkortostan, 2003. 183 p. (In Russ.).
18. Rybnikov V.Yu., Ashanina E.N. Psikhologicheskii stress i problema tolerantnosti sotrudnikov GPS MChS Rossii [Psychological stress and problem of tolerance of the state fire department staff of the Russian Federation Ministry of Emergencies]. *Vestnik psikhoterapii [Bulletin of psychotherapy]*. 2007, no. 24 (29), pp. 155—157. (In Russ.).
19. Smirnova N.N., Solov'ev A.G. Struktura stressoustoichivosti sotrudnikov politsii [Structure of stress resistance of police officers]. *Zhurnal mediko-biologicheskikh issledovaniy [Journal of Medical and Biological Research]*. 2013, no. 3, pp. 75—81. (In Russ.).
20. Tsvetkova N.A., Kulakova S.V. Issledovanie stressoustoichivosti i zhiznestoikosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Study of Stress Tolerance and Resilience of Employees of Penal System]. *Psikhologiya i pravo. [Psychology and Law]*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 112—129. DOI:10.17759/psylaw.2019090208. (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Shevchenko T.I., Makarova N.V., Bokhan T.G. Stressoustoichivost' spetsialistov opasnykh professii MChS Rossii [Stress tolerance of Russia's EMERCOM employers engaged in hazardous occupations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2013, no. 369, pp. 164—167. (In Russ., abstr. in Engl.).

Глухова В.А., Мальцева А.С.
Специфика личностных конструкторов специалистов
экстремальных сфер деятельности (на примере
сотрудников МЧС и МВД России)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2—16.

Glukhova V. A., Maltseva A. S.
Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of
Extreme Spheres of Activity (with Officers of the
Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as
an Example)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2—16.

22. Abrahamsen S., Strype J. (2010). Are they all the same? Norwegian police officers' personality characteristics and tactics of conflict resolution. *Policing and Society*. Vol. 20, no. 1, pp. 99—123. DOI: 10.1080/10439460903377303.
23. Akca D. (2017). The theoretical and methodological problems in the usage of police personality measurement to predict job performance. *Psychreg Journal of Psychology*. Vol. 1, no. 2, pp. 1. 76—86.
24. Black J. (2000). Personality Testing and Police Selection: Utility of the 'Big Five'. *New Zealand Journal of Psychology*. Vol. 29, pp. 2—9.
25. Christopher M.S., Hunsinger M., Goerling Lt.R.J., Bowen S., Rogers B.S., Gross C.R., Dapolonia E., Pruessner J.C. (2018) Mindfulness-based resilience training to reduce health risk, stress reactivity, and aggression among law enforcement officers: A feasibility and preliminary efficacy trial. *Psychiatry Research*. Vol. 264. pp. 104—115. DOI: 10.1016/j.psychres.2018.03.059.
26. Detrick P., Chibnall J.T. (2013). Revised NEO Personality Inventory Normative Data for Police Officer Selection. *Psychological services*. Vol. 10 (4), pp. 372—377. DOI:10.1037/a0031800.
27. Florian V., Mikulincer M., Taubman O. (1995) Does hardiness contribute to mental health during a stressful real-life situation? *Journal of personality and social psychology*. Vol. 68. pp. 687—695.
28. Forero C.G., Gallardo-Pujol D., Maydeu-Olivares A., Andrés-Pueyo A. (2009). A longitudinal model for predicting performance of police officers using personality and behavioral data. *Criminal Justice and Behavior*, Vol. 36 no. 6, pp. 591—606.
29. Garbarino S., Chiorri C., Magnavita N., Piattino S., Cuomo G. (2012). Personality Profiles of Special Force Police Officers. *Journal of Police and Criminal Psychology*. Vol. 27. pp. 99—110. DOI: 10.1007/s11896-011-9099-6.
30. Huang J., Wang X., Li W., An Y. (2019) The relationship between conscientiousness and posttraumatic stress disorder among young Chinese firefighters: The mediating effect of perceived social support. *Psychiatry Research*. Vol. 273. pp. 450—455. DOI: 10.1016/j.psychres.2019.01.053.
31. Twersky-Glasner A. (2005). Police personality: What is it and why are they like that? *Journal of Police and Criminal Psychology*. Vol. 20. pp. 56—67. DOI: 10.1007/BF02806707.
32. Van der Werff S.J.A., Elzinga B.M., Smit A.S., van der Wee N.J.A. (2017) Structural brain correlates of resilience to traumatic stress in Dutch police officers. *Psychoneuroendocrinology*. Vol. 85. pp. 172—178. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2017.08.019
33. Wills J., Schulberg D. (2016). Chronic Trauma Effects on Personality Traits in Police Officers. *Journal of Traumatic Stress*. Vol. 29. DOI: 10.1002/jts.22089.

Информация об авторах

Глухова Вера Александровна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии стрессоустойчивости и креативности, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (ФГАОУ ВО ЮУрГУ НИУ), г. Челябинск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8322-0302>, e-mail: glukhovava@susu.ru, gluhova-vera@mail.ru

Мальцева Алиса Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления и служебной деятельности, Южно-Уральский государственный университет

Глухова В.А., Мальцева А.С.
Специфика личностных конструкторов специалистов
экстремальных сфер деятельности (на примере
сотрудников МЧС и МВД России)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2—16.

Glukhova V. A., Maltseva A. S.
Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of
Extreme Spheres of Activity (with Officers of the
Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as
an Example)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2—16.

(национальный исследовательский университет) (ФГАОУ ВО ЮУрГУ НИУ), г. Челябинск,
Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9315-9843>, e-mail:
maltsevaas@susu.ru, alisena85@mail.ru

Information about the authors

Vera A. Glukhova, Ph.D. in Psychology, Senior Researcher at the Psychology and
Psychophysiology of Stress Resistance and Creativity Laboratory, South Ural State University,
Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8322-0302>, e-mail:
glukhovava@susu.ru, gluhova-vera@mail.ru

Alisa S. Maltseva, Ph.D. in Psychology, Assistant Professor at the Department of Management and
Law Enforcement Activities, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-8322-0302>, e-mail: glukhovava@susu.ru, gluhova-vera@mail.ru

Получена 26.03.2020

Принята в печать 12.05.2021

Received 26.03.2020

Accepted 12.05.2021

Сравнительный анализ выраженности свойств, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность сотрудников органов внутренних дел

Гончарова Н.А.

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Калашник А.А.

Служба полиции Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу
Архангельску, г. Архангельск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3420-3642>, e-mail: arh-alex-ra@rambler.ru

Ситников В.Л.

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6847-7591> sitnikof@mail.ru

В статье обсуждаются результаты сравнительного исследования выраженности свойств личности, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность сотрудников органов внутренних дел, и определяющих параметры прогноза развития субъекта в профессии. В рамках задач исследования проведено сравнение показателей мотивационного профиля, эмоционально-волевой саморегуляции, личностных особенностей и интеллектуальных способностей кандидатов на службу в органы внутренних дел, в результате которого были выявлены достоверно значимые свойства, ограничивающие возможность эффективного выполнения профессиональной деятельности. Результаты, полученные в ходе сравнительного и факторного анализа, позволили установить совокупность факторов, детерминирующих ограничения профессиональной психологической пригодности. Выявлена факторная структура свойств, лимитирующих деятельность, составляющая более 60% общей дисперсии, представленная показателями низкой саморегуляции, ограниченности интеллектуальных способностей, зависимого поведения, низкого правосознания, пассивной направленности личности, тревожно-депрессивных состояний и социальной незрелости личности.

Ключевые слова: профессиональная психологическая пригодность, профессиональный психологический отбор, лимитирующие свойства личности, надежность профессиональной деятельности.

Гончарова Н.А., Калашник А.А., Ситников В.Л.
Сравнительный анализ выраженности свойств,
лимитирующих профессиональную психологическую
пригодность сотрудников органов внутренних дел
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 17—25.

Goncharova N.A., Kalashnik A.A., Sitnikov V.L.
Comparative Analysis of Intensity of Traits Limiting the
Professional and Psychological Fitness of Internal Affairs
Officers
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 17—25.

Для цитаты: Гончарова Н.А., Калашник А.А., Ситников В.Л. Сравнительный анализ выраженности свойств, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 17—25. DOI:10.17759/psylaw.2021110202

Comparative Analysis of Intensity of Traits Limiting the Professional and Psychological Fitness of Internal Affairs Officers

Natalya A. Goncharova

St.Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Aleksandra A. Kalashnik

Department of the Ministry of Internal Affairs for the city of Arkhangelsk, Arkhangelsk, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1122>, e-mail: arh-alex-ra@rambler.ru

Valery L. Sitnikov

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6847-7591>, e-mail: sitnikof@mail.ru

The article discusses the results of a comparative study of intensity of personality traits that limit the professional and psychological fitness of internal affairs officers and determine the prognosis factors for one's individual development in this field. Within the scope of the study we compared the applicants' parameters of motivational profile, emotional and volitional self-control, personality characteristics as well as their mental faculties. As a result, certain reliably significant traits have been found which limit one's possibilities for effective professional performance. The results obtained in the comparative and factor analysis made it possible to establish a combination of determining factors that limit one's professional and psychological fitness. A factor structure of limiting traits has been revealed, making up more than 60 per cent of total variance. It is represented by low self-control, poor mental faculties, addictive behavior, poorly developed feeling of justice, passive personality orientation, anxiety-depressive disorders and social immaturity of personality.

Keywords: professional and psychological fitness, professional psychological selection, limiting personality traits, reliability of one's professional activity.

For citation: Goncharova N.A., Kalashnik A.A., Sitnikov V.L. Comparative Analysis of Intensity of Traits Limiting the Professional and Psychological Fitness of Internal Affairs Officers. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 17—25. DOI:10.17759/psylaw.2021110202 (In Russ.).

Введение

Определение степени профессиональной психологической пригодности сотрудников

органов внутренних дел выступает в качестве одного из основных направлений в системе психологического обеспечения правоохранительной деятельности. Повышенное внимание к проблеме установления уровня пригодности лиц, поступающих на службу, обусловлено необходимостью прогноза эффективности и надежности профессиональной деятельности, продуктивности и скорости ее освоения. В соответствии с этим в структуре качеств профессиональной пригодности к деятельности наиболее значимыми выступают такие свойства личности, которые являются предикторами развития профессионально важных качеств субъекта трудовой деятельности и формирования профессиональной компетентности. Выраженность свойств, ограничивающих возможность выполнения деятельности и дальнейшего развития профессионально важных качеств, свидетельствует о профессиональной непригодности.

В обсуждении проблемы профессиональной пригодности обращают на себя внимание характеристики данного явления, отражающие актуальные и потенциальные возможности субъекта. Так, В.А. Бодров отмечает свойства, связанные, во-первых, с исходными индивидуальными качествами, которые предопределяют дальнейшее развитие профессионально важных качеств и, во-вторых, — качеств актуальных, имеющих для эффективного выполнения деятельности [1]. Это значит, что при проведении процедуры профессионального отбора акцентируется внимание не только на соответствии качеств человека требованиям профессии, но и на прогнозировании возможности или невозможности их развития.

Подтверждение данного положения отражено и в работах А.В. Карпова, где отмечается, что для прогноза дальнейшей профессиональной успешности следует ориентироваться на «минимально допустимый уровень» развития личностных свойств, необходимых для деятельности в стандартных ситуациях, который определяется им в качестве уровня «абсолютных ПВК» [5, с. 191]. В соответствии с такой классификацией более высокий уровень «относительных ПВК», превышающий стандартные средние значения, позволит субъекту выполнять деятельность в специфических и сложных условиях деятельности.

Обращает на себя внимание еще один уровень анализа проблемы профессиональной пригодности, позволяющий оценить качества, препятствующие эффективному выполнению деятельности, и не подлежащие коррекции. Такие свойства значимо отрицательно коррелируют с параметрами деятельности, и А.В. Карпов обозначает их в качестве «анти-ПВК» [5]. Совокупность этих свойств ограничивает возможность выполнения деятельности даже на минимальном уровне эффективности, не отражает соответствие возможностей субъекта и профессии и лимитирует развитие профессионально важных качеств и профессиональных компетенций.

Задачи выявления свойств, ограничивающих возможность эффективности труда, наиболее актуальны для сферы деятельности органов внутренних дел, где профессиональный психологический отбор направлен на предотвращение приема на службу лиц с противопоказаниями [2]. В сфере юридической психологии в качестве лимитирующих обсуждаются свойства агрессивности и деструктивности сотрудников, рассогласованности мотивационно-ценностной сферы и требований профессии, ценностей среды и индивидуальной ценностной иерархии личности [3].

В качестве показателей, лимитирующих эффективность выполняемой правоохранительной деятельности, выступают свойства «доминирования», «тревожности», «слабоволия», качества,

затрудняющие возможности установления и поддержания психологического контакта с гражданами. Ограничивающими являются низкие показатели адаптационных резервов личности кандидата, факторы риска деструктивного поведения, эмоционального выгорания. Поэтому анализ и выявление выраженности личностных качеств, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность сотрудников органов внутренних дел, является актуальной задачей, решение которой позволит разработать инновационные технологии диагностики ограничений на ранних этапах профессионального психологического отбора.

Цель исследования состояла в выявлении совокупности факторов, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность сотрудников органов внутренних дел, на основе сравнения выраженности данных свойств в значениях показателей групп принятых и не принятых кандидатов на службу в органы внутренних дел.

Проверке подвергалась гипотеза о том, что свойства, лимитирующие профессиональную психологическую пригодность, системно отражаются в показателях всех структурных уровней личности и могут быть использованы в виде факторной модели для разработки в перспективе скринингового интервью, предшествующего процедуре профессионального психологического отбора.

Выборка проведенного исследования была представлена двумя группами лиц в количестве 334 человек: группа принятых и успешно продолжающих службу ($n=257$), и группа не принятых лиц, которым отказано в трудоустройстве ($n=77$).

В исследовании анализировались значения показателей, полученных на основе психодиагностических методик: модифицированный опросник «Мотивационный профиль» Ш. Ричи и П. Мартина, методика изучения правосознания (Л.А. Ясюкова) [7]; опросник волевого самоконтроля (А.Г. Зверьков, Е.В. Эйдман) [4]; методика «Локус контроля» (Д. Роттер, модификация Е.Г. Ксенофонтовой) [6]; методика «Многомерный метод изучения личности» (Ф.Б. Березин); методика «Прогрессивные матрицы Дж. Равена»; методика «Аналогии»; методика «Словарь»; методика «Краткий ориентировочный тест».

Проведенное сравнительное исследование позволило установить лимитирующие деятельность свойства, выраженные в показателях мотивационной сферы. При помощи критерия Манна—Уитни установлены значимые различия между группами принятых и не принятых лиц в значениях мотивационного фактора «Физические условия работы». В группе не принятых кандидатов данные значения достоверно выше (при $p \leq 0,001$). В интерпретации данного фактора авторы методики Ш. Ричи и П. Мартин исходят из того, что лица, не стремящиеся к достижениям, ориентированы на физические удобства в деятельности и комфорт. Ведущей мотивацией таких лиц выступает высокий заработок, а потребности высокого порядка — когнитивные, эстетические, духовные — при такой мотивации являются слабо выраженными [7]. Анализ общего мотивационного профиля группы не принятых кандидатов показывает, что в иерархии мотивов фактор «Физические условия работы» занимает первое ранговое место.

Установлены значимые различия между группами принятых и не принятых лиц в значениях мотивационного фактора «Интересная и полезная работа». В мотивационном профиле, заложенном в методике, данный фактор обладает самым большим весом, поэтому ориентация на данный фактор выступает в качестве мощного мотиватора в деятельности и показателя надежности сотрудника. Однако в ходе исследования выявлено, что значения

данного фактора достоверно ниже в группе непринятых кандидатов (при $p \leq 0,001$). В соответствии с этим данный фактор также выступает в качестве лимитирующего профессиональную психологическую пригодность в силу рассогласования требований профессии и мотивов деятельности претендента. Логично предположить, что субъекты, которые не считают свою профессиональную деятельность интересной и полезной, не будут стремиться к ее эффективному и производительному выполнению.

Значимыми лимитирующими свойствами выступают показатели несформированности правового самосознания. В группе кандидатов, не принятых на службу в ОВД, значения достоверно ниже практически по всем шкалам. При этом общий уровень правосознания различается существенно ($4,13 \pm 1,34 / 3,43 \pm 1,4$; при $p \leq 0,0001$). Это проявляется в противоречивости и неполноценности правового сознания, отсутствии готовности придерживаться правовых норм, как в профессиональной деятельности, так и в межличностных отношениях, непоследовательности и потенциальной конфликтности из-за непонимания морально-этических норм группы, невозможности принять систему ценностей, отличную от собственной.

В группе не принятых кандидатов установлена выраженность свойств экстерналистского локуса контроля, свидетельствующего о низком уровне способностей брать на себя ответственность. Достоверность различий показателей интернальности групп принятых и не принятых кандидатов установлена по шести из восьми шкал методики «Локус контроля»: интернальность в профессиональной деятельности, сфере межличностного общения, в семейных отношениях, интернальность неудач. Показатели общей интернальности ($6,10 \pm 1,62 / 5,39 \pm 1,19$; при $p \leq 0,001$) позволяют охарактеризовать лиц группы не принятых кандидатов в качестве зависимых, не умеющих брать на себя ответственность во всех сферах жизнедеятельности, пассивных и безинициативных. Значения показателей готовности к деятельности также значимо различаются ($5,72 \pm 1,32 / 5,23 \pm 1,26$; при $p \leq 0,002$) и свидетельствуют о склонности к отрицанию какой-либо активности в достижении целей.

В качестве лимитирующих профессиональную психологическую пригодность выступают и свойства волевой саморегуляции. Необходимость саморегуляции диктуется специфическими особенностями конфликтогенности и напряженности профессий правоохранительной сферы. Оценка показателей уровня развития волевой саморегуляции также позволила выявить достоверные различия в значениях групп по шкалам «Волевой самоконтроль» ($6,81 \pm 1,60 / 6,40 \pm 1,60$; при $p \leq 0,05$) и «Самообладание» ($6,01 \pm 1,35 / 5,61 \pm 1,28$; при $p \leq 0,05$). В соответствии с методикой лица группы не принятых кандидатов отличаются эмоциональной незрелостью и неустойчивостью намерений, неуверенностью в себе, отсутствием чувства собственного долга, пассивностью. Это также свидетельствует о нарушениях в развитии свойств личности и неумении строить взаимоотношения.

Лимитирующие факторы в структуре личностного профиля представлены шкалами «F», «K» и «Социальной интроверсии». Различия между группами в значениях шкалы «F» (при $p \leq 0,001$) являются показателем внутренней напряженности группы не принятых кандидатов, недовольства ситуацией, плохо организованной активности, что позволяет прогнозировать ограничение возможностей эффективной деятельности. Показатели социальной интроверсии имеют решающее значение для деятельности сотрудников профессиональной сферы, отличающейся повышенной напряженностью труда. Установленные достоверно высокие значения профиля данной шкалы, обуславливающие замкнутость, необщительность, реакции

тревоги, затруднения в установлении межличностных контактов, выступают в качестве лимитирующих деятельность в сложных условиях труда.

Выявленные факты подтверждают результаты исследований значимости данной шкалы в развитии психической травматизации, полученные Ю.Ю. Стрельниковой [8]. Предполагается, что высокие значения по данной шкале отражают сложности межличностного взаимодействия, замкнутость. Для сферы деятельности социэкономических профессий это будет ограничивать возможности эффективной деятельности.

Достоверно низкие значения по шкале «К» свидетельствуют о склонности к преувеличению степени межличностных конфликтов, неустойчивости в межличностных отношениях, скептицизме, что повышает уровень уязвимости личности и препятствует благополучию социальных коммуникаций.

Анализ интеллектуальной сферы личности позволил выявить достоверные различия между группами по множеству параметров, что указывает на значимость данных свойств личности при анализе показателей, лимитирующих деятельность. Достоверные различия между группами установлены в значениях шкал «Продуктивность» (Прогрессивные матрицы Дж. Равена) ($6,53 \pm 2,13 / 5,38 \pm 2,30$), «Точность» ($8,38 \pm 1,81 / 7,21 \pm 2,54$). В сравнении значений, полученных по методикам «Краткий ориентировочный тест» и «Словарь», установлены достоверные различия по всем шкалам. Выявлены: низкий уровень продуктивности, скорости, точности и эффективности выполнения умственных операций лицами группы не принятых кандидатов на службу. Различия в значениях шкал методики «Аналогии» также позволили установить узкий кругозор лиц группы не принятых кандидатов, сниженный уровень познавательной активности, медленный темп обработки вербальной информации и принятия окончательного решения, что не только затрудняет своевременное усвоение новых знаний, действий, сложных форм деятельности, но и полностью препятствует закреплению нового жизненного опыта. На основании полученных данных можно прогнозировать некомпенсируемость имеющихся ограничений.

Выявленная совокупность свойств, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность, была подтверждена при помощи факторного анализа, где в числе наиболее значимых, составляющих более 60% общей дисперсии, были выделены факторы, свидетельствующие об ограниченности интеллектуальных возможностей не принятых кандидатов, отсутствии способностей к самоконтролю и низкой саморегуляции, зависимом поведении, низком уровне правосознания, пассивной направленности личности и социальной незрелости.

Выводы

1. Особенности свойств личности, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность кандидатов на службу в ОВД, обнаруживаются практически на каждом структурном уровне личности. В ходе исследования установлено, что в структуре мотивационной сферы, эмоционально-волевой, интеллектуальной, нравственно-правовой и в профиле характерологических свойств, определяются показатели, свидетельствующие о значимых ограничениях профессиональной деятельности.

2. Сравнение показателей принятых и не принятых кандидатов на службу в органы внутренних дел позволило установить, что особенности мотивационной сферы и правосознания, лимитирующие профессиональную психологическую пригодность, представлены значениями, свидетельствующими об утилитарно-корыстных целях

поступления на службу, желании самоутвердиться, стремлении к получению властных полномочий, негативному отношению к нравственным и правовым нормам.

3. Показатели эмоционально-волевой сферы, ограничивающие профессиональную психологическую пригодность, достоверно выражены в значениях низкого волевого самоконтроля, эмоциональной незрелости, неустойчивости намерений, пассивности и неспособности к эмоционально-волевой саморегуляции.

4. В структуре личностного профиля в качестве ограничений выступают показатели неготовности респондентов к активным социальным контактам, решению проблем, предупреждению конфликтов, проявлению самостоятельности во всех жизненных сферах. Высокие показатели социальной интроверсии отражают пассивную личностную позицию, инертность в принятии решений, бегство от решения назревших проблем.

5. Выявленные низкие значения продуктивности, скорости, точности и эффективности интеллектуальной деятельности не принятых кандидатов на службу показали, что данные свойства составляют основу факторной структуры свойств, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность.

Установленная выраженность свойств, лимитирующих профессиональную деятельность, определяет дальнейшие перспективы разработки скринингового интервью, которое может предшествовать длительной процедуре профессионально-психологического отбора и психодиагностического исследования. На основе выявленных маркеров, в процессе предварительного интервью и вопросов анкеты, создаются условия, обеспечивающие экономичность, скорость и эффективность выявления качеств лимитирующих профессиональную деятельность.

Литература

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: учеб. пособие для вузов. М. ПЕР СЭ, 2006. 630 с.
2. Гончарова Н.А., Калашник А.А. Лимитирующие свойства личности как объект психологического анализа, при профессиональном психологическом отборе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1(73). С. 206—209.
3. Гончарова Н.А., Костылева И.В. Психологические особенности аксиологической надежности сотрудников органов внутренних дел на различных стадиях профессиогенеза [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 25—33. DOI:10.17759/psylaw.2018080302
4. Зверьков А.Г. Диагностика волевого самоконтроля (опросник ВСК): практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: МГУ, 1990. С. 116—124.
5. Карпов А.В. Психология труда: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. проф. А.В. Карпова. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. 352 с.
6. Ксенофонтова Е.Г. Исследование локуса контроля личности — новая версия методики «УСК» // Психологический журнал. 1999. № 2. С. 18—26.
7. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией: учеб. пособие для вузов / Пер. с англ. Е.Э. Лалаян / Под ред. проф. Е.А. Климова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 399 с.

Гончарова Н.А., Калашник А.А., Ситников В.Л.
Сравнительный анализ выраженности свойств,
лимитирующих профессиональную психологическую
пригодность сотрудников органов внутренних дел
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 17—25.

Goncharova N.A., Kalashnik A.A., Sitnikov V.L.
Comparative Analysis of Intensity of Traits Limiting the
Professional and Psychological Fitness of Internal Affairs
Officers
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 17—25.

8. Стрельникова Ю.Ю. Структурная модель изменений личности у участников контртеррористической операции // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2016. Т. 9. № 2. С. 29—38. DOI: 10.14529/psy160204
9. Ясюкова Л.А., Самойлова В.А. Состояние и тенденции развития правосознания в современном российском обществе // Человек и общество: научный и общественный альманах. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2005. Выпуск 31. С. 60—84.

References

1. Bodrov V.A. Psihologija professional'noj prigodnosti: Uchebnoe posobie dlja vuzov [Psychology of professional suitability: Manual for higher education institutions]. Moscow: PER SJe, 2006. 630 p.
2. Goncharova N.A., Kalashnik A.A. Limitirujushhie svojstva lichnosti kak ob'ekt psihologicheskogo analiza, pri professional'nom psihologicheskom otbore [The limiting properties of the personality as subject of the psychological analysis, at professional psychological selection]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017, no. 1 (73), pp. 206-209.
3. Goncharova N.A., Kostyleva I.V. Psikhologicheskie osobennosti aksiologicheskoi nadezhnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del na razlichnykh stadiyakh professiogeneza [Elektronnyi resurs] [Psychological features of axiological reliability of staff of bodies of internal affairs at various stages of a professiogeneza]. Psikhologiya i pravo, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 25—33. doi:10.17759/psylaw.2018080302 (Accessed: 23.06.19)
4. Zverkov A.G. Diagnostika volevogo samokontrolja (oprosnik VSK). Praktikum po psihodiagnostike. Psihodiagnostika motivacii i samoreguljarii [Workshop on psychodiagnosics. Psychodiagnosics of motivation and self-control]. Moscow: MGU, 1990. pp. 116-124.
5. Karpov A.V. Psihologija truda. Ucheb. dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Work psychology: Studies. for student. vyssh. studies. institutions]. Pod red. prof. A.V. Karpova. Moscow.: VLADOS-PRESS, 2003. 352 p.
6. Ksenofontova E.G. Issledovanie lokusa kontrolja lichnosti — novaja versija metodiki «USK» [Research of a locus of control of the personality — the new version of a technique of «USK»]. Psihologicheskij zhurnal, 1999, no. 2, pp. 18-26.
7. Richi Sh., Martin P. Upravlenie motivaciej: Ucheb. posobie dlja vuzov [A research of a locus of control of the personality — the new version of a technique of «USK»]. Per. s angl. E.Je. Lalajan, pod red. prof. E.A. Klimova. Moscow: JuNITI-DANA, 2004. 399 p.
8. Strel'nikova Yu.Yu. Strukturnaya model' izmenenii lichnosti u uchastnikov kontrterroristicheskoi operatsii [The structural model of personality change at participants' of the counter-terrorism operation]. Vestnik YuUrGU. Seriya «Psikhologiya», 2016. Т. 9, no. 2, pp. 29—38. doi: 10.14529/psy160204 (In Russ., abstr. in Engl.)
9. Jasjukova L.A. Samojlova V.A. Sostojanie i tendencii razvitija pravosoznanija v sovremennom rossijskom obshhestve [A state and trends of development of sense of justice in modern Russian society]. Chelovek i obshhestvo: Nauchnyj i obshhestvennyj al'manah. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2005. Vypusk 31, pp. 60-84.

Информация об авторах

Гончарова Наталья Андреевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург,

Гончарова Н.А., Калашник А.А., Ситников В.Л.
Сравнительный анализ выраженности свойств,
лимитирующих профессиональную психологическую
пригодность сотрудников органов внутренних дел
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 17—25.

Goncharova N.A., Kalashnik A.A., Sitnikov V.L.
Comparative Analysis of Intensity of Traits Limiting the
Professional and Psychological Fitness of Internal Affairs
Officers
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 17—25.

Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Калашник Александра Андреевна, психолог группы по работе с личным составом отдельного батальона патрульно-постовой службы полиции, Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Архангельску, Архангельск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3420-3642>, e-mail: arh-alex-ra@rambler.ru

Ситников Валерий Леонидович, доктор психологических наук, профессор, доцент кафедры юридической психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6847-7591>, e-mail: sitnikof@mail.ru

Information about the authors

Natalya A. Goncharova, Ph.D. in Psychology, Associate Professor of the Department of Legal Psychology, Russian St.Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs, lecturer, St.Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Aleksandra A. Kalashnik, psychologist for the group work with staff of a separate battalion of the patrol service police Department of the Ministry of Internal Affairs for the city of Arkhangelsk, Arkhangelsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3420-3642>, e-mail: arh-alex-ra@rambler.ru

Valery L. Sitnikov, Associate Professor of the Department of Legal Psychology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Psychology, Professor, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6847-7591>, e-mail: sitnikof@mail.ru

Получена 05.07.2019
Принята в печать 12.05.2021

Received 05.07.2019
Accepted 12.05.2021

Сензитивность в восприятии эмоций у лиц с различной склонностью к подавлению эмоциональной экспрессии (на выборке сотрудников МВД)

Падун М.А.

Институт психологии РАН (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9876-4791>, e-mail: maria_padun@inbox.ru

Сорокко Е.А.

ОМВД России по городу Северодвинску, г. Северодвинск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0643-6521>, e-mail: eu.sorokko@yandex.ru

Сучкова Е.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО
НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8295-1111>, e-mail: suchkova.e.a@yandex.ru

Люсин Д.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО
НИУ ВШЭ); Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4429-8086>, e-mail: ooch@mail.ru

Статья посвящена изучению сензитивности в восприятии эмоций у сотрудников полиции с различной склонностью к подавлению эмоций. Предполагалось, что лица, склонные к подавлению эмоций, менее эффективны в распознавании негативных эмоций других людей. В исследовании приняли участие 49 мужчин (сотрудники полиции Архангельской области) в возрасте от 22 до 50 лет. Использовалась методика на эмоциональную сензитивность, суть которой заключалась в предъявлении лиц, выражающих эмоции радости, печали, гнева и страха с постепенным проявлением эмоции: от нейтрального к эмоциональному. Для определения склонности к подавлению эмоций использовался «Опросник регуляции эмоций» Дж. Гросса. При предъявлении отрицательных эмоций наименьшая интенсивность требуется для восприятия страха по сравнению с гневом и печалью; далее следует печаль (по сравнению с гневом). Страх распознается точнее, чем гнев, а точность распознавания печали значимо не отличается от точности распознавания страха. Лица с высокой склонностью к подавлению экспрессии эмоций быстрее распознают радость и чаще ошибаются при распознавании печали, принимая ее за гнев. Результаты обсуждаются в контексте профессиональной деятельности сотрудников полиции.

Падун М.А., Сорокко Е.А., Сучкова Е.А., Люсин Д.В.
Сензитивность в восприятии эмоций у лиц с
различной склонностью к подавлению эмоциональной
экспрессии (на выборке сотрудников МВД)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 26—39.

Padun M. A., Sorokko E. A., Suchkova E., Lyusin D.
Emotion Sensitivity in Individuals with Various Degrees
of Expressive Suppression: The Case of Policemen
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 26—39.

Ключевые слова: эмоции, сензитивность к эмоциям, точность восприятия эмоций, регуляция эмоций, подавление эмоциональной экспрессии.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию Минобрнауки РФ № 0159-2020-0004 (М.А. Падун) и в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г. (Е.А. Сучкова, Д.В. Люсин).

Благодарности. Авторы выражают благодарность М. Джексон за предоставленные экспериментальные материалы по методике на сензитивность в восприятии эмоций.

Для цитаты: Падун М.А., Сорокко Е.А., Сучкова Е.А., Люсин Д.В. Сензитивность в восприятии эмоций у лиц с различной склонностью к подавлению эмоциональной экспрессии (на выборке сотрудников МВД) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 26—39. DOI:10.17759/psylaw.2021110203

Emotion Sensitivity in Individuals with Various Degrees of Expressive Suppression: The Case of Policemen

Maria A. Padun

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9876-4791>, e-mail: maria_padun@inbox.ru

Evgeniya A. Sorokko

OMVD of Russia in the city of Severodvinsk, Severodvinsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0643-6521>, e-mail: eu.sorokko@yandex.ru

Ekaterina Suchkova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8295-1111>, e-mail: suchkova.e.a@yandex.ru

Dmitry Lyusin

National Research University Higher School of Economics, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4429-8086>, e-mail: ooch@mail.ru

The article examines emotion sensitivity in policemen and its relationships with emotion suppression. It was hypothesized that individuals with high emotion suppression were less efficient in recognizing others' negative emotions. Forty-nine policemen from the Arkhangelsk region of Russia aged from 22 to 50 took part in the study. Emotion sensitivity was measured presenting faces with dynamic changes in emotional expression from neutral to the one of four emotion categories, namely happiness, sadness, anger, and fear. Emotion suppression was measured with Gross' Emotion Regulation Questionnaire (ERQ). Happiness was recognized faster and

Падун М.А., Сорокко Е.А., Сучкова Е.А., Люсин Д.В.
Сензитивность в восприятии эмоций у лиц с
различной склонностью к подавлению эмоциональной
экспрессии (на выборке сотрудников МВД)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 26—39.

Padun M. A., Sorokko E. A., Suchkova E., Lyusin D.
Emotion Sensitivity in Individuals with Various Degrees
of Expressive Suppression: The Case of Policemen
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 26—39.

more accurately compared to negative emotions. Among negative emotions, the least intensity was needed for the recognition of fear, more intensity for the recognition of sadness, and even more for anger. Fear was recognized more accurately compared to anger; there was no difference in the accuracy of the recognition of fear and sadness. Individuals high in expressive suppression recognized happiness faster and mistook sadness for anger more often. The results are discussed in the context of the specific features of policemen professional activity.

Keywords: emotions, sensitivity to emotions, accuracy of emotional perception, emotion regulation, repression of one's emotional expression.

Funding. The work is carried out as a government contract reg. no. 0159-2020-0004 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (by Padun M.A.) and as part of the Fundamental Research program of the HSE (Higher School of Economics) University in 2020 (by Suchkova E.A., Lyusin D.V.).

Acknowledgements. The authors are grateful to M. Jackson for the provision of experimental materials on the methodology for evaluating personal sensitivity in perception of emotions.

For citation: Padun M. A., Sorokko E. A., Suchkova E., Lyusin D. Emotion Sensitivity in Individuals with Various Degrees of Expressive Suppression: The Case of Policemen. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 26—39. DOI:10.17759/psylaw.2021110203 (In Russ.).

Введение

Восприятие эмоций по выражениям лица широко исследуется в различных областях психологии, так как играет важнейшую роль в коммуникации между людьми. В отдельных сферах деятельности человека способность распознавать эмоции выступает как профессионально важное качество. В частности, профессиональная деятельность лиц опасных профессий (например, сотрудников МВД) связана с восприятием эмоций других людей. Так, например, способность вовремя распознать гнев и агрессивные намерения имеет крайне важное значение для оперативного реагирования в опасных для жизни и здоровья ситуациях.

Эмоциональная экспрессия выражается в вербальном и невербальном поведении. В невербальном поведении, где различают мимическую (лицевую) и пантомимическую (телесную) составляющие, традиционно наибольшее внимание уделяют мимике — выражению лица, как наиболее тонкому и информативному индикатору эмоциональной экспрессии [1].

Известно, что положительные эмоции распознаются быстрее, чем отрицательные, т.е. радость и удивление распознаются быстрее и точнее, чем печаль, гнев, страх, отвращение [17; 19]. Гипотезы, объясняющие эти различия, сводятся, с одной стороны, к низкоуровневым физическим различиям в лицевой экспрессии: позитивные эмоции выражаются более явно и интенсивно и сопровождаются улыбкой. С другой стороны, известно, что любая позитивно окрашенная информация воспринимается быстрее: категоризация эмоциональных картинок или слов также происходит быстрее в случае позитивно окрашенных стимулов [19]. Кроме того, просоциальная активность, которая

выражается, в том числе, в лицевой экспрессии позитивной эмоциональности, имеет важное эволюционное и адаптивное значение [9]. Таким образом, существует так называемый «позитивный сдвиг» в восприятии эмоциональной информации.

Вместе с тем дифференциация особенностей распознавания эмоциональных лиц внутри спектра положительных и отрицательных эмоций изучена недостаточно. Показано, что в отношении положительных эмоций радость распознается быстрее, чем удивление [10], однако эти результаты не подтвердились в другом исследовании [17]. Показано также, что люди чаще ошибаются при распознавании гнева, т.е. при низкой интенсивности эмоционального выражения воспринимаемого лица принимают его за другую эмоцию [17].

Есть основания полагать, что переработка эмоционально окрашенных стимулов может меняться в зависимости от индивидуальных особенностей воспринимающего. Однако эмпирические данные об этих закономерностях неоднозначны. Часть исследований подтверждают так называемую «эффект конгруэнтности», суть которого в том, что точнее и быстрее обрабатывается та информация, которая соответствует по своей валентности эмоциональному состоянию или личностной черте [23]. В других исследованиях, наоборот, обнаруживается «эффект комплементарности», т.е. черта или состояние повышают сензитивность к определенной эмоции: например, индивид с высокой тревожностью демонстрирует высокую сензитивность к эмоции гнева [4]. Другие исследования свидетельствуют об отсутствии однозначных закономерностей в связях между чертами/состояниями и особенностями переработки эмоциональной информации [3].

В нашей работе изучается связь между склонностью к подавлению эмоциональной экспрессии и восприятием лицевой экспрессии. В процессуальной модели регуляции эмоций Гросса [15] подавление эмоций относится к стратегиям регуляции эмоций, которые начинают работать, когда эмоциональная реакция уже возникла. Описаны негативные последствия подавления эмоций для психологического благополучия у представителей американской культуры: подавление связано с негативным аффектом на неклинических популяциях [14]. Согласно Гроссу [13], подавление требует значительных психофизиологических ресурсов и, соответственно, предполагает постоянную концентрацию внимания индивида на себе. Таким образом, внимание в большей степени направляется вовнутрь, а не на ситуацию межличностной коммуникации. Вероятно, этим можно объяснить сложности в развитии близких отношений [24] у лиц с высоким подавлением.

Однако существуют альтернативные точки зрения на влияние подавления эмоций на психологическое благополучие. В частности, есть данные о том, что дефензивы (люди, склонные к подавлению эмоций) имеют более высокие показатели жизнестойкости [20]. Репрессивный копинг, оцениваемый как рассогласование между самооценкой аффективного переживания и психофизиологическими показателями, способствует более быстрому восстановлению после тяжелой утраты [11]. В другом исследовании были обнаружены различия между испытуемыми, не использующими репрессивный копинг, и «репрессорами»: «репрессоры» имели меньший уровень выраженности психопатологической симптоматики, меньше проблем со здоровьем и оценивались близкими друзьями как более адаптивные, чем «нерепрессоры» [12]. Показано также, что в коллективистских культурах, где взаимосвязь с другими людьми представляет более важную ценность, чем самоутверждение и самоактуализация, подавление может поддерживать позитивные социальные интеракции и

является нормативной стратегией [5; 26]. Наши исследования подтвердили на российской выборке отсутствие связей между подавлением эмоций, как свойством, и эмоциональным благополучием [6], т.е. настроение представителей российской культуры не зависит от того, подавляют они эмоции или нет.

Предполагается, что индивиды, склонные к подавлению эмоций, мотивированы к тому, чтобы не допустить переживания негативных эмоций. Мотивация к снижению негативного аффекта свойственна людям в целом: в хорошем настроении они мотивированы поддерживать свое эмоциональное состояние (думать о приятном), а в плохом — изменять его (также думать о приятном) [16]. Вместе с тем, переживание негативного аффекта также является неотъемлемой частью гармоничной эмоциональной жизни: негативные эмоции сообщают об угрозе, утрате значимых ценностей и т. п. Следовательно, избыточная ориентация на избегание негативных эмоций может быть дисфункциональной. Однако эмпирически эти закономерности исследовались мало: в одном исследовании показано, что склонность к подавлению связана с низкой эффективностью распознавания эмоций при ограниченном объеме эмоциональной информации, но не связана с распознаванием эмоций, если они предъявляются одновременно в различных модальностях (в видеотестах) [25].

Таким образом, характерная для индивидов с высоким подавлением эмоций направленность внимания на сдерживание собственных эмоциональных реакций, с одной стороны, и завышенная мотивация избежать переживания негативных эмоций — с другой, могут оказывать влияние на способность распознавать эмоции других людей. [15; 25]. Следовательно, *мы предполагаем*, что люди, склонные к подавлению эмоций, менее эффективны в распознавании негативных эмоций других людей.

Эффективность распознавания эмоций оценивалась через показатели сензитивности и точности. Сензитивность, в свою очередь, разделялась на перцептивную (чувствительность к низкоуровневым изменениям лицевой экспрессии) и концептуальную (чувствительность к конкретной эмоции [17]).

Методика

Выборка. В исследовании приняли участие 49 мужчин (сотрудники органов внутренних дел, выполняющие служебные обязанности в различных подразделениях полиции Архангельской области) в возрасте от 22 до 50 лет ($M=35,02$; $SD=7,06$). Все участники подписывали информированное согласие.

В исследовании использовались следующие *методики*:

1. Методика на эмоциональную сензитивность. В качестве стимульного материала использовались смешанные изображения — морфы. Морфы были образованы из пар изображений лиц, одно из которых было эмоциональным и выражало радость, печаль, гнев, страх, удивление или отвращение, а другое имело нейтральное выражение. Готовые морфы были взяты из исследования Ю. Йорман и Й. Готлиба [18]. В ходе подготовки стимульного материала авторами при помощи программы Fanta Morph (Abrosoft, Beijing, China) были созданы морфы разной интенсивности от 0% выраженности экспрессии (полностью нейтральное лицо), до 100% выраженности экспрессии с шагом в 2%. Таким образом, получилось 51 изображение разной интенсивности для каждой из шести эмоциональных экспрессий для лиц трех актеров.

Экспериментальная процедура повторяла процедуру, использованную в исследовании [17], и имела следующую структуру: стимулы предъявлялись рядами (от полностью нейтрального до 100% эмоционального), каждый стимул предъявлялся на 500 мс без интервала между стимулами. Ряды, организованные таким образом, воспринимаются как динамические изменения выражения лица от нейтрального к эмоциональному. В каждом ряду был представлен 51 уникальный стимул, а также случайным образом было добавлено 10 дублирующих стимулов. Такое добавление делалось, чтобы испытуемые не начинали давать ответы автоматически.

Методика была реализована при помощи программы PsychoPy v.1.84.2. [22]. Тренировочная сессия включала в себя 30 рядов изменяющихся лиц (по 15 для эмоциональной экспрессии отвращения и удивления), предъявляемых испытуемым в случайном порядке. Далее следовала основная сессия, в которой для каждой из эмоциональных экспрессий, которые включали в себя гнев, печаль, радость и страх, также было предусмотрено по 15 рядов, составленных по правилу, аналогичному тренировочной сессии. В тренировочной и основной сессиях задачи от испытуемого требовалось: 1) нажать на специальную клавишу, когда будут обнаружены минимальные изменения в выражении лица; 2) нажать на другую клавишу, когда станет ясно, какая эмоция появляется на лице (после этого шага ряд прерывался); 3) выбрать из предложенного списка, какая эмоция появлялась на лице. Исследование проходило в тихом изолированном помещении.

В тренировочной сессии предложенный список состоял из двух эмоций: удивление и отвращение; в основной сессии — из четырех: радость, печаль, страх и гнев. Таким образом, в ходе всего эксперимента испытуемые прошли 30 тренировочных (5 вариантов рядов, 3 актера, 2 эмоциональных экспрессии) и 60 основных проб (5 вариантов рядов, 3 актера, 4 эмоциональных экспрессии). Первый ответ испытуемого в рамках пробы считался показателем сензитивности к перцептивным изменениям в выражении лиц, второй ответ — показателем сензитивности к концептуальным изменениям в выражении лиц. Все ответы давались при помощи нажатия на специально отмеченные клавиши на стандартной клавиатуре.

Методика позволяет получить следующие показатели: перцептивная сензитивность (процент выраженности экспрессии при обнаружении перцептивных изменений в выражении лица), концептуальная сензитивность (процент выраженности экспрессии для обнаружения концептуальных изменений в выражении лица), точность узнавания эмоции при выборе ответа из предложенного списка. Показатели перцептивной и концептуальной сензитивности имеют обратный характер, т.е. чем выше показатель, тем ниже сензитивность.

2. *Опросник регуляции эмоций (ОРЭ)*, адаптированный И.Н. Дорофеевой, М.А. Падун [2], направлен на оценку двух стратегий регуляции эмоций: «подавление» и «когнитивная переоценка».

Результаты

Распознавание эмоций. Для оценки различий в сензитивности и точности распознавания эмоций были определены средние значения и стандартные отклонения перцептивной/концептуальной сензитивности и точности восприятия эмоций (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения и стандартные отклонения показателей сензитивности и точности в восприятии эмоциональной экспрессии

Эмоция	Перцептивная сензитивность		Концептуальная сензитивность		Точность распознавания эмоции	
	Среднее	Станд. Откл.	Среднее	Станд. Откл.	Среднее	Станд. Откл.
Гнев	26,46	13,09	45,84	12,36	0,87	0,13
Печаль	27,07	11,16	40,83	9,35	0,90	0,13
Радость	18,32	7,00	27,06	7,30	0,98	0,04
Страх	21,70	9,75	36,88	10,78	0,94	0,08

Далее был проведен однофакторный дисперсионный анализа с повторными измерениями. Критерий Мокли показал отсутствие сферичности данных ($W=0,551$; $p<0,001$ для перцептивной сензитивности; $W=0,668$; $p=0,002$ для концептуальной сензитивности), поэтому использовался критерий Фишера с поправкой Гринхауса—Гайссера. Показано, что перцептивная сензитивность ($F(2,12; 101,56)=43,56$; $p<0,001$) и концептуальная сензитивность ($F(2,32; 111,39)=119,63$; $p<0,001$) зависят от фактора категории воспринимаемой эмоции.

Попарное сравнение показателей *перцептивной сензитивности* по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок показало, что люди быстрее замечают низкоуровневые минимальные изменения в экспрессии (предшествующие дифференциации эмоций), когда воспринимают радостные лица по сравнению с гневными ($t(48)=-6,857$; $p<0,001$), печальным ($t(48)=-9,128$; $p<0,001$) и выражающими страх ($t(48)=-4,215$; $p<0,001$). Среди отрицательных лицевых экспрессий перцептивная сензитивность более всего выражена при восприятии лиц, выражающих страх, по сравнению с выражающими печаль ($t(48)=-5,611$; $p<0,001$) и гнев ($t(48)=-7,047$; $p<0,001$). Различий между показателями перцептивной сензитивности в восприятии лиц, выражающих печаль и гнев, не обнаружено ($t(48)=0,895$; $p=0,375$).

Попарное сравнение показателей *концептуальной сензитивности* показало, что для распознавания эмоции «радость» требуется выраженность лицевой экспрессии значительно меньшей интенсивности, чем для распознавания гнева ($t=-14,402$; $p<0,001$), печали ($t=-12,402$; $p<0,001$), страха ($t=-8,525$; $p<0,001$). Таким образом, наши данные подтверждают результаты, полученные другими исследователями [17; 19]: радость распознается быстрее, чем отрицательные эмоции.

Между показателями интенсивности экспрессии, необходимыми для распознавания негативных эмоций, также имеются различия: наименьшая интенсивность требуется для восприятия страха по сравнению с гневом ($t(48)=-10,188$; $p<0,001$) и печалью ($t(48)=-4,986$; $p<0,001$); далее следует печаль (по сравнению с гневом $t(48)=6,157$; $p<0,001$). Таким образом, наибольшая интенсивность лицевой экспрессии эмоции требуется для распознавания гнева.

Точность распознавания эмоций также анализировалась с помощью однофакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями (критерий Мокли показал отсутствие сферичности данных: $W=0,658$; $p=0,002$). Показано, что фактор категории эмоции также влияет на точность распознавания ($F(2,50; 119,87)=13,18$; $p<0,001$). Парное сравнение показало, что при распознавании эмоции «радость» испытуемые делают меньшее количество ошибок по сравнению с гневом ($t(48)=6,062$; $p<0,001$), печалью ($t(48)=3,960$; $p<0,001$) и страхом ($t(48)=3,192$; $p=0,002$). Что касается отрицательных эмоций, то страх распознается точнее, чем гнев ($t(48)=3,644$; $p=0,001$), а точность распознавания печали значимо не отличается от точности распознавания страха ($t(48)=1,931$; $p=0,059$) и гнева ($t(48)=1,598$; $p=0,117$).

Распознавание эмоций и подавление эмоциональной экспрессии. Корреляционный анализ показал наличие значимых связей между подавлением эмоций и их распознаванием: лица с высокими показателями подавления эмоций быстрее распознают низкоуровневые изменения лицевой экспрессии (табл. 2), т.е. их перцептивная сензитивность выше, чем у лиц, которым свойственно выражать эмоции.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции Спирмана между склонностью к подавлению эмоциональной экспрессии и сензитивностью/точностью распознавания эмоций

Показатели сензитивности/точности	Гнев	Печаль	Радость	Страх
Перцептивная сензитивность	0,325*	0,323*	0,354*	0,295*
Концептуальная сензитивность	0,212	0,198	0,298*	0,113
Точность	-0,145	-0,470**	-0,011	-0,019

Примечание: «*» — корреляции значимы на уровне 0,05; «**» — корреляции значимы на уровне 0,01.

Показано также, что на уровне дифференциации эмоций (концептуальная сензитивность) испытуемые с высокой склонностью к подавлению экспрессии эмоций быстрее распознают радость и чаще ошибаются при распознавании печали. Для уточнения механизмов этого сдвига в восприятии эмоциональной экспрессии у лиц с выраженным подавлением эмоций были проанализированы различия в ошибках: показано, что в ошибочных ответах печаль значимо чаще распознается как гнев, чем как страх ($t(48)= 2,653$; $p=0,011$).

Учитывая тот факт, что лицевую экспрессию эмоции «радость» относят в целом к низкоуровневым характеристикам эмоциональных стимулов, можно заключить, что люди с выраженным подавлением эмоций обладают более высокой чувствительностью к низкоуровневым изменениям эмоциональной экспрессии, но менее точно воспринимают высокоуровневые изменения эмоциональной экспрессии при восприятии эмоции «печаль».

Обсуждение результатов

Полученные данные подтверждают результаты исследований, в которых показана более высокая сензитивность к положительным эмоциям, чем к отрицательным [19]. Вместе с тем особенность данного эксперимента состояла в том, что в основной сессии кроме радости

положительных эмоций не предъявлялось, что предполагало выбор «радость/что-то негативное». Это само по себе делает радость более легкой для распознавания. В исследовании Палермо и Колтхарта [21] было обнаружено, что для всех эмоций, кроме радости, интенсивность экспрессии положительно связана с точностью распознавания и отрицательно связана с временем реакции (т.е. чем интенсивнее были оценки экспрессии, тем быстрее и точнее она распознавалась). Однако при предъявлении эмоции «радость» не было обнаружено связи между интенсивностью экспрессии и временем реакции, а также между интенсивностью и точностью распознавания. Таким образом, радость одинаково эффективно распознается и на низких, и на высоких уровнях интенсивности. Другими словами, точность распознавания радости уже при низкой интенсивности достигает «потолка».

Другой эмпирический факт, полученный в данном исследовании, свидетельствует о том, что среди отрицательных эмоций быстрее всех распознается страх, а медленнее всех — гнев. Таким образом, сотрудники МВД наименее сензитивны к гневу. Они также менее точно распознают гнев по сравнению с радостью и страхом. В целом показано, что сотрудники МВД чаще всего путают печаль и гнев, демонстрируя, таким образом, сложности в их дифференциации — как минимум в ситуациях, когда экспрессия эмоций не выражена ярко. Это может тормозить принятие решения о дальнейших действиях, адекватных в конкретной ситуации для преодоления опасных последствий. Отсутствие контрольной группы пока не позволяет сделать вывод о специфичности этих данных именно для сотрудников МВД. При этом сотрудники в своей ежедневной деятельности (от сохранения порядка и безопасности людей до предотвращения преступлений) ориентированы на прогнозирование опасного (агрессивного) поведения и принятие решения о своих дальнейших тактико-правовых действиях. В последнее время в системе МВД стал активно применяться «профайлинг» (от англ. «profile» — профиль) — «система предотвращения противоправных действий путем профилирования, т.е. выявления потенциально опасных лиц на основе невербальной и оперативной диагностики» [8]. Одним из основных навыков в профайлинге является навык считывания невербальных сигналов. Таким образом, гнев оказался наиболее сложной в распознавании эмоцией, но его распознавание — одна из важных профессиональных задач сотрудников МВД.

Показано также, что лица, склонные к подавлению эмоциональной экспрессии, чаще ошибаются при распознавании эмоции печали. При этом ошибки в распознавании печали чаще связаны с тем, что она интерпретируется как гнев. Таким образом, сотрудники со склонностью к подавлению эмоциональной экспрессии чаще видят гнев там, где его нет. Можно предположить, что проекция враждебности вовне является следствием сдерживания негативных эмоций. При этом более высокая выраженность подавления эмоций у сотрудников МВД, по сравнению с лицами, не занятыми в системе охраны правопорядка, показана нами ранее [7]. Эта особенность может быть как следствием профессиональной деформации, так и результатом профессионального отбора, связанного с требованиями системы. Вероятно, ошибочное восприятие гнева вместо печали может приводить к дефициту эмпатии. Высказанные предположения нуждаются в дополнительной проверке.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости развития эмоционального интеллекта у сотрудников МВД. С одной стороны, подавление эмоций свойственно им в силу профессии и, вероятно, является адаптивным. Необходимость оперативных действий в

Падун М.А., Сорокко Е.А., Сучкова Е.А., Люсин Д.В.
Сензитивность в восприятии эмоций у лиц с
различной склонностью к подавлению эмоциональной
экспрессии (на выборке сотрудников МВД)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 26—39.

Padun M. A., Sorokko E. A., Suchkova E., Lyusin D.
Emotion Sensitivity in Individuals with Various Degrees
of Expressive Suppression: The Case of Policemen
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 26—39.

опасных ситуациях требует способности «отодвигать» эмоции. С другой стороны, тот факт, что подавление снижает эмоциональную и межличностную компетентность, позволяет говорить о личностных ограничениях, которые могут препятствовать эффективному контакту с людьми, жизнь и здоровье которых полицейские призваны защищать. Это не способствует доверию сотрудникам полиции со стороны граждан и может ограничивать профессиональную самореализацию самих сотрудников МВД.

Литература

1. Бреслав Г. Психология эмоций. М.: Смысл, 2016. 672 с.
2. Дорофеева И.Н., Падун М.А. Особенности саморегуляции и профиль латеральной организации мозга // Психологический журнал. 2012. № 1. С. 101—111.
3. Кожухова Ю.А., Люсин Д.В. Роль эмоциональных черт наблюдателя при восприятии эмоциональных лиц на раннем этапе переработки информации // Психологический журнал. 2016. Том 37. № 6. С. 37—46.
4. Люсин Д.В., Климова Е.А., Медведева В.В. Связь между эмоциональными личностными чертами наблюдателя и сензитивностью к эмоциям определенной модальности // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 81—87.
5. Падун М.А. Регуляция эмоций и психологическое благополучие: индивидуальные, межличностные и социокультурные факторы. // Психологический журнал. 2019. Том 40. № 3. С. 31—43. DOI: 10.31857/S020595920004052-3
6. Падун М.А., Зелянина А.Н. Стратегии регуляции эмоций и эмоциональные состояния: кросскультурные аспекты // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1458—1467.
7. Падун М.А., Сорокко Е.А. Регуляция эмоций у лиц с повышенным риском психической травматизации (на выборке сотрудников МВД) // Психология и право. 2019. №4. С. 59—74. DOI: 10.17759/psylaw.2019090405
8. Статный В. М., Спирица Е. В., Иванова А. М. Применение технологий профайлинга в деятельности органов внутренних дел. М.: ДГСК МВД России, 2014.
9. Becker D., Srinivasan N. The Vividness of the Happy Face // Current Directions in Psychological Science, 2014. Vol. 23. № 3. P. 189—194. DOI: 10.1177%2F0963721414533702
10. Becker D., Neel R., Srinivasan N., Neufeld S., Kumar D., Fouse S. The vividness of happiness in dynamic facial displays of emotion // PLoS One. 2012. № 7. DOI: 10.1371/journal.pone.0026551
11. Bonanno G.A., Keltner D., Holen A., Horowitz M.J. When avoiding unpleasant emotions might not be such a bad thing: Verbal-autonomic response dissociation and midlife conjugal bereavement // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. P. 975—989. DOI: 10.1037/0022-3514.69.5.975
12. Coifman K.G., Bonanno G.A., Ray R.D., Gross J.J. Does repressive coping promote resilience? Affective-autonomic response discrepancy during bereavement // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. Vol. 92, P. 745—758. DOI: 10.1037/0022-3514.92.4.745

Падун М.А., Сорокко Е.А., Сучкова Е.А., Люсин Д.В.
Сензитивность в восприятии эмоций у лиц с
различной склонностью к подавлению эмоциональной
экспрессии (на выборке сотрудников МВД)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 26—39.

Padun M. A., Sorokko E. A., Suchkova E., Lyusin D.
Emotion Sensitivity in Individuals with Various Degrees
of Expressive Suppression: The Case of Policemen
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 26—39.

13. Gross J.J. The extended process model of emotion regulation: Elaborations, applications, and future directions // *Psychological Inquiry*, 2015. Vol. 26. № 1. P. 130—137. DOI: 10.1080/1047840x.2015.989751
14. Gross J.J. Antecedent- and response-focused emotion regulation: Divergent consequences for experience, expression, and physiology // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74. P. 224—237. DOI: 10.1037/0022-3514.74.1.224
15. Gross J.J., Thompson R.A. Emotion Regulation: Conceptual foundations // *Handbook of Emotion Regulation* / Ed. J.J. Gross. N.Y.: Guilford Press, 2007.
16. Isen A.M., Johnson M.M., Mertz E., Robinson G.F. The influence of positive affect on the unusualness of word associations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. Vol. 48. № 6. P. 1413—1426. DOI: 10.1037/0022-3514.48.6.1413
17. Jackson M. C., Arlegui-Prieto M. Variation in normal mood state influences sensitivity to dynamic changes in emotional expression // *Emotion*. 2016. Vol. 16. №2. P. 145—149. DOI: 10.1037/emo0000126
18. Joormann J., Gotlib I.H. Is this happiness I see? Biases in the identification of emotional facial expressions in depression and social phobia // *Journal of Abnormal Psychology*. 2006. Vol. 115. P. 705—714. DOI: 10.1037/0021-843X.115.4.705.
19. Leppanen J., Hietanen J., Positive facial expressions are recognized faster than negative facial expressions, but why? // *Psychological Research*. 2004. Vol. 69. № 1—2. P. 22—29. DOI: 10.1007/s00426-003-0157-2
20. Maddi S.R., Khoshaba D.M. Hardiness and mental health // *Journal of Personality Assessment*. 1994. Vol. 63. P. 265—274. DOI: 10.1207/s15327752jpa6302_6
21. Palermo R., Coltheart M. Photographs of facial expression: Accuracy, response time, and ratings of intensity // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 2004. Vol. 36. P. 634—638. DOI: 10.3758/bf03206544
22. Peirce, J. W. PsychoPy — Psychophysics software in Python // *Journal of Neuroscience Methods*. 2007. Vol. 162. № 1—2. P. 8—13. DOI: 10.1016/j.jneumeth.2006.11.017
23. Rusting C. L. Personality, mood, and cognitive processing of emotional information: Three conceptual frameworks // *Psychological Bulletin*. 1998. Vol. 124. № 2. P. 165—196. DOI: 10.1037/0033-2909.124.2.165
24. Srivastava S., Tamir M., McGonigal K., John O., Gross J. The social costs of emotional suppression: A prospective study of the transition to college // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. № 4. P. P. 883—897. DOI: 10.1037/a0014755
25. Sun M., Lau A. Exploring Cultural Differences in Expressive Suppression and Emotion Recognition // *Journal of Cross-Cultural Psychology* Vol. 49. № 2. P. 664—672. DOI: 10.1177/0022022118763749
26. Zohar S. Influence of Cultural Values on Emotion Regulation and Well-Being: A Study of Thai University Students // *AU Graduate School of Education Journal*. 2013. V. 5. № 1. P. 83-91. <http://repository.au.edu/handle/6623004553/14071>.

References

1. Breslav G. Psikhologiya emocij [Psychology of emotion]. Moscow: «Smysl», 2016. 672 p. (In Russ.).

Падун М.А., Сорокко Е.А., Сучкова Е.А., Люсин Д.В.
Сензитивность в восприятии эмоций у лиц с
различной склонностью к подавлению эмоциональной
экспрессии (на выборке сотрудников МВД)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 26—39.

Padun M. A., Sorokko E. A., Suchkova E., Lyusin D.
Emotion Sensitivity in Individuals with Various Degrees
of Expressive Suppression: The Case of Policemen
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 26—39.

2. Dorofeeva I. N., Padun M. A. Osobennosti samoregulyacii i profil' lateral'noj organizacii mozga [Specificity of self-regulation and lateral brain organization profile]. *Psihologicheskij zhurnal = Journal of Psychology*, 2012, no. 1, pp. 101-111. (In Russ.).
3. Kozhuhova Yu.A., Lyusin D.V. Rol' emocional'nyh chert nablyudatelya pri vospriyatii emocional'nyh lic na rannem etape pererabotki informacii [The role of observer's emotional traits in emotional face perception at early stages of information processing]. *Psihologicheskij zhurnal = Journal of Psychology*, 2016. Vol. 37, no. 6, pp. 37 — 46. (In Russ.).
4. Lyusin D.V., Klimova E.A., Medvedeva V.V. Svyaz' mezhdu emocional'nymi lichnostnymi chertami nablyudatelya i senzitivnost'yu k emociyam opredelyonnoj modal'nosti [Relation between personality emotional traits and sensitivity to emotions of specific modality]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki = Bulletin of Demidov Yaroslavsky State University. Humanities Series*, 2014, no. 3, pp. 81 — 87. (In Russ.).
5. Padun M.A. Regulyaciya emocij i psikhologicheskoe blagopoluchie: individual'nye, mezhlichnostnye i sociokul'turnye factory [Emotion Regulation and Psychological Well-Being: Individual, Interpersonal and Cultural Factors]. *Psihologicheskij zhurnal = Journal of Psychology*, 2019. Vol. 40, no. 3, pp. 31-43. DOI: 10.31857/S020595920004052-3 (In Russ.).
6. Padun M.A., Zelyanina A.N. Strategii regulyacii emocij i emocional'nye sostoyaniya: krosskul'turnye aspekty [Emotion regulation strategies and emotional states: cross-cultural aspects] *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoj psikhologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya = Fundamental and applied studies of modern psychology / Otv. red. A. L. Zhuravlyov, V. A. Kol'cova*. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2017. pp. 1458-1467. (In Russ.).
7. Padun M.A., Sorokko E.A. Regulyaciya emocij u lic s povyshennym riskom psikhicheskoj travmatizacii (na vyborke sotrudnikov MVD) [Emotion Regulation in Persons with an Increased Risk of Mental Trauma (the case of policemen)]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019, no. 4, pp. 59-74. DOI:10.17759/psylaw.2019090405 (In Russ.).
8. Statnyj V. M., Spirica E. V., Ivanova A. M. Primenenie tekhnologij profajlinga v deyatel'nosti organov vnutrennih del [Application of profiling technologies in the activities of internal affairs bodies]. Moscow: DGSK MVD Rossii, 2014 (In Russ.).
9. Becker D., Srinivasan N. The Vividness of the Happy Face. *Current Directions in Psychological Science*, 2014. V. 23. N 3. P. 189-194. DOI: 10.1177%2F0963721414533702
10. Becker D., Neel R., Srinivasan N., Neufeld S., Kumar D., Fouse S. The vividness of happiness in dynamic facial displays of emotion // *PLoS One*, 7 (2012), Article e26551. DOI: 10.1371/journal.pone.0026551
11. Bonanno G.A., Keltner D., Holen A., Horowitz M.J. When avoiding unpleasant emotions might not be such a bad thing: Verbal-autonomic response dissociation and midlife conjugal bereavement // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. V. 69. P. 975—989. DOI: 10.1037/0022-3514.69.5.975
12. Coifman K.G., Bonanno G.A., Ray R.D., Gross J.J. Does repressive coping promote resilience? Affective-autonomic response discrepancy during bereavement // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. V. 92, P. 745—758. DOI: 10.1037/0022-3514.92.4.745

Падун М.А., Сорокко Е.А., Сучкова Е.А., Люсин Д.В.
Сензитивность в восприятии эмоций у лиц с
различной склонностью к подавлению эмоциональной
экспрессии (на выборке сотрудников МВД)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 26—39.

Padun M. A., Sorokko E. A., Suchkova E., Lyusin D.
Emotion Sensitivity in Individuals with Various Degrees
of Expressive Suppression: The Case of Policemen
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 26—39.

13. *Gross J. J.* The extended process model of emotion regulation: Elaborations, applications, and future directions // *Psychological Inquiry*, 2015. V. 26, no. 1. P. 130—137. DOI: 10.1080/1047840x.2015.989751
14. *Gross J. J.* Antecedent- and response-focused emotion regulation: Divergent consequences for experience, expression, and physiology // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. V. 74. P. 224—237. DOI: 10.1037/0022-3514.74.1.224
15. *Gross J.J., Thompson R.A.* Emotion Regulation: Conceptual foundations // *Handbook of Emotion Regulation* / Ed. J.J. Gross. N.Y.: Guilford Press, 2007.
16. *Isen A. M., Johnson M. M., Mertz E., Robinson G. F.* The influence of positive affect on the unusualness of word associations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. V. 48. N 6. P. 1413—1426. DOI: 10.1037/0022-3514.48.6.1413
17. *Jackson M. C., Arlegui-Prieto M.* Variation in normal mood state influences sensitivity to dynamic changes in emotional expression // *Emotion*. 2016. Vol. 16. No. 2. P. 145—149. DOI: 10.1037/emo0000126
18. *Joormann J., Gotlib I. H.* Is this happiness I see? Biases in the identification of emotional facial expressions in depression and social phobia // *Journal of Abnormal Psychology*. 2006. Vol. 115. P. 705—714. DOI: 10.1037/0021-843X.115.4.705.
19. *Leppanen J., Hietanen J.* Positive facial expressions are recognized faster than negative facial expressions, but why? // *Psychological Research*. 2004. V. 69. N 1-2. P. 22-29. DOI: 10.1007/s00426-003-0157-2
20. *Maddi S.R., Khoshaba D.M.* Hardiness and mental health // *Journal of Personality Assessment*. 1994. V. 63. P. 265—274. DOI: 10.1207/s15327752jpa6302_6
21. *Palermo R., Coltheart M.* Photographs of facial expression: Accuracy, response time, and ratings of intensity // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 2004. V. 36. P. 634—638. DOI: 10.3758/bf03206544
22. *Peirce, J. W.* PsychoPy - Psychophysics software in Python // *Journal of Neuroscience Methods*. 2007. V. 162. N. 1-2. P. 8—13. DOI: 10.1016/j.jneumeth.2006.11.017
23. *Rusting C. L.* Personality, mood, and cognitive processing of emotional information: Three conceptual frameworks // *Psychological Bulletin*. 1998. V. 124. N 2. P. 165—196. DOI: 10.1037/0033-2909.124.2.165
24. *Srivastava S., Tamir M., McGonigal K., John O., Gross J.* The social costs of emotional suppression: A prospective study of the transition to college // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. V. 96. N 4. P. 883-97. DOI: 10.1037/a0014755
25. *Sun M., Lau A.* Exploring Cultural Differences in Expressive Suppression and Emotion Recognition // *Journal of Cross-Cultural Psychology* V. 49. N 2. P. 664-672. DOI: 10.1177/0022022118763749.
26. *Zohar S.* Influence of Cultural Values on Emotion Regulation and Well-Being: A Study of Thai University Students // *AU Graduate School of Education Journal*. 2013. V. 5. № 1. P. 83-91. <http://repository.au.edu/handle/6623004553/14071>.

Падун М.А., Сорокко Е.А., Сучкова Е.А., Люсин Д.В.
Сензитивность в восприятии эмоций у лиц с
различной склонностью к подавлению эмоциональной
экспрессии (на выборке сотрудников МВД)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 26—39.

Padun M. A., Sorokko E. A., Suchkova E., Lyusin D.
Emotion Sensitivity in Individuals with Various Degrees
of Expressive Suppression: The Case of Policemen
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 26—39.

Информация об авторах

Падун Мария Анатольевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт психологии РАН (ФГБУ НИП РАН), г. Москва, Российская федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9876-4791>, e-mail: maria_padun@inbox.ru

Сорокко Евгения Александровна, старший психолог отделения по работе с личным составом, ОМВД России по городу Северодвинску, г. Северодвинск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0643-6521>, e-mail: eu.sorokko@yandex.ru

Сучкова Екатерина Алексеевна, стажер-исследователь лаборатории когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8295-1111>, e-mail: suchkova.e.a@yandex.ru

Люсин Дмитрий Владимирович, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, г. Москва, Российская Федерация; старший научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии РАН, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4429-8086>, e-mail: ooch@mail.ru

Information about the authors

Maria A. Padun, Ph.D in Psychology, senior research assistant, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9876-4791>, e-mail: maria_padun@inbox.ru

Evgeniya A. Sorokko, senior psychologist of the department for work with the personnel of the OMVD of Russia in the city of Severodvinsk, Severodvinsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0643-6521>, e-mail: eu.sorokko@yandex.ru

Ekaterina Suchkova, Research Assistant, Laboratory for Cognitive Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8295-1111>, e-mail: suchkova.e.a@yandex.ru

Dmitry Lyusin, PhD in Educational Science, Leading Researcher, Laboratory of Cognitive Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Senior Researcher, Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Creativity, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4429-8086>, e-mail: ooch@mail.ru

Получена 24.07.2020

Принята в печать 12.05.2021

Received 24.07.2020

Accepted 12.05.2021

Особенности профессионально важных качеств руководителей исправительных учреждений

Карпова Г.С.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3595-5678>, e-mail: ufkbyrf86@mail.ru

Черемисова И.В.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>, e-mail: irinarusa@inbox.ru

Ковальчук И.А.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

Статья посвящена изучению профессионально важных качеств, способностей и ориентаций сотрудников исправительных учреждений (ИУ), состоящих на руководящих должностях, в сравнении с сотрудниками-подчиненными. Рассматриваемые качества являются элементами психолого-педагогического компонента их профессиональной компетентности. Они отражают общие, инвариантные психологические характеристики, которые обеспечивают успешность в профессиональной деятельности независимо от функциональной направленности и должности. Гипотеза заключалась в том, что у руководителей профессионально важные качества выражены в большей степени, чем у сотрудников-подчиненных. Математическая обработка данных показала, что руководители превосходят сотрудников-подчиненных по ряду качеств (коммуникативных, интеллектуальных, эмоционально-волевых и др.), которые выступают психологическим основанием для формирования субъектной позиции в профессиональном развитии. Полученные результаты учитываются в исследованиях факторов и условий профессионально-личностного роста сотрудников ИУ, при разработке программ, направленных на развитие их профессиональной компетентности.

Ключевые слова: профессионально важные качества, профессиональная компетентность, структура профессиональной компетентности, субъектная позиция, профессиональная деятельность, сотрудники исправительных учреждений.

Карпова Г.С., Черемисова И.В., Ковальчук И.А.
Особенности профессионально важных качеств
руководителей исправительных учреждений
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 40—54.

Karpova G.S., Cheremisova I.V., Kovalchuk I.A.
Professionally Relevant Traits of the Heads of Correctional
Facilities
Psychology and law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 40—54.

Для цитаты: Карпова Г.С., Черемисова И.В., Ковальчук И.А. Особенности профессионально важных качеств руководителей исправительных учреждений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 40—54. DOI: 10.17759/psylaw.2021110204

Professionally Relevant Traits of the Heads of Correctional Facilities

Galina S. Karpova

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3595-5678>, e-mail: ufkbyrf86@mail.ru

Irina V. Cheremisova

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>, e-mail: irinarusa@inbox.ru

Ilya A. Kovalchuk

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

The article is dedicated to the study of professionally relevant personality traits, abilities and orientations of the officials of correctional facilities, holding senior positions in comparison to those of their subordinates. The traits are an integral part of the psychological and educational component of their professional competence. They reflect the most general, invariant psychological characteristics which ensure the success in their professional performance regardless of their function or position. The hypothesis was that officials holding senior positions possess the professionally relevant traits to a greater degree, than their subordinates do. The processing of the obtained data demonstrated that senior officers surpass their subordinates in a number of professionally relevant traits (communicative, intellectual, emotional and volitional qualities). This qualities can be viewed as the psychological foundation for the formation of the subject position in professional development. The results are integrated into prospective studies of the factors and conditions for professional and personal development of penitentiary personnel. They are also used in designing programs for fostering their professional competence.

Keywords: professionally relevant traits, professional competence, makeup of one's professional competence, subject position, professional activities, correctional facilities personnel.

For citation: Karpova G.S., Cheremisova I.V., Kovalchuk I.A. Professionally Relevant Traits of the Heads of Correctional Facilities. *Psikhologiya i pravo=Psychology and law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 40—54. DOI: 10.17759/psylaw.2021110204 (In Russ.).

Введение

Актуальность исследования проблем формирования и развития профессионально важных качеств, способностей и ориентаций сотрудников исправительных учреждений, образующих в совокупности их профессиональную компетентность, заключается в нескольких аспектах.

Во-первых, Федеральная служба исполнения наказаний в условиях интенсивных реформ, направленных на совершенствование уголовно-исполнительной системы (УИС), нуждается в грамотных, компетентных сотрудниках, которые путем самосовершенствования и противостояния негативному влиянию специфических особенностей профессии способны адекватно реагировать на повышающиеся требования, решать многочисленные и разноплановые задачи.

Во-вторых, решение исследовательских задач определения, диагностики, коррекции и развития профессионально важных качеств, способностей и ориентаций сотрудников исправительных учреждений (как составных элементов их профессиональной компетентности) необходимо для совершенствования системы их профессионально-психологической подготовки, организованной по принципам непрерывного образования.

В-третьих, изучение указанных проблем открывает перспективу разработки целевых дифференцированных программ, предназначенных для реализации в исправительных учреждениях психологами психологических лабораторий и направленных на развитие профессиональной компетентности сотрудников исправительных учреждений, состоящих на руководящих должностях, и сотрудников, являющихся подчиненными.

В-четвертых, сравнительный анализ выраженности элементов профессиональной компетентности сотрудников-руководителей и сотрудников-подчиненных выступает весьма информативным инструментом определения психологических детерминант их карьерно-профессионального роста и открывает возможности определения структурного состава изучаемого психологического образования.

В психологической литературе представлены многочисленные разработки структуры профессиональной компетентности в рамках различных подходов. Исследователи в области педагогики, педагогической психологии, юридической психологии, психологии труда и акмеологии рассматривают в качестве структурных элементов профессиональной компетентности специалиста профессионально важные качества и способности, мотивационно-ценностную направленность (ориентации), а также владение профессиональными знаниями, умениями и навыками [2; 4; 5; 11; 21; 22; 23 и др.]. При этом элементарный состав компонентов профессиональной компетентности должен быть обоснован специфическими особенностями профессиональной деятельности специалиста.

Профессиональная деятельность сотрудников исправительных учреждений, согласно проведенному теоретическому анализу, «... носит нормативный, экстремальный, властный характер, отличается специфичностью основного объекта труда — наличием спецконтингента и включает познавательную-прогностическую (когнитивную), коммуникативную, организационно-управленческую и воспитательную подструктуры, которые предполагают наличие у сотрудника определенных знаний, умений, навыков и профессионально значимых психологических качеств» [12, с. 21]. Специальный компонент профессиональной компетентности сотрудников исправительных учреждений отражает владение ими профессиональными знаниями, навыками и умениями. Его содержание зависит от функциональной направленности профессиональной деятельности сотрудника, от его должностных обязанностей. Психологические профессионально важные качества, способности и ориентации, рассмотренные нами в данной статье, являются элементами психолого-педагогического компонента профессиональной компетентности сотрудников исправительных учреждений. Они носят инвариантный характер и необходимы для успешного осуществления профессиональной деятельности независимо от ее функционального содержания.

Выраженность и характер проявления психологических профессионально важных качеств,

способностей и ориентаций у сотрудников-руководителей и у сотрудников-подчиненных является предметом настоящего эмпирического исследования. По своему функциональному значению и соответствию подструктурам профессиональной деятельности их целесообразно разделить на эмоционально-волевые, когнитивно-креативные, коммуникативно-управленческие и рефлексивные (табл. 1).

Таблица 1

Профессионально важные качества сотрудников исправительных учреждений

Группа профессионально важных качеств и способностей	Психологические профессионально важные качества
Эмоционально-волевые	Способность регулировать эмоциональное состояние; уравновешенность и самообладание; эффективность в профессиональной деятельности; уверенность в себе; стрессоустойчивость; исполнительность; фрустрационная толерантность; целеустремленность; ответственность; энергичность; решительность; инициативность; выдержка; внимательность; самостоятельность; настойчивость
Когнитивно-креативные	Общие умственные способности, креативные способности, стремление развивать интеллектуальные способности
Коммуникативно-управленческие	Низкий уровень конформности; способность эффективно координировать деятельность других людей; требовательность; рефлексия взаимодействия с людьми; эмпатия; конструктивное поведение в конфликтных ситуациях; педагогический оптимизм; уважительное отношение к осужденным; соответствующий ситуации стиль общения; способность противостоять манипулированию и криминализации со стороны осужденных
Рефлексивные качества	«Способность анализировать и оценивать свое поведение, прибегать к рефлексии прошлой, настоящей и будущей деятельности, рефлексии общения» [12]
Мотивационно-ценностная направленность (ориентации)	«Доминирование мотивации достижения, профессионального развития; позитивное отношение к осужденным и своей профессии; ориентация на собственное профессиональное развитие, интернальность; четкое осознание своих жизненных целей и удовлетворенность процессом их достижения; ориентация на гармонизацию профессиональной и личной сторон жизни» [12]; высокая степень осмысленности жизни

Цель исследования: выявить особенности выраженности профессионально важных качеств сотрудников исправительных учреждений, занимающих руководящие должности.

Гипотеза: у сотрудников исправительных учреждений, состоящих на руководящих должностях, профессионально важные психологические качества выражены в большей степени, чем у сотрудников-подчиненных.

Частная гипотеза: по сравнению с сотрудниками-подчиненными у сотрудников-руководителей в большей степени развиты такие профессионально важные качества, способности и ориентации, наличие которых является психологическим основанием

формирования и развития у них субъектной позиции в профессиональной деятельности и профессиональном развитии.

Выборка: группа сотрудников исправительных учреждений Оренбургской области в количестве 100 человек – руководящие должности из них занимают 21 человек (начальники отделов безопасности, начальники отделов воспитательной работы с осужденными, начальники участков особого режима, заместители начальника колонии по воспитательной работе, заместители начальника колонии по безопасности и обеспечению режима, начальники колоний), 79 служащих занимают должности, не являющиеся руководящими (сотрудники перечисленных подразделений). Возраст респондентов от 22 до 45 лет, в исследовании участвовали 61 сотрудник мужского пола и 39 сотрудников женского пола.

Методики:

1) «Шкала самооффективности» (тест А.В. Бояринцевой) — включает 3 шкалы («деятельностная самооффективность», «социальная самооффективность», «самооффективность»);

2) «Волевые качества личности» (опросник М.В. Чумакова) — имеет 9 шкал («целеустремленность», «выдержка», «энергичность», «решительность», «ответственность», «внимательность», «самостоятельность», «инициативность», «настойчивость»);

3) «Оценка уровня креативности» (опросник В.Р. Пятрулис) — включает 11 шкал («общий показатель креативности», «шкала лжи», «интуитивность», «ребячливость», «инверсивность», «фантазия», «оригинальность», «стремление к новизне», «критичность», «стремление к творчеству», «гибкость»);

4) «Якоря карьеры» (методика изучения мотивации профессиональной карьеры, адаптация В.Э. Винокуровой, В.А. Чикера) — включает 10 шкал («стабильность места работы», «стабильность места жительства», «менеджмент», «вызов», «профессиональная компетентность», «служение», «автономия», «предпринимательство», «стабильность», «интеграция стилей жизни»);

5) «Компетентность социально-коммуникативная» (опросник Е.И. Рогова) — включает следующие шкалы: «повышенное стремление к статусному росту», «фрустрационная нетолерантность», «нетерпимость к неопределенности», «чрезмерное стремление к конформности», «социально-коммуникативная неуклюжесть», «ориентация на избегание неудач»;

6) «Индивидуальная мера рефлексивности» (опросник А.В. Карпова, В.В. Пономаревой) — включает 5 шкал («индивидуальная мера рефлексивности», «рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми», «ретроспективная рефлексия деятельности», «рефлексия настоящей деятельности», «рассмотрение будущей деятельности»);

7) «Диагностика социальной эмпатии» (тест Ю.М. Орлова, Ю.Н. Емельянова) — имеет одну шкалу («индекс эмпатийности»);

8) «Смысложизненные ориентации» (тест, адаптация Д.А. Леонтьева) — включает шкалы («локус контроля — Я (Я — хозяин жизни)», «локус контроля — жизнь (управляемость жизни)», «удовлетворенность самореализацией», «цель в жизни», «осмысленность жизни», «процесс жизни», «результативность жизни», «интенсивность и эмоциональная насыщенность»);

9) «Краткий отборочный тест» (Э.Ф. Вандерлика, В.Н. Бузина) — шкала «интегральный показатель умственных способностей».

Результаты и их обсуждение

При осуществлении сравнительного анализа сотрудников двух групп (руководителей и подчиненных) выявлены следующие статистически значимые различия в выраженности исследуемых профессионально важных качеств (табл. 2).

Таблица 2

Результаты проверки статистической значимости различий групп

U-критерий Манна—Уитни	Параметры
0,040	Интегральный показатель умственных способностей
0,005	Креативность
0,007	Осмысленность жизни
0,009	Социально-коммуникативная некомпетентность
0,036	Индивидуальная мера рефлексивности
0,033	Общая эмпатия
0,629	Ориентация «предпринимательство»
0,003	Ориентация «служение»
0,330	Ориентация «соревнование»
0,959	Ориентация «стабильность»
0,050	Ориентация «интеграция сторон жизни»
0,007	Ориентация «управление»
0,049	Ориентация «профессиональная компетентность»
0,046	Ориентация «автономия»
0,028	Целеустремленность
0,331	Энергичность
0,041	Внимательность
0,051	Настойчивость
0,006	Решительность
0,032	Самостоятельность
0,049	Выдержка
0,029	Самоэффективность
0,021	Инициативность
0,042	Ответственность

Согласно полученным результатам, руководители склонны выше оценивать собственную эффективность в профессиональной деятельности и во взаимодействии с людьми ($p=0,029$). По сравнению с подчиненными они демонстрируют более высокие результаты решения интеллектуальных задач, они обладают более развитыми умственными способностями, чем сотрудники-подчиненные ($p=0,04$), кроме того, они более успешно справляются с задачами, прибегая к нестандартным, креативным решениям ($p=0,005$). Сотрудники, состоящие на руководящих должностях в большей степени склонны к рефлексивному анализу собственного

поведения и поведения других людей ($p=0,036$). Результаты исследования говорят о том, что у сотрудников-руководителей значимо выше уровень выраженности волевых качеств, уровень осмысленности жизни ($p=0,007$) и уровень коммуникативной компетентности ($p=0,009$). По сравнению с подчиненными сотрудниками у них более высокий уровень развития коммуникативных качеств и выраженности эмпатии ($p=0,033$).

Относительно профессиональных ориентаций выявлено, что сотрудники-руководители в большей степени, чем подчиненные, ориентированы на помощь людям, служение обществу и улучшение жизни окружающих ($p=0,003$). Результаты исследования говорят также о том, что они по сравнению с подчиненными сотрудниками в большей степени стремятся к независимости в деятельности ($p=0,046$), к управлению, лидерству, контролю и координации деятельности других людей, берут за них ответственность на себя ($p=0,007$). Обнаружены значимые различия относительно стремления руководителей сохранять баланс между личной, профессиональной сторонами своей жизни ($p=0,050$) и стремлением к самосовершенствованию в плане профессионального и личностного развития ($p=0,049$).

У руководителей и подчиненных и ориентации выражены в одинаковой степени следующие профессионально важные качества: ориентация на стабильность ($p=0,959$), ориентация на соревнование ($p=0,330$) и предпринимательство ($p=0,629$), энергичность ($p=0,331$).

Таким образом, полученные результаты подтверждают выдвинутую нами гипотезу о том, что сотрудники, состоящие на руководящих должностях, обладают более развитыми профессионально важными качествами и способностями, а также имеют более выраженные профессиональные ориентации.

Статистический анализ методом ранговой корреляции (по R_s -коэффициенту Спирмена, при $p \leq 0,0001$), произведенный внутри каждой из исследуемых групп сотрудников, позволил выявить устойчивые взаимосвязи между изучаемыми параметрами (табл. 3).

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа данных исследования

Взаимосвязь параметров		Значение R_s	$p \leq 0,0001$	Значение R_s	$p \leq 0,0001$
		Группа сотрудников-руководителей		Группа сотрудников-подчиненных	
Осмысленность жизни	Инициативность	0,40	0,00001		
	Внимательность	0,40	0,00001	0,40	0,00001
	Целеустремленность	0,44	0,00001	0,47	0,00001
	Коммуникативная некомпетентность	—0,41	0,00001		
	Оценка самооффективности	0,42	0,00001	0,40	0,000011
Инициативность	Креативность	0,43	0,00001	0,49	0,00001
	Коммуникативная некомпетентность	—0,54	0,00001	—0,52	0,000001
	Оценка самооффективности	0,60	0,00001	0,58	0,0000001

Оценка самоэффективност и	Ответственность	0,54	0,00001	0,53	0,00001
	Инициативность	0,60	0,00001	0,58	0,0000001
	Решительность	0,60	0,00001	0,62	0,00001
	Самостоятельность	0,53	0,00001	0,51	0,00001
	Выдержка	0,53	0,00001	0,57	0,00001
	Настойчивость	0,66	0,00001	0,68	0,00001
	Энергичность	0,52	0,00001	0,60	0,00001
	Внимательность	0,64	0,00001	0,69	0,00001
	Целеустремленность	0,60	0,00001	0,61	0,00001
	Коммуникативная некомпетентность	—0,46	0,00001	—0,44	0,00001
Ориентация на управление	Ориентация на стабильность	0,51	0,0001	0,45	0,000001
	Предпринимательств о	0,38	0,00001	0,43	0,000001
Ориентация на развитие профессиональной компетентности	Ориентация на интеграцию различных сторон жизни	0,34	0,0001		
	Ориентация на соревнование	0,47	0,00001	0,46	0,00001
	Целеустремленность	0,32	0,0001		
Индивидуальная мера рефлексивности	Индекс эмпатии	0,46	0,0001	0,46	0,00001

В предыдущем исследовании сотрудников исправительных учреждений без учета должностного положения, стажа службы и уровня образования выявлены профессионально важные качества, способности и ориентации, которые выражены у большинства сотрудников в недостаточной степени. Это гибкость и критичность мышления, креативность, эмпатия, рефлексивные способности, инициативность, решительность, самостоятельность, настойчивость, ориентации на профессиональное развитие, на независимость деятельности и управление [6, с. 151-154]. При анализе полученных результатов настоящего исследования мы обнаружили аналогичную тенденцию относительно сотрудников-подчиненных. В совокупности указанные качества являются психологическим основанием для формирования *субъектной позиции* профессионально компетентного сотрудника. Выявленная тенденция позволяет нам сделать выводы о справедливости выдвинутой частной гипотезы и утверждать, что эффективность процесса развития профессионально важных качеств, способностей и ориентаций у сотрудников исправительных учреждений будет зависеть от формирования у них интернальности, инициативности, высокой мотивации и ответственного отношения к профессиональному совершенствованию.

В связи с выявленным фактом более высокого уровня развития психолого-педагогического компонента профессиональной компетентности у сотрудников-руководителей по сравнению с сотрудниками-подчиненными возникает следующий вопрос. Можем ли мы рассматривать сотрудников, состоящих на руководящих должностях как профессионально компетентных при

решении задачи определения профессионально важных качеств, способностей и ориентаций, входящих в состав профессиональной компетентности сотрудников исправительных учреждений, т. е. таких качеств, которые «... обеспечивают успешность выполнения ими профессиональной деятельности, способствуют их профессиональному и личностному развитию и позволяют противостоять негативному влиянию со стороны специфических особенностей профессии» [12]? Можем ли мы в исследовании опытных сотрудников, руководящих отделами, учреждениями, ориентироваться на психологические качества, им присущие?

В пользу положительного ответа на данный вопрос выступают особенности кадровой политики, проводимой в настоящее время в УИС. Положительно характеризующиеся и эффективные сотрудники назначаются на вышестоящие должности после успешного прохождения целого ряда отборочных процедур, каждая из которых направлена на определение соответствия сотрудника предъявляемым требованиям [5; 15; 17; 18; 20 и др.]. Отличившиеся в лучшую сторону сотрудники включаются в резерв кадров, с ними работают психологи и наставники по специально разработанным программам, направленным на развитие их профессиональной компетентности. Основанием для назначения сотрудника на руководящую должность является положительное заключение Центра психофизиологической диагностики (по результатам углубленного психодиагностического исследования), Военно-врачебной комиссии, полиграфолога и аттестационной комиссии. Эти мероприятия направлены на изучение кандидата на вышестоящую должность с точки зрения его психологических профессионально важных качеств, способностей, ориентаций, с точки зрения морально-нравственных и этических качеств, а также наличия фактов нарушения законодательства. В УИС указанный ряд мер при перемещении сотрудника по службе регламентирован Федеральным законом от 19 июня 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в УИС Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"», приказами Минюста России от 12 декабря 2005 г. № 238 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы УИС», от 16 апреля 2013 г. № 51 «Об утверждении категорий должностей в УИС, при назначении на которые проводится психофизиологическое исследование с применением полиграфа», от 25 мая 2011 г. № 165 «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в УИС». Сотрудники-руководители прошли весьма тщательный отбор и подвергались разносторонней оценке и проверке, их можно рассматривать как профессионально компетентных.

Указанные меры объясняют выявленный в настоящем исследовании факт более высокого уровня развития у сотрудников-руководителей профессионально важных качеств, способностей и ориентаций по сравнению с сотрудниками-подчиненными.

Но существуют доводы в пользу отрицательного ответа на поставленный вопрос. В предыдущих эмпирических исследованиях нами выявлены различия в степени выраженности элементов профессиональной компетентности у сотрудников исправительных учреждений с разным стажем службы. В целом, у более опытных из них снижается уровень умственных, креативных, эмпатических, некоторых волевых качеств (решительности, выдержки и инициативности), а также повышается уровень выраженности рефлексивных качеств и ориентации на независимость [7]. Это говорит о психологической деформации личности сотрудников, о влиянии на них специфических особенностей профессиональной деятельности. При этом можно говорить как о негативном, так и о позитивном влиянии профессии на

сотрудников исправительных учреждений. Выявленная тенденция свидетельствует о необходимости более тщательных и углубленных исследований для решения указанных задач.

Выводы

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что у сотрудников исправительных учреждений, состоящих на руководящих должностях профессионально важные психологические качества, способности, ориентации выражены в большей степени, чем у сотрудников-подчиненных. Руководители более эффективны в профессиональной деятельности, у них в большей степени выражены умственные, креативные, рефлексивные и эмпатические способности, а также коммуникативные и волевые качества. Сотрудников-руководителей от подчиненных отличает более выраженная ориентация на собственное профессионально-личностное развитие, на служение обществу и независимость. Частная гипотеза о том, что по сравнению с сотрудниками-подчиненными у сотрудников-руководителей в большей степени развиты такие профессионально важные качества, способности и ориентации, наличие которых является психологическим основанием формирования и развития у них субъектной позиции в профессиональной деятельности и в профессиональном развитии, также нашла свое подтверждение.

Корреляционный анализ результатов исследования в исследуемых группах сотрудников показал устойчивую прямую взаимосвязь между осмысленностью жизни и развитием волевых качеств, коммуникативной компетентностью и оценкой сотрудниками собственной эффективности в профессиональной деятельности. Обнаружена устойчивая прямая взаимосвязь уровня развития рефлексивных качеств и способности к эмпатии. Ориентация на управление устойчиво взаимосвязана с ориентацией на стабильность и предпринимательство, а стремление к развитию собственной профессиональной компетентности — с ориентацией на соревнование в профессиональной деятельности.

Выявленные особенности профессионально важных качеств, способностей и ориентаций открывают перспективу разработки целевых дифференцированных программ, направленных на развитие профессиональной компетентности у сотрудников исправительных учреждений, состоящих на руководящих должностях и сотрудников, являющихся подчиненными. В перспективных исследованиях также целесообразно ставить задачи углубленного изучения психологических профессионально важных качеств, способностей и ориентаций, входящих в состав психолого-педагогического компонента профессиональной компетентности у сотрудников, состоящих на службе в различных отделах. Это позволит выделить качества инвариантные (общие и обязательные для всех должностей) и качества особенные, типичные для сотрудников, представляющих ту или иную службу (воспитательную, оперативную, режимную и т. д.). Применение в исследовании помимо психодиагностических методик еще и метода экспертной оценки, а также сопоставление результатов с объективными показателями эффективности труда сотрудников позволит приблизиться к обоснованию более четкой структуры их профессиональной компетентности, которую возможно использовать для совершенствования всех направлений психологического сопровождения сотрудников исправительных учреждений: от кадрового отбора и прогнозирования поведения кандидата на службу до психокоррекционных и развивающих мероприятий.

Литература

1. *Виноградов М.В., Ульянина О.А.* Основные направления психологической работы с курсантами и слушателями, а также сотрудниками, впервые принятыми на службу, в период

- профессионального обучения, в образовательных организациях системы МВД России (Часть 1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 1—14. DOI:10.17759/psylaw.2019090201
2. *Дорофеев А.А.* Профессиональная компетентность как показатель качества образования // Высшее образование в России. 2005. № 4. С. 30—33.
 3. *Драганова О.А.* Формирование и совершенствование профессиональной компетентности педагога-психолога в режиме адаптации профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)» [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2019. Том 16. № 1. С. 24—31. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2019/n1/Draganov.shtml (дата обращения: 12.02.2020).
 4. *Егорычев С.П.* Развитие профессионализма сотрудников МВД РФ с учетом их мотивации: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2011. 222 с.
 5. *Жуковский А.Н.* Педагогическая диагностика профессионализма при аттестации на вышестоящую должность сотрудников органов внутренних дел: дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 185 с.
 6. *Карпова Г.С.* Изучение профессионально важных качеств сотрудников ФСИН России в составе их профессиональной компетентности с учетом стажа службы в уголовно-исполнительной системе. // Материалы научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики» (г. Новокузнецк, 14—15 ноября 2013 г.). Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2014. С. 82—87.
 7. *Карпова Г.С.* Субъективные психологические факторы развития профессиональной компетентности сотрудников исправительных учреждений // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1. С. 151—154.
 8. *Карпова Г.С.* Экспертная оценка профессионально-личностного роста сотрудников исправительных учреждений в процессе направленного психологического развития их профессиональной компетентности // Прикладная юридическая психология. 2019. № 3. С. 90—98. DOI: 10.33463/2072-8336.2019.3(48).090-098
 9. *Карпова Г.С.* Психолого-педагогический компонент профессиональной компетентности сотрудников исправительных учреждений // Сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития» (Рязань, 5 апреля 2019 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2019. С. 849—857.
 10. *Ковалева М.Е.* Особенности нервно-психической дезадаптации у специалистов различного профиля профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 219—231. DOI:10.17759/psylaw.2019090316
 11. *Ковальчук И.А., Сочивко Д.В.* Специфические системообразующие свойства интеллектуально-личностного потенциала сотрудников ФСИН России на начальном этапе служебной деятельности [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 2. С. 127—143. DOI:10.17759/psyedu.2020120208
 12. *Купцов И. И.* Модель профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 20—30.
 13. *Лаптев Л.Г., Столяренко А.М., Буданов А.В., Грищенко Л.Л., Демин Г.И.* Профессиональная культура субъекта труда как интегративный феномен [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 180—191. DOI:10.17759/psylaw.2018080416
 14. *Митина Л.М., Митин Г.В.* Психологический анализ проблемы маргинализма, прокрастинации, выученной беспомощности как барьеров личностно-профессионального

развития человека // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 90—100.
DOI:10.17759/pse.2020250308

15. Огородников В. И. Проблемы, состояние и предложения по совершенствованию кадровой политики уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 149—152.

16. Панов В.И., Селезнева М.В. Опыт изучения профессиональных компетенций преподавателей иностранных языков военного вуза на разных стадиях становления субъектности // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 4. С. 72—80.
DOI:10.17759/pse.2019240406

17. Раков А. М. Профессиональный психологический отбор в уголовно-исполнительной системе России и его эффективность // Прикладная юридическая психология. 2009. № 2. С. 104—114.

18. Ульянина О.А. Концепция психологического сопровождения профессиональной подготовки сотрудников ОВД // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 6. С. 28—37. DOI:10.17759/pse.2019240603

19. Черникова Л. В. Развитие профессиональной успешности педагога-воспитателя в процессе повышения квалификации: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Омск, 2018. 24 с.

20. Щербаков Г. В. Психологическое обеспечение формирования кадрового резерва в территориальных органах ФСИН России на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 8. С. 5—8.

21. Donance V. Learning by explaining: Impacts of explanations on the development of a competence // European review of applied psychology. 2015. Nov. Vol. 65. Is. 6. P. 307—315.

22. Feyfant A. Transformations du travail enseignant: finalités, Gaeta M., Marzano A., Miranda S., Sandkuhl K. The competence management to improve the learning engagement // Journal of Ambient Intelligence and Humanized Computing. Information Systems Frontiers. 2017. June. Vol. 8. Is. 3. P. 405—417.

23. Lundgren H. Y. Impact of short-term study abroad program: Inservice teachers' development of intercultural competence and pedagogical beliefs // Teaching and Teacher Education. 2017. Aug. № 66. P. 147—157.

References

1. Vinogradov M.V., Ul'yanina O.A. The main directions of psychological work with cadets and trainees, as well as employees who were first employed during professional training, in educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia (Part 1) [Elektronnyi resurs] // Psikhologiya i pravo [Psychology and law], 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 1—14. DOI:10.17759/psylaw.2019090201 (In Russ., abstr. in Engl.)

2. Dorofeev A. A. Professional'naya kompetentnost' kak pokazatel' kachestva obrazovaniya [Professional competence as an indicator of the quality of education]. Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia], 2005, no. 4, pp. 30—33. (In Russ., abstr. in Engl.)

3. Draganova O.A. Formation and improvement of professional competence of a teacher-psychologist in the mode of adaptation of the professional standard "Teacher-psychologist (psychologist in the field of education)" [Elektronnyj resurs] // Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya [Bulletin of practical psychology of education], 2019, no.1, pp. 24—31. (In Russ.)

4. Egorychev S. P. Razvitie professionalizma sotrudnikov MVD RF s uchetom ikh motivatsii. Diss. kand. psikhol. nauk. [Development of professionalism of employees of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation taking into account their motivation. Ph. D. (Psychology) diss.].

Moscow, 2011. 222 p.

5. Zhukovskii A. N. Pedagogicheskaya diagnostika professionalizma pri attestatsii na vyshestoyashchuyu dolzhnost' sotrudnikov organov vnutrennikh del. Diss. kand. psikhol. nauk. [Pedagogical diagnostics of professionalism at certification for a higher position of employees of internal Affairs bodies. Ph. D. (Psychology) diss.]. Saint Petersburg, 2006. 185 p.
6. Karpova G. S. Izuchenie professional'no vazhnykh kachestv sotrudnikov FSIN Rossii v sostave ikh professional'noi kompetentnosti s uchetom stazha sluzhby v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme. [Study of professionally important qualities of employees of the Federal penitentiary service of Russia as part of their professional competence, taking into account the length of service in the penal system.]. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeistvie nauki i praktiki» (g. Novokuznetsk, 14—15 noyabrya 2013 g.). [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "The Penal system today: interaction of science and practice"]. Novokuznetsk: KI of the FPS of Russia, 2014, pp. 82—87. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Karpova G. S. Sub"ektivnye psikhologicheskie faktory razvitiya professional'noi kompetentnosti sotrudnikov ispravitel'nykh uchrezhdenii. [Subjective psychological factors of professional competence development of correctional officers]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie. [Human: crime and punishment], 2014, no. 1, pp. 151—154. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Karpova G. S. Expert assessment of professional and personal growth of correctional officers in the process of directed psychological development of their professional competence // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied Legal Psychology Scientific Journal], 2010, no 3, pp. 90—98. (In Russ., abstr. in Engl.)
9. Karpova G. S. Psychological and pedagogical component of professional competence of correctional officers // Sbornik materialov Vserossijskogo simpoziuma psihologov «Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya» [Collection of materials of the all-Russian Symposium of psychologists "Psychology of the XXI century: challenges, searches, vectors of development".], 2019, pp. 849—857.
10. Kovaleva M.E. Features of neuropsychological maladaptation in specialists of various professional activities [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo. [Psychology and law], 2019. Vol. 9, no. 3, pp. 219—231. DOI:10.17759/psylaw.2019090316 (In Russ., abstr. in Engl.)
11. Koval'chuk I.A., Sochivko D.V. Specific system-forming properties of the intellectual and personal potential of employees of the Federal penitentiary service of Russia at the initial stage of official activity // Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological-educational studies], 2020, no. 2, pp. 127—143. (In Russ., abstr. in Engl.)
12. Kuptsov I. I. Model' professional'noi kompetentnosti sotrudnikov FSIN Rossii. [Model of professional competence of employees of the Federal penitentiary service of Russia]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied Legal Psychology Scientific Journal], 2013, no. 4, pp. 20—30. (In Russ., abstr. in Engl.)
13. Laptev L.G., Stolyarenko A.M., Budanov A.V., Grishchenko L.L., Demin G.I. Professional culture of the subject of labor as an integrative phenomenon [Electronic resource]. Psikhologiya i pravo [Psychology and law], 2018. Vol. 8, no. 4, pp. 180—191. DOI:10.17759/psylaw.2018080416. (In Russ., abstr. in Engl.)
14. Mitina L.M., Mitin G.V. Psychological analysis of the problem of marginalism, procrastination, learned helplessness as barriers to personal and professional development of a person // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education], 2020, no. 3, pp. 90—100. (In Russ., abstr. in Engl.)
15. Ogorodnikov V. I. Problemy, sostoyanie i predlozheniya po sovershenstvovaniyu kadrovoi

politiki ugovolno-ispolnitel'noi sistemy [Problems, state and proposals for improving the personnel policy of the criminal Executive system]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology Scientific Journal], 2010, no. 1, pp. 149—152. (In Russ., abstr. in Engl.)

16. Panov V.I., Selezneva M.V. Experience in studying professional competencies of foreign language teachers at military universities at different stages of subjectivity formation // *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2019, no. 4, pp. 72—80. (In Russ., abstr. in Engl.)

17. Rakov A. M. Professional'nyi psikhologicheskii otbor v ugovolno-ispolnitel'noi sisteme Rossii i ego effektivnost' [Professional psychological selection in the criminal Executive system of Russia and its effectiveness]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology Scientific Journal], 2009, no 2, pp. 104—114. (In Russ., abstr. in Engl.)

18. Ul'yanina O.A. Concept of psychological support of professional training of police officers // *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2019, no. 6, pp. 28—37. (In Russ., abstr. in Engl.)

19. Chernikova L. V. Razvitie professional'noi uspehnosti pedagoga-vospitatelya v protsesse povysheniya kvalifikatsii. Diss. kand. ped. nauk. [Development of professional success of a teacher-educator in the process of professional development. Ph. D. (Pedagogical) Thesis]. Omsk, 2018. 24 p.

20. Shcherbakov G. V. Psikhologicheskoe obespechenie formirovaniya kadrovogo rezerva v territorial'nykh organakh FSIN Rossii na sovremennom etape razvitiya ugovolno-ispolnitel'noi sistemy [Psychological support for the formation of a personnel reserve in the territorial bodies of the Federal penitentiary service of Russia at the present stage of development of the criminal Executive system]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy* [Statements of the criminal Executive system.], 2011, no. 8, pp. 5—8. (In Russ., abstr. in Engl.)

21. Donance V. Learning by explaining: Impacts of explanations on the development of a competence. *European review of applied psychology. Revue europeenne de psychologie appliquee*. Nov. 2015. Vol. 65. Issue 6. pp. 307—315.

22. Feysant A. Transformations du travail enseignant: finalités, Gaeta M., Marzano A., Miranda S., Sandkuhl K. The competence management to improve the learning engagement. *Journal of Ambient Intelligence and Humanized Computing. Information Systems Frontiers*. June 2017. Vol. 8. Issue 3. pp. 405—417.

23. Lundgren H. Y. Impact of short-term study abroad program: Inservice teachers' development of intercultural competence and pedagogical beliefs. *Teaching and teacher education*. Aug. 2017. № 66. pp. 147—157.

Информация об авторах

Карпова Галина Сергеевна, преподаватель кафедры общей психологии, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3595-5678>, e-mail: ufkbyrf86@mail.ru

Черемисова Ирина Валерьевна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>, e-mail: irinarusa@inbox.ru

Ковальчук Илья Александрович, старший преподаватель кафедры общей психологии, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-

Карпова Г.С., Черемисова И.В., Ковальчук И.А.
Особенности профессионально важных качеств
руководителей исправительных учреждений
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 40—54.

Karpova G.S., Cheremisova I.V., Kovalchuk I.A.
Professionally Relevant Traits of the Heads of Correctional
Facilities
Psychology and law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 40—54.

mail: iljakvlchk@rambler.ru

Information about the authors

Galina S. Karpova, lecturer of general psychology department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3595-5678>, e-mail: ufkbyrf86@mail.ru

Irina V. Cheremisova, DSc (Psychology), Associate Professor, professor of general psychology department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>, e-mail: irinarusa@inbox.ru

Ilya A. Kovalchuk, lecturer of general psychology chair, Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Ryazan, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

Получена 07.04.2020
Принята в печать 12.05.2021

Received 07.04.2020
Accepted 12.05.2021

Женщины в уголовно-исполнительной системе: личностные особенности и перспективы профессионально-должностного роста

Цветкова Н.А.

Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РГСУ), г. Москва, Российская Федерация; Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>; e-mail: tvetkovana@yandex.ru

Кулакова С.В.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>, e-mail: centr2nii@yandex.ru

Представлены результаты эмпирического исследования женщин, работающих в пенитенциарной системе. Использовались семь методик: личностный опросник «Большая пятерка» (тест NEO PI); тесты: «эмоциональный интеллект» Н. Холла и «Взрослый» - «Дитя» - «Родитель» Э. Берна; методики: диагностика мотиваторов социально-психологической активности; изучения стиля саморегуляции поведения В.И. Моросановой; «Самооценка возможностей профессионального развития и перспектив должностного роста»; «Экспертная оценка личности сотрудника» Б.Г. Бовина. Обследованная группа сотрудниц характеризуется: а) преимущественно среднеуровневыми показателями четырех «черт нормальной личности»; б) невысоким уровнем «эмоционального интеллекта», с доминирующим компонентом «самотивация», в) нарушениями осложняющими межличностное общение; г) стремлением к успеху при значительно менее выраженном стремлении к власти; д) акцентуированным среднеуровневым стилем саморегуляции поведения, ведущим компонентом которого является «моделирование», а «отстающим» — личностное качество «самостоятельность». Предложены рекомендации по совершенствованию работы с кадрами в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, сотрудники женского пола, личностные особенности сотрудниц, перспективы профессионально-должностного роста.

Для цитаты: Цветкова Н.А., Кулакова С.В. Женщины в уголовно-исполнительной системе: личностные особенности и перспективы профессионально-должностного роста [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 55—71. DOI:10.17759/psylaw.2021110205

Цветкова Н.А., Кулакова С.В.
Женщины в уголовно-исполнительной системе:
личностные особенности и перспективы
профессионально-должностного роста
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 55—71.

Tsvetkova N.A., Kulakova S.V.
Women in Penal Correction System: Personality
Characteristics and Opportunities for Professional and
Career Development
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 55—71.

Women in Penal Correction System: Personality Characteristics and Opportunities for Professional and Career Development

Nadechda A. Tsvetkova

Russian state social University, Russia; Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>, e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

Svetlana V. Kulakova

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>, e-mail: centr2nii@yandex.ru

Presents the results of an empirical study of women employed in the penitentiary system. Seven techniques were used: the Big Five Personality Questionnaire (NEO Personality Inventory); Hall Emotional Intelligence Test (by Nicholas Hall); test E.Berne'; the diagnostic technique for the motivators of one's socio-psychological activity; the methodology for studying the style of one's behavioral self-regulation by V.I. Morosanova; self-rating of possibilities for one's professional development and career; expert evaluation of officer's personality by B.G. Bovin. The examined group of female officers is characterized by : a) mid-range values of the four "traits of a normal personality"; b) modest levels of "emotional intelligence"; c) structural personality disorders which complicate interpersonal communication; d) an ambition to succeed accompanied by a much less apparent will to power; e) an accentuated average style of behavioral self-regulation with the vitally important "modeling skill" as the leading component and the "self-dependence" trait as a "backward" one. Finally, recommendations were proposed to improve the work with the personnel in the penitentiary system.

Keywords: penal correction system, female officials, personality characteristics of female officials, opportunities for professional and career development.

For citation: Tsvetkova N.A., Kulakova S.V. Women in Penal Correction System: Personality Characteristics and Opportunities for Professional and Career Development. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 55—71. DOI:10.17759/psylaw.2021110205 (In Russ.).

Введение

Женщины занимают в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее — УИС) различные должности. Однако большинство из них работают в социальной, медицинской службах, бухгалтерии, воспитательных и психологических подразделениях.

Некоторые виды трудовой деятельности в УИС женщинам не рекомендованы (это деятельность в отделах специального назначения, пожарной службе, оперативно-дежурных подразделениях, отделах по конвоированию подозреваемых, обвиняемых и осужденных и т. д.) в силу их особенностей, связанных с полом. В каких из них женщины более эффективны, достоверно пока не установлено.

Однако к настоящему времени накопились публикации, позволяющие выстроить теоретико-методологическую основу эмпирического исследования личностных особенностей и перспектив профессионально-должностного роста женщин-сотрудников УИС. Ее составляют многочисленные разработки, выполненные по трем направлениям научных изысканий.

1. Особенности профессиональной деятельности в УИС и проблемы профессиональной адаптации сотрудников [6; 8; 9; 11 и др.]. Исследователи практически единодушно отмечают, что профессиональная деятельность сотрудников УИС имеет ряд характерных особенностей. Это: а) строго регламентированный нормативно-правовыми актами труд, требующий повышенной ответственности за любые предпринятые действия, а также результаты межличностного общения и социального взаимодействия в ситуациях вынужденных контактов; б) деятельность, строящаяся на основе субординационных отношений, при которых сотрудник обязан выполнять приказы вышестоящих по служебной лестнице лиц; в) работа, изначально предполагающая готовность к ее выполнению в экстремальных ситуациях и стрессогенных условиях; г) работа, где практикуется властное проявление служебных полномочий; д) деятельность, осуществляя которую, сотрудники руководствуются принципами самостоятельности, независимости и персональной ответственности.

2. Требования к личности сотрудника УИС и особенности его профессионального развития [1; 2; 4; 5; 7; 10; 11; 13; 14; 17 и др.]. Отмеченные выше характерные особенности профессионального труда в УИС предъявляют к сотрудникам определенные требования, в перечне которых: профессиональная адаптированность, личностная целостность, социальная зрелость, стрессоустойчивость, уверенность в себе, высокий интеллект, гибкость, решительность, способность брать на себя ответственность за принимаемые решения и др. Все они не что иное, как индивидуально-личностные предпосылки эффективности профессиональной деятельности в УИС, а также условие успешного труда, очевидного для себя и для других. Эти требования носят «бесполой» характер и не учитывают влияние гендера.

3. Личностные особенности и социально-психологические проблемы женщин-сотрудников УИС [13; 15; 18 и др.].

Анализ публикаций показал, что исследования подобного рода малочисленны и пока не дают полного представления о ресурсах, обуславливающих эффективность женского труда в этой системе. Очевидно, что данное направление можно считать одним из перспективных, поскольку число женщин, занятых профессиональным трудом в УИС, растет, а их ресурсы и ограничения здесь остаются недостаточно изученными.

Возникли вопросы: какие женщины в настоящее время трудятся в УИС? Как они оценивают возможности своего профессионального развития и должностного роста? Как их

оценивают те, кто являются их непосредственными руководителями, а также сотрудники кадровых и психологических служб?

С целью поиска ответов на эти вопросы нами было проведено эмпирическое исследование, выборку которого составили 75 женщин — сотрудниц УИС в возрасте от 24 до 48 лет (средний возраст — 33 года), работающих в пенитенциарной системе разных территориальных органов ФСИН России от одного до 21 года (средний стаж работы в УИС — 9 лет). Из них: две сотрудницы (2,7%) имели среднее образование, 22 (29,3%) — среднее специальное образование, 15 (20%) — высшее ведомственное, 36 (48%) — высшее гражданское. По семейному положению: были не замужем — 8 женщин (10,7%), состояли в браке — 48 женщин (64%), находились в разводе — 8 (10,7%), сожительствовали — 7 (9,3%), вдовствовали — 4 (5,3%). Большинство сотрудниц (78,7%) имели детей. Из общего числа обследованных 66 женщин (88%) трудились рядовыми сотрудницами, начиная с младшего инспектора, 9 женщин (12%) занимали руководящие посты — служили в должности начальника отряда, начальника отделения, начальника отдела.

Методы и методики исследования

Применялся метод психологического тестирования. Использовались семь методик психодиагностики: 1) пятифакторный личностный опросник «Большая пятерка» Р. МакКрея и П. Коста (тест NEO PI, позволяющий получить обобщенный психологический портрет личности по оценкам пяти «черт нормальной личности» — нейротизма, экстраверсии, открытости опыту, сотрудничества, добросовестности) [14]; 2) тест «Эмоционального интеллекта» Н. Холла [14]; 3) тест Э. Берна «Ролевые позиции в межличностных отношениях “ВДР”» [14]; 4) методика диагностики мотиваторов социально-психологической активности — стремлений к успеху, власти, социальному признанию (по теории Д. Макклелланда) [14]; 5) методика изучения стиля саморегуляции поведения В.И. Моросановой (ССПМ) [12]; 6) «Самооценка возможностей профессионального развития и перспектив должностного роста»; 7) «Экспертная оценка личности сотрудника» Б.Г. Бовина (ЭОЛС) [2]. Математико-статистическая обработка данных осуществлена с помощью методов пакета MS Office Excel, IBM SPSS Statistics 23. Корреляционный анализ данных выполнен по методу Пирсона.

Результаты

1. Обобщенный психологический портрет личности женщин-сотрудниц УИС, полученный на основе личностного опросника «Большая пятерка».

Таблица 1

Распределение женщин-сотрудников УИС по уровням развитости пяти «черт нормальной личности»

Замеряемые параметры	Уровни выраженности			
	Высокий (чел./%)	Средний (чел./%)	Низкий (чел./%)	Средние значения
1. Экстраверсия	0	3/4,0%	72/96,0%	28,8

2. Сотрудничество	13/17,3%	51/68,0%	11/14,7%	45,1
3. Добросовестность	1/1,3%	32/42,7%	42/56,0%	39,9
4. Нейротизм	14/18,7%	46/61,3%	15/20,0%	45,5
5. Открытость новому опыту	38/50,7%	33/44,0%	4/5,3%	50,1

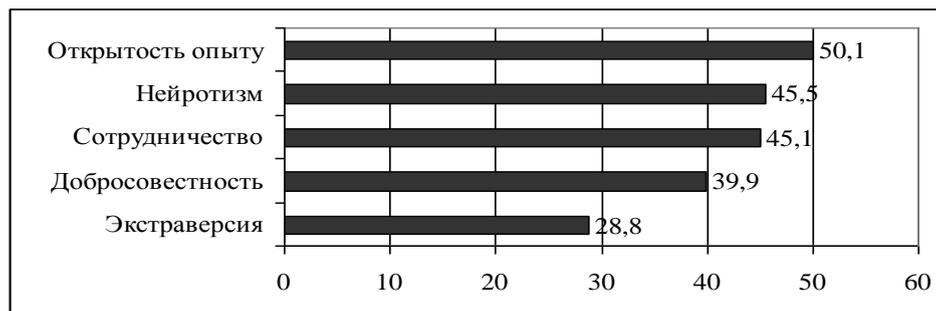

Рис. 1. Особенности личности сотрудниц УИС, определенные по пяти «чертам нормальной личности»

Областью средних значений является интервал от 41 до 50 баллов; максимальное значение — 75 баллов. Представленные в табл. 1 и на рис. 1 данные позволяют заключить, что обследованная группа женщин в целом характеризуется средними показателями измеряемых параметров, при этом в пятерке их «черт нормальной личности» доминирует показатель «открытость новому опыту» (он достиг значения высокого уровня).

2. Результаты диагностики «эмоционального интеллекта».

Таблица 2

Распределение женщин — сотрудников УИС по уровням «эмоционального интеллекта»

Замеряемые параметры	Уровни выраженности			Средние значения
	Высокий (чел./%)	Средний (чел./%)	Низкий (чел./%)	
1. Эмоциональная осведомленность	1 / 1,3%	32/42,7%	42/56%	6,1
2. Управление эмоциями	3/4%	21/28%	51/68%	4,1
3. Самомотивация	3/4%	42/56%	30/40%	7,2
4. Эмпатия	5/6,7%	30/40%	40/53,3%	7,0
5. Распознавание эмоций	3 / 4%	21 / 28%	48 / 64%	5,5
Общий уровень эмоционального интеллекта	2 / 2,7%	21 / 28%	52 / 69,3%	29,9

Рис. 2. Особенности «эмоционального интеллекта» сотрудниц УИС

Судя по табл. 2 и рис. 2, ведущим компонентом «эмоционального интеллекта» обследованных женщин-сотрудников УИС является «самомотивация», за которой, с небольшим отрывом, следует «эмпатия». Проблему в «эмоциональном интеллекте» составляют его в целом невысокий уровень и трудности управления собственными эмоциями, с распознаванием которых сотрудницы тоже в определенной степени затрудняются.

3. Результаты исследования ролевых позиций в межличностных отношениях в зависимости от Эго-состояний: «Взрослый»—«Дитя»—«Родитель».

Таблица 3

Распределение женщин-сотрудников УИС по типам нарушений в структуре личности в зависимости от Эго-состояний «Взрослый»—«Дитя»—«Родитель», проявляющихся в межличностном общении

Замеряемые параметры	Чел./%	Средние значения по группе
- ВДР (норма)	11/14,7%	
«Взрослый»		48,4
«Дитя»		37,0
«Родитель»		41,4
Нарушения:	Чел./%	
- ДВР	12/16%	
- РВД	10/13.3%	
- Другие нарушения	42/56%	

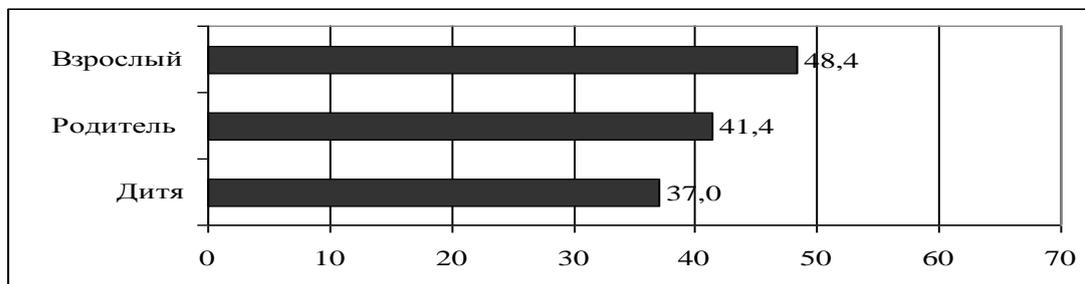

Рис. 3. Особенности структуры личности сотрудниц УИС в зависимости от Эго-состояний «Взрослый»—«Дитя»—«Родитель», проявляющихся в общении

Данные, представленные в табл. 3 и рис. 3, дают основание для вывода о том, что примерно у 85% обследованных сотрудниц УИС структура личности является нарушенной. У 56% женщин в структуре личности за Эго-состоянием «Взрослый» следует не Эго-состояние «Дитя» (как в нормативном варианте личностного профиля), а «Родитель». Эго-состояние «Родитель» выступает носителем социальных норм и предписаний, усвоенных человеком в течение жизни. У женщин оно обнаруживается в таких особенностях межличностного взаимодействия, как контроль, запреты, высокие требования, категоричность и т. п. Для 13% обследованных женщин с нарушением структуры личности по типу «РВД» особенно характерны догматичность и жесткость, категоричность в суждениях и поступках, чрезмерная самоуверенность в общении; они часто говорят, не сомневаясь в достоверности сказанного и не заботясь о последствиях своих слов и действий. В то же время 16% женской выборки общаются с другими людьми преимущественно в Эго-состоянии «Дитя», что чаще всего свидетельствует о высоком творческом потенциале, но низком уровне личностной зрелости.

4. Результаты диагностики мотиваторов социально-психологической активности.

Таблица 4

Распределение сотрудниц по типам и уровням мотиваторов социально-психологической активности

Мотиваторы активности	Уровни выраженности			
	Высокий (чел./%)	Средний чел./%	Низкий (чел./%)	Среднее значение
1. Власть	22/29,3%	52/69,4%	1/1,3%	16,8
2. Признание	39/52%	36/48%	0	18,4
3. Успех	57/76%	18/24%	0	20,7

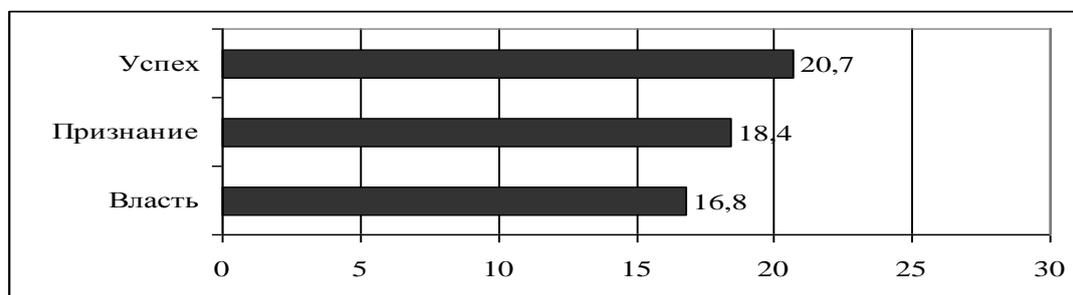

Рис. 4. Рейтинг мотиваторов социально-психологической активности обследованных сотрудниц УИС

Табл. 4 и рис. 4 показывают значимость мотиватора достижения успеха при сравнительно малой значимости для женщин мотиватора «власть».

5. Результаты исследования стиля саморегуляции поведения.

Таблица 5

Распределение женщин-сотрудников УИС по уровням структурных компонентов стиля саморегуляции поведения

Замеряемые параметры (от 0 до 9 баллов по каждой шкале)	Уровни выраженности			
	Высокий (чел./%)	Средний (чел./%)	Низкий (чел./%)	Средние значения
1. Планирование	31/41,3%	44/58,7%	0	6,4
2. Моделирование	47/62,7%	27/36%	1/1,3%	6,9
3. Программирование	40/53,3%	32/42,7%	3/4%	6,5
4. Оценка результатов	27/36%	44/58,7%	4/5,3%	6,0
5. Гибкость	36/48%	29/38,7%	10/13,3%	6,1
6. Самостоятельность	9/12%	42/56%	24/32%	4,3
Общий уровень саморегуляции	17/22,7%	52/69,3%	6/8%	36,2

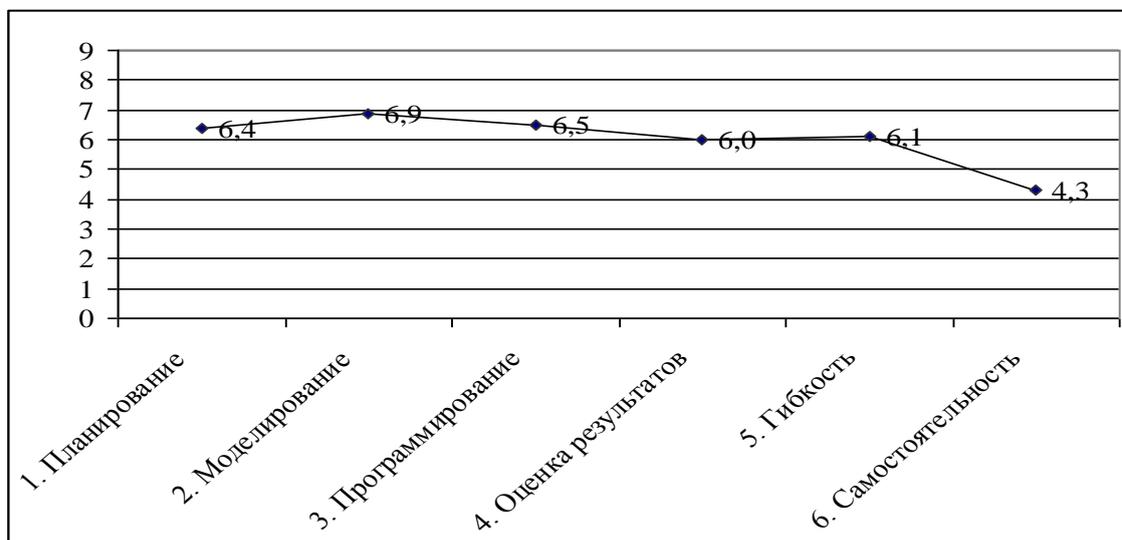

Рис. 5. Стиль саморегуляции поведения обследованных сотрудниц УИС

Рис. 5 показывает, что ведущим компонентом стиля саморегуляции поведения женщин-сотрудников УИС является жизненно важное умение «моделирование», а «отстающим» — личностное качество «самостоятельность», что позволяет в целом охарактеризовать его как акцентуированный, так как один из компонентов стиля оказался относительно слабо развитым.

6. Результаты анализа оценки женщинами возможностей для своего профессионального развития и перспектив должностного роста в УИС.

Женщинам предлагалось использовать следующую систему оценок: 0 — затрудняюсь с ответом; 1 — скорее нет, чем есть; 2 — скорее есть, чем нет; 3 — есть; 4 — хорошие; 5 — очень хорошие. Результаты анализа полученных данных представлены в табл. 6.

Таблица 6

Общегрупповые показатели оценки женщинами возможностей своего профессионального роста и перспектив должностного продвижения в УИС

Оцениваемые параметры	Среднее значение по группе (75 женщин-сотрудников УИС)
1. Возможности профессионального роста	3,4
2. Перспективы должностного продвижения	1,5

Табл. 6 показывает, что обследованные женщины довольно высоко оценивают возможности своего профессионального роста в УИС (хотя оценку «очень хорошие» никто из сотрудниц не поставил, но и никто из них не затруднился в оценке данного параметра; 4

человека (5,3%) ответили: «Скорее есть, чем нет»; для 41 женщины (54,7%) такие возможности точно есть; для 30 женщин (40%) они представлялись «хорошими»).

Иная картина — по параметру «Перспективы должностного продвижения»: его общегрупповая оценка более чем в 2 раза ниже оценки возможностей профессионального роста; при этом затруднились ответить 16 женщин (21,3%); ответили «Скорее нет, чем есть», 27 человек (36%), «Скорее есть, чем нет» — 13 человек (17,4%), «Есть» — 15 человек (20%), «Перспективы хорошие» — 4 человека (5,3%).

7. Результаты анализа экспертных оценок сотрудниц по 9-и параметрам: физическое развитие, умственные способности, отношения к работе, нравственные качества, характер, лидерские качества, отношение к людям, социометрический статус, оценка труда сотрудника. В качестве экспертов выступали их непосредственные руководители, работники кадровых служб и психологи структурных подразделений.

Таблица 7

Оцениваемые параметры	Средние значения
1. Отношение к работе	5,0
2. Характер	4,9
3. Умственные способности	4,8
4. Нравственные качества	4,8
5. Отношение к людям	4,8
6. Лидерские качества	4,6
7. Физическое развитие	4,2
8. Оценка труда сотрудницы	3,7
9. Социометрический статус	3,5
Общегрупповой уровень ЭОЛС	40,3

Максимально возможная оценка общего уровня личности сотрудника составляет 63 балла. Общегрупповой показатель ЭОЛС обследованных сотрудниц УИС (40,3 балла) относится к области средних значений; в частности, лишь 7 женщин имеют оценку высокого уровня. Этот факт отражает представленная ниже таблица 8.

Таблица 8

	Уровни выраженности		
	Высокий (чел./%)	Средний (чел./%)	Низкий (чел./%)
Общий уровень ЭОЛС			

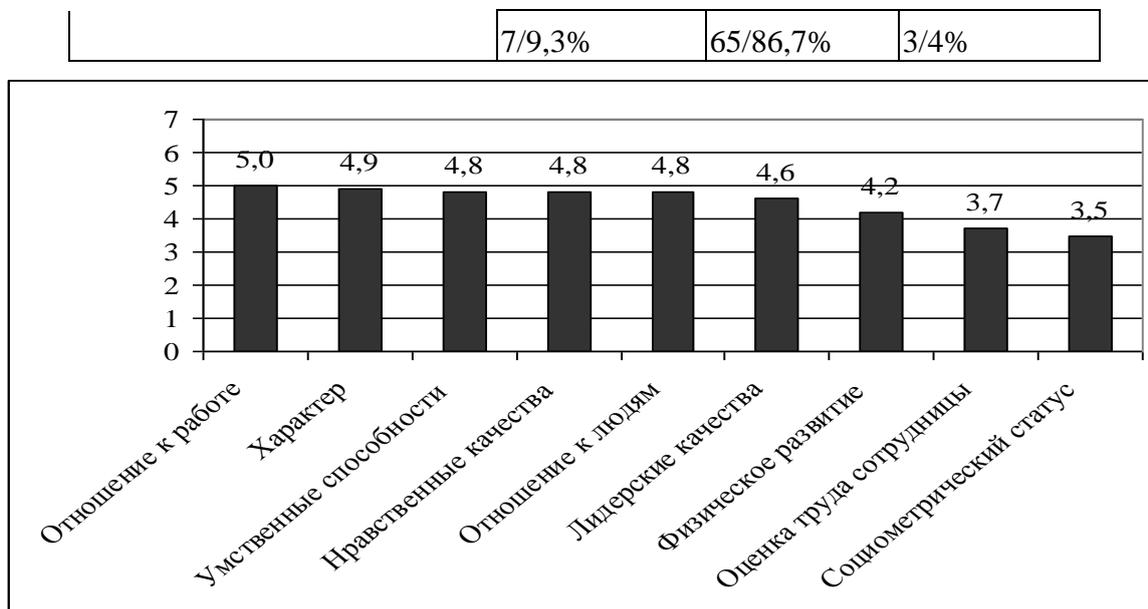

Рис. 6. Рейтинг частных общегрупповых экспертных оценок обследованных сотрудниц УИС

Рис. 6 отражает некоторое противоречие: с одной стороны, эксперты оценивают сотрудниц УИС довольно высоко, особенно по параметру «отношение к работе», но, с другой стороны, — весьма посредственно — по параметрам «оценка труда сотрудницы» и «социометрический статус». Получается, что при позитивном настрое на работу в УИС результаты труда обследованных женщин едва соответствуют ожидаемым, а сами женщины имеют весьма невысокий социометрический статус в трудовом коллективе.

Полученные по семи методикам данные были подвергнуты корреляционному анализу, в ходе которого обнаружены многочисленные связи между исследуемыми переменными. Наиболее значимыми из них являются следующие.

1. Тесные прямые согласования (перечислены в порядке снижения значимости) между общим уровнем ЭОЛС ($r = 0,642$ при $p = 0,000$) и такими его частными параметрами, как «социометрический статус» ($r = 0,744$ при $p = 0,000$), «характер», «физическое развитие» (соответственно $r = 0,384$ при $p = 0,001$ и $r = 0,367$ при $p = 0,001$), «отношение к работе» ($r = 0,358$ при $p = 0,002$), «лидерские качества» ($r = 0,304$ при $p = 0,008$), что вполне логично. В то же время обнаружены корреляции слабой значимости общего уровня ЭОЛС и его девяти структурных компонентов с данными психодиагностических методик, например, с параметром «самостоятельность» — структурным компонентом стиля саморегуляции поведения ($r = 0,232$ при $p = 0,045$), с параметром «добросовестность» из пяти «черт нормальной личности» ($r = -0,289$ при $p = 0,012$) и другие. Этот результат свидетельствует о высокой вероятности того, что оценки экспертов выставлены по принципу «нравится/не нравится», т. е. под влиянием эмоций, а не на основе вдумчивого анализа фактов. Выдвинутое предположение касается и социометрического статуса сотрудниц УИС.

2. Самооценка перспективы профессионального развития тесно согласуется с самооценкой перспективы должностного роста ($r = 0,307$ при $p = 0,007$): чем выше первая,

тем выше вторая и наоборот.

3. Самооценка перспективы должностного роста, тесно согласуясь с самооценкой профессионального развития, отрицательно коррелирует с таким компонентом стиля саморегуляции поведения, как «планирование» ($r = -0,292$ при $p = 0,011$). То есть чем выше у сотрудниц развито жизненно важное умение осознанного планирования жизнедеятельности, тем ниже (возможно, реалистичнее) они оценивают перспективы своего должностного роста в УИС. Также выявлены слабые корреляции этого параметра с данными психодиагностических методик: с эмпатией ($r = 0,268$ при $p = 0,020$), с общим уровнем «эмоционального интеллекта» ($r = 0,243$ при $p = 0,035$), с «сотрудничеством» — одной из пяти «черт нормальной личности» ($r = 0,278$ при $p = 0,016$). Из этого следует, что склонные к сотрудничеству женщины с более высоким уровнем «эмоционального интеллекта» (в частности, эмпатии) оценивают перспективы собственного должностного продвижения несколько выше, чем «отстающие» от них по данным параметрам сослуживицы.

В заключение отметим главное.

1. Обследованная группа женщин-сотрудников УИС характеризуется: а) преимущественно средними показателями пяти «черт нормальной личности» (экстраверсия, нейротизм, сотрудничество, добросовестность, открытость новому опыту). В рейтинге этих черт доминирует «открытость новому опыту» (она достигла области высокого уровня, что означает готовность женщин к личностному росту и развитию), но при этом относительно низкими явились показатели экстраверсии и добросовестности; б) невысоким уровнем «эмоционального интеллекта», в структуре которого доминирует «самотивация», а основную проблему составляют трудности управления собственными эмоциями, с распознаванием которых женщины тоже в определенной степени затрудняются; в) нарушениями в структуре личности, определяемыми по доминированию в межличностном общении Эго-состояний «Взрослый»—«Дитя»—«Родитель» (нарушения обнаружены у 85% сотрудниц); г) стремлением к успеху (этот мотиватор социально-психологической активности является ведущим при относительно слабом стремлении к власти); д) акцентуированным среднеуровневым стилем саморегуляции поведения, ведущим компонентом которого является жизненно важное умение «моделирование», а «отстающим» — личностное качество «самостоятельность».

2. Женщины довольно высоко оценивают возможности своего профессионального развития в УИС, но при этом низко оценивают перспективы должностного роста. Не видя возможностей должностного продвижения, большинство из них не стремятся к власти.

3. С точки зрения экспертов (непосредственных руководителей обследованных сотрудниц, работников кадровых служб и психологов структурных подразделений), по общему уровню ЭОЛС из 75 женщин высокой оценке как сотрудники соответствуют 7 человек (9,3%), низкой — 3 человека (4%).

4. В сообществе сотрудниц УИС особо выделяются женщины двух типов: эмпатичные, склонные к сотрудничеству, имеющие относительно высокий «эмоциональный интеллект» (они более оптимистичны в оценке перспектив своего должностного роста), и женщины с относительно более развитым жизненно важным умением осознанного планирования жизнедеятельности (они более сдержаны в оценке своих перспектив в УИС,

даже если имеют признаки женщин первого типа). Очевидно, что у этих женщин есть тот профессионально-личностный потенциал, в котором сегодня нуждается система, однако для его выявления и реализации нужны определенные условия.

В целом, полученные данные позволяют предположить наличие социально-психологических факторов, препятствующих личностно-профессиональной самореализации женщин в УИС, которые необходимо выявить, нейтрализовать или хотя бы ослабить.

Результаты позволяют сформулировать следующие рекомендации: 1) продолжить разработку проблемы «Женщина в УИС»; 2) при разработке программ повышения квалификации кадровым службам необходимо учитывать личностные особенности женщин, препятствующие их профессиональному развитию и должностному росту, и, в частности, нацелить программы на: а) повышение уровня добросовестности; б) развитие «эмоционального интеллекта» путем обучения управлению собственными эмоциями и их распознаванию; в) коррекцию нарушений в структуре личности; г) рост и гармонизацию общего уровня саморегуляции поведения, повышение самостоятельности как профессионально важного качества в его структуре; 3) продолжить совершенствование психологического обеспечения формирования кадрового резерва [12], в том числе путем включения в планы работы с ним [4] программ повышения личностно-профессиональной эффективности для женщин-сотрудников УИС, создания условий для укрепления их физической формы; 4) психологам структурных подразделений УИС шире практиковать методы групповой социально-психологической работы (тренинги, квесты, семинары-практикумы и др.), чтобы таким образом приблизить психологическое обеспечение деятельности в УИС к онтологической реальности сотрудников, ради успеха которых оно осуществляется.

Литература

1. *Алексеева О.С., Нилова Л.А., Цветкова Н.А.* Сравнительный анализ личностных характеристик сотрудников уголовно-исполнительной системы в зависимости от уровня экспертной оценки их личности // Прикладная юридическая психология. 2017. № 4(41). С. 32—42.
2. *Бовин Б.Г., Кокурин А.В.* Использование экспертной оценки личности для выявления личностных профессионально значимых качеств // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 4(31). С. 36—39.
3. *Галиева Г.И.* Психологические проблемы женщин-сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 4. URL: <http://human.snauka.ru/2017/04/23440> (дата обращения: 05.01.2020).
4. *Даниличева Т.П.* Формирование профессионализма сотрудников уголовно-исполнительной системы и развитие необходимых индивидуально-личностных качеств // Актуальные проблемы совершенствования гуманитарной и профессиональной подготовки в вузах Министерства юстиции Российской Федерации. Иваново: ВЮИ Минюста России, 2004. С. 39—48
5. *Исмаилов А.И., Желтов Р.А.* Структура профессионально важных качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы // Совершенствование системы подготовки кадров по единоборствам: Материалы научно-практической конференции преподавателей кафедры ТиМ единоборств РГУФКСиТ (16 декабря 2010 г.). Ч. 2. М.: РГУФКСиТ, 2010. С.

Цветкова Н.А., Кулакова С.В.
Женщины в уголовно-исполнительной системе:
личностные особенности и перспективы
профессионально-должностного роста
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 55—71.

Tsvetkova N.A., Kulakova S.V.
Women in Penal Correction System: Personality
Characteristics and Opportunities for Professional and
Career Development
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 55—71.

93—97.

6. Киселева Р.Н., Тоболович О.А. Гендерные аспекты организационной культуры уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2015. № 3. С. 34—38.

7. Коданева М.С., Ракитская О.Н., Лобанова Е.С. Профессионально важные качества личности сотрудника уголовно-исполнительной системы. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. 110 с.

8. Куанышева В.В. О специфике правового статуса женщин-сотрудниц уголовно-исполнительной системы в период с 1930 по 1953 гг. // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 1(15). С. 34—36.

9. Кузнецова Л.Э., Бочарова К.А. Особенности профессионального развития личности сотрудника уголовно-исправительного учреждения [Электронный ресурс] // Исследования молодых ученых: Материалы Международной научной конференции (г. Казань, июнь 2019 г.) // Молодой ученый. 2019. С. 50—51. URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/339/15121/> (дата обращения: 05.01.2020).

10. Кулакова С.В., Цветкова Н.А. Суицидальное поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы как актуальная проблема // Суицидология. 2017. Т. 8. № 4(29). С. 91—98.

11. Миронова О.М. Требования, предъявляемые к сотрудникам уголовно-исполнительной системы в современных условиях // Бизнес в законе. 2011. № 6. С. 82—84.

12. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика саморегуляции человека М.: Когито-Центр, 2015. 297 с.

13. Степанова О.Н. Психологические средства адаптации личности сотрудников уголовно-исполнительной системы к профессиональной деятельности: дисс. канд. ... психол. наук. Рязань, 2013. 283 с.

14. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп М.: И-т психотерапии, 2002. 490 с.

15. Хабриев Р.У., Кулакова С.В., Пертли Л.Ф., Спасенников Б.А. Смертность от внешних причин у лиц группы риска // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. Т. 27. № 1. С. 4—8.

16. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: учеб.-метод. пособие / А.Б. Хромов. Курган: КГУ, 2000. 23 с.

17. Цветкова Н.А., Кулакова С.В. Исследование стрессоустойчивости и жизнестойкости сотрудников уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Т. 9. № 2. С. 112—129.

18. Mityaeva A.M., Fomina S.N., Tsvetkova N.A., Rybakova A.I., Gedulyanova N.S., Khovanskaya E.A. Psychological counseling strategies for women regarding their level of fulfillment of need for personal development // Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2017. Т. 7. № S-APRLSPCL. P. 3263—3283.

References

1. Alekseeva O.S., Nilova L.A., Tsvetkova N.A. Sravnitel'nyi analiz lichnostnykh kharakteristik sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy v zavisimosti ot urovnya ekspertnoi otsenki ikh lichnosti. [A comparative analysis of the personal characteristics of the employees of the penal system depending on the level of expert assessment of their personality] *Prikladnaya*

yuridicheskaya psikhologiya. [Applied Legal Psychology], 2017, no. 4(41), pp. 32—42. (In Russ., in Engl.).

2. Bovin B.G., Kokurin A.V. Ispol'zovanie ekspertnoi otsenki lichnosti dlya vyyavleniya lichnostnykh professional'no znachimyykh kachestv [The use of expert assessment of personality to identify personal professionally significant qualities]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogy in law enforcement]*. 2007, no. 4(31), pp. 36-39. (In Russ., in Engl.).

3. Galieva G.I. Psikhologicheskie problemy zhenshchin - sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Psychological problems of women - law enforcement officers]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. [Humanitarian Research]*, 2017, no. 4. Available at: <http://human.snauka.ru/2017/04/23440> (Assessed: 05.01.2020). (In Russ., Abstr. in Engl.).

4. Danilicheva T.P. Formirovanie professionalizma sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy i razvitiye neobkhodimyykh individual'no-lichnostnykh kachestv. Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya gumanitarnoi i professional'noi podgotovki v vuzakh Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii. [The formation of professionalism of the employees of the penitentiary system and the development of the necessary individual and personal qualities. Actual problems of improving humanitarian and vocational training at universities of the Ministry of Justice of the Russian Federation]: Ivanovo. Publ. VYuI Minyusta Rossii, 2004. pp. 39—48. (In Russ.).

5. Ismailov A.I., Zheltov R.A. Struktura professional'no vazhnykh kachestv sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. Sovershenstvovanie sistemy podgotovki kadrov po edinoborstvam [The structure of professionally important qualities of employees of the penitentiary system]. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei kafedry TiM edinoborstv RGUFKSiT (g. Moscow, 16 dekabrya 2010 g.), [Improving the training system for martial arts: Materials of a scientific-practical conference of teachers of the department of martial arts and martial arts RSUFKSiT] Moscow. Publ. RGUFKSiT, 2010. pp. 93—97.*

6. Kiseleva R.N., Tobolovich O.A. Gendernye aspekty organizatsionnoi kul'tury ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. [Gender aspects of the organizational culture of the penal system] *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. [Applied Legal Psychology]*. 2015. no 3. pp. 34—38.

7. Kodaneva M.S., Rakitskaya O.N., Lobanova E.S. Professional'no vazhnye kachestva lichnosti sotrudnika ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Professionally important personality traits of a penitentiary officer] Vologda: Publ. VIPE FSIN Rossii, 2012. 110 p.

8. Kuanysheva V.V. O spetsifike pravovogo statusa zhenshchin-sotrudnits ugolovno-ispolnitel'noi sistemy v period s 1930 po 1953 gg. [On the specifics of the legal status of women employees of the penal system from 1930 to 1953.] *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. [Bulletin of the Samara Law Institute]*, 2015, no. 1(15), pp. 34—36.

9. Kuznetsova L.E., Bocharova K.A. Osobennosti professional'nogo razvitiya lichnosti sotrudnika ugolovno-ispravitel'nogo uchrezhdeniya [Tekst]. [Features of professional development of the personality of an employee of a penal institution] *Issledovaniya molodykh uchenykh: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kazan', iyun' 2019 g.). [Research by Young Scientists: Proceedings of the International Scientific Conference] Molodoi uchenyi. [Young scientist]*. 2019. pp. 50-51. Available at: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/339/15121/> (Assessed: 05.01.2020). (In Russ., Abstr. in Engl.).

10. Kulakova S.V., Tsvetkova N.A. Suitsidal'noe povedenie sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy kak aktual'naya problema. [Suicidal behavior of employees of the penal system as an actual problem]. *Suitsidologiya. [Suicidology]*. 2017. T. 8, no. 4(29), pp. 91-98.

11. Mironova O.M. Trebovaniya, pred'yavlyаемые k sotrudnikam ugolovno-ispolnitel'noi sistemy v sovremennykh usloviyakh. [Requirements for employees of the criminal Executive system in modern conditions]. *Biznes v zakone. [Business in law]* 2011, no. 6, pp. 82—84.
12. Morosanova V.I., Bondarenko I.N. Diagnostika samoregulyatsii cheloveka [Diagnostics of human self-regulation]. Moscow.: Publ. Kogito-Tsent, 2015. 297 p.
13. Stepanova O.N. Psikhologicheskie sredstva adaptatsii lichnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy k professional'noi deyatel'nosti: Dis. kand. psikh. nauk. [Psychological means of adapting the personality of employees of the criminal Executive system to professional activity. Dr. Sct. (Psychology) diss.]. Ryazan', 2013. 283 p.
14. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'nykh grupp [Socio-psychological diagnostics of personal development and small groups] Moscow: Publ. I-t psikhoterapii, 2002. 490 p.
15. Smertnost' ot vneshnikh prichin u lits gruppy riska. [Mortality from external causes in people at risk] Khabriev R.U., Kulakova S.V., Pertli L.F., Spasennikov B.A. Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. [Problems of social hygiene, health care and medical history] 2019. T. 27. no 1. pp. 4—8. (In Russ., Abstr. in Engl.). DOI: 10.32687/0869-866X-2019-27-1-4-8
16. Khromov A.B. Pyatifaktorny oprosnik lichnosti: Uchebno-metodicheskoe posobie. [Five-Factor Personality Questionnaire: A Training Manual] Kurgan: Publ. KGU, 2000. 23 p.
17. Tsvetkova N.A. Kulakova S.V. Issledovanie stressoustoichivosti i zhiznestoikosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Elektronnyi resurs] [Study of stress resistance and resilience of employees of the penal system]. *Psikhologiya i pravo. [Psychology and Law]*. 2019. T. 9. no 2. pp. 112-129. (In Russ., Abstr. in Engl.). DOI: [10.17759/psylaw.2019090208](https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090208).
18. Psychological conseling strategies for women regarding their level of fulfillment of need for personal development. Mityaeva A.M., Fomina S.N., Tsvetkova N.A., Rybakova A.I., Gedulyanova N.S., Khovanskaya E.A. Turkish online journal of design art and communication. 2017. - T. 7. - no S-APRLSPCL. pp. 3263-3283. (In Engl.).

Информация об авторах

Цветкова Надежда Александровна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной, общей и клинической психологии, Российский государственный университет (ФГБОУ ВО РГСУ), г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт ФСИН России» (ФКУ НИИ ФСИН России),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>; e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

Кулакова Светлана Владимировна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт ФСИН России» (ФКУ НИИ ФСИН России). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>, e-mail: centr2nii@yandex.ru

Information about the authors

Nadegda A. Tsvetkova, Doctor of Psychology, professor of the Department of Social, General and Clinical Psychology, Russian State Social University leading researcher, Research Institute of the

Цветкова Н.А., Кулакова С.В.
Женщины в уголовно-исполнительной системе:
личностные особенности и перспективы
профессионально-должностного роста
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 55—71.

Tsvetkova N.A., Kulakova S.V.
Women in Penal Correction System: Personality
Characteristics and Opportunities for Professional and
Career Development
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 55—71.

Federal Penitentiary Service of the Russian Federation Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X> e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

Svetlana V. Kulakova, Candidate of Pedagogical Sciences, senior researcher researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>, e-mail: centr2nii@yandex.ru

Получена 05.02.2020
Принята в печать 12.05.2021

Received 05.02.2020
Accepted 12.05.2021

Ответственность как профессионально значимое качество сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

Ежова О.Н.

Самарский юридический институт ФСИН России (ФКОУ ВО СЮИ ФСИН России),
г. Самара, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1967-5203>; e-mail: e-olesja2008@mail.ru

Ушков Ф.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО МГУ М.В.
Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7964-7848>, e-mail: ushkov.f.i@yandex.ru

Работа направлена на изучение качеств личности у сотрудников уголовно-исполнительной системы с помощью методики А.П. Прядеина «Многомерно-функциональная диагностика «ответственности» (ОТВ-70). В исследовании принимали участие курсанты второго и четвертого курсов Самарского юридического института ФСИН России, а также действующие сотрудники исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. В ходе проведенного исследования анализировались природно заданная (операционная) и прижизненно приобретенная (содержательная) сферы ответственности.

Полученные результаты дают возможность говорить о том, что степень выраженности качеств личности у сотрудников УИС, необходимых для формирования ответственности, во многом определяется возрастом, опытом работы в уголовно-исполнительной системе и гендерными различиями. Полученные результаты имеют практическое значение и могут быть использованы для формирования ответственности у сотрудников уголовно-исполнительной системы при организации служебной деятельности, как в период обучения, так и во время профессиональной деятельности.

Ключевые слова: ответственность, социальная ответственность, юридическая ответственность, моральная ответственность, локус контроля, интернальность.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования руководство Самарского юридического института ФСИН России.

Для цитаты: Ежова О.Н., Ушков Ф.И. Ответственность как профессионально значимое качество сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 72—85. DOI:10.17759/psylaw.2021110206

Ежова О.Н., Ушков Ф.И.
Ответственность как профессионально значимое
качество сотрудника уголовно-исполнительной
системы Российской Федерации
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 72—85.

Yzhova O.N., Ushkov F.I.
Responsibility as a Professionally Significant Trait of an
Officer of the Penal Correction System of the Russian
Federation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 72—85.

Responsibility as a Professionally Significant Trait of an Officer of the Penal Correction System of the Russian Federation

Olesya N. Ezhova

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1967-5203>, e-mail: e-olesja2008@mail.ru

Fedor I. Ushkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7964-7848>, e-mail: ushkov.f.i@yandex.ru

This research work is aimed at studying the personality traits of the personnel of the penal correction system (PCS) using the 70-statement questionnaire Multidimensional-Functional Diagnostics of "Responsibility" by A.P. Pryadeyin. Second and fourth year students of Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, as well as current staff members of correctional facilities of the penal correction system took part in the research work. The study analyzed the naturally-predetermined (operational) and lifetime-acquired (substantial) responsibility domains. The obtained results suggest that the expression degree of personality traits in the PCS personnel that are necessary for the formation of responsibility, is largely determined by age, work experience in the PCS and by gender differences. The results are of practical importance and can be used for the formation of responsibility of the PCS personnel in performance management both during education period and during professional activities.

Keywords: responsibility, social responsibility, legal responsibility, moral responsibility, locus of control, internality.

Acknowledgements. The authors are grateful to the leadership of Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service for the assistance in data collection for the study.

For citation: Yzhova O.N., Ushkov F.I. Responsibility as a Professionally Significant Trait of an Officer of the Penal Correction System of the Russian Federation. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 72–85. DOI:10.17759/psylaw.2021110206 (In Russ.).

Введение

Отличительной особенностью современного этапа развития уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) является гуманизация процесса исполнения наказаний. В связи с этим особую социальную значимость приобретает проблема эффективности кадровой политики в пенитенциарной системе России, при этом при подготовке кадров акцент

делается на качественные характеристики личности сотрудников, которые определяют их способность эффективно в полном объеме осуществлять свою служебную деятельность.

Служба в УИС наделяет своих сотрудников властными полномочиями, включая право применять в случае необходимости физическую силу и специальные средства. Исполнение наказания в отношении осужденных предполагает, прежде всего, соблюдение в отношении них достаточно большого числа запретов и ограничений. Вместе с тем осужденные остаются гражданами нашей страны, поэтому сотрудники УИС должны также защищать их права и законные интересы. Таким образом, сотрудники пенитенциарной системы осуществляют свою деятельность в сфере охраны права, обеспечивая безопасность не только общества, но и осужденных, а также самих сотрудников. Двойственность функции (защита и принуждение), а также непосредственное взаимодействие с криминально зараженным контингентом порождает множество нравственных проблем, связанных с выбором, как между нравственным и безнравственным поведением, так и между разными видами нравственного поведения (своими (безнравственный эгоизм) и общественными (нравственный альтруизм) интересами; соблюдением требований общечеловеческих норм морали и выполнением служебного долга; своими убеждениями, моральными нормами поведения и общественным мнением).

Именно от соблюдения сотрудниками нравственно-этических основ служебной деятельности во многом зависит эффективность института исполнения наказаний, а нравственная культура и нравственные установки персонала пенитенциарных учреждений являются тем самым фундаментом, от которого зависит соблюдение ими служебной дисциплины и законности [1, с. 32]; поэтому особо пристальное внимание при оценке личности сотрудника (в случае перевода на вышестоящую должность или при приеме на службу) уделяют изучению его нравственных качеств, среди которых одно из первых мест занимает ответственность.

Результаты исследования А.В. Котеневой, А.В. Кокурина, А.В. Литвиновой, А.В. Гончаренко показали, что успешность адаптации молодых сотрудников к службе в УИС зависит от наличия у них моральной нормативности, в основе которой лежит такое психологическое качество, как ответственность [2, с. 20].

Успешность адаптации выпускников ведомственных вузов к служебной деятельности О.А. Ульянина предлагает оценивать по четырем направлениям: 1) их готовность выполнять свои служебные обязанности; 2) личностные и деловые качества; 3) недостатки в подготовке; 4) достоинства подготовки [3, с. 133].

Как отмечает С.А. Гаврилушкин, ответственность является одним из наиболее значимых качеств личности (ядро профессионально важных качеств), от которых зависит эффективность профессиональной деятельности [4, с. 155].

Ответственность предполагает, что человек отвечает за последствия своих поступков, которые он совершает осознанно, поэтому ответственный человек всегда прогнозирует последствия действия или бездействия, так как относится к своим обязанностям очень ревностно [5].

Неслучайно именно ответственность выступает системой регуляции взаимоотношений человека с миром, а, следовательно, характеризует нравственную активность человека,

благодаря которой, по мнению В.С. Красника и А.О. Ряжкина, человек воспринимается как носитель нравственных ценностей [6, с. 1].

В психологии под ответственностью понимаются различные формы контроля, с помощью которых человек контролирует свою деятельность, соотнося ее с теми нормами и правилами, которые он для себя принял.

Наиболее подробно данный феномен рассматривается в теории каузальной атрибуции (основоположник — Фриц Хайдер, развил — Г. Келли) и в теории локуса контроля (Джулиан Роттер). При этом первая выявляет, считает ли человек себя причиной события (если человек не считает себя причастным, то и ответственным он быть не может). Человек, согласно этой теории, «приписывает» кому-нибудь или чему-нибудь причину происходящих событий, объясняя тем самым свое и чужое поведение.

Исходя из этого, выделяются три уровня ситуаций, которые объясняют причину того, что человек берет на себя ответственность:

ситуации первого уровня — причина ответственности заключается в степени близости или удаленности события от человека (при локальной близости ситуации в случае, если результат непосредственно зависит от него, человек берет на себя ответственность, в противном случае — нет);

ситуации второго уровня — это ситуации, последствия или исход которых человек может предвосхитить;

ситуации третьего уровня — это ситуации, в которых человек совершает поступок преднамеренно.

Вторая теория — локуса контроля — изучает готовность человека взять на себя ответственность за свою жизнь (внутренний локус контроля). В случае, если у человека преобладает внешний локус контроля, то он верит в судьбу, рок, внешние силы, от которых зависят результаты его деятельности.

Локус контроля, по мнению В.В. Столина [7], являясь интегральной характеристикой самосознания, представляет собой связующее звено между переживанием собственного Я, готовностью к активности и чувством ответственности.

Наличие у человека внутреннего локуса контроля свидетельствует о том, что он приписывает себе ответственность за события, которые происходят в его жизни. Как правило, если человек интернален, то он является зрелой личностью, имеющей смысл жизни, отличающейся самостоятельностью в принятии решений, а также надежностью и исполнительностью при их выполнении. Внутренний локус контроля очень близок по своей сущности к ответственности.

Экстернальность (внешний локус контроля) представляет собой отказ от ответственности (все, что происходит в жизни человека, объясняется внешними причинами (случай, другие люди, судьба, удача и т. д.)) и имеет тесную взаимосвязь с чувством беспомощности.

Обе эти категории формируются в процессе социализации личности.

В правовой науке ответственность рассматривается как наказание (юридическая ответственность), целью которой является не только обеспечение законности и правопорядка в обществе, но и защита прав и свобод каждого члена общества.

Юридическая ответственность — это мера государственного принуждения, которая наступает при нарушении правовых норм и налагается соответствующими государственными органами.

Основным критерием для определения вида юридической ответственности выступает характер совершенного проступка, в соответствии с которым выделяются следующие виды ответственности: дисциплинарная, гражданско-правовая, административная и уголовная.

Несмотря на то, что основной функцией юридической ответственности является карательная (возмездие за содеянное), данный вид ответственности носит также и воспитательную функцию (формировании у граждан уважительного отношения к государству и его законам).

Наряду с этими двумя функциями у юридической ответственности выделяют также предупредительную (профилактика рецидива преступлений) и праввосстановительную (восстановление справедливости) функции.

Юридическая ответственность, ее формы и основания прописаны в законодательных актах, а привлечение к юридической ответственности имеет строгий процессуальный порядок.

Ответственность как категория этики имеет более давнюю историю. С позиции этики ответственность (моральная (нравственная) ответственность) — способность человека делать моральный выбор между нравственным и безнравственным поступком. При этом, по мнению А.А. Гусейнова и Р.Г. Апресяна, моральный выбор — это выбор человеком определенного поведения, который он делает осознанно, ориентируясь при этом на нормы морали, существующие в обществе, или личные моральные установки [8, с. 20].

Свобода морального выбора субъективна, так как предполагает осознанную потребность человека поступать в соответствии с требованиями нравственности без какого-либо внешнего стимула.

Содержание понятия «ответственность» тесно связано с такими понятиями, как «честность», «надежность», «чувство долга», «справедливость», «совесть», «исполнительность», «принципиальность».

В работах некоторых ученых (Н.И. Конюхов, А.А. Деркач) чувство долга, дисциплинированность наряду с механизмом саморегуляции поведения человека рассматриваются как внутренние формы ответственности [9].

Таким образом, юридическая ответственность и моральная ответственность тесно связаны, однако не тождественны, так как сфера действия правовых норм гораздо уже, чем сфера действия моральных норм (не всякий аморальный поступок попадает под действие правовых норм).

Юридическая ответственность налагает внешние ограничения на поведение человека (отчет за свои действия перед законом), а моральная ответственность — внутренние, которые базируются на моральных нормах общества (отчет за свои действия перед обществом).

Психологический подход объясняет механизм формирования у человека ответственности как способа контроля за свою деятельность (отчет за свои действия перед собой).

Наряду с юридической и моральной ответственностью выделяют также и социальную

ответственность (способность человека при принятии решений учитывать нормы поведения, существующие в обществе, а также интересы других людей).

В.П. Прядеин рассматривает ответственность как гарантию, которую человек дает на то, что он достигнет цель (получит результат), рассчитывая только на собственные силы. Особое значение имеет то, что решение о поступке должно быть принято самостоятельно на основе своего долга и совести [10, с. 99].

Ответственность относится к волевым качествам личности, при этом тесно связана с мировоззрением человека и его ценностной сферой, поэтому является для человека средством регуляции не только своего поведения, но и всего процесса жизнедеятельности, а, следовательно, во многом определяет и степень эффективности его профессиональной деятельности.

Рассматривая механизм ответственности, следует выделять субъекта ответственности (того, кто берет ее на себя), объект ответственности (за что человек готов отвечать), инстанцию (кто контролирует выполнение обещанного) и санкции (какое наказание мы готовы понести в случае невыполнения обещанного — мера ответственности).

На формирование ответственности влияет степень принятия человеком моральных принципов и социальных норм, действующих в обществе (нравственная сторона личности), и оценка, которую человек им дает (эмоциональная сторона). Ответственный человек за свои поступки готов дать ответ не только перед собой, но и перед всем обществом.

Таким образом, ответственность выполняет в жизни человека следующие функции: ценностно-ориентационную, мобилизующую, контролирующую (как внешний контроль, так и самоконтроль), регулирующую.

Структура ответственности в работах ученых рассматривается неоднозначно.

В.А. Тимофейчева выделяет следующие элементы структуры ответственности: мотивационно-поведенческий, интеллектуальный, морально-волевой и эмоционально-чувственный [11, с. 40].

А.Ф. Плахотный и Т.Н. Сидорова в структуре социальной ответственности выделяют только три компонента, но если в работах первого — это волевой, рациональный и эмоциональный [12], то в работах второй — это мотивационный, поведенческий и когнитивный [13].

Мы будем рассматривать структуру ответственности с позиции А.П. Прядеина [14, с. 20—21], который выделяет в структуре ответственности две сферы: природно заданную (операционную) и прижизненно приобретенную (содержательную). Обе сферы образованы тремя биполярными параметрами (у каждого есть два противоположных полюса).

Параметры операционной сферы:

- эмоциональный (от положительных эмоций, возникающих в случае, если человек берет на себя ответственность при выполнении какой-либо деятельности, (стеничность) до отрицательных эмоций (астеничность));
- динамический (от тщательности выполнения порученного дела (эргичность) до необязательности или нерешительности субъекта (аэргичность));
- регуляторный (от самостоятельности, независимости от других людей при

выполнении порученного дела (интернальность) до зависимости от внешних обстоятельств (экстернальность)).

Параметры содержательной сферы:

- когнитивный (осмысленность (осуществление деятельности не из-за внешних стимулов, а в соответствии с общими или личными моральными установками (моральный выбор) — осведомленность (подмена ответственности исполнением, выполнение под страхом наказания));
- мотивационный (социоцентричность (желание выполнять деятельность совместно с коллективом) — эгоцентричность (преобладание желания выделиться и обратить на себя внимание));
- результативный (предметность (преобладание общественных интересов над личными) — субъектность (выполнение дел, значимых для собственного благополучия)).

Деятельность в УИС предъявляет высокие требования к личности сотрудников: они должны справляться со стрессом, выдерживать высокий уровень нервно-психического напряжения, преодолевать кризисные ситуации. Однако умение брать ответственность на себя за свои поступки выступает главным требованием, так как именно оно позволяет установить и удержать грань между неправомерными и правомерными действиями, должным образом нести службу, соблюдать служебную дисциплину, от которых зависит эффективность служебной деятельности.

Деятельность сотрудников УИС носит не только правовой (исполнение наказания, определенного преступнику судом), но и воспитательный характер (неслучайно главной целью УИС является исправление людей, совершивших преступление и отбывающих наказание в местах лишения свободы). В связи с этим и эффективность УИС и ее сотрудников оценивается с учетом этих двух составляющих. Воспитательное воздействие на осужденных строго регламентировано, но его результативность во многом зависит от личного примера каждого сотрудника и от того, насколько он берет на себя ответственность за свои поступки и за их последствия. Ответственность предполагает личную включенность каждого сотрудника в общее дело, обеспечивающее успешную ресоциализацию осужденных.

При проведении исследования мы разделили респондентов на 8 групп: курсанты мужского пола 2-го курса (2 к., м. курсанты 2-го курса женского пола (2 к., ж.); курсанты мужского пола 4-го курса (4 к., м.); курсанты 4-го курса женского пола (4 к., ж.); сотрудники в возрасте от 30 до 35 лет мужского пола (1 гр., м.); сотрудники в возрасте от 30 до 35 лет женского пола (1 гр., ж.); сотрудники в возрасте старше 35 лет мужского пола (2 гр., м.); сотрудники в возрасте старше 35 лет женского пола (2 гр., ж.). Сотрудников мы тоже разделили на две группы: 1-я группа — от 30 до 40 лет и 2-я группа — свыше 40 лет.

На рис. 1 представлены результаты, полученные у испытуемых по показателю, отражающему способность сотрудников осуществлять ответственную и сложную деятельность самостоятельно и качественно без внешнего контроля (эргичность). Как видно из рисунка, у мужчин это качество формируется с возрастом. У женщин в возрасте от 30 до 35 лет отмечается незначительное снижение этого показателя. Данный факт можно объяснить тем, что этот возраст характеризуется у женщин, как правило, наличием детей

школьного возраста, которые требуют к себе повышенного внимания, что может сказываться на служебной деятельности.

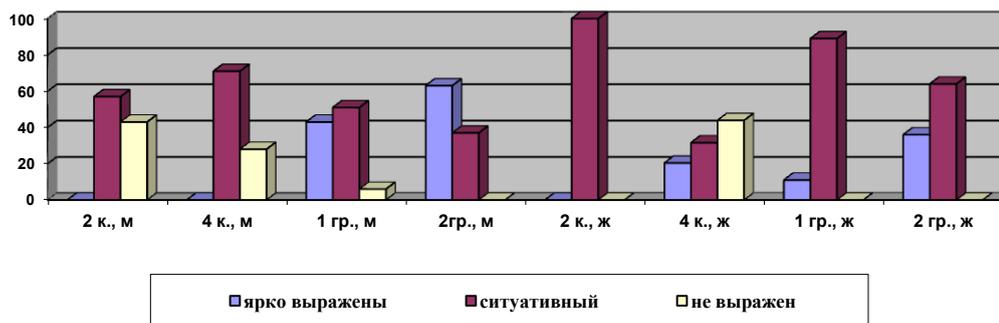

Рис. 1. Эргичность

Противоположное качество — аэргичность представлено на рис. 2.

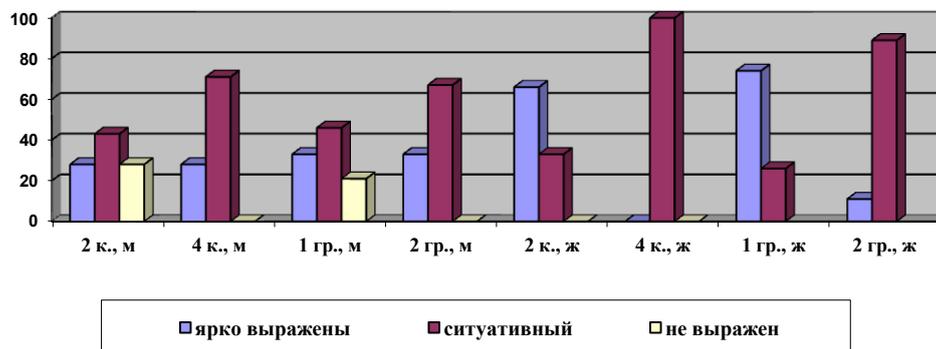

Рис. 2. Аэргичность

Как видно из рисунка для многих испытуемых (сотрудницы в возрасте от 30 до 35 лет, девушки 2-го курса, сотрудники мужчины, курсанты 4-го курса и половина испытуемых мужского пола, обучающихся на 2-м курсе) характерна тенденция откладывать выполнение ответственных заданий, оставляя на выполнение слишком мало времени.

У курсантов 4-го курса, у сотрудниц женского пола в возрасте от 30 до 35 лет и у сотрудников мужчин в возрасте свыше 35 лет эта тенденция отмечается ситуативно, что может свидетельствовать о сформированности определенных ценностей, в зависимости от которых при выполнении заданий расставляются приоритеты.

Положительные эмоции в предвкушении выполнения ответственных дел или в ходе их выполнения, возникают у всех испытуемых, однако наиболее ярко это проявляется у курсантов 2-го курса, у курсантов женского пола 4-го курса, у сотрудников мужского пола в возрасте от 30 до 35 лет и у сотрудников женского пола в возрасте свыше 35 лет. Это можно объяснить тем, что именно в эти периоды жизни происходит у этих категорий испытуемых

стремление утвердиться в профессиональной сфере. Юноши 2-го курса начинают изучать дисциплины специализации, которые для них ассоциируются с будущей профессиональной деятельностью; девушки 4-го курса стремятся получить лучшие результаты к окончанию обучения; период у сотрудников мужчин от 30 до 35 лет тесно связан со стремлением сделать карьеру, а у женщин свыше 35 лет профессиональная деятельность снова занимает ведущее положение, так как дети уже выросли и не нуждаются в такой степени в материнской заботе. У всех остальных эти эмоции возникают в большей степени ситуативно, т. е. зависят от характера поручения (рис. 3).

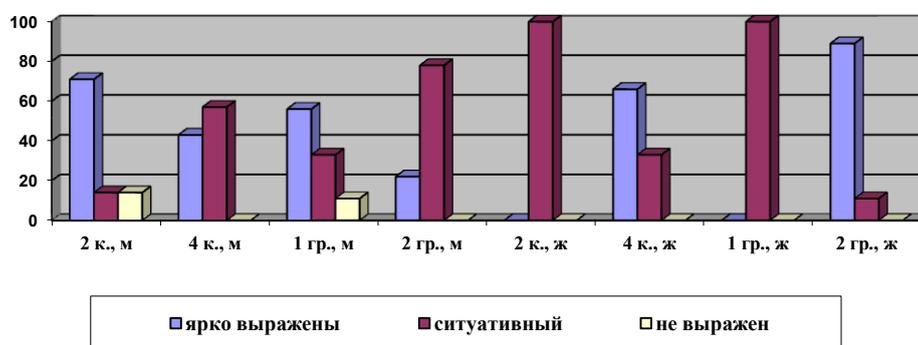

Рис. 3. Стенничность

В дуальности «интернальность—экстернальность» следует отметить, что все группы при выполнении ответственных заданий имеют достаточно высокую зависимость от других людей (экстернальность). Этот факт объясняется особенностями службы и необходимостью подчиняться распоряжениям начальства и соблюдать субординацию (рис. 4).

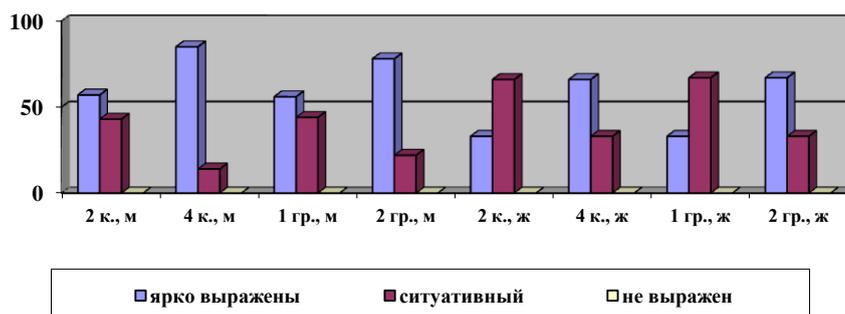

Рис. 4. Экстернальность

Социально значимая мотивация (социоцентричность) характерна в большей степени для мужчин, у женщин она либо ситуативно обусловлена, либо вообще отсутствует (рис. 5).

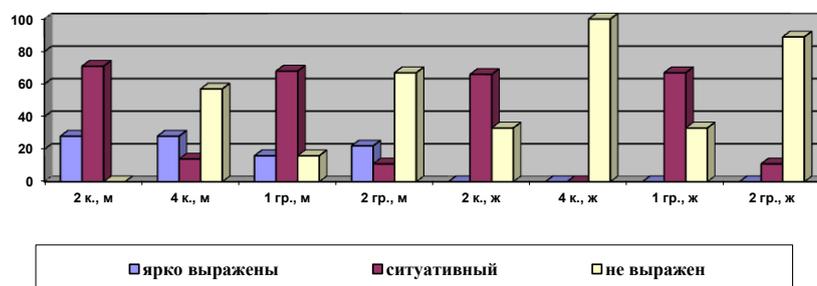

Рис. 5. Социоцентричность

Выбор ответственности из чувства долга отсутствует у всех курсантов и сотрудников женского пола, у сотрудников мужского пола в возрасте от 30 до 35 лет у 66% это качество ярко выражено, а у 18% — в зависимости от ситуации, у сотрудников мужского пола старше 35 лет — 82% и 18% соответственно.

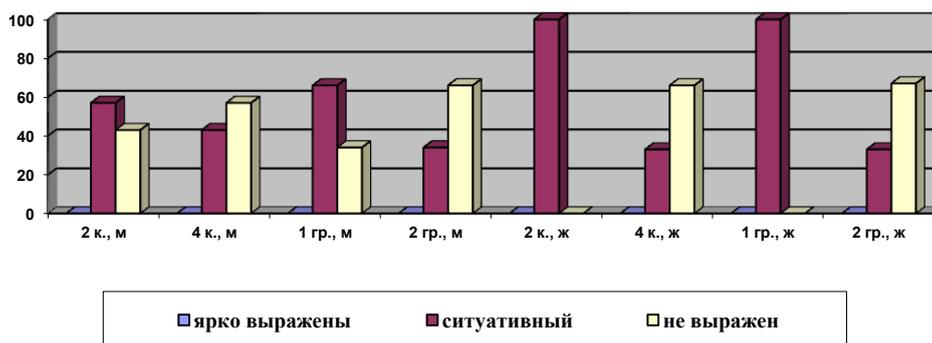

Рис. 6. Осведомленность

Ни в одной группе испытуемых не выявлена тенденция подменять ответственность исполнительностью (осведомленность) (рис. 6).

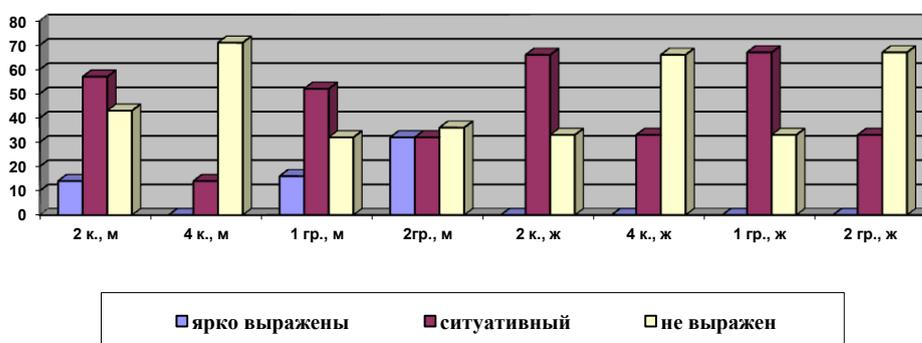

Рис. 7. Испытывают трудности при выполнении ответственных дел

Трудности при выполнении ответственных дел характерны для мужчин, работающих

в исправительных учреждениях, и курсантов 2-го курса (рис. 7). Все остальные считают, что трудности бывают, но в зависимости от ситуации или совсем отсутствуют.

Таким образом, анализ полученных результатов показывает, что степень выраженности качеств личности у сотрудников УИС, необходимых для формирования ответственности, зависит от нескольких параметров: пола, возраста и характера службы в УИС.

С возрастом у сотрудников УИС отмечается тенденция улучшения у мужчин динамического показателя (природно заданная (операционная) ответственность), у женщин он проявляется в зависимости от ситуации. Следует отметить, что мужчины в большей степени, чем женщины, склонны откладывать ответственные дела на последний момент. При этом практически у всех испытуемых отмечается тенденция не проявлять самостоятельность при выполнении ответственных дел. Данный факт объясняется строгой иерархичностью служебных отношений и необходимостью строго соблюдать указания начальства (регуляторный показатель).

Хотя при этом сотрудники стремятся осуществлять свою профессиональную деятельность осмысленно (когнитивный показатель прижизненно приобретенной (содержательной) ответственности).

В связи с этим особое внимание следует уделять формированию у сотрудников осмысления необходимости выполнения порученного дела и мотивации на его выполнение.

С этой целью необходимо:

- 1) устанавливать определенный порядок действий, направленный на достижение конкретных целей, однако помимо инструкций должна быть при решении некоторых задач определенная свобода, позволяющая проявлять собственную инициативу;
- 2) уделять внимание тому, чтобы различные службы и подразделения согласованно понимали поставленные цели и задачи;
- 3) повышать ответственность сотрудников не только за счет ужесточения контроля за ними, но и за счет стимулирования за ответственные действия.

Литература

1. Андреев О.В., Алексеев М.И. Профессиональная этика сотрудника уголовно-исполнительной системы: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Владимир: Владимирский юридический институт, 2007. 158 с.
2. Котенева А.В., Кокурин А.В., Литвинова А.В., Гончаренко А.В. Профессиональное самоотношение и адаптация сотрудников уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 20—35. DOI:10.17759/psylaw.2020100302.
3. Ульянина О.А. Удовлетворенность профессиональной подготовкой выпускников

Ежова О.Н., Ушков Ф.И.
Ответственность как профессионально значимое
качество сотрудника уголовно-исполнительной
системы Российской Федерации
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 72—85.

Yzhova O.N., Ushkov F.I.
Responsibility as a Professionally Significant Trait of an
Officer of the Penal Correction System of the Russian
Federation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 72—85.

образовательных организаций МВД России // Психолого-педагогические исследования. 2019. Том 11. № 4. С. 133—146. DOI:10.17759/psyedu.2019110411

4. Гаврилушкин С.А. Ответственность как профессиональное качество личности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 1(15). С. 155—157.

5. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.

6. Красник В.С., Рязкин А.О. Различия в нравственной активности студентов-юристов и студентов-психологов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 1—21. DOI:10.17759/psylaw.2019090101

7. Столин В.В. Самосознание личности: монография. М.: Издательство Московского университета, 1983. 284 с.

8. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: учебник. М.: Гардарики, 2000. 472 с.

9. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Методолого-прикладные основы акмеологических исследований / А.А. Деркач. М., 2000. 391 с.

10. Прядеин В.П. Факторы воли в структуре ответственности, исполнительности, стиле и мотивации исполнительности // Педагогическое образование в России. 2015. № 8. С. 99—111.

11. Тимофейчева В.А. Ответственность как системное качество личности и ее сущностные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2008. № 3. С. 40—44.

12. Плахотный А.Ф. Проблема социальной ответственности. Харьков: Изд-во при Харьковском университете, 1981. 191 с.

13. Сидорова Т.Н. Психологические условия воспитания социальной ответственности в раннем юношеском возрасте: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.07: М., 1988. 178 с.

14. Прядеин А.П. Факторная структура воли, ответственности и исполнительности // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 1(22). С. 19—26.

References

1. Andreev O.V., Alekseev M.I. Professional'naya etika sotrudnika ugovovno-ispolnitel'noy sistemy: uchebnoe posobie [Professional Ethics for a Penitentiary Officer: a textbook]. Vladimir: Vladimirskiy yuridicheskiy institut. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe [Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia], 2007. 158 p. (In Russ.).

2. Koteneva A.V., Kokurin A.V., Litvinova A.V., Goncharenko A.V. Professional'noe samootnoshenie i adaptatsiya sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noy sistemy [Professional Self-esteem and Adaptation of the Penitentiary System Staff] *Psychology and Law* 2020.Vol. 10, no. 3, pp. 20—35. DOI: 10.17759/psylaw.2020100302/

3. Ulyanina O.A. Udovletvorennost' professional'noy podgotovkoy vypuschnikov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii [Satisfaction with Professional Training of Graduates of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia] *Psychological-Educational Studies* 2019. Vol. 11, no. 4, pp. 133—146. DOI: 10.17759/psyedu.2019110411/

4. Gavrilushkin S.A. Otvetstvennost' kak professional'noe kachestvo lichnosti [Responsibility as a professional quality of personality]. Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta [Vector Science of Togliatti State University], 2011. no. 1 (15). pp. 155—157 (In Russ.).

5. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. Izdanie 4-e, dop. [Explanatory dictionary of the Russian language]. M: ITI Tekhnologii [M: ITI Tekhnologii], 2006. 944 p. (In Russ.).
6. Krasnik V.S., Ryazhkin A.O. Razlichiya v npravstvennoy aktivnosti studentov-yuristov i studentov-psikhologov [Differences in the moral activity of students in the legal and psychological faculties] *Psychology and Law?* 2019. Vol. 9. no.1. pp. 1-21. DOI: 10.17759/psylaw.2019090101/
7. Stolin V.V. Samosoznanie lichnosti: monografiya [Personal Identity: Monograph]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta [M.: Moscow University Press], 1983. 284 p. (In Russ.).
8. Guseynov A. A., Apresyan R. G. Etika: uchebnik [ethics: textbook]. M.: Gardariki, 2000. 472 p. (In Russ.).
9. Akmeologiya: lichnostnoe i professional'noe razvitie cheloveka. Metodologo-prikladnye osnovy akmeologicheskikh issledovaniy / A.A. Derkach [Acmeology: personal and professional development of man. Methodological and applied foundations of acmeological research]. M., 2000. 391 p. (In Russ.).
10. Pryadein V.P. Faktory voli v strukture otvetstvennosti, ispolnitel'nosti, stile i motivatsii ispolnitel'nosti [Will factors in the structure of responsibility, diligence, style and motivation of diligence]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Teacher Education in Russia], 2015. no. 8. pp. 99—111 (In Russ.).
11. Timofeycheva V.A. Otvetstvennost' kak sistemnoe kachestvo lichnosti i ee sushchnostnye priznaki [Responsibility as a systemic quality of personality and its essential features]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy], 2008. no. 3. pp. 40—44 (In Russ.).
12. Plakhotnyy A.F. Problema sotsial'noy otvetstvennosti [Social responsibility issue]. Khar'kov: Izd-vo pri Khar'kovskom universitete [Kharkov: Publishing House at Kharkov University], 1981. 191 p. (In Russ.).
13. Sidorova T.N. Psikhologicheskie usloviya vospitaniya sotsial'noy otvetstvennosti v rannem yunosheskom vozraste: diss. ... kand. pskh. nauk [Psychological conditions of education of social responsibility in early adolescence: PhD. (Psychology) diss]: 19.00.07: Moskva, 1988. 178 p. (In Russ.).
14. Pryadein A. P. Faktornaya struktura voli, otvetstvennosti i ispolnitel'nosti [Factor structure of will, responsibility and diligence]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University], 2013. no. 1 (22). pp. 19—26 (In Russ.).

Информация об авторах

Ежова Олеся Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры пенитенциарной психологии и педагогики, Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО СЮИ ФСИН России), г. Самара, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1967-5203>, e-mail: e-olesja2008@mail.ru

Ушков Федор Игоревич, старший преподаватель кафедры экстремальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО МГУ М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7964-7848>, e-mail: ushkov.f.i@yandex.ru

Ежова О.Н., Ушков Ф.И.
Ответственность как профессионально значимое
качество сотрудника уголовно-исполнительной
системы Российской Федерации
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 72—85.

Yzhova O.N., Ushkov F.I.
Responsibility as a Professionally Significant Trait of an
Officer of the Penal Correction System of the Russian
Federation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 72—85.

Information about the authors

Ojesya N. Ezhova, PhD in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of penitentiary psychology and pedagogics Chair of penitentiary psychology and pedagogics, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1967-5203>, e-mail: e-olesja2008@mail.ru

Fedor I. Ushkov, Senior Lecturer, Department of Extreme Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7964-7848>, e-mail: ushkov.f.i@yandex.ru

Получена 10.09.2020
Принята в печать 12.05.2021

Received 10.09.2020
Accepted 12.05.2021

Механизмы психологической защиты и доминирующее защитное поведение осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Казберов П.Н.

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Цель исследования – выявить особенности механизмов защитного поведения осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность. Выборку составили 469 осужденных мужчин (351 — за террористическую деятельность, 118 — за экстремистскую). Для анализа защитных механизмов использовался опросник «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика. Результаты позволяют говорить о пяти типах защит: 1) доминирование проективного и второго, по уровню выраженности, компенсаторного механизмов как защиты от осознания своих негативных и неприемлемых для себя качеств личности и проецирования их на окружающих людей; 2) доминирование компенсации в профиле — свидетельствует о стремлении к преодолению сильного чувства собственной неполноценности; 3) доминирование реактивного образования, когда неприемлемое содержание бессознательного преодолевается путем усиления и гипертрофированного развития противоположной тенденции; 4) доминирующим защитным способом является интеллектуализация, при которой вместо реальных действий по устранению тревоги и страхов индивид формулирует абстрактные суждения, стремясь к избавлению от фрустрации; 5) доминирование защитного отрицания, означающего непризнание, отказ от реальности, вытеснение из сознания мысли, чувства, эмоции. В заключение обсуждается потенциал психотерапевтической работы с проективной защитой.

Ключевые слова: механизмы психологической защиты, осужденные, террористическая и экстремистская деятельность, профили защиты, коррекция.

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
Механизмы психологической защиты и
доминирующее защитное поведение осужденных за
террористическую и экстремистскую деятельность
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
Activities
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

Для цитаты: Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б. Механизмы психологической защиты и доминирующее защитное поведение осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105. DOI:10.17759/psylaw.2021110207

Mechanisms of Psychological Defense and Dominant Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist Activities

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Pavel N. Kazberov

Russian State Social University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

The aim of the study was to identify the particularities of the defense behavior mechanisms among convicted for terrorist and extremist activities. A total of 469 convicts (351-for terrorist activities, 118 - for extremist activities) participated in the study. *Life Style Index* was used in order to reveal the defense mechanisms. The results allow us to talk about five types of defense: 1) dominance of projection and compensation defense mechanisms as means against the awareness of the negative and unacceptable personality qualities; 2) dominance of compensation in the profile indicates the desire to overcome a strong sense of inferiority; 3) dominance of reaction formation where unacceptable unconscious content is overcome by strengthening and development of exaggerated opposite trends; 4) dominance of intellectualization, where is the real action to remedy the anxiety and fears, the individual formulates an abstract of judgment, trying to get rid of one's frustration; 5) dominance of denial, it refers to non-recognition, rejection of reality, displacement of thoughts, feelings, emotions from consciousness. In conclusion the potential of psychotherapeutic work is discussed.

Keywords: psychological defense mechanisms, convicts, terrorist and extremist activities, defense strategy, correction.

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
Механизмы психологической защиты и
доминирующее защитное поведение осужденных за
террористическую и экстремистскую деятельность
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
Activities
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

For citation: Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B. Mechanisms of Psychological Defense and Dominant Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist Activities. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105. DOI:10.17759/psylaw.2021110207 (In Russ.).

Введение

Психоанализ, по мнению методологов психологии, является одной из трех «психологических империй» современной психологии, наряду с бихевиоризмом и когнитивной психологией [15].

В. Лейбин приводит структурную схему из 22 направлений постклассического психоанализа; почти в каждом из них, в явном или скрытом виде, присутствуют понятия, связанные с защитными механизмами психики, предотвращающими дезорганизацию и распад поведения и одновременно способствующие интеграции и приспособлению личности к реальности окружающего мира [6]. А. Адлер писал о преодолении индивидом неполноценности путем различных компенсаций; К. Юнг связывал защиты с процессом индивидуализации, достижением целостности и единства психических структур; К. Хорни — со стремлением человека к безопасному существованию; Р.Лэнг считал, что сильные защиты снижают адаптационные возможности; Ф. Перлз отождествлял защиты и невроз и считал их препятствием личностному росту; Дж. Вайллант называет защиты интрапсихическими стилями адаптации; О. Кернберг в теории пограничного расстройства личности придавал центральное значение примитивным защитами [4; 6].

Психоанализ внес значительный вклад в развитие психологической науки, став одним из равноправных областей наук о человеке.

В настоящее время выделены основные свойства психологических защит (ПЗ), включающие неосознанность, искажение реальности, автоматизм, ригидность, фиксируемость, подчинение реальной ситуации, самоотчужденность, препятствие личностному развитию [10].

Концепция психологических механизмов защитного поведения. Концепция механизмов ПЗ, разработанная А.Фрейд, явилась выдающимся вкладом в теорию психоанализа, теорию личности и теорию психологической адаптации [14]. Впервые термин «защита», появился в 1894 г. в работе З. Фрейда «Защитный нейропсихоз» [14]. Впоследствии этот термин заменили термином «вытеснение». В работе «Подавление, симптомы и страхи» [14] термин *защита* снова берется на вооружение и используется для общего обозначения всех способов, к которым прибегает Эго в своем конфликте, приводящем к неврозу, а вытеснение становится одним из способов защиты от проникновения влечений и аффектов [14].

В практике психоанализа стали находить связи между различными видами защиты и различными формами невротических нарушений, например, между вытеснением и истерией; между неврозом навязчивых состояний и такими защитами, как регрессия, реактивное образование, изоляция.

А. Фрейд отмечает, что механизмы ПЗ — это средства, с помощью которых Эго защищает себя от страха, пытаясь обуздать аффекты, влечения, импульсивное поведение; поэтому функцию Эго следует изучать так же глубоко, как и функцию бессознательного Оно [14].

В литературных источниках количество ПЗ неоднозначно: А. Фрейд приводит 15 способов защиты [14]; в словаре-справочнике по психологической защите Вайллекта приведено 18 ПЗ, Р. Плутчек с соавторами говорят о 8 базовых защитных механизмов [11].

Наибольший интерес для нас представляет полярная структура ПЗ Р. Плутчика, основанная, на разработанной им же эволюционной теории эмоций, поскольку предлагает измерительный инструмент оценки психологических защит [11].

Р. Плутчик для измерения уровня выраженности ПЗ вначале использовал способы защиты от влечений и аффектов, предложенные А. Фрейд. С помощью факторного анализа результатов первоначального опросника и экспертных оценок Р. Плутчик сделал вывод, что некоторые защиты характеризуются наличием общих черт [11]. Так, *подавление* коррелировало с механизмами *изоляции и интроекции; компенсация — с идентификацией и фантазией; регрессия — с двигательной активностью; интеллектуализация — с рационализацией, аннулированием и сублимацией*. Такие ПЗ, как *отрицание, проекция, замещение и реактивное образование* не имели корреляционных связей с другими ПЗ. Это позволило сократить количество ПЗ и разработать новый вариант опросника, названного «Life style index» (LSI) — индекс жизненного стиля, в который вошли восемь базовых ПЗ: *отрицание, подавление, регрессия, компенсация, проекция, замещение, интеллектуализация, реактивное образование*.

Системная модель Плутчика имеет полярную структуру, образуя систему защит, эмоций и диагнозов (типов личности) (табл. 1). Подобную связь ранее отмечала А. Фрейд, утверждая, что неврозы тесно связаны с определенными способами ПЗ [14].

В представленной модели тревожность связана с механизмом подавления, а противоположный полюс агрессивность связан с замещением; истерия — с отрицанием, паранойя — с проекцией; маниакальность — с реактивным образованием; депрессивность — с компенсацией; обсессивность — с интеллектуализацией, а эмоциональная неустойчивость — с регрессией.

Естественно, полярными в этой модели являются и защиты, образующие четыре противоположные пары: подавление—замещение; отрицание—проекция; реактивное образование—компенсация; интеллектуализация—регрессия.

Кроме базисных ПЗ, Плутчик приводит вторичные ПЗ, связанные с базисными [11]: с компенсацией (базисная) связаны идентификация, фантазия (вторичные); с регрессией — двигательная активность; с подавлением — интроекция, изоляция; с интеллектуализацией — рационализация, аннулирование, сублимация; остальные базисные ПЗ не имеют вторичных ПЗ [13].

Таблица 1

**Полярная модель механизмов ПЗ Р. Плутчика
(адаптация круговой модели [11])**

Диагнозы	Эмоции	Механизмы ПЗ	Эмоции	Диагнозы
Тревожная личность	Страх	Подавление/ замещение	Гнев	Агрессивная личность

Диагнозы	Эмоции	Механизмы ПЗ	Эмоции	Диагнозы
Депрессивная личность	Печаль	Компенсация/ реактивное образование	Оптимизм	Маниакальная личность
Истерическая личность	Чувство неполноценности	Отрицание/ проекция	Самонеприятие	Паранойяльная личность
Эмоционально неустойчивая личность	Пассивность	Регрессия/интеллектуализация	Чувство вины	Обсессивная личность

В модели Р. Плутчика отсутствует такой механизм ПЗ, как вытеснение, имплицитно присутствующий в каждой защите, поскольку они относятся к области бессознательных процессов, хотя и принадлежат к Эго. Вероятно, Р. Плутчик имплицитно придерживался первоначальной точки зрения, когда вытеснение и защита были синонимами [11].

Относительно механизма вытеснения А. Фрейд отмечает, что теоретически вытеснение может занять свое место в ряду прочих способов ПЗ [14], но если же речь идет об эффективности вытеснения, то в ряду ПЗ оно занимает особое место. Эффект вытеснения уникален, так как его действие должно быть постоянным и требует непрерывного расхода и восполнения энергии, тогда как другие механизмы вступают в действие только в случае, когда в сознание пытаются проникнуть внезапные импульсы влечений или аффекты. Вытеснение, по мнению А. Фрейда, самый опасный механизм ПЗ [14]. Отщепление от Эго, осуществляемое за счет отчуждения от сознания целых областей аффективной и инстинктивной жизни, может раз и навсегда разрушить целостность личности и стать основой для формирования невроза. Использование других ПЗ оказываются менее опасным, поскольку они в значительной степени сохраняют личность в пределах нормы [5; 7; 14].

Рассматривая ПЗ с точки зрения формирования невротических симптомов, А. Фрейд выделяет такие формы неврозов, как истерию, невроз навязчивых состояний и паранойю, связывая их соответственно с механизмами вытеснения, изоляции и проекции [14]. Она отмечает, что пациент, страдающий истерией, при формировании симптома использует в борьбе с влечениями прежде всего вытеснение, он уводит от столкновения с сознанием те представления, которые могут беспокоить его. В процессе проведения анализа его сопротивление свободным ассоциациям и случайным представлениям приводит к тому, что они стираются и на их месте пациент ощущает лишь пустоту и «молчит на кушетке».

При неврозе навязчивых состояний, при формировании симптома Эго пользуется защитным механизмом изоляции. В этом случае происходит разрыв связей только с аффектом, но сами влечения сохраняются в сознании, формируя обсессивный симптом. Пациент не молчит и его сопротивление иного рода, он разрывает связи между возникшими мыслям, отделяя их от аффекта. При анализе, его ассоциации и высказывания кажутся бессмысленными и бессодержательными, как и симптомы невроза навязчивых состояний, с

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
Механизмы психологической защиты и
доминирующее защитное поведение осужденных за
террористическую и экстремистскую деятельность
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
Activities
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

которыми он обратился за помощью к психоаналитику.

Проективная защита лежит в основе многочисленных человеческих чувств, от которых индивид испытывает беспокойство, тревогу, считая их неприемлемыми. Бессознательно проецируя и наделяя своими негативными качествами окружающих людей, индивид снимает внутреннее напряжение.

В то же время невротическая проекция приводит к формированию паранойяльного поведения. Это позволило рассматривать некоторые ПЗ как невротические, в частности, это относится к таким базисным ПЗ, как отрицание и проекция и вторичной ПЗ — изоляции.

ПЗ в модели Р. Плутчика — это производные от основных эмоций, эти механизмы развиваются в процессе онтогенеза для управления базовыми эмоциями, что позволяет рассматривать ПЗ на континууме «примитивность—зрелость». Механизмы ПЗ по шкале, предложенной Р. Плутчиком «примитивность—зрелость», выглядят в следующей последовательности: *отрицание, регрессия, проекция, замещение, подавление, реактивное образование, интеллектуализация, компенсация*. Эксперты-клиницисты пришли к полному согласию по поводу того, что *отрицание, регрессия, и проекция* — это очень примитивные механизмы ПЗ, а *интеллектуализация и компенсация* представляют более высокие уровни личностного развития [11;16].

Эта оценка соответствует психоаналитической концепции А. Фрейд, исследовавшей формирование невротического симптома истерии и паранойи при сверхнормативном функционировании примитивных механизмов *отрицания и проекции*. Разработчики русскоязычного варианта LSI несколько изменили порядок следования защит по шкале «примитивность—зрелость». Полемика о порядке защит по критерию «примитивности—зрелости» продолжают до сих пор, что не мешает их содержательной интерпретации [11; 16].

Программа исследования. Цель исследования заключалась в анализе ПЗ лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. По результатам исследования планировалось наметить возможные стратегии психокоррекционной работы с осужденными. *Объект исследования* — осужденные за террористическую и экстремистскую деятельность. *Предмет исследования* — функционирование защитных механизмов в условиях лишения свободы. *Выборку* составили 469 мужчин: 351 — осужденные за терроризм, 118 — осужденные за экстремизм. Подробная характеристика этой категории осужденных представлена в наших предыдущих публикациях [3]. Краткий социально-демографический портрет осужденных за экстремистско-террористическую деятельность таков: мужчины в возрасте от 24 до 30 лет, представители различных регионов России, осужденные за экстремистскую или террористическую деятельность. Половина из этих осужденных не имели собственной семьи и детей; они не жаловались на состояние здоровья, не имели зависимости от алкоголя и наркотиков. Преобладающая часть из них воспитывались в полных семьях с удовлетворительными материальными условиями и не являлись безнадзорными. Большая часть до осуждения нигде не работали. По своему отношению к религии осужденные, в основном, не определяли себя как радикально настроенных лиц. Из них наибольшая часть определяли себя мусульманами-суннитами и были верующими с детства.

Можно предположить, что примерно 25% осужденных среди приверженцев ислама

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
Механизмы психологической защиты и
доминирующее защитное поведение осужденных за
террористическую и экстремистскую деятельность
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
Activities
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

являются «ритуалистами», т. е. для них ценность представляет лишь ритуальность ислама, но не его смысловые категории. Подтверждением этой гипотезы служат следующие результаты опроса: на вопрос, какие священные писания они знают, около 30% отвечают, что не знают священных писаний; 20% не читали Коран; около 50% не имели желания получить богословское образование и в местах лишения свободы им не нужна религиозная литература [9].

Из криминологического анамнеза осужденных за экстремистско-террористическую деятельность следует, что до осуждения большая часть из них судимостей не имели, к административной ответственности не привлекались и на учете в комиссии по делам несовершеннолетних не состояли.

Значительная часть из них отбывают наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления, характеризующиеся множественностью эпизодов экстремистско-террористической направленности.

Среди мотивов совершенных преступлений преобладают националистические, реализующие, прежде всего, желание мести за причиненные ранее обиды.

Преступления совершались ими, в основном, в составе преступной группы, с тщательной подготовкой и распределением функциональных ролей, в основном в трезвом состоянии и без воздействия наркотических средств. В преступлениях чаще всего использовались огнестрельное оружие и взрывчатые вещества, что приводило к многочисленной гибели жертв их преступлений. В итоге более двух третей из них осуждены к сверхдлительным и длительным срокам лишения свободы.

Более половины осужденных за экстремистско-террористическую деятельность отбывают наказание в исправительных колониях строгого режима, каждый пятый в исправительных колониях особого режима и каждый двадцатый в тюрьмах. Две трети из числа этих осужденных находятся в обычных условиях отбывания наказания, одна треть — в строгих условиях отбывания наказания. При этом практически ровно по одной трети из них характеризуются: положительно, нейтрально или отрицательно.

Необходимо отметить, что в отношении каждого четвертого осужденного этой категории можно говорить о педагогической и социальной запущенности, так как они не имели даже общего среднего образования. Только каждый пятый из них имеет среднее профессиональное образование, а каждый десятый — среднее специальное образование. Более половины осужденных изучаемой категории отметили, что не имеют какой-либо специальности, профессии и трудового стажа. Эти факты вполне соответствуют теории неопределенности—идентичности М. Хогга, объясняющей то, как происходит присоединение к группам с экстремистскими взглядами [2].

Эта категория лиц, совершивших экстремистско-террористические преступления, является специфической категорией, в сравнении с основной массой осужденных, и представляет собой одну из самых сложных категорий осужденных, выступающих в роли объекта исправительного воздействия.

Основным методом исследования явился русскоязычный вариант опросника LSI [11]. Сырые результаты шкал опросника были преобразованы нами в T-балльную шкалу по формуле: $T = 50 + 10 (x_i - m) / \sigma$,

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
 Механизмы психологической защиты и
 доминирующее защитное поведение осужденных за
 террористическую и экстремистскую деятельность
 Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
 Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
 Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
 Activities
 Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

где T — в баллах, x_i — текущее значение в сырых баллах, M — среднее значение шкалы в сырых баллах, σ — стандартное отклонение.

Профили, полученные в исследовании на выборке осужденных за экстремистско-террористические преступления, были классифицированы на основании доминирующих шкал профиля (уровня выраженности механизмов ПЗ). В результате классификации выявлено 5 типов профилей, отражающих систему сформировавшихся защитных механизмов. Наиболее распространенным типом профиля оказался профиль с доминированием механизма *ПЗ-проекция* (114 профилей террористов и 50 профилей экстремистов, табл. 2., рис. 1).

Таблица 2

Среднее значение и стандартное отклонение уровня выраженности механизмов ПЗ с доминированием проекции (в T-баллах)

Механизмы ПЗ	Отрицание	Подавление	Регрессия	Компенсация	Проекция	Замещение	Интеллектуализация	Реактивн. образ.
Осужденные за террористические преступления								
M	49,6*	40,3	41,9	60,4	80,2	39,2	51,1	53,5*
σ	15,5	16,8	16,9	13,7	7,5	15,6	14,6	16,7
Осужденные за экстремистские преступления								
M	41,0*	43,8	40,2	58,9	79,9	43,3	50,1	46,6*
σ	16,1	19,3	18,6	14,1	6,7	16,8	17,0	19,1

Примечание: «*» — значимость различий на уровне 5%.

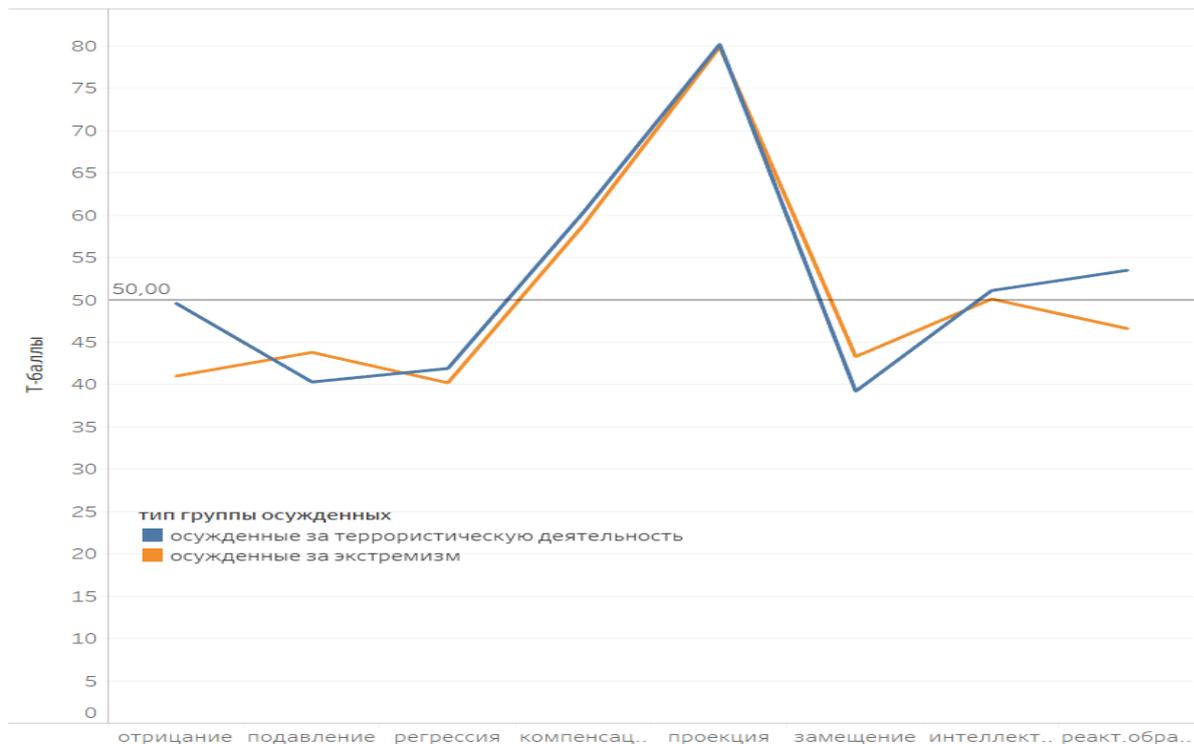

Рис.1. Профиль механизмов ПЗ с доминированием проекции

Анализ полученного профиля с явным доминированием *проекции* отмечен у самой многочисленной группы террористов и экстремистов. Проекция является архаическим и очень важным механизмом ПЗ на раннем этапе развития Эго, который З. Фрейд назвал стадией рафинированного сладостного Эго, когда все приятное переживается как относящееся к Эго, что «следует заглотать», а все болезненное, не относящееся к Эго, «следует выплюнуть» [5].

Проекция предполагает приписывание окружающим различных негативных качеств, как рациональную основу для их неприятия и самопрятия на этом фоне. Индивиды с выраженной проекцией тонко понимают бессознательные мотивы других, склонных к проекции, но только не свои проекции.

Проекция выступает как первоначальное средство ПЗ от внутренних возбуждений, которые могут быть слишком сильными и неприятными, и субъект проецирует их вовне, чтобы защититься от них и видеть в них не внутреннее, а внешнее воздействие.

З. Фрейд описывал проекцию как деформацию нормального процесса, побуждающего искать причину наших аффектов во внешнем мире. Высказывание «Я его ненавижу» преобразуется посредством проекции в другое высказывание, «Он меня ненавидит», что дает мне право его ненавидеть, таким образом, аффект ненависти проецируется, выносятся вовне. Происходит расчленение внутреннего мира личности и отбрасывание на другого человека отторгаемой части самого себя [5]. На проективной защите основывается фундаментальная ошибка атрибуции в социальной психологии.

Особенности защитного поведения: гордость, самолюбие, эгоизм, злопамятность,

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
 Механизмы психологической защиты и
 доминирующее защитное поведение осужденных за
 террористическую и экстремистскую деятельность
 Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
 Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
 Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
 Activities
 Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

мстительность, подозрительность, враждебность, обостренное чувство несправедливости, нетерпимость к возражениям, тенденция к обвинению окружающих, поиски врагов.

Вторую многочисленную группу осужденных представляют лица с доминированием компенсационного способа психологической защиты (115 лиц, осужденных за терроризм и 43 — за экстремизм) (табл. 3, рис. 2). Это зрелый и онтогенетически поздний и сложный механизм *компенсации*, который осознается и функционирует для защиты от тревоги, потери, недостатка, неполноценности. Компенсаторный механизм представлен в индивидуальной психологии А. Адлера и его кратко можно описать такими понятиями, как чувство неполноценности, перерастающее в комплекс неполноценности, связанный с попыткой индивида компенсировать свои физические недостатки или негативные личностные образования, мнимые или действительные пороки. Эта неполноценность, часто связанная с психической травматизацией в детстве, порождает переживания, которые требуют усиления чувства собственного достоинства и мотивом деятельности индивида является устранение или даже сверхкомпенсация своей мнимой или реальной неполноценности [6]. Можно предположить, что у этой группы осужденных сверхкомпенсация не только доминирует над другими ПЗ, но и является почти единственной, в значительной степени определяя криминальное поведение индивида. Криминализации индивида могло способствовать также отсутствие законченного среднего образования, трудового стажа и какой-либо профессии, в которой они смогли бы компенсировать свое чувство неполноценности и реализоваться как личность. Следует заметить, что профили осужденных за терроризм и экстремизм почти идентичны, кроме проективной защиты, которая выражена у экстремистов. Некоторая значительно меньше, чем компенсация, выраженная *проекция* у экстремистов позволяет предположить своеобразную подпитку осознанного и ярко выраженного комплекса неполноценности, бессознательной подозрительностью и враждебностью к людям.

Компенсационная защита могла бы способствовать проявлению задатков, способностей и достижению успехов в профессиональной деятельности, однако защитное поведение в данном случае проявилось в дерзости, агрессивности, криминальности и в совершении преступления.

Таблица 3

Среднее значение и стандартное отклонение уровня выраженности механизмов ПЗ с доминированием *компенсации* (в Т-баллах)

Механизмы ПЗ	Отрицание	Подавление	Регрессия	Компенсация	Проекция	Замещение	Интеллектуализация	Реактивн. образ.
Осужденные за террористические преступления								
М	47,2	45,6	38,6	80,2	50,7*	39,8	48,6	53,4*
σ	14,4	16,2	16,8	7,6	18,5	16,9	14,9	17,0

Осужденные за экстремистские преступления								
М	46,1	44,6	36,7	80,7	63,9*	44,2	46,9	47,1*
σ	16,5	19,7	15,3	7,1	16,7	20,6	15,5	17,9

Примечание: «*» — значимость различий на уровне 5%.

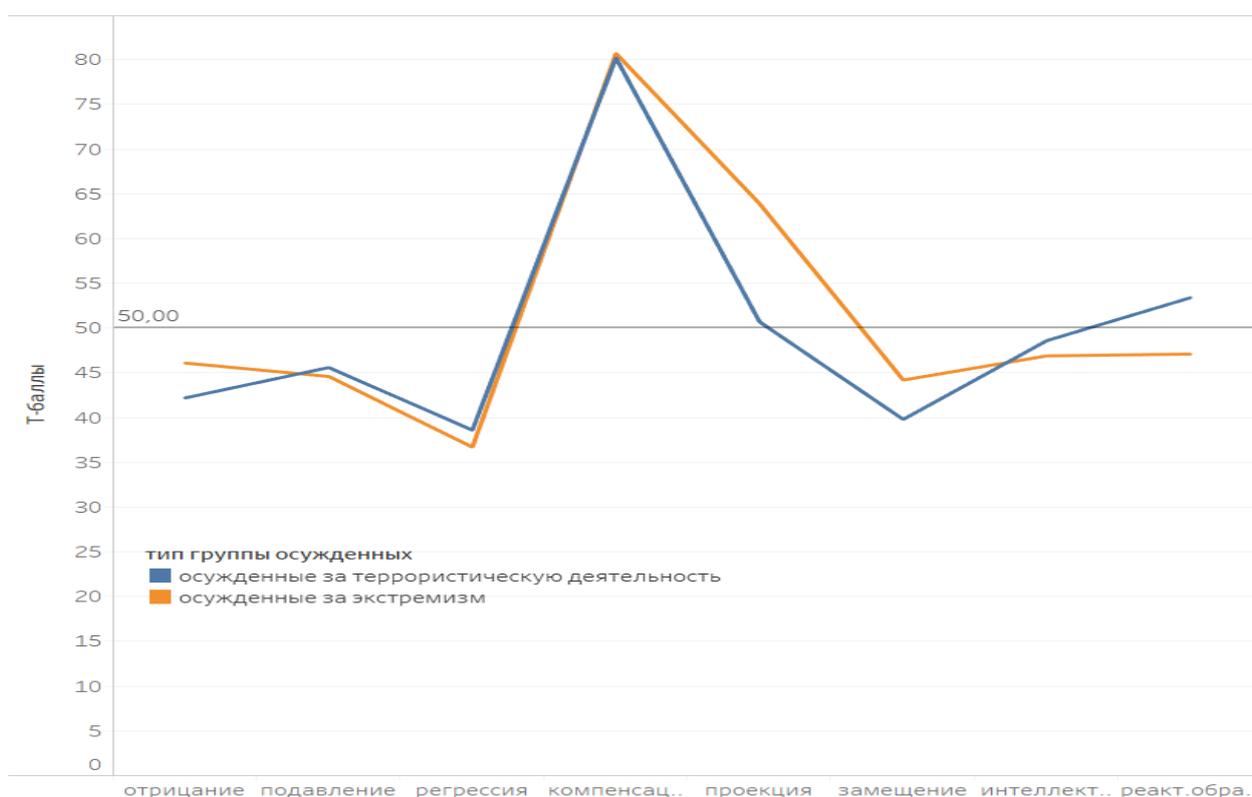

Рис. 2. Профиль механизмов ПЗ с доминированием компенсация

Третью многочисленную группу осужденных составляют лица с доминированием такой ПЗ, как *реактивное образование*. Этот тип профиля характерен для 96 лиц, совершивших преступления террористической направленности и 10 человек, осужденных за экстремизм (табл. 4, рис. 3).

Таблица 4
Среднее значение и стандартное отклонение уровня выраженности механизмов ПЗ с доминированием реактивного образования (в Т-баллах)

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
 Механизмы психологической защиты и
 доминирующее защитное поведение осужденных за
 террористическую и экстремистскую деятельность
 Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
 Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
 Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
 Activities
 Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

Механизмы ПЗ	Отрица- ние	Подавле- ние	Регрес- сия	Компен- сация	Проек- ция	Замеще- ние	Интеллек- туализаци я	Реактивн. образ.
Осужденные за террористические преступления								
М	56,8*	41,8	31,1	58,1	61,3	30,0*	58,0*	83,1*
σ	12,0	13,3	14,5	19,1	18,7	13,2	14,2	7,6
Осужденные за экстремистские преступления								
М	38,4*	47,0	38,4	53,0	60,2	40,3*	36,0*	75,7*
σ	14,1	17,2	5,3	16,4	21,7	14,4	13,1	7,9

Примечание: «*» — значимость различий на уровне 5%.

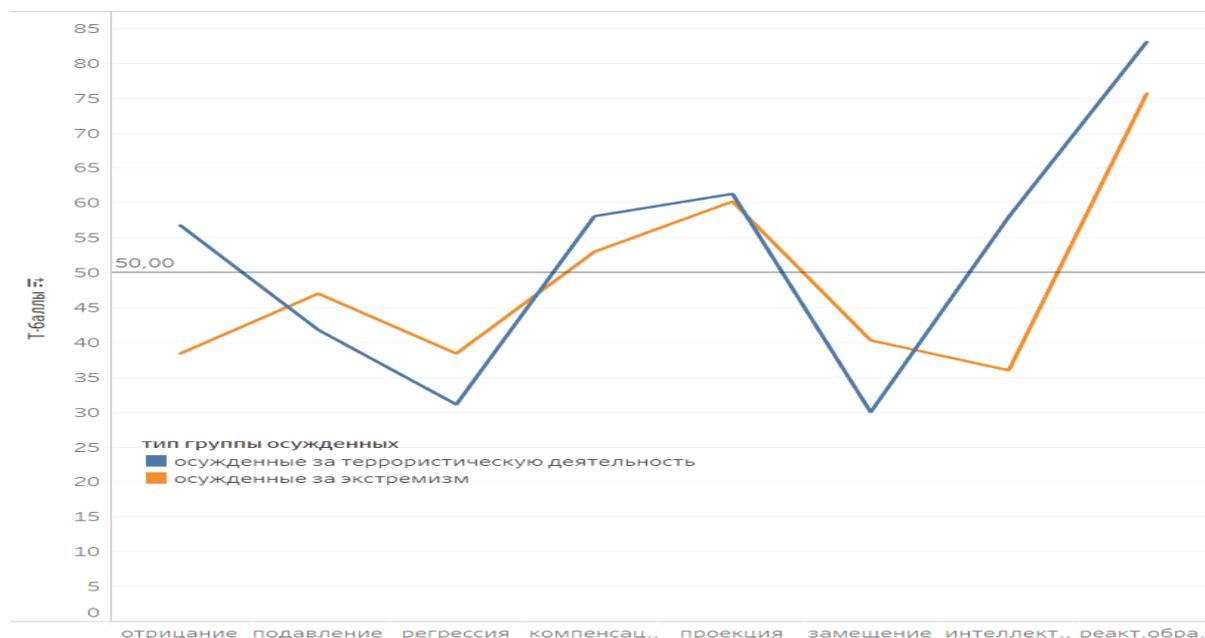

Рис. 3. Профиль механизмов ПЗ с доминированием реактивного образования

Во многих защитных установках достаточно распространено стремление *отрицать или подавлять* побуждения и, таким образом, защитить индивида от бессознательных инстинктивных влечений и аффектов.

Но существует и другой способ ПЗ Эго — *реактивное образование*, при помощи которого неприемлемое содержание бессознательного преодолевается путем усиления и

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
Механизмы психологической защиты и
доминирующее защитное поведение осужденных за
террористическую и экстремистскую деятельность
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
Activities
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

гипертрофированного развития противоположной тенденции, т.е. формирования извращенной реакции.

Согласно психоанализу, как «демаскирующей» психологии, первоначальные установки сохраняются на бессознательном уровне, а противоположные, осознаваемые, установки образуются как реакция на первые и называются *реактивным образованием* [13].

Они создаются «раз и навсегда», определенным образом, изменяя личность. Индивид, построивший такую ПЗ, не формирует механизмов ПЗ при угрозе со стороны влечений; структура его личности изменена, словно опасность присутствует постоянно. Некоторые психоаналитики считают, что *Супер-Эго* зародилось как реактивное образование [13].

Формирование реакции является не просто механизмом сбалансирования новой сознательной установки над исходной бессознательной, а оказывается механизмом чрезмерного перерегулирования, вплоть до нетерпимости и фанатизма. Вытесняя свои подлинные враждебные установки к людям, индивид может быть любезным, угодливым, заботливым; обрушиваясь с критикой на нарушение морали и нравственных норм другими людьми, индивид, преодолевает свои достаточно мощные неосознанные импульсы к нарушению как раз этих норм.

Когда Эго теряет контроль над ситуацией (состояние опьянения) или когда снимается табу, то чрезмерно вежливый и обходительный индивид становится грубым и агрессивным; фанатично чистоплотный и аккуратный — неряшливым и небрежным; всячески избегающий разговоров, анекдотов, литературы и кинофильмов эротического содержания, вдруг обнаруживает чрезмерный интерес к сексуальной тематике.

Относительно других механизмов ПЗ, в типе профиля экстремистов этой группы отмечены *компенсация и отрицание*, но их уровень можно назвать нормативным, лежащим, в пределах (50+10) Т-баллов или не выраженными, лежащими ниже 50 Т-баллов. Плохо осознаваемая проективная защита вносит определенный вклад в формирование враждебности, если вдруг появляется возможность ее проявить в случае беспорядков в исправительном учреждении.

Оценивая в целом профиль ПЗ этой группы осужденных за терроризм, можно сказать, что использование *реактивного образования* помогает им выполнять режимные требования в местах лишения свободы, демонстрируя законопослушное поведение. Как отмечалось выше, поведение около 60% осужденных за экстремистско-террористические преступления, характеризуются администрацией исправительных учреждений положительно или нейтрально. Однако глубинный и деструктивный внутренний конфликт, основанный на амбивалентности влечений и аффектов остается неосознанным.

Об этом свидетельствует высокий уровень доминирующей *реактивной* защиты, подкрепляемой повышенным уровнем защитной *проекции*.

Анализируемый тип профиля может свидетельствовать о сравнительно успешной адаптированности этих осужденных в условиях лишения свободы, при сохранении внутренних, плохо осознаваемых деструктивных установок, маскируемых законопослушным поведением и, кроме того, существующего внутреннего непризнания вины, которая проецируется на внешние причины.

Профиль осужденных за экстремизм отличается от «террористического профиля» по механизмам *отрицание и интеллектуализация* (они не выражены у экстремистов), а

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
 Механизмы психологической защиты и
 доминирующее защитное поведение осужденных за
 террористическую и экстремистскую деятельность
 Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
 Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
 Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
 Activities
 Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

используемыми защитами являются все те же *реактивное образование и проекция*, уровень которых не так сильно отличается от профиля осужденных за терроризм, если принимать во внимание, что выраженность механизмов ПЗ не достигает отметки в 50 Т-баллов (табл. 2—5). Можно только добавить, что осужденные за экстремизм менее адаптированы к условиям лишения свободы, поскольку у них менее выражены самоконтроль, индивидуализм, склонность к самоанализу, характерные для психологического механизма *интеллектуализации*, который у них отсутствует.

Немногочисленную четвертую группу, представляют собой осужденные с преобладанием таких ПЗ, как *интеллектуализация, компенсация и отрицание*. Доминирующим защитным способом является интеллектуализация. В этой группе оказалось 13 осужденных за терроризм и 10 осужденных за экстремизм (табл. 5, рис. 4).

Таблица 5

Среднее значение и стандартное отклонение уровня выраженности механизмов ПЗ с доминированием интеллектуализации (в Т-баллах)

Механизмы ПЗ	Отрицание	Подавление	Регрессия	Компенсация	Проекция	Замещение	Интеллектуализация	Реактивн. образ.
Осужденные за террористические преступления								
М	65,0	47,9*	35,1	60,5	54,6	29,5	77,5	57,7
σ	9,7	8,2	20,5	18,5	14,2	12,0	10,5	12,0
Осужденные за экстремистские преступления								
М	64,6	35,7*	36,6	66,2	57,2	25,6	79,3	47,4
σ	13,1	8,8	15,4	13,7	14,6	11,9	5,5	20,7

Примечание: «*» — значимость различий на уровне 5%.

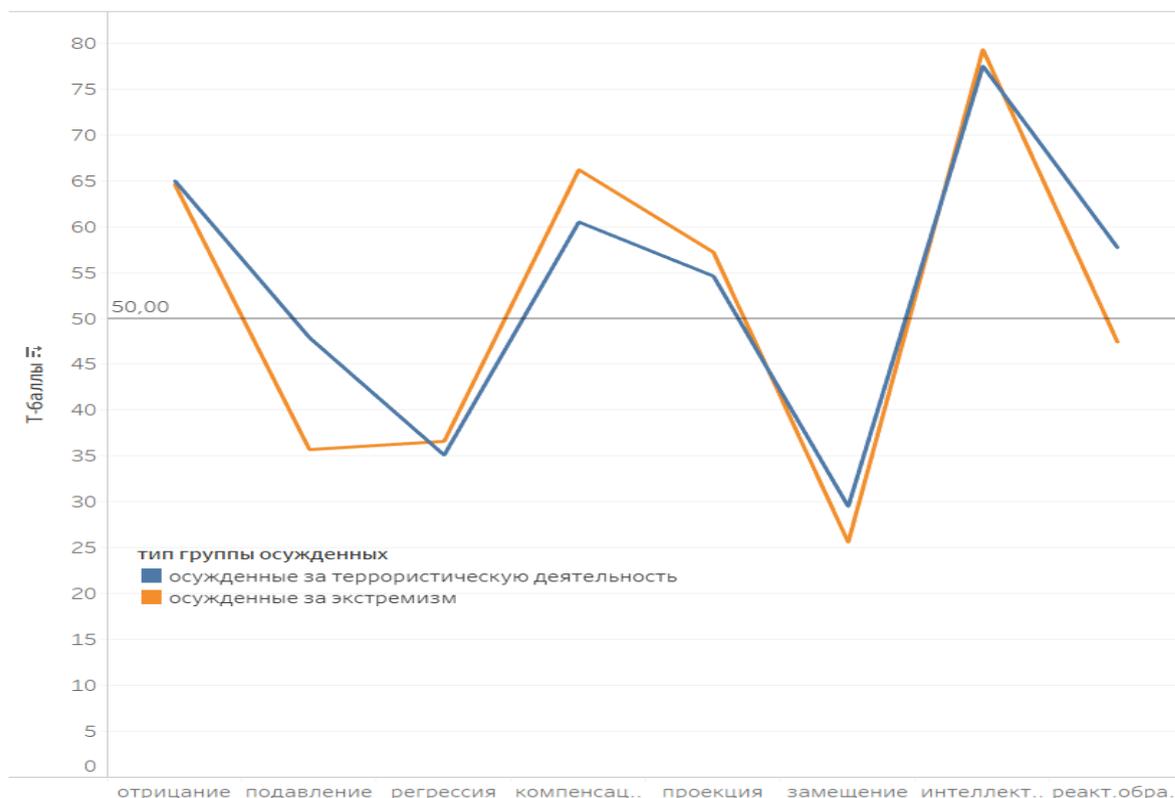

Рис. 4. Профиль механизмов ПЗ с доминированием *интеллектуализации*

По оценке разработчиков русскоязычного варианта LSI, психологический механизм интеллектуализации представляет собой ПЗ, посредством которой индивид стремится выразить в дискурсивном виде, в том числе и во внутренней дискуссии с самим собой, свои конфликты и аффективные состояния, чтобы овладеть ими, причем абстрактное мудрствование и резонерство преобладают над переживанием [11]. Целью ПЗ является нейтрализация переживаний и аффектов. Вместо реальных действий по устранению тревоги и страхов индивид начинает формулировать абстрактные суждения и представления, стремясь к избавлению от фрустрации.

В норме, как упоминалось выше, защитное поведение проявляется как старательность, самоконтроль, склонность к самоанализу, индивидуализм. Но у данной категории осужденных этот механизм ПЗ является доминирующим и явно сверхнормативным. В этом случае осужденные могут характеризоваться как индивиды, лишённые полноценной жизни, с признаками психической дезадаптации. Они оставляют впечатление отстранённых, холодных, лишённых эмоционального компонента общения, склонных к дистанцированию от других людей. Эти индивиды не способны принять решение, действия подменяют размышлениями и самооправданием своей отчужденности и пассивности, у них легко возникают различные фобии, ритуальные и навязчивые действия.

Это наиболее дезадаптированная группа осужденных за экстремистско-террористические

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
Механизмы психологической защиты и
доминирующее защитное поведение осужденных за
террористическую и экстремистскую деятельность
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
Activities
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

преступления и в наибольшей степени подверженная так называемому *тюремному синдрому*, когда осужденные становятся апатичными, безразличными к окружению, испытывают состояние обреченности, безнадежности; их мышление становится вязким, темп замедленным, возникает нарушение логики и разорванность мыслей, потеря цели, смысла жизни и дальнейшей перспективы существования [8].

Самую малочисленную группу составляют осужденные, использующие самую незрелую и примитивную защиту — *отрицание*, которая не характерна для подавляющего большинства осужденных за экстремистско-террористические преступления (15 — за террор, 5 — за экстремизм). Отрицание — это наиболее ранний механизм защиты, стоящий в самом начале шкалы «примитивность—зрелость», означающий отказ, непризнание, отречение, т. е. способ сопротивления индивида, когда вытесненные из сознания влечения, мысли, чувства становятся вновь осознанными. Защищаясь от аффекта, человек не признает их своими собственными, хотя отрицание неприятной реальности позволяет лишь на некоторое время укрыться от бремени реального события. При доминировании защитного отрицания возможно формирование симптомов невротической истерии и таких черт характера, как внушаемость, хвастовство, лживость, склонность к симуляции, нетерпимость к критике, возможны также психосоматические расстройства.

Профиль ПЗ этой группы представляет собой единственную шкалу защитного *отрицания*, возвышающуюся на уровень в 65 Т-баллов у террористов и 70 Т-баллов у экстремистов. Все остальные шкалы свидетельствуют о невыраженности остальных защитных механизмов. Малочисленность этой группы осужденных не позволяет предпринять сравнительный анализ.

Заключение. Механизмы ПЗ в местах лишения свободы в большинстве своем это не те защиты, что используются террористами и экстремистами на свободе. Полученные результаты представляют ценность для пенитенциарного психолога, позволяя ему понимать и корректировать неосознаваемые защитные механизмы Эго осужденного, способствуя осознанию его невроза, поскольку кроме адаптивных ПЗ, которые ситуационны и изменчивы, есть невротические ПЗ, которые «прилипли» к личности еще в условиях преступной деятельности.

Механизм проекции террористов и его сверхнормативная выраженность способствуют формированию паранойяльного поведения, возникшего еще на воле (подозрительности к людям), а в местах лишения свободы паранойяльность может развиваться в невротическую паранойю («я — во власти врагов, кругом враги»).

Изучение ПЗ у осужденных за преступления экстремистско-террористической направленности показало, что у этой категории осужденных не наблюдается защитного *подавления*, которое проявляется в тщательном избегании ситуаций, способствующих возникновению фрустраций, страха и других острых эмоциональных реакций. Не выявлено механизма *регрессии*, посредством которого происходит возврат к предыдущим формам мышления и переход к менее сложному и дифференцированному поведению, т. е. к пройденным этапам развития.

Не используется осужденными и механизм *замещения*, заключающийся в том, что аффект, подавленный в отношении одного объекта, выплескивается на другой объект и происходит типичная разрядка, мотив которой не осознается. Эти три способа ПЗ считаются

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
Механизмы психологической защиты и
доминирующее защитное поведение осужденных за
террористическую и экстремистскую деятельность
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
Activities
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

примитивными по шкале Р. Плутчика «примитивность—зрелость».

Блокирование этих ПЗ связано с режимными требованиями, существующими в условиях лишения свободы, поскольку ПЗ рассматривается все же как адаптивная функция Эго.

Например, девиантное проявление *замещающего* защитного поведения связано с агрессивностью, жестокостью, аморальностью и насильственными действиями, которые сопровождают экстремистско-террористическую деятельность на свободе, но являются неадекватным поведением и пресекаются в условиях ее лишения. Психодинамическая концепция защит предполагает не только защиту Эго от Оно и Эго от Супер-эго, но и трансформацию системы механизмов ПЗ Эго в условиях изменения реальности. Но относительно наиболее архаичной, неосознаваемой и одновременно самой распространенной среди осужденных *проективной* защиты, сомнительно говорить о ее адаптивности, поскольку, как отмечала А. Фрейд, функционирование *проекции* приводит к формированию симптома и развитию невротической паранойи [14].

Результаты проведенного исследования показывают, что примерно у 65% лиц, осужденных за экстремистско-террористические преступления, в профиле психологических механизмов обнаруживается доминирование проективной защиты.

Казалось бы, что основная направленность коррекционной работы с этой категорией осужденных должна быть направлена на использование психоаналитических методов, однако их использование в исправительных учреждениях в настоящее время невозможно в силу двух основных причин. Во-первых, отсутствие в пенитенциарной системе психологов, основательно подготовленных в рамках психоаналитической психологии. Во-вторых, в условиях лишения свободы психоанализ оказывается малоэффективным, поскольку он возможен только при добровольном обращении индивида со своими внутренними конфликтами и требует многочисленных и длительных контактов с психоаналитиком.

Возможно, со второй причиной связан неудачный опыт использования психоанализа для коррекционного воздействия на личность рецидивистов в американских тюрьмах в 60—70-е гг. XX века, после которого появился лозунг «Ничто не помогает» [1].

В рамках гештальт-терапии Ф. Перлза разработаны упражнения, методы и техники психотерапевтической работы с проективной защитой, включающей доступные для психолога процедуры психотерапии: *расширение осознания; интеграцию противоположностей; усиление внимания к чувствам; работу с фантазиями; принятие ответственности; преодоление сопротивления* [12].

Литература

1. Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб.: Питер. 2004. 496 с.
2. Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 120—142. DOI:10.17759/psylaw.2020100309
3. Казберов П.Н., Бовин Б.Г. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 36—53. DOI:10.17759/psylaw.2019090103
4. Кернберг О.Ф. Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии. М.: Класс, 2016. 464 с.

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
Механизмы психологической защиты и
доминирующее защитное поведение осужденных за
террористическую и экстремистскую деятельность
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
Activities
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

5. Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа. 1996. 623 с.
6. Лейбин В. М. Постклассический психоанализ. Энциклопедия. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2006. Том 1. 472 с.
7. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс. 2015. 592 с.
8. Мокрецов А.И. Избранные труды. М.:НИИ ФСИН, 2010. 275 с.
9. Оганесян С.С., Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Дикопольцев Д. Е. Проблема распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы [Электронный ресурс] // Ведомости Уголовно-исполнительной системы. 2019. № 3. С. 51—59. URL: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214 (дата обращения: 26.01.2021).
10. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: индивидуальные жизненные кризисы; агрессия и экстремизм / Под общ. ред. Н.С. Хрусталевой. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2016. 444 с.
11. Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Талант. 1996. 144 с.
12. Таланов В.Л., Малкина-Пых И.Г. Справочник практического психолога. М.: Эксмо. 2003. 928 с.
13. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М.: Академический проект, 2005. 848 с.
14. Фрейд А. Эго и механизмы защиты. М.: Астрель, 2008. 160 с.
15. Юревич А. В. Методология и социология психологии. М.: Институт психологии РАН, 2010. 272 с.
16. Vaillant G.E. Theoretical hierarchy of adaptive ego mechanisms: A 30-year follow-up of 30 men selected for psychological health // Archives of General Psychiatry. 1971. Vol. 24. P. 107—118. DOI:10.1001/archpsyc.1971.01750080011003

References

1. Blekborn R. Psikhologiya kriminal'nogo povedeniya [Psychology of criminal behavior]. Saint-Petersburg: Piter, 2004. 496 p. (In Russ.).
2. Bovina I.B., Bovin B.G., Tikhonova A.D. Radikalizatsiya: sotsial'no-psikhologicheskii vzglyad (Chast' I) [Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part I)]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 120—142. DOI:10.17759/psylaw.2020100309. (In Russ.).
3. Kazberov P.N., Bovin B.G. Obshchaya kharakteristika lits, osuzhdennykh za prestupleniya ekstremistskoy i terroristicheskoy napravlennosti [General characteristics of persons convicted of extremist and terrorist crimes]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 1, pp. 36—53. DOI:10.17759/psylaw.2019090103. (In Russ.).
4. Kernberg O.F. Tyazhelye lichnostnyye rasstroystva. Strategii psikhoterapii. [Severe personality disorders. Psychotherapy strategies]. Moscow: Klass, 2016. 464 p.(In Russ.)
5. Laplansh ZH., Pontalis ZH.-B. Slovar' po psikhoanalizu [Dictionary of psychoanalysis]. Moscow:Vysshaya shkola, 1996. 623 p. (In Russ.).
6. Leybin V. M. Postklassicheskiy psikhoanaliz. Entsiklopediya [Postclassical psychoanalysis. Encyclopedia]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», 2006. T.1. 472 p.(In Russ.)

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
Механизмы психологической защиты и
доминирующее защитное поведение осужденных за
террористическую и экстремистскую деятельность
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
Activities
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

7. Mak-Vil'yams N. Psikhoanaliticheskaya diagnostika. Ponimaniye struktury lichnosti v klinicheskom protsesse [Psychoanalytic diagnostics. Understanding the structure of personality in the clinical process]. Moscow: Klass, 2015. 592 p. (In Russ.).
8. Mokretsov A.I. Izbrannyye trudy [Selected Works]. Moscow: NII FSIN, 2010. 275 p. (In Russ.).
9. Oganesyanyan S.S., Bovin B.G., Kazberov P.N., Dikopol'tsev D. Ye. Problema rasprostraneniya religioznogo ekstremizma v mestakh lisheniya svobody [The problem of the spread of religious extremism in prisons]. *Vedomosti Ugolovno-ispolnitel'noy sistemy=Bulletin of the Criminal Executive System*. 2019. № 3. pp. 51—59. URL: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214 (Accessed: 26.01.2021). (In Russ.).
10. Psikhologiya krizisnykh i ekstremal'nykh situatsiy: individual'nyye zhiznennyye krizisy; agressiya i ekstremizm [Psychology of crisis and extreme situations: individual life crises; aggression and extremism] / Pod obshch. red. N. S. Khrustalevoy. Saint-Petersburg: Izd-vo SPBGU, 2016. 444 p. (In Russ.).
11. Romanova Ye.S., Grebennikov L.R. Mekhanizmy psikhologicheskoy zashchity: genezis, funkcionirovaniye, diagnostika [Psychological defense mechanisms: genesis, functioning, diagnostics]. Mytishchi: Izdatel'stvo «Talant», 1996. 144 p. (In Russ.).
12. Talanov V.L., Malkina-Pykh I.G. Spravochnik prakticheskogo psikhologa [Handbook of a practical psychologist]. Moscow: Eksmo, 2003. 928 p. (In Russ.).
13. Fenikhel' O. Psikhoanaliticheskaya teoriya nevrozov [Psychoanalytic theory of neuroses]. Moscow: Akademicheskiiy Proyekt, 2005. 848 p. (In Russ.).
14. Freyd A. Ego i mekhanizmy zashchity [Ego and defense mechanisms]. Moscow: Astrel', 2008. 160 p. (In Russ.).
15. Yurevich A. V. Metodologiya i sotsiologiya psikhologii [Methodology and sociology of psychology]. Moscow: Institut psikhologii RAN. 2010. 272 p. (In Russ.).
16. Vaillant G.E. Theoretical hierarchy of adaptive ego mechanisms: A 30-year follow-up of 30 men selected for psychological health. *Archives of General Psychiatry*, 1971. Vol.24. P. 107—118. DOI:10.1001/archpsyc.1971.01750080011003

Информация об авторах

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Казберов Павел Николаевич, кандидат психологических наук, старший преподаватель факультета психологии, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б.
Механизмы психологической защиты и
доминирующее защитное поведение осужденных за
террористическую и экстремистскую деятельность
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86—105.

Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B.
Mechanisms of Psychological Defense and Dominant
Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist
Activities
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86—105.

Information about the authors

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Pavel N. Kazberov, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Faculty of Psychology, Russian State Social University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 10.11.2020
Принята в печать 12.05.2021

Received 10.11.2020
Accepted 12.05.2021

Возрастные особенности готовности к ресоциализации личности в постпенитенциарный период

Сорока А.В.

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (ХНУ), г. Харьков, Украина
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6072-8165>, e-mail: anatolij_soroka@ukr.net

В статье приводится частично вторая часть результатов лонгитюдного исследования выраженности возрастных особенностей готовности к ресоциализации личности в постпенитенциарный период. Ранее нам удалось создать и успешно апробировать психодиагностическую и психокоррекционную программы ресоциализации делинквентной личности на этапе освобождения из мест лишения свободы. Система ценностно-нормативной теории личности преступника А.Р. Ратинова взята за основу анализа и сопоставления системы ценностных ориентаций исследуемых. Были обследованы – 201 человек. На основании полученных результатов делается вывод о том, что у исследуемых показатели снижены по трем категориям когнитивной концепции базовых убеждений личности. Выявлено достоверно значимое влияние возрастного фактора исследуемых по таким шкалам, как «попытка подогнать других под себя», «попытка изменить других», «категоричность к другим», «неумение приспособливаться к другим» и т. д. Определены исследуемые, у которых показатели склонности к агрессии явно завышены.

Ключевые слова: ресоциализация личности, постпенитенциарный период, системный подход, ценностные ориентации.

Финансирование: Исследование выполнено в соответствии с договором о сотрудничестве с Северо-Восточным межрегиональным управлением по вопросам исполнения наказаний и пробации министерства юстиции Украины и проведения научно-исследовательской работы кафедры прикладной психологии на тему: «Стратегии поддержания психологического здоровья в условиях кризиса», № госрегистрации 0116U005286, научный руководитель – д. психол. н. доцент, зав. кафедры прикладной психологии И.В.Кряж

Благодарности: Автор благодарит за помощь в организации проведения и сборе данных для исследования руководство Северо-Восточного межрегионального управления по вопросам исполнения наказания и пробации министерства юстиции Украины: Г.В. Романова, Д.А. Индика, а также за активное участие руководителей благотворительных, религиозных и общественных организаций ряда областей Украины: А.Г. Акопяна, В.В. Балабанова, А.Н. Луценко, Д.С. Мальцева, Л.Д. Тарасова и других.

Для цитаты: Сорока А.В. Возрастные особенности готовности к ресоциализации личности в постпенитенциарный период [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. №

2. С. 106—119. DOI:10.17759/psylaw.2021110208

Age-related Peculiarities of a Delinquent Personality's Preparedness to Resocialize in the Post-penitentiary Period

Anatoly V. Soroka

Kharkov National University named after V.N. Karazin (KhNU), Kharkov, Ukraine, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: anatolij_soroka@ukr.net

This article is an incomplete presentation of the second part of the follow-up study on the evidence of age-related peculiarities of personality's preparedness to resocialize during the post-penitentiary period. Earlier, we were able to create and successfully test psychodiagnostic and psychocorrective programs for the resocialization of a delinquent person at the stage of release from prison. The A.R. Ratinov's value and standards theory of a criminal's personality is used as a basis for analysis and comparison of the subjects' system of value orientations. 201 individuals have been examined. The obtained results indicate that the subjects have lowered values in three categories of cognitive concept of personality's basic beliefs. The significance of the age factor in the subjects has been reliably found in such scales as «a tendency to force others to fit one's wants/tastes», «a tendency to change others», «categoricalness towards others», «inability to adjust oneself to others» and so on. Subjects have been found with manifestly excessive predisposition to aggression.

Key words: personality resocialization, postprison period, systematic approach, value orientations.

Funding: The study was carried out in the framework of the cooperation agreement with the North-Eastern Interregional Authority for the Execution of Punishments and Probation of the Ministry of Justice of Ukraine and research work of the Department of Applied Psychology on the topic: «Strategies for maintaining psychological health in a crisis», state registration number 0116U005286, scientific supervisor — Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Applied Psychology I.V. Kryazh.

Acknowledgments: The author thanks the leadership of the North-Eastern Interregional Directorate for the Execution of Sentences and Probation of the Ministry of Justice of Ukraine G.V Romanova, and public organizations of a number of regions of Ukraine A.G. Akopyana, V.V Balabanova, A.N. Lutsenko, D.S. Maltseva, L.D. Tarasova.

For citation: Soroka A.V. Age-related Peculiarities of a Delinquent Personality's Preparedness to Resocialize in the Post-penitentiary Period. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 106—119. DOI:10.17759/psylaw.2021110208 (In Russ.).

Введение

В данной работе приводится частично вторая часть результатов лонгитюдного исследования выраженности возрастных особенностей готовности к ресоциализации

личности в постпенитенциарный период. Первая часть исследований дала нам возможность создать и успешно апробировать психодиагностическую и психокоррекционную программы особенностей готовности к ресоциализации делинквентной личности на этапе освобождения из мест лишения свободы. Ведь успешная готовность к ресоциализации делинквентной личности, а также в постпенитенциарный период есть ничто иное, как профилактика рецидивной преступности. Согласно проведенным нами исследованиям выявлено, что в последнее десятилетие наблюдается увеличение количества бездомных осужденных на этапе освобождения из мест лишения свободы, которые в первую очередь нуждаются в различных видах помощи. Сложившаяся ситуация усугубляется ухудшением криминологических характеристик и омоложением осужденных в исправительных учреждениях, что приводит к накоплению лиц с антисоциальной направленностью в постпенитенциарный период [21].

Научная новизна и практическая значимость лонгитюдного исследования (с 2005 по 2020 гг., где всего было обследовано 878 испытуемых) заключается в создании, апробации и успешном внедрении результатов исследования (подтверждено актами внедрения и видеозаписями благодарных испытуемых), а именно: «Психодиагностической и психокоррекционной программы исследования готовности к ресоциализации делинквентной личности на этапе освобождения и после освобождения от отбывания срока наказания» в исправительных колониях и центрах реинтеграции бездомных лиц ряда областей Северо-Восточной Украины.

В результате анализа научной литературы отечественных и зарубежных исследователей удалось выяснить, что ресоциализация относится к числу социальных понятий и широко используется в криминологии, социологии, психологии и других гуманитарных науках. Она объективно связана с понятием «социализация». Считается, если социализация – это «приобретение», то ресоциализация – «потеря» субинформации институтов.

На данный факт также обращает внимание Ю.В. Жулева, отмечая необходимость учитывать значение префикса «ре», что позволяет понимать ресоциализацию как «восстановление или повторность действия» и как «противодействие» асоциальной деградации личности [4, с. 7].

Ю.М. Швалб утверждает, что «ресоциализация осуществляется только как мотивированное и волевое действие самого индивида. Человека нельзя ресоциализировать извне – ему можно только предоставить социальную или психологическую помощь в желании изменить свою жизнь» [23, с. 30].

На законодательном уровне в Украине понятие «ресоциализация» впервые появилось с принятием уголовно-исполнительного кодекса (УИК) Украины 2003г. В соответствии со ст. 6 УИК Украины, «ресоциализация – сознательное восстановление осужденного в социальном статусе полноправного члена общества; возвращение его к самостоятельной общепринятой социально-нормативной жизни в обществе.

Необходимым условием ресоциализации является исправление осужденного. Где исправление осужденного – процесс позитивных изменений, которые происходят в его личности и создают у него готовность к самоуправляемому правопослушному поведению» [8, ст. 6].

Согласно закону Украины «О пробации» 2015 г., ст. 4 «Целью пробации является обеспечение безопасности общества путем исправления осужденных, предупреждение совершения ими повторных уголовных правонарушений и обеспечение суда информацией,

характеризующей обвиняемых, с целью принятия судом решения о мере их ответственности» [5, ст. 4].

Подытоживая рассмотрение понятий и понимание процесса ресоциализации различными исследователями, А.М. Столяренко делает вывод о том, что под ресоциализацией следует понимать повторное усвоение культуры человеческих отношений, формирование определенных социальных норм, ролей и функций, достижения умений и навыков, необходимых для их успешной реализации [14].

Зарубежные психологи подчеркивают, что мероприятия, направленные на исправление осужденных, иногда сопровождаются нарушениями дисциплины, а также проявляются в форме сопротивления с их стороны [24; 25].

Теоретической основой психологического исследования выступил системно-структурный анализ процесса ресоциализации личности в постпенитенциарный период [22]. Принцип системного подхода в психологии, который был определен Б.Ф. Ломовым [10] в настоящее время получил должное развитие в отечественной психологии, в целом ряде концепций общетеоретического и практического плана, реализующих данный подход по отношению к личности и деятельности [1; 3; 9; 13; 15; 19–22]. Ведь *единство теории, эксперимента и практики* раскрывается как «важнейший принцип перспективного планирования психологической науки и профессиональной деятельности психологов» [10, с. 225].

Так, готовность к ресоциализации личности в постпенитенциарный период, с одной стороны, можно рассматривать как систему, а с другой – как системный комплекс, состоящий из двух самостоятельных, но взаимосвязанных систем, которые условно можно назвать как «системы ценностно-нормативной сферы личности» и «системы волевой саморегуляции личности».

Система ценностно-нормативной сферы личности, разработанная А.Р. Ратиновым как ценностно-нормативная теория личности преступника [17], в наибольшей степени соответствует системному подходу к личности как к целостности в единстве различных ее сторон.

Кроме того, данная теория активно используется современными исследователями, которые применяют ряд положений концепции коррупционного поведения госслужащих О.В. Ванновской [2]. В ее модели психологических особенностей лиц, склонных к коррупции, а также в исследованиях психологических особенностей коррупционных преступников М.В. Кроз, Н.А. Ратиновой [7]. Опираются на данные модели и современные исследования ценностей, самоидентификации и личностной мотивации обвиняемых Д.В. Каширского, О.В. Старосельцевой [6], а также исследования ценностных и моральных основ правового нигилизма молодежи И.Н. Протасовой, О.А. Сычева, И.В. Аношкина [16].

Таким образом, высокая социальная значимость проблемы, общественной опасности рецидивной преступности бездомной личности в постпенитенциарный период и определила обращение к данной теме. На кафедре прикладной психологии факультета психологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина совместно с руководством Северо-Восточного межрегионального управления по вопросам исполнения наказания и пробации министерства юстиции Украины, а также при активном участии руководителей благотворительных, религиозных, общественных организаций, центров социальной адаптации бездомных лиц различных форм собственности ряда областей Украины в 2013—2020 гг. было проведено исследование на тему: «Психологические особенности социализации и ресоциализации личности после отбывания срока наказания». Практическая значимость исследования заключается в апробации и успешном внедрении результатов в центрах реинтеграции бездомных лиц ряда областей Северо-Восточной Украины.

В исследовании наряду с психологами принимали активное участие представители благотворительных, религиозных и общественных организаций ряда областей под руководством общественного совета, где автор статьи был председателем общественного совета при Северо-Восточном межрегиональном управлении исполнения наказания и пробации министерства юстиции Украины. В качестве основной *гипотезы* исследования предполагалось, что высокий и средний уровни сформированности переменных и их конструктивные взаимосвязи исследуемого нами системо-комплекса способствуют готовности к ресоциализации личности в постпенитенциарный период.

Цель исследования: определить возрастные особенности готовности к ресоциализации личности в постпенитенциарный период.

Задача исследования: определить и сравнить уровни сформированности показателей переменной системы ценностно-нормативной сферы личности по возрастным показателям групп испытуемых.

В качестве основного метода исследования выступало психологическое тестирование. Использовались следующие *методики*.

1. Опросник «Шкала базовых убеждений», разработанный Р. Янов-Бульманом в адаптации Г.В. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой [16].

2. Методика «Диагностика общей коммуникативной толерантности», разработанная В.В. Бойко [16].

3. Методика «Тест руки» (Hand test), разработанная Е. Wagner и др., Модификация Максименко С.Д., Кокун А.Н., Тополов Е.В. [10].

Для изучения предположения о возрастных особенностях готовности к ресоциализации исследуемых, освобожденных от отбывания срока наказания, нами была взята теория, принадлежащая американскому психологу Э. Эриксону, который в теории личностного развития описал восемь жизненных психологических кризисов, неизбежно наступающих у каждого человека, выделив при этом крайние линии личностного развития: нормальную и аномальную. В основу эмпирического исследования нами выделена стадия «Ранняя зрелость (от 20 до 45 лет)» и стадия «Средняя зрелость (от 40–45 до 60 лет)» [13].

Выборка испытуемых была разделена на две группы по возрастному признаку: к первой группе (ранняя зрелость) были отнесены испытуемые в возрасте от 28 до 40 лет в количестве 100 человек. Ко второй группе (средняя зрелость) были отнесены испытуемые

в возрасте от 41 до 60 лет в количестве 101 человек. Средний возраст в первой группе испытуемых составляет 32 года, а во второй группе 45 лет. Средний срок отбывания наказания в первой группе составляет 5 лет, а во второй группе 7 лет. Все исследуемые – мужского пола, и все лично высказали желание оказать им психологическую помощь. Исследования проводились в четырех центрах социальной адаптации бездомных лиц (различных форм собственности), трех областей Северо-Восточной Украины.

С помощью личностного опросника «Шкалы базовых убеждений» Р. Янов-Бульмана, нами определена когнитивная концепция базовых убеждений личности. В соответствии с этой концепцией, одна из базовых ощущений нормального человека – здоровое чувство безопасности. Оно основано на трех категориях базовых убеждений, которые составляют ядро нашего субъективного мира:

1. Вера в то, что в мире больше добра, чем зла. В эту категорию входит отношение к окружающему миру вообще и отношение к людям.

2. Убеждение в ценности собственного «Я». Здесь основное значение имеют три аспекта: «Я хороший человек» (высшая), «Я правильно веду себя» (контроль) и оценка собственного характера.

3. Убеждение, что мир наполнен смыслом. Обычно люди склонны верить, что события происходят не случайно, а контролируются и подчиняются законам справедливости [16].

На основе этих трех категорий Р. Янов-Бульман разработал 8 шкал базовых убеждений. Базовые убеждения претерпевают серьезные изменения под влиянием перенесенных личностью травматических событий, поэтому они отличаются у людей, перенесших либо не встречавших в своей жизни событий с сильным негативным опытом.

В норме показатели по всем шкалам теста должны быть выше средних, не менее 3,5 балла. Результаты нашего исследования показали, что средние показатели по переменным от общего количества исследуемых сильно снижены по таким переменным, как: «убеждение в доброте людей» (почти до нуля), в «убеждение в ценности собственного «Я» (менее 2-х баллов), что свидетельствует о подрыве двух основных категорий нормальной картины мира — *веры в то, что в мире больше добра, чем зла и в убеждения в ценности собственного «Я»*. Еще один показатель надо оценивать, как пишет автор теста, противоположным (реверсивным) образом — это шкала «случайность событий». Если человек воспринимает мир как «случайный», тогда у него подрывается третья категория нормальной картины мира — *убеждение, что мир наполнен смыслом*. Поэтому, чем больше баллов набирает исследуемый с этой категорией, тем больше он теряет веру в осмысленность мира. Исследуемые по шкале «случайность событий» набрали в среднем 3,7 балла, реверсивным значением к этому значению будет — 2,3 балла, получается осмысленность мира у них тоже не доходит до нормативных 3,5 баллов, она снижена.

Таким образом, результаты нашего исследования свидетельствуют, что средние показатели переменных (в сравнении с нормативными показателями методик) от общего количества исследуемых сильно снижены по трем категориям когнитивной концепции базовых убеждений личности.

Сопоставляя группы исследуемых по возрастному признаку, мы выяснили, что по определенным шкалам, показатели картины мира у второй группы исследуемых лучше, чем у первой группы (шкалы «доброжелательность мира», «справедливость мира», «контроль мира», «степень самоконтроля»), а у первой группы выявлены лучшие характеристики по

таким переменным, «доброта людей», «ценность собственного «Я».

Определена проверка значимости различий по переменным базовых убеждений между группами исследуемых по критерию Колмогорова-Смирнова. Наглядно в (табл. 1) показано, что по трем шкалам были доведены значимые различия между группами исследуемых, а именно: «справедливость мира», «контроль мира» и «случайность событий», – где исследуемые второй группы демонстрируют более позитивные убеждения о существовании справедливости и возможности со своей стороны в чем-то контролировать

Таблица 1

Результаты анализа значимости различий по переменным опросника базовых убеждений

Показатель	Max Neg	Max Pos	p-level	Mean gr. 1	Mean gr. 2	Std.Dev.	Std.Dev.	Valid N gr. 1	Valid N gr. 2
Доброжелательность мира	-0,155149	0,000495	p > 0,10	3,669500	4,018812	1,170597	1,071444	100	101
Доброта людей	0,000000	0,100792	p > 0,10	0,572000	0,468812	0,592304	0,499142	100	101
Справедливость мира	-0,212574	0,000000	p < 0,025*	3,422000	3,852475	1,201227	1,000359	100	101
Контроль мира	-0,200693	0,000000	p < 0,05**	3,924000	4,415347	1,193596	0,860864	100	101
Случайность событий	-0,236634	0,127525	p < 0,01***	3,734500	4,448515	1,193086	1,344107	100	101
Ценность собственного «Я»	-0,000396	0,163663	p > 0,10	1,920000	1,707921	0,768312	0,651411	100	101
Степень самоконтроля	-0,114356	0,031485	p > 0,10	4,000500	4,197030	1,064617	0,775945	100	101
Степень удачи	-0,057723	0,087723	p > 0,10	3,529500	3,402475	0,913012	1,076508	100	101

Примечание: p < 0,025*; p < 0,05**; p < 0,01***.

мир, «справедливость мира», «контроль мира» и «случайность событий», где исследуемые второй группы демонстрируют более позитивные убеждения о существовании справедливости и возможности со своей стороны осуществлять контроль.

Наконец, в обеих группах исследуемых, показатели по шкалам «степень удачи» и «степень самоконтроля», – оказались представлены в близкой пропорции. Среди исследуемых первой группы (42 человека – (40,7%) степень удачи более выражена, вторая группа (35 человек – (32,5%) более склонна к степени самоконтроля.

Методика «Диагностика общей коммуникативной толерантности» В.В. Бойко (табл. 2). Среднее значение уровня сформированности коммуникативной толерантности, от общего количества исследуемых, находится в пределах среднего уровня. Возможно, исследуемые во время выполнения методики пытались выбирать социально-желательные ответы, чтобы

произвести положительное впечатление на психолога.

Средние показатели переменных, от общего количества исследуемых показало, что первая группа испытуемых оказалась по результатам теста более интолерантна в общении с другими людьми, чем вторая группа испытуемых, в сравнении с нормативными показателями методики В.В. Бойко.

Использование критерия Колмогорова-Смирнова показало значимость разногласий между группами исследуемых, т. е. уровень интолерантности по тесту коммуникативной толерантности во второй группе исследуемых достоверно ниже, чем в первой группе (табл. 2).

Таблица 2

Результаты сравнения групп исследуемых по критерию «Общая коммуникативная интолерантность»

Показатели	Max Neg	Max Pos	p-level	Mean	Mean	Std.Dev.	Std.Dev.	Valid N gr. 1	Valid N gr. 2
Общая коммуникативная интолерантность	-0,05049	0,20237	$P < 0,05^*$	40,5700	36,1782	17,8853	13,3913	100	101

Примечание: $p < 0,05^*$

Проверка различий влияния возрастных особенностей готовности к ресоциализации исследуемых относительно показателей интолерантности проводилась также с помощью непараметрического дисперсионного анализа Крускала-Уоллеса и медианного теста.

В результате было выявлено достоверно значимое влияние возрастного фактора исследуемых на показатели переменных интолерантности по медианному тесту, а именно:

— «неумение приспособливаться к другим» (Kruskal-Wallis test: $H(2, N = 201) = 6,590210$ $p = 0,0371$; Median Test, Overall Median = 4,00000; Chi-Square = 6,680547, $df = 2$, $p = 0,0354$), выше показатели сформированы в группы средней зрелости;

— «попытка подогнать других под себя» (Median Test, Overall Median = 3,00000; Chi-Square = 7,684292, $df = 2$, $p = 0,0214$; Kruskal-Wallis test: $H(2, N = 201) = 5,068805$ $p = 0,0793$), где такой вид интолерантности значительно больше присущ группе ранней зрелости;

— на уровне тенденции существенно влияние такой переменной, как «нетерпимость к людям» (Median Test, Overall Median = 4,00000; Chi-Square = 5,720946, $df = 2$, $p = 0,0572$; Kruskal-Wallis test: $H(2, N = 201) = 6,078505$ $p = 0,0343$), где такую нетерпимость к физическому и психическому дискомфорту, что создается другими людьми, гораздо меньше проявляют исследуемые средней зрелости;

— на уровне тенденции существенно влияние «попытки изменить других», «категоричность к другим» (Median Test, Overall Median = 3,00000; Chi-Square = 5,303146, $df = 2$, $p = 0,0705$; Kruskal-Wallis test: $H(2, N = 201) = 5,077405$ $p = 0,0445$), где эту попытку больше демонстрируют исследуемые ранней зрелости, особенно проявляют категоричность к другим людям исследуемые начала ранней зрелости.

Эти особенности не могут быть случайными, и у исследуемых средней зрелости наблюдается самая высокая терпимость к другим людям, которая довольно низкая у исследуемых ранней зрелости и также снижается в конце средней зрелости.

Методика «Тест руки» (Hand test), разработанная Е. Wagner и др., модификация

Максименко С.Д., Кокун А.Н., Тополов Е.В. (табл. 3). Можно предположить не конкретный тип агрессивного поведения, а склонность субъекта к агрессии вообще, которая препятствует готовности к ресоциализации личности в обществе.

Сравнение результатов двух групп испытуемых с помощью t-критерия Стьюдента, по методике «Тест руки» (среднее значение) по всей выборке наглядно показано в табл. 3. Наглядно (в табл. 3) показано, что по трем шкалам определены значимые показатели сравнения переменных по группам, а именно: «страх», «аффектация», «коммуникация». Это

Таблица 3

Методика «Тест руки»

№ п/п	Показатели	Первая группа (ранней взрослости)	$\sigma 1$	Вторая группа (средней взрослости)	$\sigma 2$	t	p
1.	Агрессивность	1,04	0,36	1,14	0,12	17,36	0,132
2.	Директивность	1,12	0,41	0,85	0,74	9,43	0,218
3.	Страх	1,59	0,22	0,6	0,34	150,91	0,005*
4.	Аффектация	1,69	0,51	0,95	0,51	33,16	0,005*
5.	Коммуникация	1,54	0,73	2,42	0,76	19,14	0,005*
6.	Зависимость	0,35	0,41	0,14	0,74	7,34	0,194
7.	Общий показатель склонности к агрессии	-3,01	1,32	-2,14	1,11	7,31	0,287

Примечание: $p < 0,05^*$.

свидетельствует о том, что для первой группы (ранней взрослости) более выразительным является страх перед агрессией со стороны других и страх возможного наказания, а также готовность к эмоционально положительным отношениям с другими, привязанность, любовь и т. д.

У исследуемых второй группы (средней взрослости), показатель переменной «коммуникация» значительно выше. Это свидетельствует о том, что для данной группы исследуемых более выразительным является желание общаться с другими, при этом общение должно быть связано с чувством равенства сторон и стремлением к деловым контактам. По другим тестовым переменным различия между возрастными группами незначительны.

Количественные показатели склонности к агрессии /A/ определяются путем вычитания из суммы баллов первых двух категорий, суммы баллов следующих четырех категорий и составляет для первой группы $A = -3,01$, а для второй группы $A = -2,14$. В общем, количественные показатели склонности к агрессии в обеих группах на невысоком уровне и соответствуют тестовым нормам, но шесть исследуемых первой группы (ранней взрослости), у которых показатель A равен 0 баллов, позволяет предположить, что эти исследуемые склонны к агрессии в отношении тех, кого они лучше знают, но во время общения с незнакомыми людьми успешно контролируют свою агрессию. В шести исследуемых второй группы (средней взрослости) показатель A получает положительный знак, это говорит о том, что данные исследуемые склонны к агрессии в отношении не только тех, кого они лучше

знают, но и незнакомых людей. Эти исследуемые взяты под особый контроль для проведения в дальнейшем соответствующей психокоррекционной программы.

Выводы

В результате определения и сравнения уровней сформированности показателей переменных системы ценностно-нормативной сферы личности по возрастным показателям групп испытуемых нами выявлены следующие результаты:

1. Определены уровни сформированности когнитивной концепции базовых убеждений личности в постпенитенциарный период, а именно:

— средние показатели переменных (в сравнении с нормативными показателями методик) от общего количества исследуемых сильно снижены по трем категориям когнитивной концепции базовых убеждений личности;

— сопоставляя группы исследуемых по возрастному признаку выяснили, что по определенным шкалам, показатели картины мира у второй группы исследуемых лучше, чем у первой группы (шкалы «доброжелательность мира», «справедливость мира», «контроль мира», «степень самоконтроля»), а у первой группы выявлены лучшие характеристики по таким переменным, как: «доброта людей», «ценность собственного «Я»;

— по трем шкалам базовых убеждений личности были определены значимые показатели сравнения переменных по группам, а именно: «справедливость мира», «контроль мира» и «случайность событий», где исследуемые второй группы демонстрируют более позитивные убеждения о существовании справедливости и возможности со своей стороны в чем-то контролировать мир.

2. Выявлены уровни сформированности коммуникативной толерантности (интолерантности) личности в постпенитенциарный период, а именно:

— средние показатели переменных (в сравнении с нормативными показателями методик) от общего количества исследуемых показало, что первая группа испытуемых оказалась по результатам теста более интолерантна в общении с другими людьми, чем вторая группа, а между группами исследуемых по уровню сформированности интолерантности личности показала, что у второй группы исследуемых она достоверно ниже, чем в первой группе;

— было выявлено достоверно значимое влияние возрастного фактора исследуемых на показатели переменных интолерантности по таким шкалам, как: «попытка подогнать других под себя», «попытка изменить других», «категоричность к другим», — где эту попытку больше демонстрируют исследуемые ранней взрослости, особенно проявляют категоричность к другим людям исследуемые начала ранней взрослости. А по таким шкалам, как «неумение приспособливаться к другим», «нетерпимость к людям», значительно лучше такую нетерпимость к физическому и психическому дискомфорту, что создается другими людьми, проявляют исследуемые средней взрослости.

3. Общие показатели склонности к агрессии в обеих группах – на невысоком уровне и соответствуют тестовым нормам, но у шести исследуемых первой группы выявлен показатель $A = 0$, это значит, что данные исследуемые склонны к агрессии в отношении тех, кого они лучше знают, но во время общения с незнакомыми людьми они успешно контролируют свою агрессию. А у шести исследуемых второй группы, показатель A получает положительный знак, это говорит о том, что эти исследуемые склонны к агрессии не только по отношению к тем, кого они лучше знают, но и по отношению к незнакомым людям.

Таким образом, определены возрастные особенности готовности к ресоциализации личности в постпенитенциарный период с целью проведения с исследуемыми в дальнейшем психокоррекционной программы.

Вторая часть результатов исследования, полученная с использованием раскрытия системы волевой саморегуляции личности в постпенитенциарный период, будет представлена в следующей статье.

Литература

1. Бандурка А.М., Бочарова С.П., Землянская Е.В. Юридическая психология: учебник. Харьков: Изд-во нац. ун-та внутр. дел, 2001. 640 с.
2. Ванновская О.В. Обоснование концепции коррупционного поведения госслужащих // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2011. № 3. С. 130—135.
3. Гошовський Я. Ресоціалізація депривованої особистості: підручник. Дрогобич, Коло, 2008. 680 с.
4. Жулева Ю.В. Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях: правовые и криминологические аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. 17 с.
5. Закон України «Про пробацію». Відомості Верховної Ради, 2015, № 13, ст.4.
6. Каширский Д.В., Старосельцева О.В. Ценности, самоидентификация и личностная мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134. doi:10.17759/psylaw.2021110110.
7. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психологические особенности коррупционных преступников. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 2. С. 15—34. doi: 10.17759/psylaw.2018080202.
8. Кримінально-виконавчий кодекс України. Харків: ТОВ «Одіссей», 2010. Ст.6.
9. Лактіонов О.М., Крейдун Н.П., Сорока А.В. Основы пенитенциарной психологии: навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2007. 150 с.
10. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука. 1984. С. 45, 225.
11. Максименко С.Д., Коқун О.М., Тополов Є.В. Модифікація методики Е. Wagner і др. дослідження агресивності людини «Тест руки» (Hand test) // Практична психологія та соціальна робота. Київ, 2011. № 2. С. 16—22.
12. Немов Р.С. Психология: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений: в. 3 кн. Кн. 1. Общие основы психологии. М.: Просвещение; ВЛАДОС, 1995. С. 305.
13. Овчарова Р.В. Научные основы социально-психологической реабилитации осужденных. Научно-методические основы оказания психологической помощи осужденным. М.: Права человека, 2001. 156 с.
14. Прикладная юридическая психология / А.М. Столяренко [и др.] / Под ред. А.М. Столяренко. М.: Юнити-Дана, 2000. 639 с.
15. Прикладна психологія: навчальний посібник / Н.П. Крейдун, І.В. Кряж, О.Л. Луценко, А.В. Сорока [та ін.] / За ред. В.М. Павленко. ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. 532 с.

Сорока А.В.
Возрастные особенности готовности к
ресоциализации личности в постпенитенциарный
период
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 106—119.

Soroka A.V.
Age-related Peculiarities of a Delinquent Personality's
Preparedness to Resocialize in the Post-penitentiary
Period
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 106—119.

16. *Протасова И.Н., Сычев О.А., Аношкин И.В.* Ценностные и моральные основы правового нигилизма молодежи [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 158—173. doi:10.17759/psylaw.2020100311.
17. *Ратинов А.Р.* Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического исследования: сб. науч. трудов / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 1979. С. 3—33.
18. *Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю.* Психодиагностика толерантности личности. / Под ред. Г.У. Солдатовой. М.: Смысл, 2008. 172 с.
19. *Сорока А.В.* Основні підходи щодо психологічного забезпечення категорій ресоціалізації через виправлення засуджених. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна № 793. Серія «Психологія», вип. 39. Харків: ХНУ, 2008. С. 393—399.
20. *Сорока А.В.* Юридическая психология. Краткий курс: учебно-методическое пособие. Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2010. 120 с.
21. *Сорока А.В.* Психодіагностична програма дослідження розвитку ресоціалізації засуджених у період підготовки до звільнення з пенітенціарних установ. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна № 937. Серія «Психологія», вип. 45. Харків: ХНУ, 2011. С. 268—272.
22. *Сорока А.В.* Програма дослідження розвитку ефективності соціальної адаптації особистості після звільнення із пенітенціарних установ. // Проблеми екстремальної та кризової психології. Збірник наукових праць. Вип. 14. Частина II. Х.: НУЦЗУ, 2013. С. 330—337.
23. *Швалб Ю.М.* Психологія соціальної роботи: підручник / За ред. Ю.М. Швалба. К.: «Основа», 2014. С. 30—31.
24. *Cullen F.T. et al.* Prisons Do Not Reduce Recidivism. The High Cost of Ignoring Science // The Prison Journal. 2011. Vol. 91(3). P. 489—659. DOI.org/10.1177/0032885511415224.
25. *Day J.C. et al.* Coercion and Social Support Behand Bars Testing an Integrated Theory of Misconduct and Resistance in U.S. Prisons // Criminal Justice and Behavior. 2015. Vol. 42(2). P. 133—155. DOI.org/10.1177/0093854814546352.

References

1. *Bandurka A.M., Bocharova S.P., Zemlyanskaya E.V.* Yuridicheskaya psihologiya: uchebnik [Legal psychology: a textbook]. Kharkov: Publ. National University of the Interior, 2001. 640 p.
2. *Vannovskaya O.V.* Obosnovanie kontseptsii korruptsiionnogo povedeniya gossluzhashchikh [Substantiation of the concept of corrupt behaviour of civil servants]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. «Psikhologicheskie nauki» [Bulletin of Moscow state regional University. Ser. «Psychological science»], 2011, no. 3, pp. 133 — 135.
3. *Goshovskij Ya.* Resocializaciya deprivovanoyi osobistosti: pidruchnik [Resocialization of the depressed personality: a textbook]. Drogobich, Kolo, 2008. 680 p.
4. *Zhuleva Yu.V.* Resocializaciya osuzhdennyh nesovershennoletnih zhenskogo pola, otbyvayushih nakazanie v vospitatelnyh koloniyah: pravovye i kriminologicheskie aspekty. Avtopef. diss. kand psikhol. nauk [Resocialization of female convicted juveniles serving sentences in educational colonies: legal and criminological aspects]. Ryazan, 2000. 17 p.

5. Zakon Ukrayini «Pro probaciyu». Vidomosti Verhovnoyi Radi [Law of Ukraine «On Probation». Information of the Verkhovna Rada], 2015, № 13, st.4.
6. Kashirskii D.V., Starosel'tseva O.V. Tsennosti, samoidentifikatsiya i lichnostnaya motivatsiya obvinyaemykh v sovershenii osobo tyazhkih prestuplenii [Elektronnyi resurs] // Psikhologiya i pravo. 2021. Tom 11. № 1. S. 121–134. doi:10.17759/psylaw.2021110110.
7. Kroz M.V., Ratinova N.A. Psychological features of corruption criminals. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 2. pp. 15-34. doi: 10.17759/psylaw.201808020.
8. Kriminalno-vikonavchij kodeks Ukrayini [Code of criminal enforcement of Ukraine]. Kharkiv: TOV «Odissej», 2010. St. 4.
9. Laktionov O.M., Krejdun N.P., Soroka A.V. Osnovi penitenciarnoyi psihologiyi: navchalnij posibnik dlya studentiv vishih navchalnih zakladiv [Fundamentals of penitentiary psychology: a textbook for higher education students]. V. N. Karazin National University, Kharkiv., 2007. 150 p.
10. Lomov B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow: Nauka. 1984. P. 45, 225.
11. Maksimenko S.D., Kokun O.M., Topolov Ye.V. Modifikatsiya metodiki E. Wagner i dr. doslidzhennya agresivnosti lyudini «Test ruki» (Hand test) [Modification of the E. Wagner technique and other study of human aggressiveness «Hand test»]. *Praktichna psihologiya ta socialna robota* [Practical psychology of this social robota]. Kiev, 2011. no. 2. pp. 16—22.
12. Nemov R.S. Psihologiya. Uchebnik dlya studentov vysshih pedagogicheskikh uchebnykh zavedenij. [In three books: in 1 books. General principles of psychology. Psychology. Textbook for students of higher pedagogical educational institutions]. Moscow: Enlightenment; VLADOS, 1995. P. 305.
13. Ovcharova R.V. Nauchnye osnovy socialno-psihologicheskoy rehabilitacii osuzhdennyh. Nauchno-metodicheskie osnovy okazaniya psihologicheskoy pomoshi osuzhdennym [Scientific foundations of the socio-psychological rehabilitation of prisoners. Scientific and methodological foundations for the provision of psychological assistance to convicts]. Moscow: Prava cheloveka, 2001. 156 p.
14. Stolyarenko A.M. [i dr.] Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [Applied legal psychology]. In Stolyarenko A.M. (eds.). Moscow: Yuniti-Dana, 2000. 639 p.
15. Pavlenko V.M. [i dr.] Prikladna psihologiya: navchalnij posibnik [Applied psychology: a textbook]. In Pavlenko V.M. (eds.). V. N. Karazin National University, Kharkiv., 2015. 532 p.
16. Protasova I.N., Sychev O.A., Anoshkin I.V. Tsennostnye i moral'nye osnovy pravovogo nigilizma molodezhi [Elektronnyi resurs] // Psikhologiya i pravo. 2020. Tom 10. № 3. S. 158–173. doi:10.17759/psylaw.2020100311.
17. Ratinov A.R. Psikhologiya lichnosti prestupnika. Tsennostno-normativnyi podkhod. Lichnost' prestupnika kak ob'ekt psihologicheskogo issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov [Psychology of the criminals personality. The value-normative approach, the identity of the offender as an object of psychological studies: collection of scientific works]. Moscow, 1979, P. 3 — 33.
18. Soldatova G.U., Shajgerova L.A., Prokofeva T.Yu. Psihodiagnostika tolerantnosti lichnosti [Psychodiagnosics of personality tolerance]. Soldatova G.U. (eds.). Moscow, 2008. 172 p.

19. *Soroka A.V.* Osnovni pidhodi shodo psihologichnogo zabezpechennya kategorij resocializaciyi cherez vipravleniya zasudzhениh [Basic approaches to the psychological provision of categories of resocialization through corrections of prisoners]. // *Visnik Harkivskogo nacionalnogo universitetu imeni V. N. Karazina № 793. Seriya «Psihologiya»* [Bulletin of the V. N. Karazin National University № 793. Series «Psychology»], vol. 39. Kharkiv: KhNU, 2008. P. 393—399.
20. *Soroka A.V.* Yuridicheskaya psihologiya. Kratkij kurs. Uchebno-metodicheskoe posobie [Legal psychology. Short course. Teaching aid]. V. N. Karazin National University, Kharkiv., 2010. 120 p.
21. *Soroka A.V.* Psihodiagnostichna programa doslidzhennya rozvitku resocializaciyi zasudzhениh u period pidgotovki do zvilnennya z penitenciarnih ustanov [Psychodiagnostic program of research of the development of resocialization of prisoners in the period of preparation for release from penitentiary institutions]. // *Visnik Harkivskogo nacionalnogo universitetu imeni V. N. Karazina № 937. Seriya «Psihologiya»* [Bulletin of the V. N. Karazin National University № 937. Series «Psychology»], vol. 45. Kharkiv, 2011. pp. 268—272.
22. *Soroka A.V.* Programi doslidzhennya rozvitku effektivnosti socialnoyi adaptaciyi osobistosti pislya zvilnennya iz penitenciarnih ustanov [Programs of research on the development of the effectiveness of social adaptation of a person after being released from penitentiary institutions]. // *Problemi ekstremalnoyi ta krizovoyi psihologiyi. Zbirnik naukovih prac* [Problems of extreme and crisis psychology. Collection of scientific works]. vol. 14. Chastina II. Kharkiv: NUCZU, 2013. pp. 330—337.
23. *Shvalb Yu.M.* Psihologiya socialnoyi roboti: pidruchnik [Social Work Psychology: a Textbook]. In *Shvalb Yu.M.* (ed.). Kiev: «Osнова», 2014. pp. 30—31.
24. *Cullen F.T.* et al. Prisons Do Not Reduce Recidivism. The High Cost of Ignoring Science // *The Prison Journal*. 2011. Vol. 91(3). pp. 489—659. doi.org/10.1177/0032885511415224.
25. *Day J.C.* et al. Coercion and Social Support Behind Bars Testing an Integrated Theory of Misconduct and Resistance in U.S. Prisons // *Criminal Justice and Behavior*. 2015. Vol. 42(2). pp. 133—155. doi.org/10.1177/0093854814546352.

Информация об авторе

Сорока Анатолий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной психологии факультета психологии, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (ХНУ), г. Харьков, Украина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6072-8165>, e-mail: anatolij_soroka@ukr.net

Information about the author

Anatoliy V. Soroka, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Applied Psychology, Faculty of Psychology, Kharkiv National University named after V.N. Karazin (KhNU), Kharkov, Ukraine, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6072-8165>, e-mail: anatolij_soroka@ukr.net

Получена 25.03.2020_
Принята в печать 12.05.2021

Received 25.03.2020
Accepted 12.05.2021

Правосознание в детерминации коррупционного поведения

Чернышева Е.В.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (ФГАОУ ВО УрФУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6469-8001>, e-mail: evchern2010@gmail.com

Рассматривается структура правосознания с точки зрения влияния его компонентов на выбор коррупционного или антикоррупционного поведения. Для более глубокого анализа в исследовательскую выборку были включены обучающиеся ведомственного высшего учебного заведения по направлению подготовки «Юриспруденция»; сотрудники правоохранительных органов, имеющие опыт работы; и осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях за совершенные правонарушения, в том числе и за преступления коррупционной направленности. Установлено, что выбор коррупционного поведения напрямую зависит от общего уровня развития правосознания. У осужденных в большей степени не выработана установка на соблюдение правопорядка: они допускают коррупционные действия в случаях, если нет иных способов решить проблему или цена вопроса дороже взятки. Выделены значимые структурные компоненты в проявлении коррупционного поведения: отношение к коррупции как неискоренимому фактору, допущение факта взятки при определенных обстоятельствах, правовая незрелость, наличие оправдывающих коррупционное поведение компонентов, амбивалентно-противоречивое отношение к коррупции. Общий уровень развития правового сознания влияет на выбор гражданами коррупционного или антикоррупционного поведения.

Ключевые слова: правосознание, правовые установки, психология коррупции, коррупционное и антикоррупционное поведение, личность коррупционера, причины коррупционных действий.

Для цитаты: Чернышева Е.В. Правосознание в детерминации коррупционного поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 120—131. DOI:10.17759/psylaw.2021110209

Legal Consciousness in Determination of Corrupt Behavior

Elena V. Chernysheva

Federal State Public Educational Establishment of Higher Professional Training «Ural Law Institute of the Ministry of Interior of Russian Federation», Yekaterinburg, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6469-8001>, e-mail: evchern2010@gmail.com

The article discusses the structure of legal consciousness in the view of the effect of its components on the choice between corrupt and non-corrupt behavior. For more detailed analysis, the research sample was comprised of students of a departmental institution of higher education specializing in jurisprudence, experienced law enforcement officials as well as convicts serving sentences in correctional facilities for the crimes they had committed (including corruption-related ones). It has been established that one's choice of corrupt behavior is directly related to the general level of development of one's legal consciousness. Convicts are more characterized by underdeveloped mindset for respecting the rule of law: they yield to corruption in situations with no other way to resolve their problem or if giving a bribe feels less "costly". Essential structural components of corrupt behavior have been revealed: strong belief that corruption is ineradicable, allowing acts of bribery under certain circumstances, legal immaturity, motives to justify such behavior, mixed or contradictory attitudes towards corruption. The general level of one's legal consciousness influences one's choice between corrupt and non-corrupt behavior.

Keywords: legal consciousness; legal attitudes; corruption psychology; corrupt and non-corrupt behavior; personality of a corrupt official; reasons for acts of corruption.

For citation: Chernysheva E. V. Legal consciousness in determination of corrupt behavior. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 120—131. DOI:10.17759/psylaw.2021110209 (In Russ.).

Введение

Деятельность сотрудников правоохранительных органов невозможно представить без четкого соблюдения правовых норм. Внешняя среда, внутренние личностные факторы оказывают влияние на развитие правосознания. Влияние права, в свою очередь, может быть действенным и возрастающим, если затрагиваются мотивы, установки, потребности и интересы конкретного индивида. На формирование мотивов, установок поведения человека в правовой сфере оказывают влияние как правовые представления о дозволениях и запретах, так и политика государства в данной сфере, проявляющаяся в регулировании правового поведения граждан, привитии конкретных норм и правил [5].

Теоретическую и практическую проекцию норм права, нормативно-правовых актов, а также измерение правовой реальности отражает правовое сознание. Рассматривая сотрудника полиции как правоприменителя, образец законопослушного поведения, необходимо сказать, что развитость уровня правосознания будет подталкивать к правомерному поведению [9].

Высокий уровень правосознания определяется рядом психологических свойств. К ним относятся совесть, стыд и самооценка человека. В правовом аспекте самооценка — это

умение человека оценивать свое поведение в соответствии с действующим законодательством. Обычно у людей любой неправомерный поступок вызывает чувство стыда, т. е. понимание неприемлемости поступка [10]. А совесть будет выступать побуждением к правомерному и справедливому поведению. Анализируя данные категории, можно понять мотивы, причины человеческих поступков, а также проанализировать детерминацию правосознания выбором коррупционного или антикоррупционного поведения людей.

Описание выборки и методов исследования

В изучении правосознания в системе детерминант коррупционного поведения принимали участие обучающиеся ведомственного вуза (42 человека 20—22 лет); осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях (28 человек в возрасте 21—42 года); сотрудники органов внутренних дел (51 человек в возрасте от 25 до 47 лет). Всего в исследовании участвовали 121 человек. Средний возраст испытуемых: обучающихся — 22 года, осужденных — 28 лет, а сотрудников — 34 года. В исследуемых группах большая часть сотрудников (77,7%) и осужденных (50%) имеют среднее специальное или среднее профессиональное образование; обучающиеся имеют неоконченное высшее образование.

В группе обучающихся испытуемые дали ответ, что они не сталкивались с проявлениями коррупционных деяний (47,6%). Сотрудники отмечают, что сталкивались с проявлениями коррупционного поведения, в том числе имеются достоверные представления об имеющихся фактах коррупции. Лица, отбывающие наказание, осужденные за различные преступления, уверенно отвечают, что сталкивались с коррупцией, проявлениями коррупционных деяний и непосредственно участвовали в них.

Для изучения уровня правосознания использовалась «Методика изучения правосознания сотрудников органов внутренних дел» (Распопин Е.В., Ермош В.О.) [8]. Методика «Измерение отношения к праву и правовых установок студентов» (Муслумов Р.Р.) [7] была использована для исследования эмоционально-оценочного отношения к праву и правовых установок. Методика «Тест для оценки правового и гражданского сознания» (Ясюкова Л.А.) [12] позволила оценить гражданскую зрелость, уровень сформированности правового сознания и готовность придерживаться правовых норм в профессиональной деятельности и межличностных отношениях.

На основе имеющихся данных исследователей изучения коррупционного поведения [1—4; 6; 13; 14 и др.] для оценки коррупционных составляющих была разработана анкета, включающая 187 вопросов, затрагивающих как общую осведомленность о коррупции, так и личностные оценки отношения к проявлениям коррупционного поведения [11, с. 135—143].

При анализе компонентов правосознания с коррупционным поведением были выявлены зависимости с вероятными причинами отказа от коррупционных действий.

Рассматривая противозаконность как причину отказа от коррупционных действий, у сотрудников полиции данный фактор зависит от уровня их правосознания. Интересны полученные данные о возможности при определенных обстоятельствах дать взятку. Предположение, что возможность дать взятку имеется в случаях, если не найдутся другие способы решения возникшей проблемы, связано с инфантильностью, с верой в то, что факт может остаться незамеченным. Установка на соблюдение правопорядка, законности вырабатывается при соблюдении норм и правил в профессиональной деятельности, при взаимодействии с различными контингентами лиц и нетерпимом отношении к фактам

нарушения законодательства. Правовые установки выступают регулятором действий, не дают должностному лицу преступать грань закона и идти по преступному пути.

Общий уровень развития правосознания обучающихся допускает вероятность нарушения закона в ситуациях, связанных с пониманием несовершенства действующего законодательства. С обучающимися необходимо проводить непрерывную и целенаправленную работу по формированию установки невозможности нарушения законодательства при любых обстоятельствах.

Осужденные считают возможным давать взятки, поскольку есть случаи, когда нет других способов решения возникшей проблемы. Это достаточно просто и эффективно регулирует дела, сокращается время для решения актуального вопроса, и, в целом, дача взятки, по их мнению, не является аморальным, портящим репутацию поступком. У осужденных наблюдается связь готовности дать взятку и для установления отношений.

Уровень сформированности правовых установок помогает сотрудникам полиции разрешать возникшие проблемные ситуации в соответствии с требованиями закона. Правовые установки осужденных ориентированы на личные субъективные представления.

Кроме описанных данных о различиях в структуре правосознания у обучающихся, сотрудников и лиц, осужденных за правонарушения, имеются значимые различия в средних значениях показателей правосознания в детерминации коррупционного поведения.

У обучающихся наблюдается высокий уровень правосознания, они верят в силу закона и следуют правилам, прописанным в обществе, с одной стороны, но, как и осужденные, могут пренебрегать отношением к праву, отрицать его, поддаваться убеждению, что в мире правят деньги и статус, полагать, что имеются ситуации оправдания противоправных поступков.

Анализируя различия групп, необходимо отметить, что сотрудники полиции больше верят в силу закона, у них ниже вероятность совершения противоправных деяний, чем у обучающихся и осужденных. Обучающимся еще пока сложно полно оценить закон и состояние всей правовой системы. Сотрудники, в силу своей жизненной состоятельности и опыта, обладают большими знаниями о бытовой сфере жизни, но общий уровень правосознания у обучающихся выше, чем у сотрудников; возможно, это связано с обучением в ведомственном высшем учебном заведении, где во многих учебных дисциплинах рассматриваются нормы права и законодательство, а некоторые из сотрудников имеют среднее профессиональное образование.

Анализируя различия групп осужденных и сотрудников, можно заметить, что все компоненты правосознания (бытовая и гражданская сферы, правовые знания, отношение к праву, правовые установки) выше у сотрудников органов внутренних дел. Осужденные имеют более низкие показатели вследствие своих несформированных правовых установок, отрицательного отношения к закону, праву, а также — к представителям органов власти.

Для глубоко структурного анализа детерминации правосознания в коррупционном и антикоррупционном поведении с помощью факторизации выделим 5-факторную модель определяющих компонентов. В первый фактор вошли вопросы, характеризующие отношение к коррупции (табл. 1).

Таблица 1

Фактор «Неискоренимость коррупции»

Компоненты правосознания	Факторные нагрузки
<i>Берут взятки</i>	

Сотрудники полиции	0,59436
Представители органов государственной власти	0,63867
Муниципальные служащие	0,71044
<i>Берут/дают взятки</i>	
Сотрудники полиции	0,54022
Представители органов государственной власти	0,72901
Члены правительства	0,71745
Муниципальные служащие	0,72250
Представители судебной системы	0,59368
Представители системы исполнения наказания	0,63490
<i>На высокий уровень коррупции влияет</i>	
Менталитет, традиции	0,60601
Материальная неустроенность населения	0,51703
Низкий моральный уровень должностных лиц	0,51875
Возможность сэкономить время	0,51472
<i>Согласие с выражением</i>	
Деньги решают все	0,46092
Законы сейчас никто не соблюдает	0,52926
Воруют все, кто смел, дай только волю	0,54065
Взятка — способ решения проблемы, необходимая часть жизни	0,38514
Коррупция неискоренима	0,39264
Правовые знания	-0,24022

Менталитет или традиции, присущие различным категориям граждан, влияют на факты совершения коррупционных преступлений. Это связано с личным отношением к совершению того или иного деяния, а также наказанием за них. В отношениях к фактам совершения коррупционных преступлений ведущую роль играет менталитет. В данный фактор входят компоненты, связанные с нарушением законодательства, моральных принципов и норм, установленных в обществе. Выбор коррупционного поведения связан с низким уровнем правовых знаний и поведенческими установками. Люди принимают некритично нормы, установленные в обществе, не задумываясь, что некоторые из них являются уголовно-наказуемым деянием. Показатели неискоренимости коррупции — менталитет, традиции (0,606), низкий моральный уровень должностных лиц (0,518), материальная неустроенность населения (0,517), возможность сэкономить время для решения вопросов (0,514). Испытуемые выделяют множество видов государственной службы, в которых, по их мнению, имеются факты коррупционных деяний.

Согласно стереотипам, в большей степени коррумпированными являются представители органов государственной власти (0,718), правительство (0,729) и муниципальные служащие (0,723), в меньшей степени — сотрудники полиции (0,594). Людей волнует вопрос развития государства как целостного образования, в котором все государственные служащие знают и исполняют законодательство, стремятся к повышению авторитета службы, и любви к Родине.

Во второй фактор вошли показатели причинного комплекса коррупционного поведения, ситуации, мнения, способствующих принятию или отказу от участия в коррупционных

схемах (табл. 2).

Таблица 2

Фактор «Возможность взятки»

Причинный комплекс	Факторные нагрузки	Причинный комплекс	Факторные нагрузки
Допустимость коррупционных деяний		Готовность дать взятку	
<i>Против государства</i>	0,51919	<i>Для поступления ребенка в учебное заведение</i>	0,61111
<i>Против населения</i>	0,51323		
<i>Против работодателя</i>	0,53727	<i>Для освобождения от армейской службы</i>	0,66284
Согласие с выражением		<i>Для получения финансовой выгоды</i>	0,75668
<i>«Не подмажешь — не поедешь»</i>	0,47156	<i>Для предоставления льгот</i>	0,72392
<i>«Преступно государство, а мы — его верные подданные»</i>	0,47676	<i>Для получения выгодного заказа</i>	0,55335
		<i>Для получения услуги</i>	0,79621
<i>«Воруют все»</i>	0,49473	<i>Для установления отношений</i>	0,72207
<i>«Все берут»</i>	0,46092	Готовность нарушить закон	
<i>«Если хочешь то, что ты не заслужил, то за это нужно заплатить»</i>	0,40983	<i>Для пользы общего дела</i>	0,42189
		<i>Если он несовершенно</i>	0,45600
Вероятность взять взятку		<i>В личных интересах</i>	0,63098
<i>При необходимости помочь</i>	0,55764	<i>Если он несправедлив</i>	0,39966
<i>Если все окружающие так делают</i>	0,68164	Отказ от коррупционных действий	
<i>За мелкое административное правонарушение</i>	0,71783	<i>Если не устроили условия</i>	0,42766
		<i>Затрудняюсь ответить</i>	0,48065
<i>В качестве посредника</i>	0,68544	Ситуации факта коррупции в службе автоинспекции	0,46446
<i>Если перед вами бизнесмен</i>	0,72810		
<i>Давал взятку всякий раз, когда нужно решить проблему</i>	0,24640	<i>Взятка — способ решения проблемы: с взятками легче делать дела</i>	0,61255
<i>Ни разу не давал взятки</i>	-0,34941	<i>Взятка как возможность пользоваться своим положением</i>	0,55976
<i>Деловая сфера правосознания</i>	-0,30730	<i>Несколько раз давал взятки</i>	0,29423

Испытуемые, которые хотя бы раз давали взятки, считают, что с данным видом коррупции проще делать дела, легче и эффективнее. Наиболее типичными ситуации факта дачи, по их примеру, могут быть: получение услуги, финансовой выгоды; решение спорного вопроса в

свою пользу; поступление ребенка в учебное заведение; установление отношений; предоставление льгот. Преобладают потребности, связанные с немалыми тратами и усилиями, которые необходимо приложить взяточдателю для решения какого-либо вопроса. Лица, имеющие предрасположенность к даче взятки, преследуют цель решить свои проблемы через других лиц. Наблюдаемые ситуации могут иметь место быть при низких показателях деловой сферы правосознания.

При несформированности правосознания в деловой сфере в представлениях о профессиональной деятельности абсолютизируется значимость личных контактов, преувеличивается важность установления приятельских отношений, достижения личной договоренности, недооценивается объективная сторона организации деятельности, может быть пренебрежение правилами и законами, соблюдением договорных обязательств. Многие считают, что все люди берут и/или дают взятки; при высокой должности это считается «нормой» поведения, которая легка и доступна. И ее можно осуществлять как в отношении государства, так и в отношении граждан. Бытует мнение, что «если очень нужно — то можно результат купить за деньги».

В третий фактор — «Правовая незрелость» — вошли компоненты социально-правовых причин проявления коррупционных действий (табл. 3).

Таблица 3

Фактор «Правовая незрелость»

Социально-правовые показатели	Факторные нагрузки	Социально-правовые показатели	Факторные нагрузки
Юридический профиль по специальности	-0,90590	Наличие взысканий	-0,64524
Возраст	-0,89287	Наличие поощрений	-0,49925
Стаж деятельности в органах внутренних дел	-0,86693	Оправдание противоправного поведения	0,58719
Уровень образования	0,84457	Бытовая сфера правосознания	-0,40834
Пол — женский	0,47338	Правовой нигилизм	0,57415
Наличие семьи	-0,69740	Правовые установки	0,56315
Количество детей	-0,75655	Отношение к праву	0,63952
На высокий уровень коррупции влияет стечение обстоятельств	0,35530	Общий уровень правосознания	0,34821
		Гражданская сфера правосознания	0,15094

Люди молодого возраста, обучающиеся, студенты могут быть в большей степени подвержены фактам дачи взятки из-за недостаточного жизненного опыта, малого стажа трудовой деятельности, несформированности бытовой и гражданской сферы правосознания. Правовые нормы осознаются как общественно и личностно-необходимые, внутренне принимаются некритично и в результате очень быстро становятся убеждениями. Полученные общие теоретические знания формируют мировоззрение. Молодые люди верят в силу закона, проявляют уважение к праву, ориентированы на соблюдение правовых норм поведения, считают, что простое стечение обстоятельств может служить причиной проявления

коррупционных действий. В некоторых случаях может проявляться пассивность, нежелание проявлять инициативу, прикладывать личные усилия, самостоятельно искать выход из сложных жизненных ситуаций.

Правовая незрелость как коррупционный фактор включает несформированность правосознания в бытовой сфере; потенциальную конфликтность в межличностных взаимоотношениях из-за непонимания социального релятивизма, групповой относительности морально-этических норм; невозможность понять, принять и признать правомерность другой, не свойственной самому человеку системы жизненных ценностей. Образ мыслей и жизни, принятый в окружении, кажется единственно верным. Проявляется критичность, высмеивание, пренебрежительное отношение к установкам и способам поведения окружающих, которые не совпадают с собственными привычками. Молодежь эмоционально, а не рационально оценивает высказывания и поступки людей; в качестве абсолютного эталона выступает привычная и принятая в окружении манера общения; невозможность уважительно относиться к представителям других культур и национальностей; напротив, проявляется склонность приписывать им отрицательные характеристики.

В четвертый фактор — «Оправдание коррупционного поведения» вошли вопросы, касающиеся причин, оправдывающих коррупционное поведение (табл. 4).

Таблица 4

Фактор «Оправдание коррупционного поведения»

Компоненты, оправдывающие коррупционное поведение	Факторные нагрузки	Компоненты, оправдывающие коррупционное поведение	Факторные нагрузки
Влияние телевидения на мнение о состоянии коррупции	0,59354	Коррупционное правонарушение из чувства справедливости	0,68639
Влияние Интернета на мнение о состоянии коррупции	0,38950	Смягчающие обстоятельства при коррупции	
		<i>Экстремальные ситуации</i>	0,64278
Причина отказа от коррупционных действий — «может повредить репутации»	0,43991	<i>Принуждение со стороны руководства</i>	0,61321
		<i>Экономическая необходимость</i>	0,61229
Причина отказа от коррупционных действий — боязнь наказания	0,56102	<i>Состояние здоровья</i>	0,66263
		Коррупционные отношения облегчают ведение бизнеса	0,31771
Коррупционные отношения убыстряют решение некоторых вопросов	0,33932	Коррупция имеет исторические корни	0,26129

На формирование мнения о состоянии коррупции оказывают большое влияние средства массовой информации, а именно телевидение (0,593) и Интернет (0,389). Как мы знаем, СМИ традиционно влияют на общественное сознание и поведение людей, побуждая их к тому или иному действию, формируют общественное мнение. И каждый из нас знает, что не вся

информация, которая сообщается людям, является правдивой. Люди продолжают просматривать новости, листать ленту в социальных сетях и считать ежедневной нормой получение информации из непроверенных источников. Далее очень большой процент информации, поступившей к нам и переработанной в разговорах семьи, друзей, коллег, человек начинает считать собственным мнением. Необходимо затронуть и другие причины оправдания коррупционного поведения. В данный фактор вошли показатели: состояние здоровья, экономическая необходимость, правонарушение из чувства справедливости, принуждение со стороны руководителей, экстремальные ситуации. При нехватке денежных средств для решения каких-либо вопросов люди готовы нарушить закон, зная, что за это предусмотрено наказание. Они рассматривают данное деяние как один из вариантов решения проблемы, полагая, что коррупционные преступления часто остаются безнаказанными, что влияет на выбор коррупционной стратегии поведения. Разные люди в одних и тех же условиях могут выбирать противоположные варианты поведения — преступные или правомерные. Так, причинами, которые могут сдерживать человека при выборе неправомерной стратегии поведения, являются: боязнь наказания (0,56) и боязнь испортить свою репутацию (0,43). То есть при определенных обстоятельствах люди могут разрешить ситуацию другим способом, нежели совершая коррупционные деяния.

В пятый фактор вошли показатели личностного отношения к коррупционным действиям (табл. 5).

Таблица 5

Фактор «Противоречивое (амбивалентное) отношение к коррупции»

Личное отношение	Факторные нагрузки	Личное отношение	Факторные нагрузки
Участие в виде следующих коррупционных действий		Не сообщать о взятках — аморально	-0,68592
<i>Незаконное финансирование политических партий</i>	-0,92983	Причина отказа от коррупционных действий: «Боюсь обмана»	-0,45459
<i>Нарушения в ходе предвыборных кампаний</i>	-0,54972	Считаю коррупцию опасным явлением	0,71768
<i>Непотизм</i>	-0,63982	Не заявлю в вышестоящие органы о взятке	0,47479
<i> Хищения</i>	-0,68893		

Респонденты не принимают участие в коррупционных действиях; отмечают, что коррупция — опасное явление, приносящее вред обществу и государству; но она не аморальна, а принимается как обычное явление. Вышестоящие органы не являются образцом антикоррупционного поведения, и к ним скорее проявляется недоверие, чем вера в закон. Лучше взять взятку, чем заявить в правоохранительные органы о факте попытки дачи взятки. Боязнь обмана — не причина отказа от коррупционных действий.

Правовое сознание оказывает воздействие на регулирование жизненных процессов, функционирование социальной, политической, правовой систем. Сознательно-уважительное отношение людей к праву, законам, нормам, способствует поддержанию и укреплению целостности общества, порядка в государстве, а также является основой прочности государства.

Выводы

Уровень сформированности правосознания, выраженность взаимосвязей компонентов с личностными особенностями и проявлениями коррупции позволяют говорить о регулирующем воздействии правосознания при выборе человеком коррупционного или антикоррупционного поведения.

1. Правовая незрелость, наличие мотивов, в исключительных случаях оправдывающих коррупционное поведение, установка, что взятка помогает разрешать возникшую проблему, двойственное отношение к коррупции в совокупности с личностными характеристиками конкретного индивида определяют основу для противоправного, коррупционного поведения в определенных жизненных ситуациях. Выбор коррупционного поведения происходит и в результате несформированности знаний нормативно-правовой базы.

2. Люди полагают, что в настоящее время коррупция неискоренима в виду низкого морального уровня руководителей, имеющих возможностей у представителей государственной власти брать взятки, отношения к взятке как необходимой части жизни, материальной заинтересованности.

3. Несформированность бытовой сферы правосознания у молодежи проявляется в некритичном отношении, терпимости к проявлениям коррупционного поведения в силу малого жизненного опыта, небольшого стажа трудовой деятельности.

4. Имеется установка оправдания коррупционного поведения в части наличия исключительных жизненных обстоятельств: состояние здоровья, экономическая необходимость, влияние средств массовой информации, ближайшего окружения, принуждение со стороны руководителей и др.

5. Противоречивое отношение граждан к коррупции: с одной стороны, искреннее убеждение в том, что она опасна, но сообщать об имеющихся фактах граждане не будут; брать взятку — аморально, но обмана при коррупционных сделках быть не может, поэтому оправдывается участие коррупции в качестве, например, взяткодателя.

6. Имеются факты, препятствующие в настоящее время искоренению коррупции в нашем обществе: менталитет, традиции, влияние средств массовой информации, убеждение, что коррупция помогает проще, легче и эффективнее делать дела при получении услуги, финансовой выгоды, решения спорного вопроса в свою пользу, установлении отношений, предоставлении льгот.

Литература

1. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 102. С. 323—328.
2. Девятковская И.В., Сыманюк Э.Э. Психологические предикторы коррупционного поведения личности и их коррекция // Педагогическое образование в России. 2014. № 8. С. 205—208.
3. Днепров С.А., Никоряк В.В. Проблемы антикоррупционного воспитания в профессиональном образовании будущих правоведов // Педагогическое образование в России. 2017. № 2. С. 11—20.
4. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 8—21.

5. Злоказов К.В. Деструктивное социальное поведение: монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2017. 183 с.
6. Кобозев И.Ю. Личностные особенности стресс-преодолевающего поведения бывших сотрудников, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 2. С. 26—30.
7. Муслумов Р.Р. Психологическая диагностика правовых установок студентов вуза // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. № 5(122). С. 109—116.
8. Распопин Е.В., Ермош О.В. Методика изучения правосознания сотрудников органов внутренних дел // Правоохранительные органы: теория и практика. 2015. № 1. С. 124—129.
9. Сергачева О.В., Марьин М.И. Правосознание сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 2. С. 3—7.
10. Тирских А.Л. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в органах внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2004. № 1(28). С. 48—53.
11. Чернышева Е.В. Психология коррупционного поведения: монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2018. 160 с.
12. Ясюкова Л.А. Правосознание: диагностика и закономерности развития // Прикладная психология. 2000. № 4. С. 1—13.
13. Punch M. Police Corruption: Deviance, Accountability and Reform in Policing. London: Routledge, 2009.
14. Rothstein B. Corruption and Social Trust: Why the Fish Rots from the Head Down // Social Research. 2013. Vol. 80. № 4, winter. P. 1009—1032.

References

1. Vannovskaya O.V. Lichnostnye determinanty korrupcionnogo povedeniya [Personal determinants of corruption behavior]. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena [Proceedings of Russian state pedagogical University], 2009, no. 102, pp. 323-328. (In Russ.).
2. Devyatovskaya I.V., Symanyuk E.E. Psihologicheskie prediktory korrupcionnogo povedeniya lichnosti i ih korrekciya [Psychological predictors of corrupt behavior of the person and their correction]. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical education in Russia]. 2014, no. 8, pp. 205-208. (In Russ.).
3. Dneprov S.A., Nikorjak V.V. Problemy antikorrupcionnogo vospitaniya v professional'nom obrazovanii budushhih pravovedov [Problems of anti-corruption education in professional education of future lawyers]. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical education in Russia], 2017, no. 2, pp. 11-20. (In Russ.)
4. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Psihologicheskie faktory korrupcii [Psychological factors of corruption]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija [journal of Applied legal psychology], 2012, no. 1, pp. 8—21. (In Russ.).
5. Zloказов K.V. Destruktivnoe social'noe povedenie [Destructive social behavior]. Ekaterinburg: Publ. Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2017. 183 p.
6. Kobozev I.Yu. Lichnostnye osobennosti stress-preodolevajushhego povedeniya byvshih sotrudnikov, osuzhdennyh za sovershenie prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti [Personality characteristics of stress-overcoming behavior of former employees convicted of corruption-related

- crimes]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah [Psychopedagogics in law enforcement agencies], 2016, no. 2, pp. 26-30. (In Russ.).
7. Muslumov R.R. Psihologicheskaja diagnostika pravovyh ustanovok studentov vuza [Psychological diagnosis legal attitudes of high school students]. Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 3: Obshhestvennye nauki [News of the Ural Federal University], 2013, no. 5 (122), pp. 109-116. (In Russ.).
8. Raspopin E.V., Ermosh O.V. Metodika izuchenija pravosoznaniya sotrudnikov organov vnutrennih del [the Methodology of studying the legal consciousness of employees of internal Affairs bodies]. Pravoohranitel'nye organy: teorija i praktika [law Enforcement: theory and practice], 2015, no. 1, pp. 124-129. (In Russ.).
9. Sergacheva O.V., Marin M.I. Pravosoznanie sotrudnikov organov vnutrennih del [legal Awareness of employees of law-enforcement bodies] Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah [Psychopedagogics in law enforcement agencies], 2010, no. 2, pp. 3-7. (In Russ.).
10. Tirskih A.L. Aktual'nye problemy bor'by s korrupciej v organah vnutrennih del [Actual problems of struggle against corruption in bodies of the interior]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii [Vestnik of the East Siberian Institute of MIA of Russia], 2004, no. 1 (28), pp. 48—53. (In Russ.).
11. Chernysheva E.V. Psihologija korrupcionnogo povedenija [Psychology of corruption behavior]. Ekaterinburg: Publ. Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2018. 160 p.
12. Yajukova L.A. Pravosoznanie: diagnostika i zakonomernosti razvitija [The sense of justice: diagnosis and patterns of development]. Prikladnaja psihologija [Applied psychology], 2000, no. 4, pp. 1—13. (In Russ.).
13. Punch M. (2009) Police Corruption: Deviance, Accountability and Reform in Policing, London: Routledge.
14. Rothstein B. Corruption and Social Trust: Why the Fish Rots from the Head Down // Social Research. 2013. Vol. 80, no. 4, winter. pp. 1009-1032.

Информация об авторах

Чернышева Елена Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (ФГАОУ ВО УрФУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6469-8001>, e-mail: evchern2010@gmail.com

Information about the authors

Elena V. Chernysheva, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Federal State Public Educational Establishment of Higher Professional Training «Ural Law Institute of the Ministry of Interior of Russian Federation», Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6469-8001>, e-mail: evchern2010@gmail.com

Получена 17.06.2020
Принята в печать 12.05.2021

Received 17.06.2020
Accepted 12.05.2021

Показатели виктимности у несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия и злоупотребления

Нуцкова Е.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (ФГБОУ «НИМЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Дозорцева Е.Г.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Бадмаева В.Д.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: badmaeva.v@serbsky.ru

Чибисова И.А.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (ФГБОУ «НИМЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8822-5607>, e-mail: chibis-irena@mail.ru

В статье изложены результаты комплексного психолого-психиатрического обследования 117 несовершеннолетних жертв сексуального насилия и злоупотребления. Использован качественный и количественный анализ случаев сексуального насилия и злоупотребления по отношению к несовершеннолетним в зависимости от степени способности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними противоправных сексуальных действий и оказывать им сопротивление. Выделены критерии сравнения: вид насилия и злоупотребления, возраст жертвы, наличие у потерпевшего психического расстройства, особенности взаимодействия в диаде «жертва – посягатель». Описаны 4 группы потерпевших, различающихся по степени осмысления криминальной ситуации и способности оказать сопротивление, выделены показатели виктимности и виктимного поведения детей и подростков. Намечены перспективы будущих исследований, которые могут позволить повысить эффективность экспертных выводов и профилактических мероприятий.

Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д.,
Чибисова И.А.
Показатели виктимности у несовершеннолетних
потерпевших от сексуального насилия и
злоупотребления
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 132–145.

*Nuckova E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D.,
Chibisova I.A.*
Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual
Violence and Abuse
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 132–145.

Ключевые слова: виктимность, виктимизация, виктимное поведение, несовершеннолетние потерпевшие, сексуальное насилие и злоупотребление, внутрисемейное насилие, жертвы тоталитарно-деструктивных сект, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза

Для цитаты: Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Чибисова И.А. Показатели виктимности у несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия и злоупотребления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 132–145. DOI:10.17759/psylaw.2021110210

Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual Violence and Abuse

Elena V. Nuckova

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Elena G. Dozortseva

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Valentina D. Badmaeva

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: badmaeva.v@serbsky.ru

Irina A. Chibisova

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8822-5607>, e-mail: chibis-irena@mail.ru

The article presents the results of a comprehensive psychological and psychiatric examination of 117 minor victims of sexual violence and abuse. A qualitative and quantitative analysis of cases of sexual violence and abuse against minors was used, depending on the degree of the victims' ability to understand the nature and significance of the illegal sexual acts committed with them and to resist them. The comparison criteria are identified: the type of violence and abuse, the age of the victim, the presence of a mental disorder in the victim, and the features of interaction in the "victim – assailant" dyad. 4 groups of victims are described, which differ in the degree of understanding of the criminal situation and the ability to resist, and

Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д.,
Чибисова И.А.
Показатели виктимности у несовершеннолетних
потерпевших от сексуального насилия и
злоупотребления
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 132–145.

Nuckova E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D.,
Chibisova I.A.
Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual
Violence and Abuse
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 132–145.

indicators of victimization and victim behavior of children and adolescents are highlighted. The prospects for future research are outlined, which can improve the effectiveness of expert conclusions and preventive measures.

Keywords: victimization, vulnerability, child victims of sexual abuse, sexual violence and abuse, victims of cult, psychological and psychiatric expertise.

For citation: Nuckova E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D., Chibisova I.A. Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual Violence and Abuse. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 132–145. DOI:10.17759/psylaw.2021110210 (InRuss.).

В последние годы отмечаются стабильно высокие показатели совершения преступлений именно в отношении детей и подростков, при этом наблюдается рост насильственных преступлений, связанных с причинением вреда как соматическому, так и психическому здоровью несовершеннолетних. Особенно тяжелыми признаны ситуации, когда ребенок становится жертвой сексуального насилия или злоупотребления [1;4;9;10;19;20]. Ограниченность жизненного опыта, возрастная незрелость, склонность к риску, нецеленаправленная активность, присущие детям и подросткам, делают их крайне уязвимыми по отношению именно к такому виду неблагоприятных воздействий. Предрасположенность человека в силу определенных индивидуальных свойств (связанных с возрастом, профессией, образом жизни) или особого состояния уязвимости стать жертвой преступления в отечественной криминологии получило название «виктимности»¹. Соответственно, под «виктимным поведением» понимаются паттерны или поведенческие стратегии человека, которые способствуют совершению по отношению к нему преступления. Изучение виктимности как личностной характеристики и проявлений виктимного поведения у несовершеннолетних - жертв криминального насилия является важной частью будущего психопрофилактического и психокоррекционного вмешательства.

Следует отметить, что в зарубежной научной литературе трудно найти точное соответствие понятию «виктимность». Английское слово “victimity” встречается редко и означает «состояние, факт или свойство быть жертвой»². Оно используется преимущественно в контексте правовых процедур получения жертвой юридического статуса потерпевшего. Приписывание же жертве виктимного поведения часто критикуется как перенос вины за преступление на жертву. Смысл подверженности неблагоприятным воздействиям, в том числе криминального характера, передается в английском языке терминами «vulnerability» (уязвимость) и «victimization» (виктимизация).

В то же время в российской виктимологии, судебной психологии и психиатрии категория виктимности широко применяется, в особенности, если речь идет о несовершеннолетних потерпевших. Так, Н.Б. Морозова (1999) считает, что под

¹ Быков А.А. К вопросу о соотношении понятий «виктимность» и «виктимизация» // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» №12(39) 2019 Alley-science.ru

² Turvey B.E., Victimity: Entering the criminal justice system. In B. E. Turvey & W. Petherick (Eds.), *Forensic victimology: Examining violent crime victims in investigative and legal contexts*. Amsterdam, The Netherlands: Elsevier Science. P.33.

Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д.,
Чибисова И.А.
Показатели виктимности у несовершеннолетних
потерпевших от сексуального насилия и
злоупотребления
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 132–145.

*Nuckova E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D.,
Chibisova I.A.*
Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual
Violence and Abuse
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 132–145.

виктимностью следует понимать потенциальный комплекс психофизических свойств, обуславливающий трудности детей и подростков в своевременном распознавании сексуальной направленности криминальных действий, понимании их морально-этической составляющей и возможных социальных последствий. Кроме того, виктимность включает в себя такой признак, как трудности формирования и реализации эффективных стратегий поведения в представляющих опасность ситуациях. Тем же автором были выделены специфические комплексы виктимности несовершеннолетних: психологический, определяемый возрастным фактором, и патопсихологический, связанный с одновременным влиянием возрастного, дизонтогенетического и психопатологического факторов [12]. Кроме виктимности как характеристики личности в указанном исследовании было выделено виктимное поведение, при котором несовершеннолетний сам формирует ситуацию повышенной криминогенности. В ряде работ рассматриваются три типа виктимного поведения несовершеннолетних: 1) пассивно-подчиняемый; 2) псевдопровоцирующий; 3) неустойчивый [2;6;7;10;11]. В исследовании М.П. Долговых (2009) был обнаружен ряд личностных характеристик, влияющих на проявление виктимного поведения подростков, включающий высокую тревожность, низкую самооценку, отсутствие ощущения социальной поддержки, пониженный уровень субъективного контроля, выраженную эмпатию, высокий уровень фрустрации [5].

При анализе виктимности и виктимного поведения несовершеннолетних встает вопрос о причинах их возникновения. В упоминавшейся выше работе М.П. Долговых было выявлено, что важную роль в развитии виктимной личности несовершеннолетних играют негативные стратегии семейного воспитания, которые могут включать эмоциональную депривацию, авторитарность, враждебность, неадекватные воспитательные воздействия, автономность [5]. Особым фактором в процессе формирования виктимности является индивидуально приобретенный опыт. Так, Б.В. Шостакович, И.М. Ушакова, С.А. Потапов (1994) обнаружили, что у девочек, перенесших сексуальное насилие, в последующем нередко формируется склонность к сексуальным эксцессам, промискуитету или компульсивной мастурбации, преждевременное сексуальное поведение по отношению к взрослым, что может привести к формированию вторичной виктимизации [16]. М.Ю. Каменсков (2014) исследовал у несовершеннолетних потерпевших на предкриминальном этапе различные формы дезадаптации (социальную, семейную, сексуальную) и выяснил, что фактором риска виктимного поведения служит социальная дезадаптация [14].

Дискуссии часто вызывает вопрос о возможности жертвы оказывать сопротивление действиям преступника и связанных с этим психологических феноменах. Так, известная категория «стокгольмский синдром» вначале использовалась исключительно по отношению к заложникам, но в последнее время все чаще встречается применительно ко всем видам потерпевших. Многочисленные исследования свидетельствуют, что признаки стокгольмского синдрома можно обнаружить практически во всех случаях длительного насилия или злоупотребления. Стокгольмский синдром признан универсальным явлением, которое объясняется инстинктивными побуждениями и способствует выживанию. Многие жертвы преступлений не предпринимают попыток изменить ситуацию в которой находятся, а если связь с преступником неожиданно прерывается, могут испытывать затруднения и

Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д.,
Чибисова И.А.
Показатели виктимности у несовершеннолетних
потерпевших от сексуального насилия и
злоупотребления
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 132–145.

*Nuckova E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D.,
Chibisova I.A.*
Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual
Violence and Abuse
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 132–145.

амбивалентность чувств [2; 8;17;18;21].

В рамках судебно-психологических и судебно-психиатрических исследований интерес для специалистов представляет феномен беспомощного состояния. Беспомощное состояние и виктимное поведение не являются синонимичными, но психологические и клинические проявления, лежащие в основе этих двух явлений, сходны. Беспомощное состояние как юридическая категория констатируется судом в том случае, когда потерпевший не мог оказывать сопротивление преступнику в силу непонимания характера и значения совершаемых с ним действий либо иных причин, связанных с его состоянием или индивидуальными особенностями. Как правило, речь при этом идет о противоправных сексуальных действиях по отношению к несовершеннолетним потерпевшим. В этих случаях под характером действий понимается их сексуальное содержание и мотивационная направленность, а под значением – оценка такого рода действий и их возможных последствий с точки зрения социальных (морально-нравственных, правовых) норм [12; 15].

В экспертной методологии и практике способность потерпевших понимать характер и значение сексуальных действий подразделяют на потенциальную (общую) способность и актуальную возможность, или проявление общей способности в конкретной криминальной ситуации. В основе потенциальной способности потерпевших от сексуальных деяний понимать характер и значение подобных действий лежит целый комплекс психологических структур и функций. Ключевую роль играют стадия и уровень психосексуального развития. Так, практически полная неспособность понимать характер и значение сексуальных действий соответствует этапу становления полового самосознания (до 6—7 лет). Постепенное формирование понимания характера сексуальных действий при непонимании или недостаточном понимании их социального значения характерно для этапа полоролевого поведения (7—12 лет). Формирование данной способности в полном объеме происходит на этапе психосексуальных ориентаций, завершение которого относится к 18 годам [13; 15]. С таким возрастным делением согласуются положения Федерального закона от 29.02.2012 N 14-ФЗ, в соответствии с которыми лицо, не достигшее двенадцатилетнего возраста, «в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий»³. Следует отметить, что частичное понимание, например, только характера без понимания значения сексуальных действий также свидетельствует о неспособности потерпевшего оказывать сопротивление виновному. При оценке актуальной способности оказывать сопротивление необходим учет ситуационного фактора (особенностей докриминальной, криминальной ситуации и посткриминальной ситуации) и возможности регуляции жертвой своего поведения (волевой компонент).

Таким образом, на способность несовершеннолетнего и его актуальную возможность в криминальной ситуации вовремя и правильно оценить преступные действия, выработать эффективный план по противодействию им и реализовать его влияет целый ряд факторов.

³Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних" от 29.02.2012 N 14-ФЗ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126735/

Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д.,
Чибисова И.А.
Показатели виктимности у несовершеннолетних
потерпевших от сексуального насилия и
злоупотребления
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 132–145.

Nuckova E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D.,
Chibisova I.A.
Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual
Violence and Abuse
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 132–145.

Выявление и оценка специалистами этих факторов необходимы для принятия правильных экспертных решений, от чего в конечном счете может зависеть и обоснованное судебное решение. **Целью** нашего пилотажного исследования стало определение возможности детей и подростков понимать характер и значение совершаемых с ними действий для дальнейшего выявления и анализа показателей их виктимности.

Материал и методы исследования

Сплошную выборку составили 117 несовершеннолетних потерпевших, жертв сексуального насилия и злоупотребления, проходивших экспертизу в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ в 2010 – 2018 гг., в том числе 94 лица женского пола и 23 мужского. Средний возраст потерпевших составил $12,5 \pm 0,76$.

Методом исследования стал качественный и количественный (с использованием методов описательной статистики) анализ случаев сексуального насилия и злоупотребления по отношению к несовершеннолетним. Деление на группы производилось в соответствии с экспертными решениями и происходило в зависимости от степени способности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними противоправных сексуальных действий и по уровню потенциальной способности и актуальной возможности оказывать сопротивление правонарушителю. Для анализа и сравнения данных групп потерпевших были выделены следующие критерии: вид насилия и злоупотребления, возраст жертвы, наличие у потерпевшего психического расстройства, особенности взаимодействия в диаде «жертва – посягатель».

Результаты исследования и их обсуждение

По результатам анализа все потерпевшие были разделены на три группы по признаку способности понимать характер и значение совершаемых в отношении них действий и возможности оказывать этим действиям сопротивление.

К **первой группе** были отнесены несовершеннолетние (54 человека, 46,2%), которые **не могли понимать ни характера, ни значения**, совершаемых в отношении них действий и **не могли оказывать им сопротивление**. В группу вошли 46 девочек и 7 мальчиков. Средний возраст в этой группе потерпевших составил $9,3 \pm 0,48$. 51 несовершеннолетний не мог понимать происходивших с ним событий и не мог оказывать сопротивление в силу малолетнего возраста (недостижения 12 лет). Потерпевшие данной группы проявляли отсутствие или крайне низкие знания по теме взаимоотношения полов, зачатия и деторождения при отсутствии нарушений в интеллектуальной сфере и, в целом, соответствии уровня психического развития возрастному периоду. Низкая осведомленность в сфере сексуальных взаимоотношений кроме возрастного фактора определялись семейной ситуацией (отсутствие сексуального просвещения) и особенности психологического развития (незрелость мотивов и интересов, слабо сформированное самосознание, ведомость). При возникновении угрозы такие потерпевшие не могли вовремя распознать опасность и оказать эффективное сопротивление посягателю. Оставшиеся 3 потерпевших не понимали характер и значение совершаемых с ними действий в силу выраженного психического расстройства. Экспертами-психиатрами у них была диагностирована умственная отсталость умеренная (F71 по МКБ-10). Психопатологическими факторами, влияющими на понимание

характера и значения противоправных действий данной группы несовершеннолетних были интеллектуальные и эмоционально-волевые расстройства. Недостаточный уровень развития интеллекта при умственной отсталости оказывала непосредственное влияние на понимание самой сущности противоправных сексуальных действий и, кроме того, обуславливала пассивно-подчиняемое виктимное поведение. Так, потерпевшие воспринимали данные действия как лишь физическое наказание за какой-либо проступок или –некую «норму» взаимодействия в семье, ориентируясь на пояснения взрослого и оценивая данные действия в ряде случаев как способа правильного воспитания либо проявления симпатии и положительного отношения со стороны насильника. Следует отметить, что даже к периоду проведения следственных действий и, соответственно, судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетние потерпевшие демонстрировали непонимание характера противоправных действий, поясняя, что «это плохо», но не соотнося их с сексуальной направленностью противоправных действий.

Несовершеннолетние-потерпевшие **второй группы** (33 человека, 28,2%), **понимали характер, но не понимали значения** совершаемых с ними сексуальных действий (либо понимали его в неполной мере) и, соответственно, **не могли оказывать сопротивление**. К этой группе относились 33 человека, 21 девочка и 12 мальчиков, средний возраст составил $14,2 \pm 0,2$ лет. Непонимание или частичное понимание значения сексуальных действий в представленной выборке было связано с несколькими факторами: возрастным (11 человек находились в возрастном диапазоне от 12 до 14 лет); психопатологическим (7 человек), социогенным (15 человек). Психические расстройства, обнаруженные у потерпевших, включали в себя органическое расстройство личности (F06); умственную отсталость легкой степени (F70); синдром зависимости от психоактивных веществ (F60.2). Влияние возрастного и психопатологического фактора было аналогичным уже описанному выше для первой группы. Интерес представляет действие социогенного фактора. Несовершеннолетние данной группы находились в младшем подростковом возрастном периоде, или негативной фазе пубертата. В этом возрасте проявления виктимного поведения во многом связаны с групповыми процессами. Такие подростки были включены в девиантную группу, под влиянием которой уходили из дома, употребляли различные психоактивные вещества, подвергались сексуальным притязаниям со стороны незнакомых мужчин и с легкостью вступали с ними в беспорядочные сексуальные связи. При сохранности понимания сексуального характера совершаемых в отношении них действий несовершеннолетние не могли осознавать или не до конца правильно оценивали социальную составляющую криминальных действий, не могли отразить их личностный смысл для себя и возможное пагубное воздействие негативного опыта.

Третья группа потерпевших **понимала характер и значение** совершаемых в отношении них действий, но **не могла оказывать им сопротивление** (9 человек, 7,7%). Группу составили 7 девочек и 2 мальчика, средний возраст – $16,72 \pm 0,7$. Часть потерпевших из данной группы (6 человек) стали жертвами тоталитарно-деструктивной секты, в которой в отношении них применялось суггестивное воздействие, которое обуславливало некритичность к установкам, даваемым в группе, предлагаемым формам поведения, потере собственной воли в ситуациях, создаваемых руководством секты, а также к утрате осознания

криминальности совершаемых с ними действий и, соответственно, к блокированию психологически естественной инициативы к сопротивлению. Еще 3 человека пострадали от пролонгированного внутрисемейного сексуального злоупотребления. Потерпевшие, подвергавшиеся таким типам правонарушений, формируются в условиях девиантного сексуального воспитания, криминальные действия зачастую включены в процесс осуществления родительской заботы и ухода и воспринимаются несовершеннолетними как нормативные. Со временем, когда у таких потерпевших формируется способность понимать характер и значение совершаемых с ними действий они все еще не способны оказывать сопротивление в силу комплекса причин. Семья, в которой длительное время в отношении ребенка совершается злоупотребление, как правило, имеет очень жесткие внешние границы, таких детей ограничивают в контактах, как со сверстниками, так и со взрослыми, запрещают пользоваться средствами связи, контролируют их самостоятельное передвижение (например, провожают и встречают из школы). Близкий родственник, выступающий посягателем, всячески поддерживает формирование у ребенка таких индивидуально-психологических черт как неуверенность в себе, пассивность, подчиняемость, тревожность, усиливает переживание чувства вины и стыда, беспомощности и безысходности.

Несовершеннолетние представители **четвертой группы** потерпевших **понимали и характер, и значение** совершаемых в отношении них действий и **могли оказывать им сопротивление**. В эту группу вошли 4 мальчика и 17 девочек, всего 21 человек (17,9%), средний возраст – 15,4±0,6. Анализ особенностей докриминальной, криминальной и посткриминальной ситуации показал, что виктимность несовершеннолетних данной группы была обусловлена отличными от других групп потерпевших механизмами. Взаимодействие в диаде «жертва-посягатель» в данной группе сопровождалось внезапностью нападения, физическим воздействием или угрозой его применения, правонарушитель, как правило, был незнаком потерпевшему, криминальная ситуация характеризовалась особыми внешними обстоятельствами, которые было сложно предотвратить (темное время суток, безлюдное место, замкнутое пространство).

Обобщенные результаты и деление несовершеннолетних по группам представлены в таблице.

Таблица

Относительное количество несовершеннолетних в зависимости от их возможностей понимать характер и значение совершаемых с ними сексуальных действий и оказывать им сопротивление (в % к общему объему выборки)

Способность оказывать сопротивление	Способность понимать характер и значение действий		Итого
	Понимание характера	Непонимание характера	
	Понимание значения	Непонимание значения	
Мог оказывать сопротивление	17,9%	-	17,9%

Не мог оказывать сопротивление	7,7%	28,2%	46,2%	82,1%
--------------------------------	------	-------	-------	-------

Полученные данные свидетельствуют, что большинство несовершеннолетних потерпевших, проходивших комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу, не могли оказывать сопротивление криминальным действиям в силу субъективных или объективных причин, что позволяет говорить об их повышенной уязвимости и виктимности.

Одними из наиболее существенных факторов виктимности, как и предполагалось, были возраст потерпевших и наличие у них психических расстройств или дизонтогенетических нарушений. Однако помимо этого в виктимизации несовершеннолетних отчетливо выступает значение фактора социального взаимодействия, создающего ситуации риска или прямой подверженности преступным действиям. Действие этого фактора выступило в нашей выборке в двух вариантах. В одном (группа 3) потерпевшие подвергались длительному сексуальному злоупотреблению в рамках особых отношений влияния, которые строили с ними лидеры тоталитарно-деструктивных сект или члены семьи. В таких случаях несовершеннолетние потерпевшие даже при полной сохранности способности понимать характер и значение подобных действий были признаны неспособными оказывать сопротивление криминальному воздействию в силу сочетания особенностей внешнего влияния и психологического состояния потерпевших. Во втором варианте (группа 2) длительное сексуальное злоупотребление осуществлялось в контексте специфических отношений девиантных подростков и взрослых. Большая часть несовершеннолетних этой категории (12 из 15 человек) были мальчиками, проживавшими в неблагополучных семьях. Отношения с посягателями в данной группе характеризовались взаимной выгодой (подростки получали от обвиняемого деньги, еду, алкогольные напитки), а злоупотребление совершалось в отношении целой компании, как правило, ранее знакомых между собой мальчиков. При этом потерпевшие не понимали или не в полной мере понимали значение совершаемых в отношении них действий. Можно предположить, что важную роль в проявлении виктимного поведения в исследуемой выборке играли групповые процессы, которые помогали «нормализовать» происходящее в сознании подростков. Опасность такого рода процессов заключается в том, что со временем несовершеннолетние из потерпевших могут превращаться в тех, кто сами активно практикует аналогичные противоправные действия по отношению к следующему поколению подростков.

Все эти обстоятельства необходимо учитывать при экспертной оценке способности несовершеннолетних потерпевших оказывать сопротивление противоправным действиям, при принятии судебных решений, а также при разработке мер профилактики виктимизации несовершеннолетних.

Заключение

В настоящее время проблема подверженности несовершеннолетних различным видам криминального насилия является одной из наиболее острых. Анализ литературы по проблеме виктимности детей показывает, что, несмотря на многолетний интерес исследователей из различных областей науки (юристов, криминологов, социологов, психологов, психиатров,

Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д.,
Чибисова И.А.
Показатели виктимности у несовершеннолетних
потерпевших от сексуального насилия и
злоупотребления
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 132–145.

Nuckova E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D.,
Chibisova I.A.
Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual
Violence and Abuse
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 132–145.

педагогов и др.) к этой теме, остаются мало изученными механизмы, по которым дети и подростки становятся жертвами насильственных преступлений, а программы по первичной и вторичной профилактике виктимизации имеют недостаточную методологическую разработанность.

Выделение в качестве показателей виктимности способности несовершеннолетних потерпевших понимать характер и значение совершаемых по отношению к ним противоправных сексуальных действий и оказывать им сопротивление позволило расширить понимание этой категории и уточнить факторы, повышающие вероятность виктимизации детей и подростков. Эмпирическое исследование несовершеннолетних-жертв сексуального насилия и злоупотребления показало, что виктимность детей и подростков определяется как внутренними (личностные особенности, наличие психопатологии и т.д.), так и внешними (особенности социальной ситуации развития и конкретной ситуации совершения правонарушения) факторами.

В связи с результатами проведенного исследования возникает ряд вопросов научно-практического характера. Необходимо более детальное определение гендерных особенностей понимания детьми и подростками противоправных действий сексуального характера и поведения в ситуациях, когда такие действия совершаются по отношению к ним. Сравнительный анализ младших и старших подростков, ставших жертвами сексуального насилия и злоупотребления, поможет уточнить возрастные особенности и механизмы осмысления подобных криминалов. Актуальной проблемой является искажение норм и соответствующих моральных и правовых оценок в специфических условиях формирования личности в девиантных группах. Новой сферой исследования становится понимание подростками сексуального злоупотребления и сопротивление ему, если преступления совершаются онлайн, с использованием интернет-технологий. Кроме того, следует расширить область исследований за счет включения в нее виктимности детей и подростков по отношению к другим видам преступлений, в частности, связанным с домашним насилием и жестоким обращением. Результаты этих исследований могут быть использованы в практике комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних потерпевших, а также в профилактической и психокоррекционной работе.

Литература

1. *Беляева Ю.А.* Виктимологическая характеристика личности оставшихся без попечения родителей несовершеннолетних, подвергнутых сексуальному насилию // Вестник Владимирского юридического института. 2005. №2. С. 50–54.
2. *Булгакова Д.О.* Виктимность несовершеннолетних – жертв сексуального насилия // Вестник современных исследований. 2018. №4.2 (19). С.588-590.
3. *Быков А.А.* К вопросу о соотношении понятий «виктимность» и «виктимизация» // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» №12(39) 2019 Alley-science.ru
4. *Догадина М.А.* Особенности психосексуального развития малолетних и несовершеннолетних потерпевших жертв сексуального насилия: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. 19.00.07. М., 1998. 24 с.
5. *Долговых М.П.* Психологическая детерминация проявления виктимного поведения личности подростка: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Тольятти, 2009. 19 с.

Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д.,
Чибисова И.А.
Показатели виктимности у несовершеннолетних
потерпевших от сексуального насилия и
злоупотребления
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 132–145.

*Nuckova E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D.,
Chibisova I.A.*
Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual
Violence and Abuse
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 132–145.

6. *Захарьева И.А.* Психологические факторы виктимности несовершеннолетних жертв изнасилования: автореф. дис. ... канд. псих. наук. 19.00.06. СПб, 2000. 21 с.
7. *Ильюк Е.В.* Виктимность рождается в семье (о жертвах инцеста) // Виктимология. 2017. №1 (11). С. 27-35.
8. *Ильясов Ф.Н.* Терроризм – от социальных оснований до поведения жертв // Социологические исследования. 2007. №6. С. 78-86.
9. *Максимов А.М.* Психологические исследования мужской гомосексуальной проституции // Консультативная психология и психотерапия. 2011. № 1. С. 137–155.
10. *Малкина-Пых И.Г.* Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2006. 1008 с.
11. *Мамайчук И. И.* Психологические механизмы виктимного поведения жертв половых преступлений // Теоретические и практические вопросы психологии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. Ч. 2. С. 14–21.
12. *Морозова Н.Б.* Психические расстройства у несовершеннолетних – жертв сексуального насилия (клиника, возрастные особенности, судебно-психиатрическое значение): автореф. дисс. ... доктор. мед. наук. М., 1999. 48 с.
13. *Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В., Догадина М.А.* Онтогенетические механизмы формирования способности к восприятию гендерных качеств у несовершеннолетних жертв сексуального насилия // Российский психиатрический журнал. 1999. № 2. С. 13–18.
14. *Ткаченко А.А., Каменсков М.Ю.* Факторы виктимности у несовершеннолетних потерпевших - жертв сексуального насилия // Российский психиатрический журнал. 2014. № 5. С. 33-38.
15. *Ткаченко А.А., Морозова М.В., Савина О.Ф.* Об уточнении экспертных категорий и критериев оценки юридически релевантных феноменов психической деятельности малолетних и несовершеннолетних потерпевших по правонарушениям сексуального характера. Информационное письмо. М.: ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского», 2012. 11 с.
16. *Шостакович Б.В., Ушакова И.М., Потанов С.А.* Половые преступления против детей и подростков. Ростов-на-Дону: Изд-во ЛРНЦ «Феникс», 1994. 102 с.
17. *Cyr M., Wright J., McDuff P., Perron A.* Intrafamilial sexual abuse: brother-sister incest does not differ from father-daughter and stepfather-stepdaughter incest // Child Abuse and Neglect. 2002. № 26(9). P.957-973.
18. *Dutton D. G., Painter S.L.* Emotional attachments in abusive relationships: A test of traumatic bonding theory // Violence and Victims. 1993. Vol 8(2). P. 105-120.
19. *Lewis T., McElroy E., Harlaar N., Runyan D.* Does the impact of child sexual abuse differ from maltreated but non-sexually abused children? A prospective examination of the impact of child sexual abuse on internalizing and externalizing behavior problems // Child Abuse and Neglect. 2016. Vol. 51. P. 31–40.
20. *Seto M.C., Babeshim K.M., Pullman L.E.* The puzzle of intrafamilial child sexual abuse: A meta-analysis comparing intrafamilial and extrafamilial offenders with child victims // Clinical psychology review. 2015. P. 34-45.
21. *Summit R.C.* The child sexual abuse accommodation syndrome // Child Abuse and Neglect. 1983. Vol. 7 (2). P. 93–177.

Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д.,
Чибисова И.А.
Показатели виктимности у несовершеннолетних
потерпевших от сексуального насилия и
злоупотребления
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 132–145.

Nuckova E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D.,
Chibisova I.A.
Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual
Violence and Abuse
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 132–145.

22. *Turvey B.E.* Victimity: Entering the criminal justice system. In B. E. Turvey & W. Petherick (Eds.), *Forensic victimology: Examining violent crime victims in investigative and legal contexts*. Amsterdam, The Netherlands: Elsevier Science. P.33.

References

1. Beljaeva Ju.A. Viktimologicheskaja harakteristika lichnosti ostavshihsja bez popechenija roditel'ej nesovershennoletnih, podvergnutyh seksual'nomu nasiliju [Victimological characteristics of the personality of minors left without parental care, subjected to sexual violence] // *Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo institute [Bulletin of the Vladimir Juridical Institute]*. 2005, no. 2, pp. 50–54.
2. Bulgakova D.O. Viktimnost' nesovershennoletnih – zhertv seksual'nogo nasilija [Victimization of minors-victims of sexual violence] // *Vestnik sovremennyh issledovanij [Bulletin of Modern Research]*, 2018, no.4.2 (19), pp. 588-590.
3. Bykov A.A. K voprosu o sootnoshenii ponjatij «viktimmnost'» i «viktimizacija» [On the question of the relationship between the concepts of "victimization" and "victimization"] // *Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal «Alleja Nauki» [Scientific and practical electronic journal Alley of Science]*. no.12(39) 2019.
4. Dogadina M.A. Osobennosti psihoseksual'nogo razvitija maloletnih i nesovershennoletnih poterpevshih zhertv seksual'nogo nasilija: avtoref. diss. ... kand. med. nauk. [Features of the psychosexual development of young and underage victims of sexual violence. Ph. D. (Medicine) Thesis]. Moscow, 1998. 24 p.
5. Dolgovyh M.P. Psihologicheskaja determinacija projavlenija viktimnogo povedenija lichnosti podrostka: avtoref. dis. ... kand. psih. nauk. [Psychological determination of the manifestation of victim behavior of a teenager's personality. Ph.D. (Psychology) Thesis]. Tol'jatti, 2009. 19 p.
6. Zahar'eva I.A. Psihologicheskie faktory viktimnosti nesovershennoletnih zhertv iznasilovanija: avtoref. dis. ... kand. psih. nauk. [Psychological factors of victimization of minor victims of rape. Ph.D. (Psychology) Thesis]. Saint-Petersburg, 2000. 21 p.
7. Il'juk E.V. Viktimnost' rozhdaetsja v sem'e (o zhertvah incesta) [Victimism is born in the family (about the victims of incest)] // *Viktimmologija [Victimology]*, 2017, no.1 (11), pp. 27-35.
8. Il'jasov F.N. Terrorizm – ot social'nyh osnovanij do povedenija zhertv [Terrorism-from social foundations to the behavior of victims] // *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*, 2007, no.6, pp. 78-86.
9. Maksimov A.M. Psychological studies of male homosexual prostitution. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2011. Vol. 19, no. 1, pp. 137–155. (In Russ., abstr. in Engl.)
10. Malkina-Pyh I.G. Psihologija povedenija zhertvy [Psychology of victim behavior]. Moscow: Publ. Jeksmo, 2006. 1008 p.
11. Mamajchuk I. I. Psihologicheskie mehanizmy viktimnogo povedenija zhertv polovyh prestuplenij [Psychological mechanisms of victim behavior of victims of sexual crimes] // *Teoreticheskie i prakticheskie voprosy psihologii [Theoretical and practical questions of psychology]*. Saint-Petersburg: Publ. S.-Peterb. un-ta, 1995. Part 2. P. 14–21.
12. Morozova N.B. Psihicheskie rasstrojstva u nesovershennoletnih – zhertv seksual'nogo nasilija (klinika, vozrastnye osobennosti, sudebno-psihiatricheskoe znachenie): avtoref. diss. ...doktor.

Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д.,
Чибисова И.А.
Показатели виктимности у несовершеннолетних
потерпевших от сексуального насилия и
злоупотребления
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 132–145.

Nuckova E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D.,
Chibisova I.A.
Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual
Violence and Abuse
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 132–145.

med. Nauk [Mental disorders in minors-victims of sexual violence (clinic, age characteristics, forensic psychiatric significance). Doctor of Medicine Thesis]. Moscow, 1999. 48 p.

13. Tkachenko A.A., Dvoryanchikov N.V., Dogadina M.A. Ontogeneticheskie mekhanizmy formirovaniya sposobnosti k vospriyatiyu gendernykh kachestv u nesovershennoletnikh zhertv seksual'nogo nasiliya [Ontogenetic mechanisms of formation of ability to perceive the gender of young victims of sexual violence] *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian journal of psychiatry]*. 1999, no 2, pp. 13-18. (In Russ., abstr. in Engl.).

14. Tkachenko A.A., Kamenskov M.Ju. Faktory viktimnosti u nesovershennoletnih poterpevshih - zhertv seksual'nogo nasiliya [Factors of victimization in minor victims-victims of sexual violence] // *Rossiiskij psikhiatricheskij zhurnal [Russian Psychiatric Journal]*. 2014, no. 5, pp. 33-38.

15. Tkachenko A.A., Morozova M.V., Savina O.F. Ob utochnenii jekspertnykh kategorij i kriteriev ocenki juridicheski relevantnykh fenomenov psihicheskoy dejatel'nosti maloletnih i nesovershennoletnih poterpevshih po pravonarushenijam seksual'nogo haraktera. Informacionnoe pis'mo [On the clarification of expert categories and criteria for assessing legally relevant phenomena of mental activity of minors and underage victims of sexual offenses. Information letter.]. Moscow: Publ. FGBU «Gosudarstvennyj nauchnyj centr social'noj i sudebnoj psihiatrii im. V.P. Serbskogo», 2012. 11 p.

16. Shostakovich B.V., Ushakova I.M., Potapov S.A. Polovye prestupleniya protiv detej i podrostkov [Polovye prestupleniya protiv detej i podrostkov]. Rostov-na-Donu: Publ. LRNC «Feniks», 1994. 102 p.

17. Dutton D. G., Painter S.L. Emotional attachments in abusive relationships: A test of traumatic bonding theory // *Violence and Victims*. 1993. Vol 8(2). P. 105-120.

18. Cyr M., Wright J., McDuff P., Perron A. Intrafamilial sexual abuse: brother-sister incest does not differ from father-daughter and stepfather-stepdaughter incest // *Child Abuse and Neglect*. 2002. № 26(9). P.957-973.

19. Lewis T., McElroy E., Harlaar N., Runyan D. Does the impact of child sexual abuse differ from maltreated but non–sexually abused children? A prospective examination of the impact of child sexual abuse on internalizing and externalizing behavior problems // *Child Abuse and Neglect*. 2016. Vol. 51. P. 31–40.

20. Seto M.C., Babehishim K.M., Pullman L.E. The puzzle of intrafamilial child sexual abuse: A meta–analysis comparing intrafamilial and extrafamilial offenders with child victims // *Clinical psychology review*. 2015. P. 34-45.

21. Summit R.C. The child sexual abuse accommodation syndrome // *Child Abuse and Neglect*. 1983. Vol. 7 (2). P. 93–177.

22. Turvey B.E. Victimhood: Entering the criminal justice system. In B. E. Turvey & W. Petherick (Eds.), *Forensic victimology: Examining violent crime victims in investigative and legal contexts*. Amsterdam, The Netherlands: Elsevier Science. P.33.

Информация об авторах

Нуцкова Елена Владимировна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (ФГБОУ «НИМЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail:

Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д.,
Чибисова И.А.
Показатели виктимности у несовершеннолетних
потерпевших от сексуального насилия и
злоупотребления
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 132–145.

*Nuckova E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D.,
Chibisova I.A.*
Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual
Violence and Abuse
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 132–145.

nuckova@gmail.com

Дозорцева Елена Георгиевна, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Бадмаева Валентина Дорджиевна, доктор медицинских наук, руководитель Отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: nasankaeva@mail.ru

Чибисова Ирина Анатольевна, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8822-5607>, e-mail: chibis-irena@mail.ru

Information about the authors

Elena V. Nuckova, PhD in Psychology, Researcher, V. Serbsky NMRCPN, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Elena G. Dozortseva, Doctor in Psychology, Professor, Chief Researcher, FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia; Professor, Chair of Legal Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Valentina D. Badmaeva, Doctor in Medicine, Head of the Department for Social and Forensic Psychiatric Problems of Minors, FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: nasankaeva@mail.ru

Irina A. Chibisova, PhD in Medicine, Senior Researcher, FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8822-5607>, e-mail: chibis-irena@mail.ru

Получена 15.12.2020
Принята в печать 12.05.2021

Received 15.12.2020
Accepted 12.05.2021

Роль и участие родителей в процессе кибергруминга

Медведева А.С.

Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Минюста России (ФБУ «Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Дозорцева Е.Г.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Родители — основные защитники ребенка от опасностей Интернета, в том числе от кибергруминга. Однако при столкновении с кибергрумерами не все родители ведут себя оптимальным образом. В статье рассматриваются роли, в которых в подобных ситуациях могут выступать родители. Особое внимание уделено ситуациям, когда родитель используется преступником для воздействия на ребенка и вовлечения его в сексуальные действия, в связи с чем предложено понятие «опосредованный родителем кибергруминг». Эмпирическое исследование представляет собой анализ материалов уголовных дел, состоящих из 33 транскриптов интернет-коммуникаций между родителями и кибергрумерами. Описаны типичные варианты поведения родителей. Выделены 3 группы родителей в зависимости от их онлайн-поведения и соответствующей потенциальной виктимизации их детей. Сделан вывод о преимущественном стремлении родителей защищать своих детей (60,7%). Однако часть родителей подвергают детей риску (15,1%) или прямой опасности (24,2%) кибергруминга и других сексуальных злоупотреблений. Предложены варианты профилактики вовлечения несовершеннолетних в кибергруминг, в том числе посредством коммуникации с их родителями.

Ключевые слова: Интернет, кибергруминг, коммуникация, дети, подростки, родители, сексуальное злоупотребление, сексуальное преступление.

Для цитаты: *Медведева А.С., Дозорцева Е.Г.* Роль и участие родителей в процессе кибергруминга [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 146—159. DOI:10.17759/psylaw.2021110211

Role and Involvement of Parents in the Cybergrooming Process

Anna S. Medvedeva

FSBI «North-Western Regional Center of Forensic Expertise» of the Ministry of Justice of Russia, Saint-Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Elena G. Dozortseva

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Parents are the main protectors of the child from the dangers of the Internet, including cybergrooming. However, when faced with cybergroomers, not all parents behave optimally. The article discusses the roles that parents can play in such situations. Particular attention is paid to situations when a parent is used by a criminal to influence a child and involve him in sexual activities; the concept of «parent-mediated cybergrooming» is proposed. The empirical study is a analysis of materials from criminal cases, consisting of 33 transcripts of Internet communications between parents and cyber groomers. Typical parental behaviors are described. Three groups of parents were identified depending on their online behavior and the corresponding potential victimization of their children. The conclusion was made about the predominant desire of parents to protect their children (60.7%). However, some parents put their children at risk (15.1%) or direct danger (24.2%) of cybergrooming and other sexual abuse. Variants of prevention of involvement of minors in cybergrooming, including through communication with their parents, are proposed.

Keywords: Internet, cyber (online) grooming, communication, children, adolescents, parents, sexual abuse, sexual crime.

For citation: Medvedeva A. S., Dozortseva E. G. Role and Involvement of Parents in the Cybergrooming Process. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 10, no. 2, pp. 146—157. DOI:10.17759/psylaw.2021110211 (In Russ.).

Введение

У современных детей и подростков наблюдается высокий уровень интернет-активности, что обусловлено новыми условиями их социализации, все больше приобретающей черты киберсоциализации. Данная активность в большинстве случаев является ежедневной и достаточно длительной для того, чтобы говорить об их пребывании в смешанной реальности [7].

Виртуальная жизнь также обусловила трансформацию различных сексуальных преступных действий в отношении несовершеннолетних, породившую такие явления, как интернет-сообщества педофилов, онлайн-распространение детской порнографии и торговли детьми, секстинг и сексторция (в том числе секстрикция), известные еще с 90-х годов прошлого века [10]. Кроме того, одним из наиболее опасных явлений можно назвать кибергруминг [2], в процессе которого злоумышленник, контактируя с ребенком в сети Интернет, стимулирует его к получению сексуального опыта и совершению соответствующих действий онлайн и офлайн, что обеспечивает реализацию и других упомянутых выше сексуальных преступлений.

В настоящее время подверженность несовершеннолетних кибергрумингу сохраняется, несмотря на профилактические меры, предпринимаемые специалистами различных сфер. Это обусловлено как недостаточной технической и юридической защищенностью детей [13], так и их собственным естественным любопытством к вопросу половых взаимоотношений [4; 9; 14].

Родители являются главными защитниками детей от любых типов угроз, включая цифровые, и контроль с их стороны за использованием ребенком интернет-технологий снижает его уязвимость для кибергруминга [15; 18; 19; 20]. Вместе с тем взрослым зачастую нелегко организовывать в домашних условиях постоянное наблюдение за деятельностью своего ребенка в Сети [5]. Кроме того, нередко дети и подростки превосходят старшее поколение в навыках пользования технологиями, что позволяет им маскировать свою интернет-активность. Многие родители также активны в сети Интернет, стараются развивать свою цифровую компетентность, общаться и включаться в сетевую жизнь своих детей [6].

В контексте кибергруминга онлайн-поведение и реакции родителей различаются. Они могут выступать защитниками своих детей, контролируя их коммуникации, выявляя и пресекая действия посягателей. Кроме того, сами несовершеннолетние, вступив в нежелательную переписку, могут звать родителей на помощь или угрожать злоумышленникам сделать это [3]. Но существуют и противоположные ситуации, когда родители предлагают другим людям собственных детей для эксплуатации с целью получения для себя определенной выгоды [11; 12]. И, наконец, взрослые могут стать самостоятельной мишенью для воздействия со стороны кибергрумеров. Рассмотрим третью ситуацию подробнее.

На первый взгляд совершенно безобидным и естественным выглядит размещение родителями фотографий своих детей в социальных сетях, подкрепляемых описанием их жизни. Такие действия получили название шерентинга (от английских слов *to share* — делиться и *parenting* — осуществление родительских функций) и постепенно стали рассматриваться как рискованные [1], поскольку могут нарушать интересы несовершеннолетних, касающиеся их приватности, предоставляя всем, в том числе кибергрумерам, информацию об их возрасте, местонахождении, составе семьи, уязвимых местах и т. д. Являясь источником информации о ребенке и его главной защитной силой, родители все чаще привлекают внимание сексуальных преступников. Это породило новое явление, которое может быть обозначено как опосредованный родителем кибергруминг. Данный процесс представляет собой сексуальное домогательство кибергрумера по отношению к несовершеннолетнему в сети Интернет путем оказания воздействия на его родителя с целью получить информацию, ослабить защиту и создать «благоприятные» и в нужной степени длительные условия для злоупотребления [8; 11; 17; 20]. При этом

преступники действуют из двух стратегических соображений.

Во-первых, они могут стремиться завоевать доверие родителя (чаще одинокого), что позволяет получить доступ к его подопечному и уменьшить вероятность разоблачения [16; 17]. Как указывает S. Craven и ее соавторы [8], нередко преступники предстают настолько хорошими людьми, что в будущем при переносе общения из виртуального мира в реальный родители доверяют им своих детей, и дальнейшее раскрытие ребенком факта сексуального насилия над ним даже может вызвать недоверие к его словам.

Во-вторых, кибергрумеры могут стремиться вовлечь самого опекуна в процесс злоупотребления его ребенком для того, чтобы делать это совместно. С этой целью они могут убеждать родителей в том, что сексуальные действия — это естественный процесс, в который дети должны включаться в онлайн- и/или офлайн-формах. Кроме того, злоумышленники могут искать людей, предлагающих собственных детей для эксплуатации с целью получения для себя определенной выгоды [11; 12].

Таким образом, поведение родителей в сети Интернет может оказывать влияние на виктимизацию их детей, что обуславливает необходимость изучить и описать особенности их реагирования на контакт с кибергрумерами.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования были использованы 33 транскрипта коммуникаций (случаев) между, с одной стороны, несовершеннолетними и их родителями и, с другой, - кибергрумерами. Данное общение было реализовано в социальной сети «ВКонтакте» с 2014 года по 2020 год, в дальнейшем зафиксировано следственными органами как доказательство по уголовному делу и подвергнуто анализу в ходе производства судебных психологических экспертиз.

Участниками диалогов стали:

- 33 родителя в возрасте от 24 до 46 лет (средний возраст 34,84 года ± 5,75 лет), среди которых 19 матерей и 14 отцов;

- 7 кибергрумеров в возрасте от 25 до 40 лет (средний возраст 26,42 лет ± 4,30 года). Каждый из них совершил разное количество коммуникаций.

Объем переписок варьирует от 1 до 1150 сообщений.

Анализ осуществлялся на основе 14 показателей, характеризующих особенности онлайн-коммуникаций родителей с кибергрумерами. Обработка информации проводилась методами описательной статистики и качественного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе исследования было изучено распределение родителей на группы в зависимости от обстоятельств их онлайн-встречи с кибергрумерами (табл. 1).

Таблица 1

Группы родителей в соответствии с обстоятельствами начала их общения с кибергрумерами

Категория родителей	Группа 1 («случайный контакт после обнаружения родителем переписки»)	Группа 2 («поиск родителя кибергрумером»)	Группа 3 («встреча в интернет-сообществах сексуальной направленности»)	Всего
Все родители	7 (21,2%)	8 (24,2%)	18 (54,5%)	33 (99,9%)
Отцы	1 (3,0%)	2 (6,0%)	11 (33,3%)	14 (42,3%)
Матери	6 (18,2%)	6 (18,2%)	7 (21,2%)	19 (57,6%)

В 21,2% случаев встречи возникали случайно вследствие обнаружения родителями переписок своих детей с преступниками и вмешательства в данный процесс (группа 1). В 24,2% случаев происходил поиск и отбор родителя кибергрумером путем анализа информации о нем и его ребенке, размещаемой в социальных сетях (группа 2). В большинстве случаев (54,5%) посягатели находили собеседников на основании их общего членства в интернет-сообществах, разделяющих сексуальный интерес к детям (например, группы, посвященные инцесту) (группа 3). На втором этапе исследования был проведен анализ динамики коммуникаций каждой из трех групп.

Таблица 1 показывает, что общение детей с кибергрумерами обнаруживают в большей степени матери, чем отцы (группа 1). Это может свидетельствовать о наличии у них большего контроля за интернет-активностью своего ребенка, а также стремлении детей сообщать о негативном опыте прежде всего своим матерям. После вмешательства родителей в переписку кибергрумера с ребенком наблюдалась различная динамика коммуникаций (рис. 1).

Рис. 1. Динамика коммуникаций кибергрумеров с родителями группы 1

Родители группы 1 преимущественно (15,1% от всех случаев) реагировали агрессивно, порицали злоумышленников, стремились пресечь их действия в отношении ребенка и угрожали сообщить о них в правоохранительные органы. Одна мать резко пресекла общение своего ребенка без каких-либо вербальных реакций в сторону его собеседника. Другая продолжила общаться со злоумышленником от имени своего ребенка и в его присутствии, побуждала преступника к ведению переписки сексуального характера, присылала фотографии своей дочери и получала от собеседника его интимные материалы с целью его компрометации, однако данный случай представляется нестандартным.

Важно отметить, что лишь в 6,0% случаев кибергрумеры проявили испуг и пресекли общение, а один из них осуществил явку с повинной в полицию. В большинстве случаев преступники продолжали воздействовать на собеседника (родителя) двумя способами: 1) шантажировали ранее полученными от ребенка интимными материалами и требовали новых, высмеивая попытки защитить его; 2) снимали с себя вину и ответственность, убеждали в безобидном характере контакта с несовершеннолетним и искренности своих романтических чувств к нему с целью получить от родителя согласие на дальнейшее взаимодействие с его ребенком. Подобное бесстрашное поведение посягателей, вероятно, связано с их уверенностью в возможностях сети Интернет по обеспечению безопасности и в собственных коммуникативных навыках, позволяющих маскировать свои истинные цели. Так или иначе, во всех рассмотренных 21,2% случаях, вошедших в группу 1, произошло информирование полиции.

Коммуникации группы 2 были инициированы кибергрумерами после поиска и отбора родителей в Сети, чему, в частности, способствовало осуществление шеринга. Преступники оценивали ряд условий: воспитание приглянувшегося ребенка в неполной

семье; указание на то, что его мать ищет себе супруга, наличие информации о взаимоотношениях в семье, которые трактуются посягателем как нарушенные. Динамика данных коммуникаций представлена на рис. 2.

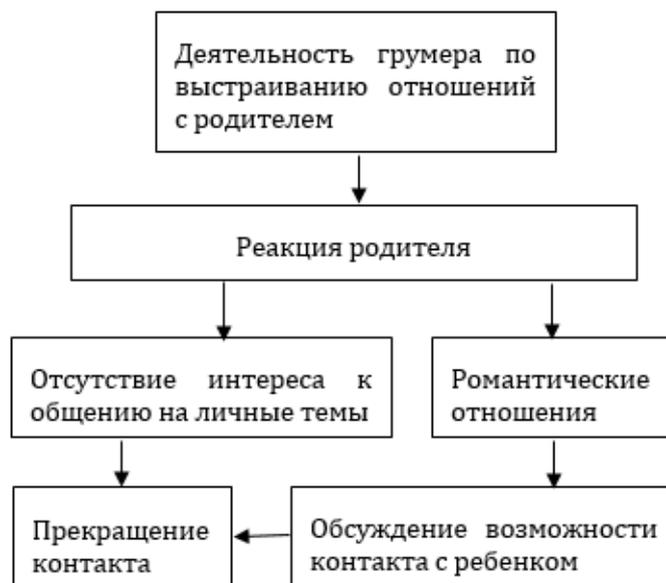

Рис. 2. Динамика коммуникаций кибергрумеров с родителями группы 2

В процессе коммуникации половина родителей группы 2 (12,1% от всех случаев) проявили нежелание взаимодействовать с собеседником на том этапе, когда начиналось введение в разговор любовных и/или сексуальных тем, обсуждение ребенка и возможных сексуальных действий с ним. В остальных случаях (12,1%) кибергрумеры стремились создать с одинокими матерями романтические отношения, что положительно воспринималось последними. Однако при включении в разговор сексуальных тем или обсуждения того, чтобы привлечь ребенка к сексуальным действиям (в том числе инцестным), матери преимущественно отказывались от дальнейшего контакта (лишь в одном случае мать на протяжении еще порядка 400 сообщений стремилась сохранить свои новые любовные взаимоотношения, несмотря на наличие у партнера сексуального интереса к ее дочери). В рассмотренных 24,2% случаях, вошедших в группу 2, информирования полиции по инициативе кого-либо из коммуникантов не происходило; злоумышленники обнаруживались позже после совершения ими преступных действий в отношении несовершеннолетних.

Коммуникации самой многочисленной группы обладают специфической особенностью — наличием у преступников уверенности в том, что родители разделяют их сексуальный интерес к детям, поскольку состоят в соответствующих интернет-сообществах. Данные ожидания посягателей оправдывались не во всех 54,5% случаях (рис. 3).

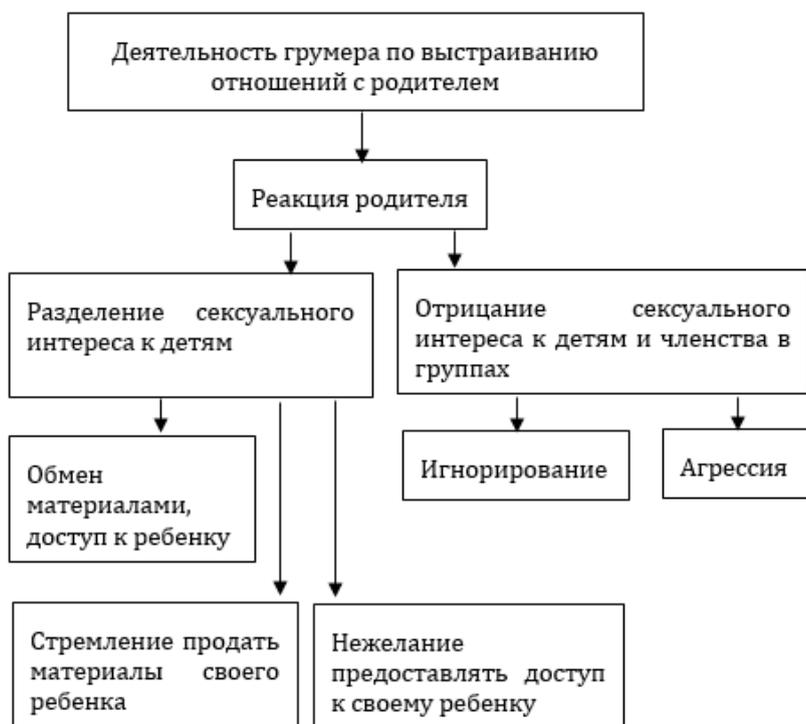

Рис. 3. Динамика коммуникаций кибергрумеров с родителями группы 3

В группе 3 многие родители (30,3% от всех случаев) признавали наличие у себя сексуального интереса к несовершеннолетним и сообщали о фото-/видеофиксации соответствующих действий со своими детьми. Готовность обеспечить собеседнику доступ к данным материалам наблюдалась у матерей и отцов при условии равнозначного обмена или денежного вознаграждения, либо отсутствовала по причине нежелания делиться. В то же время часть родителей (24,2% от всех случаев) указывали преступникам на ошибочность их коммуникативных действий и случайность своего членства в сообществах (например, из-за «взлома страницы»), реагировали агрессивно и отказывались от общения.

Важной представляется информация о том, что среди родителей, отказавшихся от контакта с преступниками, преимущественно представлены отцы (6 человек из 11, включенных в группу 3). И, напротив, именно матери нередко осуществляли сексуальную эксплуатацию своих детей (5 человек из 7, включенных в группу 3). Аналогично ситуации в группе 2, информирования полиции не происходило, и посягатели обнаруживались позже после совершения ими преступных действий в отношении несовершеннолетних.

На третьем этапе исследования все матери и отцы, столкнувшиеся с кибергрумерами, были разделены на 3 категории по принципу возможной виктимизации их детей (табл. 2). Данному распределению соответствовали характеристики их реакций на контакт с преступниками.

Таблица 2

Категории родителей в соответствии с их позицией относительно безопасности детей

Характеристики	Обеспечивающие безопасность детям	Подвергающие детей риску	Нарушающие права своих детей
Число родителей	60,7% (10 отцов и 10 матерей)	15,1% (1 отец и 4 матери)	24,2% (3 отца и 5 матерей)
Заинтересованность в общении с кибергрумером	На нейтральные темы или отсутствует	На нейтральные и сексуальные темы	
Наличие сексуального интереса к детям	Отсутствует		Имеется
Готовность вовлечь ребенка в процесс сексуального злоупотребления	Отсутствует	Может формироваться под воздействием кибергрумера	Имеется
Реализация доступа кибергрумера к интимным материалам ребенка	Отсутствует		Имеется
Информирование правоохранительных органов о действиях кибергрумера	Имеется	Происходит в единичных случаях	Отсутствует

К обеспечивающим безопасность относятся взрослые, ориентированные на защиту и сохранение половой неприкосновенности своих детей и не способные сексуально использовать их для реализации своих желаний и потребностей.

Подвергающие детей риску — это родители, заинтересованные в приобретении от кибергрумера определенной выгоды (романтических отношений с ним или др.) и, как следствие, рассматривающие возможность подвергнуть своего ребенка сексуально ориентированным действиям. У таких родителей наблюдается борьба между потребностью получить желаемое и внутренней ответственностью за детей. Преступники чувствуют возможность преодолеть сопротивление и манипулируют ими, повышая их мотивацию. Так, например, один кибергрумер убеждал мать в том, что она не сможет избавиться от собственных внутренних комплексов и стать подходящей для него женщиной, если не раскрепостит сексуально свою дочь.

Родители, нарушающие права своих детей, практикуют изготовление интимных материалов, совершают инцестные действия или иным образом приобщают своих детей к сексуальной жизни с коммерческой целью или для обмена сексуальным опытом с онлайн-преступниками. Подобная деятельность может начинаться еще до встречи с кибергрумером или формироваться (активироваться, усиливаться) вследствие его стимуляции в процессе коммуникации. Такие родители имеют девиантное сексуальное отношение к собственным детям или не осознают психотравмирующих последствий подобных онлайн-действий для ребенка. Так, мать или отец могут ошибочно полагать, что предоставление кому-либо интимных материалов ребенка не нанесет серьезного вреда последнему, однако высока вероятность того, что в будущем данные изображения станут инструментом шантажа или будут опубликованы на каких-либо интернет-ресурсах и встретят нежелательного адресата.

Можно сделать вывод, что большинство родителей защищают своих детей от кибергрумеров, стремясь пресечь их негативное воздействие как на ребенка, так и на самого себя. Вместе с тем высок процент случаев, когда поведение родителей увеличивает вероятность совершения сексуального преступления в отношении их ребенка. При этом среди людей, вошедших в группу риска и группу нарушителей, существенно больше матерей, чем отцов. Небольшой объем выборки не позволяет сделать однозначных выводов, но в дальнейшем это обстоятельство может быть рассмотрено более детально.

Заключение

Проведенный анализ указывает на важность оценки того, какую позицию относительно интернет-активности ребенка занимают родители, а именно: осознают ли они существование проблемы кибергруминга, его преступный характер, деструктивность последствий в случае его реализации и свою ответственность; могут ли реализовать меры профилактики вовлечения себя и своего ребенка в данный процесс. Отношение родителей к кибергрумингу оказывает непосредственное влияние на процесс его распространения, в связи с чем представляется необходимым проведение соответствующей информационной работы в отношении не только детей и подростков, но и опекающих их взрослых людей (например, на родительских собраниях в образовательных учреждениях). Правильное отношение родителей к кибергрумингу и его последствиям позволит научить детей тому, как не вовлекаться в данный процесс или успешно его пресекать.

Отдельного внимания требует вопрос о повышении цифровой компетентности родителей с целью приобретения ими навыков осознанного, осторожного и вместе с тем уверенного использования технологий. Так родители смогут обучить своих детей правилам безопасного онлайн-поведения и защите персональных данных [6].

Кроме того, требует своего опровержения существующий миф о том, что последствия сексуальных преступлений в сети Интернет являются менее деструктивными, чем те, которые возникают после аналогичных офлайн-действий. Существует большое количество исследований, опровергающих данное заблуждение [4; 13].

Недостаточно решенной представляется проблема существования различных интернет-сообществ людей, разделяющих сексуальный интерес к детям. Так, в качестве примера авторами исследования был осуществлен поиск групп в социальной сети «ВКонтакте» по ключевому слову «инцест» и найдено около полутора тысяч таких сообществ (дата обращения: 20.04.2021).

Решение проблемы кибергруминга также должно состоять в его криминализации, которую уже успешно осуществили свыше 35 стран мира [13]. Тем самым они однозначно довели до сведения общественности существование данной угрозы и обеспечили адекватную правовую оценку и уголовное преследование этого вида преступлений.

Литература

1. Березецкая М.И. Особенности современного родительского поведения в условиях информационного общества // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. Т. 4. С. 105—112
2. Дозорцева Е.Г., Медведева А.С. Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 250—263. DOI:10.17759/psylaw.2019090217 (дата обращения: 17.11.2020).

3. *Медведева А.С.* Реакции детей и подростков на сексуальный онлайн груминг [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 123—132. DOI:10.17759/psylaw.2020100111 (дата обращения: 17.03.2021).
4. *Нуцкова Е.В.* Девочки — жертвы груминга: группы риска, особенности взаимодействия с посягателем, клинико-психологические последствия // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2020): сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 19—21 ноября 2020 г. / Под ред. М.Г. Сороковой, Е.Г. Дозорцевой, А.Ю. Шеманова. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 297—300
5. *Смирнова Е.О., Смирнова С.Ю., Шеина Е.Г.* Родительские стратегии в использовании детьми цифровых технологий [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 79—87. DOI:10.17759/jmfp.2019080408 (дата обращения: 28.12.2020).
6. *Солдатова Г.У., Львова Е.Н.* Особенности родительской медиации в ситуациях столкновения подростков с онлайн-рисками [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23. № 3. С. 29—41. DOI:10.17759/pse.2018230303 (дата обращения: 25.03.2021).
7. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 87—97. DOI:10.17759/chp.2020160409
8. *Craven S., Brown S., Gilchrist E.* Sexual grooming of children: Review of literature and theoretical considerations // Journal of Sexual Aggression. 2006. Vol. 12. С. 287—299
9. *Davidson J., Grove-Hills J., Bifulco A., Gottschalk P., Caretti V., Pham T., Webster S.* Online Abuse: Literature Review and Policy Context [Электронный ресурс] // The European Commission Safer Internet Plus Programme. 2011. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?DOI=10.1.1.473.1618&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 19.10.2020).
10. *Durkin K.F.* Misuse of the Internet by pedophiles: Implications for law enforcement and probation practice // Federal Probation. 1997. Vol. 61. № 3. С. 14—18. DOI:10.4135/9781452229454
11. *Gallagher B.* Internet-initiated incitement and conspiracy to commit child sexual abuse (CSA): The typology, extent and nature of known cases // Journal of Sexual Aggression. 2007. Vol. 13. № 2. P. 101—119. DOI:10.1080/13552600701521363
12. *Gilad M.* Virtual or reality: prosecutorial practices in cyber child pornography ring cases // Richmond Journal of Law & Technology. 2012. Vol. 18. № 2. P. 1—66
13. *Joleby M., Lunde C., Landstrom S., Jonsson L.S.* «All of Me Is Completely Different»: Experiences and Consequences Among Victims of Technology-Assisted Child Sexual Abuse // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. P. 1—16. DOI:10.3389/fpsyg.2020.606218
14. *Livingstone S., Palmer T.* Identifying vulnerable children online and what strategies can help them [Электронный ресурс] // 2012. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/052e/861b8100245db4b95702dc349995b9ec5aea.pdf> (дата обращения: 19.10.2020).
15. *Magiswary D., Manimekalai J., Thesigarhupani V.* Building a Bright Society with Au Courant Parents: Combating Online Grooming [Электронный ресурс] // PACIS 2018 Proceedings. 2018. URL: <https://aisel.aisnet.org/pacis2018/317> (дата обращения: 12.01.2021).

16. *McAlinden A.M.* «Setting 'em up»: Personal, familial and institutional grooming in the sexual abuse of children // *Social and Legal Studies*. 2006. Vol. 15. P. 339—362. DOI:10.1177/0964663906066613
17. *McKillop N., Reynald D.M., Rayment-McHugh S.* (Re)Conceptualizing the role of guardianship in preventing child sexual abuse in the home // *Crime Prevention and Community Safety*. 2020. DOI:10.1057/s41300-020-00105-7
18. *Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A., Collings G.* A review of online grooming: Characteristics and concerns // *Aggression and Violent Behavior*. 2013. Vol. 18. № 1. P. 62—70.
19. *Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A., Collings G.* A review of young people's vulnerabilities to online grooming // *Aggression and Violent Behavior*. 2013. Vol. 18. P. 135—146.
20. *Wolak J., Finkelhor D., Mitchell K.J., Ybarra M.L.* Online «predators» and their victims: Myths, realities and implications for prevention and treatment // *American Psychologist*. 2008. Vol. 63. P. 111—128

References

1. *Berezetskaya M.I.* Modern parenting in the digital world // *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya [Journal of the Belarusian State University. Sociology]*. 2019. Vol. 4, pp. 105—112 (In Russ. abstr. in Engl.).
2. *Dozortseva E.G., Medvedeva A.S.* Sexual online grooming as an object of psychological research [Elektronnyi resurs] // *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 250—263. doi:10.17759/psylaw.2019090217 (Accessed: 17.11.2020) (In Russ. abstr. in Engl.).
3. *Medvedeva A.S.* Reactions of children and adolescents to sexual online grooming. *Psikhologiya i pravo*. 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 123—132. doi:10.17759/psylaw.2020100111 (Accessed: 18.03.2021) (In Russ. abstr. in Engl.).
4. *Nuckova E.V.* Girls-victims of grooming: risk groups, peculiarities of interaction with an offender, clinical and psychological consequences (DHTE 2020). In *Sorokova M.G., Dozortseva E.G., Shemanov A.U. (eds.), collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation*. November 19—21. 2020. Moscow: FGBOU VO MGPPU Publ., 2020. P. 297—300 (In Russ. abstr. in Engl.).
5. *Smirnova E.O., Smirnova S.Yu., Sheina E.G.* Parents' strategies to use of digital technology by children [Elektronnyi resurs] // *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*. 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 79—87. doi:10.17759/jmfp.2019080408 (Accessed: 28.12.2020) (In Russ. abstr. in Engl.).
6. *Soldatova G.U., Lvova E.N.* Adolescents Encountering Online Risks: Characteristics of Parental Mediation [Elektronnyi resurs] // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2018. Vol. 23, no. 3, pp. 29—41. doi:10.17759/pse.2018230303 (Accessed: 25.03.2021) (In Russ., abstr. in Engl.).
7. *Soldatova G.U., Rasskazova E.I.* Digital Transition Outcomes: From Online Reality to Mixed Reality // *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 87—97. doi:10.17759/chp.2020160409 (In Russ. abstr. in Engl.).
8. *Craven S., Brown S., Gilchrist E.* Sexual grooming of children: Review of literature and theoretical considerations // *Journal of Sexual Aggression*, 2006. Vol. 12, pp. 287—299
9. *Davidson J., Grove-Hills J., Bifulco A., Gottschalk P., Caretti V., Pham T., Webster S.* Online Abuse: Literature Review and Policy Context [Elektronnyi resurs] // *The European Commission Safer Internet Plus Programme*. 2011. URL:

<https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.473.1618&rep=rep1&type=pdf>
(Accessed: 19.10.2020)

10. Durkin K.F. Misuse of the Internet by pedophiles: Implications for law enforcement and probation practice // Federal Probation, 1997. Vol. 61, no. 3, pp. 14—18. doi:10.4135/9781452229454
11. Gallagher B. Internet-initiated incitement and conspiracy to commit child sexual abuse (CSA): The typology, extent and nature of known cases // Journal of Sexual Aggression, 2007. Vol. 13, no 2, pp. 101—119. doi:10.1080/13552600701521363
12. Gilad M. Virtual or reality: prosecutorial practices in cyber child pornography ring cases // Richmond Journal of Law & Technology, 2012. Vol. 18, no 2, pp. 1—66
13. Joleby M., Lunde C., Landstrom S., Jonsson L.S. «All of Me Is Completely Different»: Experiences and Consequences Among Victims of Technology-Assisted Child Sexual Abuse // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. P. 1—16. doi:10.3389/fpsyg.2020.606218
14. Livingstone S., Palmer T. Identifying vulnerable children online and what strategies can help them [Elektronnyi resurs] // 2012. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/052e/861b8100245db4b95702dc349995b9ec5aea.pdf> (Accessed: 19.10.2020)
15. Magiswary D., Manimekalai J., Thesigarhupani V. Building a Bright Society with Au Courant Parents: Combating Online Grooming [Elektronnyi resurs] // PACIS 2018 Proceedings. 2018. URL: <https://aisel.aisnet.org/pacis2018/317> (Accessed: 12.01.2021)
16. McAlinden A.M. «Setting 'em up»: Personal, familial and institutional grooming in the sexual abuse of children // Social and Legal Studies. 2006. Vol. 15. № 3. P. 339—362. doi:10.1177/0964663906066613
17. McKillop N., Reynald D.M., Rayment-McHugh S. (Re)Conceptualizing the role of guardianship in preventing child sexual abuse in the home // Crime Prevention and Community Safety. 2020. doi:10.1057/s41300-020-00105-7
18. Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A., Collings G. A review of online grooming: Characteristics and concerns // Aggression and Violent Behavior. 2013. Vol. 18. № 1. P. 62—70
19. Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A., Collings G. A review of young people's vulnerabilities to online grooming // Aggression and Violent Behavior. 2013. Vol. 18. P. 135—146
20. Wolak J., Finkelhor D., Mitchell K.J., Ybarra M.L. Online «predators» and their victims: Myths, realities and implications for prevention and treatment // American Psychologist. 2008. Vol. 63. P. 111—128

Информация об авторах

Медведева Анна Сергеевна, старший государственный судебный эксперт, Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Минюста России (ФБУ «Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Дозорцева Елена Георгиевна, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Медведева А.С., Дозорцева Е.Г.
Роль и участие родителей в процессе кибергруминга
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 146—159.

Medvedeva A. S., Dozortseva E. G.
Role and Involvement of Parents in the Cybergrooming
Process
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 146—159.

Information about the authors

Anna S. Medvedeva, Senior forensic expert of Federal State Budgetary Institution “North-Western Regional Center of Forensic Expertise” of the Ministry of Justice of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Elena G. Dozortseva, Doctor in Psychology, Professor, Chief Researcher, FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia; Professor, Chair of Legal Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Получена 04.12.2020
Принята в печать 12.05.2021

Received 04.12.2020
Accepted 12.05.2021

Предупреждение вовлечения молодежи в религиозные и культовые организации через интернет-пространство

Миронова О.И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования, связанного с проблемой предупреждения вовлечения современной молодежи в религиозные и культовые организации через интернет-пространство. В гипотезе исследования предполагается, что эффективным инструментом для предупреждения вовлечения молодежи в религиозные и культовые организации через интернет-пространство является специально разработанная авторская программа, направленная на развитие критического мышления, навыков противодействия манипуляциям, повышение уровня самооценки и гармонизацию семейных отношений. В качестве респондентов выступили 30 молодых людей, вошедших в контрольную и экспериментальную группы, по 15 человек в каждую. Исследование включило два замера, проводившихся до и после реализации авторской программы. Использовались: методика «Подверженность манипуляциям», «Изучение общей самооценки», «Критическое мышление», «Психологический климат семьи». Эффективность авторской программы была доказана благодаря сравнительному анализу экспериментальной группы до и после коррекционного воздействия и сравнительному анализу экспериментальной и контрольной группы после проведенного эксперимента.

Ключевые слова: вовлечение в религиозные организации, психологические особенности молодого возраста, критическое мышление, семейные отношения, уровень самооценки, подверженность манипуляциям.

Для цитаты: *Миронова О.И.* Предупреждение вовлечения молодежи в религиозные и культовые организации через интернет-пространство [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 160–177. DOI:10.17759/psylaw.2021110212

Prevention of Youth Involvement in Religious and Cult Organizations via the Online Space

Mironova O. I.

HSE University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

The results of an empirical study related to the problem of preventing the involvement of modern youth in religious and cult organizations through the Internet are presented in the article. An effective tool for preventing the involvement of young people in religious and cult organizations through the Internet space is a specially developed author's program aimed at developing critical thinking, skills to resist manipulation, increasing the level of self-esteem and harmonizing family relations - it is assumed in the research hypothesis. 30 young people included in the control and experimental groups, 15 people in each, acted as respondents. The study included two measurements carried out before and after the implementation of the author's program. The methodology used was "Exposure to manipulation", "Study of general self-esteem", "Critical thinking", "The psychological climate of the family." The effectiveness of the author's program was proved thanks to the comparative analysis of the experimental group before and after the corrective action and the comparative analysis of the experimental and control groups after the experiment.

Key words: involvement in religious organizations, psychological characteristics of a young age, critical thinking, family relations, level of self-esteem, susceptibility to manipulation.

For citation: Mironova O. I. Prevention of youth involvement in religious and cult organizations via the online space. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 160–177. DOI:10.17759/psylaw.2021110212 (In Russ.).

Введение

Общественное сознание всегда отражает любые изменения, происходящие в экономике, политике и прочих сферах. В связи этим экономические, политические преобразования в современном мире и в России сегодня обуславливают трансформацию семейных отношений, изменение социальных установок, профессиональных компетенций и др. В последнее время проявляется также повышенный интерес к религии. Данный всплеск обусловлен несколькими причинами. Роль религии повышается в обществе в силу поддержки со стороны государства. Многие люди воспринимают религию в качестве устойчивого носителя ценностей человеческого существования. И в этом смысле религия оказывает положительное влияние на духовное развитие личности и общества. Процессу повышения интереса к религии способствует развитие информационных технологий, интернет-коммуникаций, средств массовой информации и др. Одновременно с этим

создаются условия для пропаганды любых религиозных учений без учета их конструктивности. В связи с развитием информационных технологий набирают силу группы, проповедующие идеи новых религиозных учений и школ, различных духовных практик. Лидеры подобных организаций заинтересованы в вовлечении именно молодых людей в силу их возрастных особенностей, связанных с жизненным самоопределением, поиском смысла, социальной поддержки и пр.

Существуют различные исследования, посвященные вовлечению молодежи в религиозные и культовые организации. Важную роль здесь играют работы зарубежных авторов, в частности, Д.Д. Коутса, М. Кленка, Дж. Лолича, Р. Лифтона, А. Вермы [11; 12; 13; 14; 4; 16], а также отечественных ученых: А.В. Романова, Е.В. Ильюка, В.А. Монастырского, Ж.В. Садовниковой, Т.К. Мухиной, Е.С. Лиманских, М.Г. Яковлевой [2; 3; 6; 7; 8; 9; 10].

Несмотря на достаточно широкую проработку в указанных источниках проблем, связанных с действием деструктивных нетрадиционных религиозных движений в современном обществе, остается актуальным вопрос, затрагивающий психологические особенности молодых людей, вовлеченных в религиозные и культовые организации через интернет-пространство. Результаты изучения данной проблемы представлены в ряде публикаций [1; 5; 15]. В частности, было выявлено, что молодые люди, вовлеченные в религиозные организации, находятся в ситуации нестабильного психологического климата в семье, напряженных отношений с родителями, при этом они стремятся к людям, быть членом социальной группы, для них характерны: высокий уровень тревожности, низкие самооценка, уровень критического мышления, степень защиты от манипуляций, а также склонность к зависимому поведению.

Исследование, представленное в настоящей статье, является продолжением изучения проблемы вовлечения молодых людей в религиозные и культовые организации через интернет-пространство.

Цель исследования — выявить эффективность специально разработанной авторской программы по предупреждению вовлечения молодежи в религиозные и культовые организации.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что эффективным инструментом для предупреждения вовлечения молодежи в религиозные и культовые организации через интернет-пространство является специально разработанная авторская программа, направленная на развитие критического мышления, навыков противодействия манипуляциям, повышение уровня самооценки и гармонизацию семейных отношений.

Методика

Исследование и обработка его результатов проводились совместно с В.В. Акимовой. На основе теоретического анализа и эмпирических результатов по проблематике вовлечения молодежи в религиозные и культовые организации была разработана авторская программа.

Задачи программы.

1. Формирование умений и навыков противодействия манипуляциям.
2. Повышение уровня критического мышления.
3. Повышение уровня самооценки.
4. Оптимизация семейных отношений.

Авторская программа включает 15 занятий, которые были проведены в течение 4 месяцев с регулярностью один раз в неделю. Длительность занятия варьировалось от 1 часа

до 1,5 часа.

Программа включает в себя 3 блока.

1. Диагностический блок. Цель данного блока заключается в выявлении психологических особенностей молодых людей и психологического климата в семье.

2. Коррекционный блок. На данном этапе было осуществлено психокоррекционное воздействие на молодых людей с целью повышения психологических характеристик для предотвращения вовлечения в религиозные и культовые организации.

Данный блок включает 13 занятий, которые можно разделить на 5 групп: формирование умений и навыков противодействия манипуляциям, повышение уровня критического мышления, повышение уровня самооценки, гармонизация семейных отношений, формирование независимого поведения.

3. Блок оценки эффективности. Цель данного этапа в проведении повторной диагностики для оценки эффективности авторского курса.

В качестве *респондентов* выступили 30 студентов, программа проводилась в ЗУОК «Солнечный». Были образованы две группы (контрольная и экспериментальная) по 15 человек в каждой.

Использованные методики.

1. Тест «Подверженность манипуляциям». Автор — Е. А. Тарасов. Цель — выявить уровень незащищенности от манипулирования. Методика состоит из 14 вопросов и представлена одной шкалой.

2. Опросник «Изучение общей самооценки». Автор — Г.Н. Казанцева. Цель — выявить уровень самооценки. Методика состоит из 20 вопросов и представлена одной шкалой.

3. Тест «Критическое мышление». Автор — Л. Старки. Цель — диагностика навыков критического мышления. Методика состоит из 10 вопросов и представлена одной шкалой.

4. Методика «Психологический климат семьи». Автор — В. В. Бойко. Цель — оценка психологического климата семьи. Методика состоит из 35 утверждений и представлена одной шкалой.

Результаты и их обсуждение

В ходе диагностического блока эксперимента был проведен исходный замер на экспериментальной и контрольной группах. Результаты диагностики представлены на рис. 1—4.

На рис. 1 видно, что в экспериментальной группе среднее значение по шкале «Психологический климат в семье» составляет 15,3, что характеризует неопределенный тип психологического климата в семье. В контрольной группе при исходном замере среднее значение по шкале «Психологический климат в семье» составляет 12,7, что характеризует неопределенный тип психологического климата в семье. При данном уровне психологического климата в семье в целом отношения гармонизированы, но изредка бывают ссоры между членами семьи.

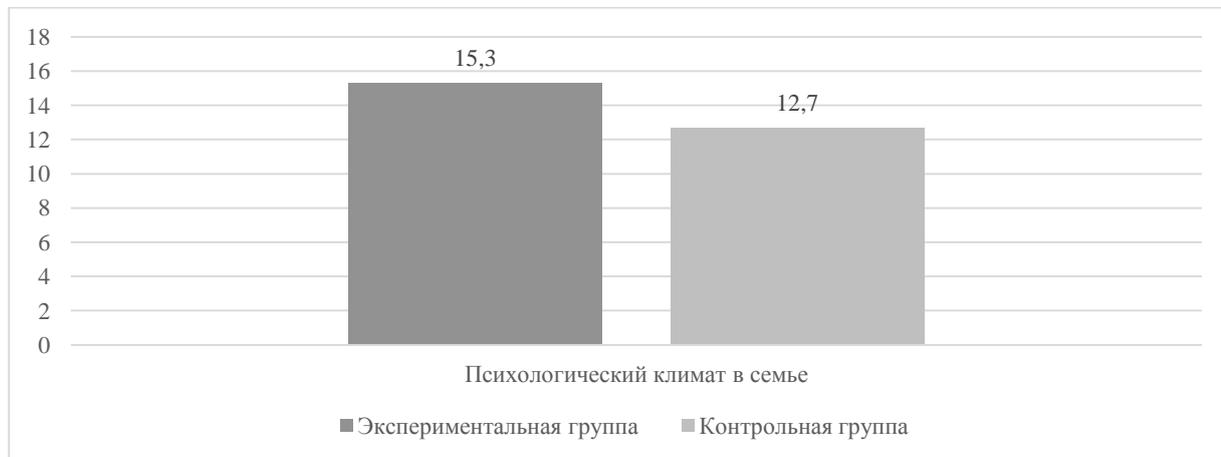

Рис. 1. Результаты методики «Психологический климат семьи» В.В. Бойко в экспериментальной и контрольной группах (исходный замер)

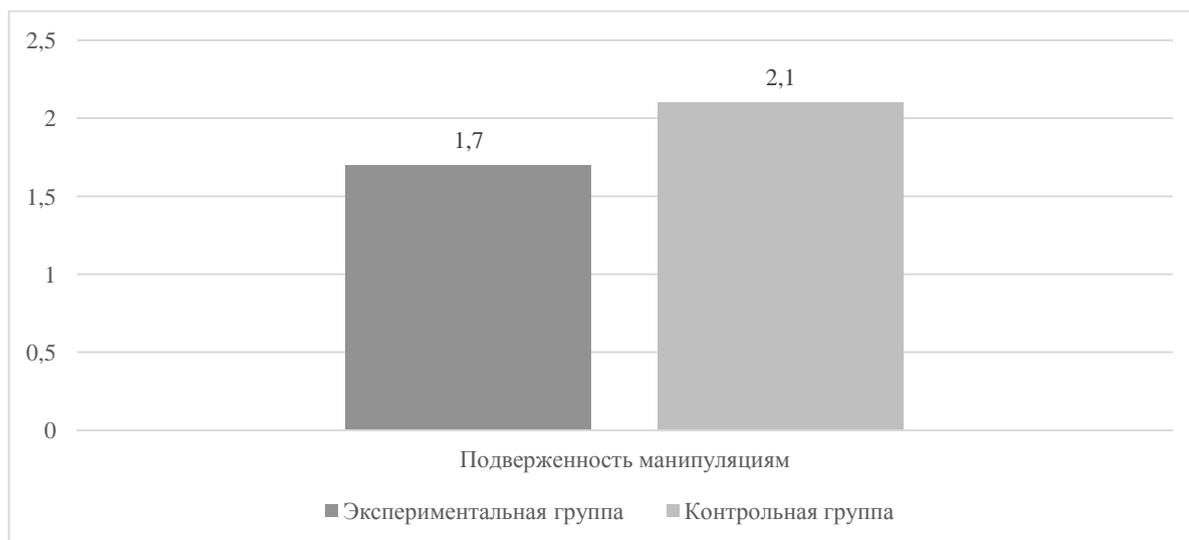

Рис. 2. Результаты методики «Степень вашей незащищенности от манипуляций» Е.А. Тарасова в экспериментальной и контрольной группах (исходный замер)

На рис. 2 видно, что в экспериментальной группе при исходном замере по шкале «Защита от манипуляций» среднее значение составляет 1,7, что характеризует средний уровень защиты от манипуляций. В контрольной группе при исходном замере среднее значение по шкале «Подверженность манипуляциям» составляет 2,1, что характеризует средний уровень защиты от манипуляций. При данном уровне подверженности манипуляциям человек, может противостоять манипуляциям малознакомых людей, но близкие люди могут успешно манипулировать человеком.

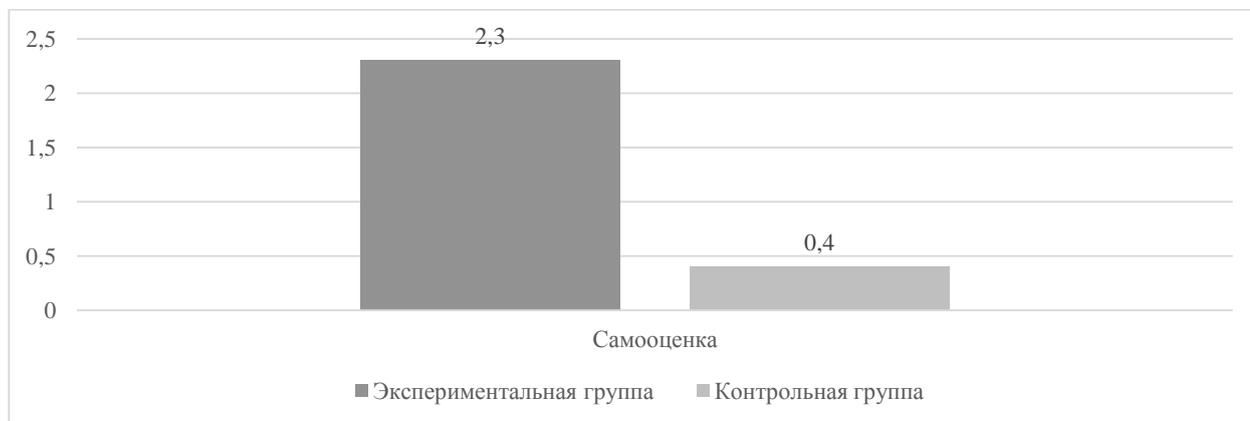

Рис. 3. Результаты методики «Изучение общей самооценки» Г.Н. Казанцевой в экспериментальной и контрольной группах (исходный замер)

Таким образом, на рис. 3 видно, что в экспериментальной группе при исходном замере по шкале «Самооценка» среднее значение составляет 2,3, что характеризует средний уровень самооценки. В контрольной группе при исходном замере среднее значение по шкале «Самооценка» составляет 0,4, что характеризует средний, адекватный уровень самооценки. Таким образом, испытуемые контрольной и экспериментальной групп имеют средний уровень самооценки. Человек с адекватной самооценкой правильно соотносит свои возможности и способности, достаточно критически относится к себе, ставит перед собой реальные цели, умеет прогнозировать адекватное отношение окружающих к результатам своей деятельности.

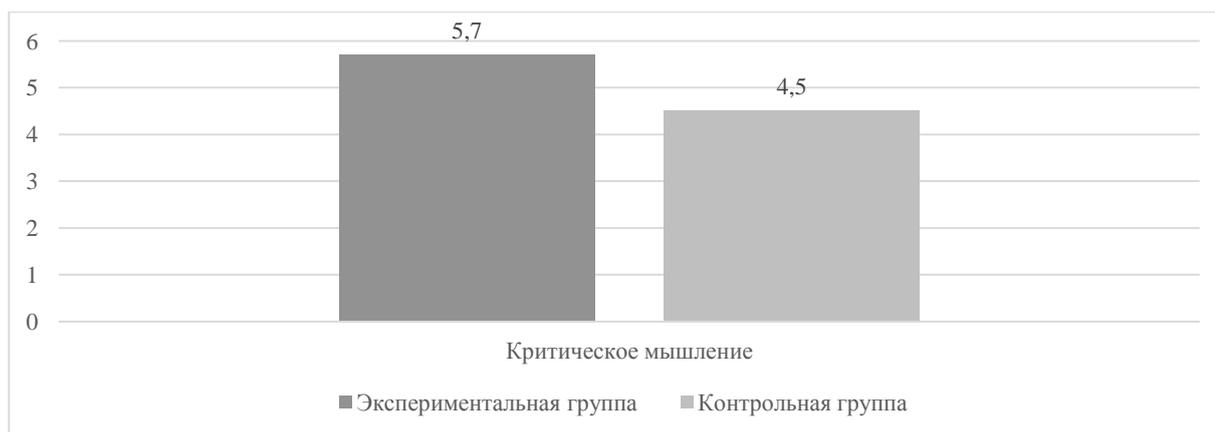

Рис. 4. Результаты методики «Критическое мышление» Л. Старки в экспериментальной и контрольной группах (исходный замер)

На рис. 4 видно, что в экспериментальной группе при исходном замере по шкале «Критическое мышление» среднее значение составляет 5,7, что характеризует средний уровень критического мышления. В контрольной группе при исходном замере среднее значение по шкале «Критическое мышление» составляет 4,5, что характеризует средний

уровень критического мышления. Таким образом, испытуемые контрольной и экспериментальной групп имеют средний уровень критического мышления.

Для проведения авторской программы в экспериментальной группе необходимо проверить, является ли экспериментальная и контрольная группы однородными по измеряемым качествам. Расчеты проводились с помощью U-критерия Манна—Уитни. Результаты расчетов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ экспериментальной и контрольной групп до эксперимента

Шкалы	Средние значения		Сумма рангов		U-критерий Манна — Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Экспериментальная	Контрольная	Экспериментальная	Контрольная		
Психологический климат в семье	15,3	12,7	274	191	71	0,089019
Подверженность манипуляциям	1,7	2,1	199,5	265,5	79,5	0,177647
Самооценка	2,3	0,4	272,5	192,5	72,5	0,101343
Критическое мышление	5,7	4,5	266	199	79	0,171070

Таким образом, в ходе количественного анализа исходного замера в экспериментальной и контрольной группах не выявлено различий между диагностируемыми показателями: «Психологический климат в семье» ($U_{\text{эмп}}=71$), «Подверженность манипуляциям» ($U_{\text{эмп}}=79,5$), «Самооценка» ($U_{\text{эмп}}=72,5$), «Критическое мышление» ($U_{\text{эмп}}=79$). Экспериментальная и контрольная группы до проведения авторской программы являются равномерными и обладают схожим уровнем изучаемых показателей.

В ходе коррекционного блока была проведена авторская программа, направленная на предупреждение вовлечения молодежи в религиозные и культовые организации через интернет-пространство.

После проведения авторской программы в экспериментальной группе был осуществлен итоговый замер. Динамика изменения средних значений представлена на рис. 5—8.

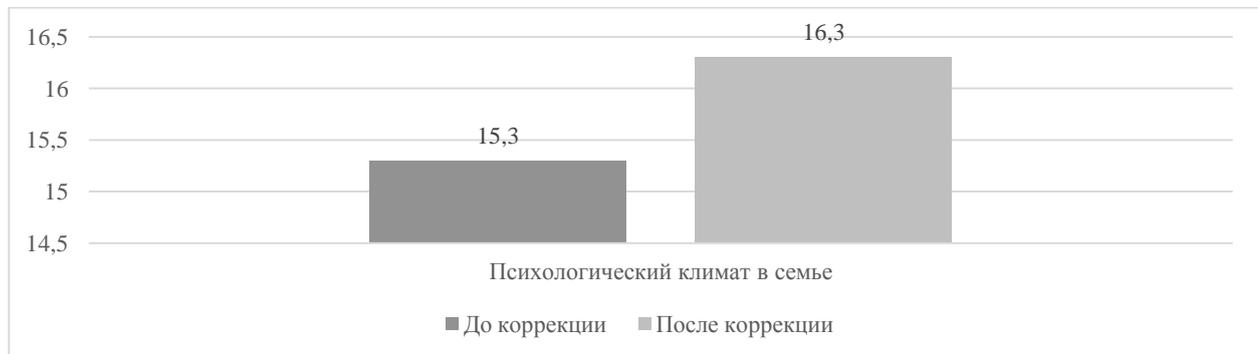

Рис. 5. Результаты методики «Психологический климат семьи» В.В. Бойко в экспериментальной группе до и после проведения эксперимента

На рис. 5 видно, что среднее значение по шкале «Психологический климат в семье» повысился и составляет 16,3, что соответствует неопределенному типу психологического климата в семье.

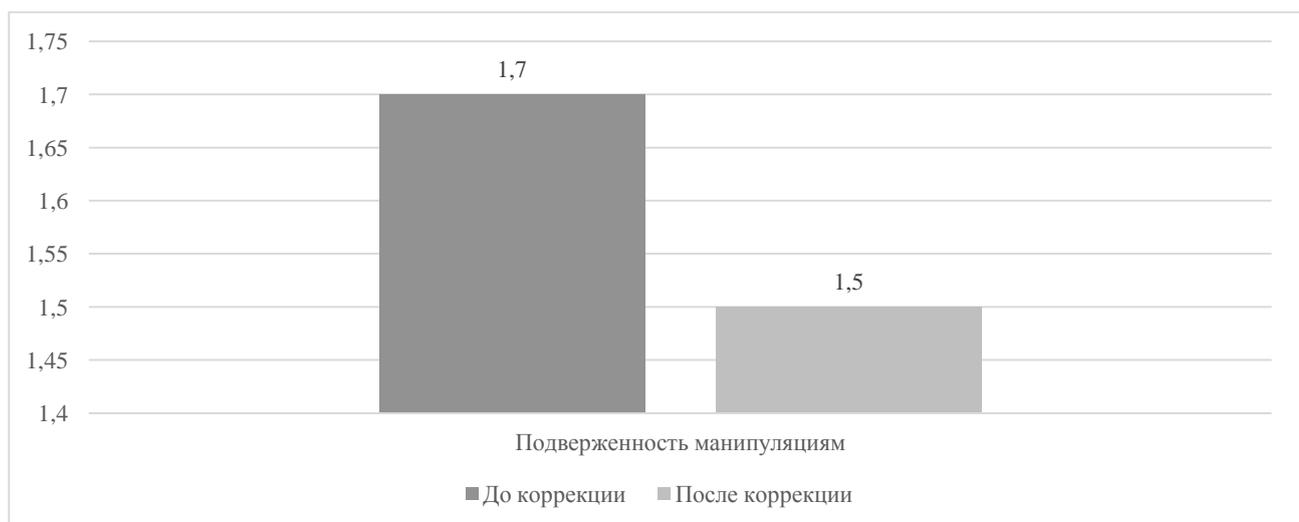

Рис. 6. Результаты методики «Степень вашей незащищенности от манипуляций» Е.А. Тарасова в экспериментальной группе до и после проведения эксперимента

Таким образом, на рис. 6 видно, что среднее значение по шкале «Подверженность манипуляциям» понизилось и составляет 1,5, что соответствует высокому уровню защиты от манипуляций, который является выше, чем был при исходном замере.

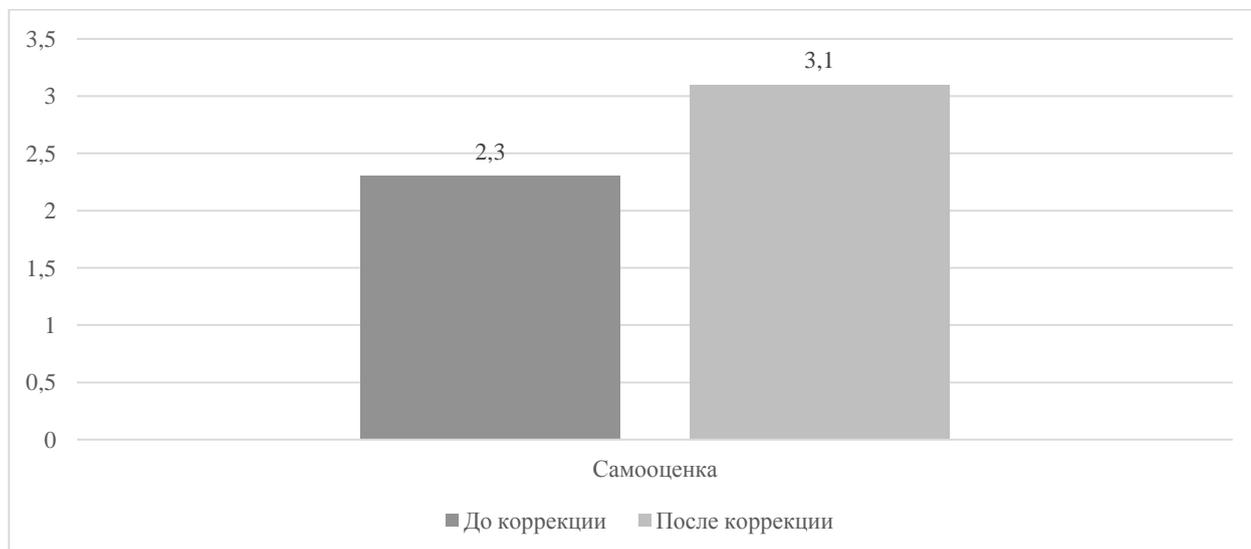

Рис. 7. Результаты методики «Изучение общей самооценки» Г.Н. Казанцевой в экспериментальной группе до и после проведения эксперимента

На рис. 7 видно, что среднее значение по шкале «Самооценка» повысилось и составляет 3,1, что соответствует среднему уровню самооценки и исходному замеру.

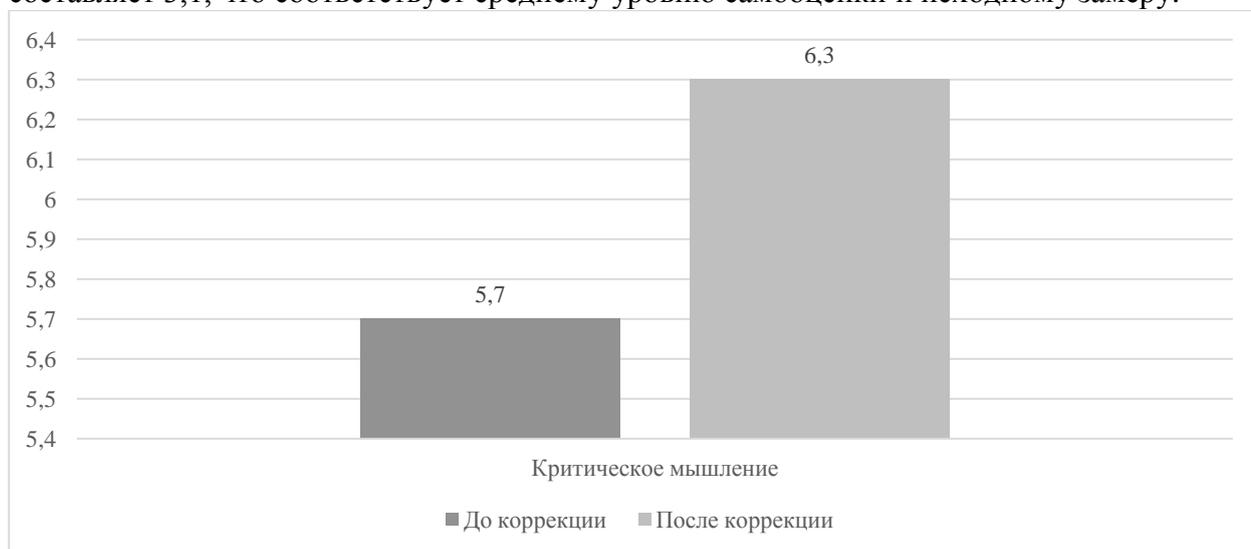

Рис. 8. Результаты методики «Критическое мышление» Л. Старки в экспериментальной группе до и после проведения эксперимента

Таким образом, на рис. 8 видно, что среднее значение по шкале «Критическое мышление» повысилось и составляет 6,3, что соответствует среднему уровню критического мышления и исходному замеру.

После проведения авторского курса на экспериментальной группе средние значения по диагностируемым показателям изменились. Для оценки значимости различий до и после коррекции в контрольной группе был использован Т-критерий Вилкоксона. Результаты

расчетов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ экспериментальной группы до и после эксперимента

Шкалы	Средние значения		Т-критерий Вилкоксона
	До коррекции	После коррекции	
Психологический климат в семье	15,3	16,3	8,5
Подверженность манипуляциям	1,7	1,5	13
Самооценка	2,3	3,1	10
Критическое мышление	5,7	6,3	4,5

Таким образом, по результатам сравнительного анализа диагностических результатов в экспериментальной группе до и после эксперимента значимые различия были выявлены по шкалам: «Психологический климат в семье» ($T_{эмп}=8,5$), «Подверженность манипуляциям» ($T_{эмп}=13$), «Самооценка» ($T_{эмп}=10$), «Критическое мышление» ($T_{эмп}=4,5$).

В контрольной группе занятий не проводилось. Но также были проведены замеры через некоторое время (после реализации программы в экспериментальной группе).

В контрольной группе были получены следующие результаты, представленные на рис. 9—12.

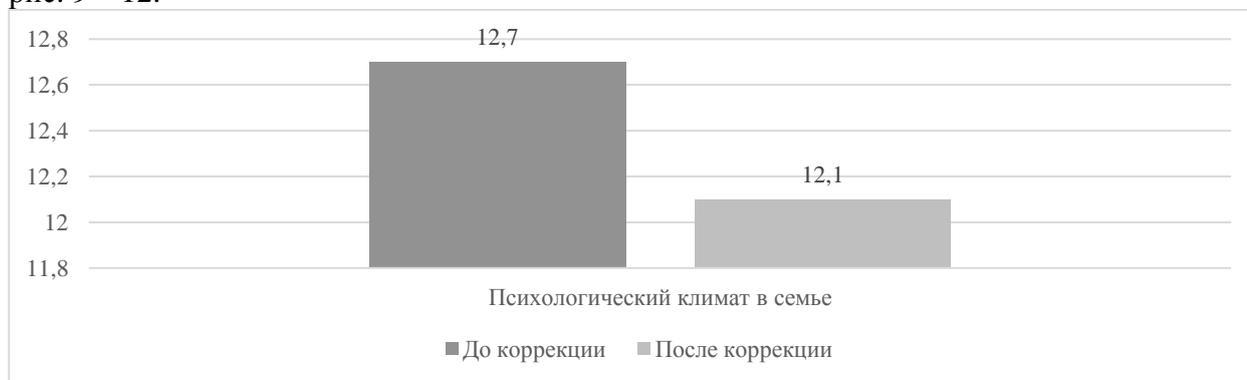

Рис. 9. Результаты методики «Психологический климат семьи» В.В. Бойко в контрольной группе до и после проведения эксперимента

Таким образом, на рис. 9 видно, что итоговый замер показал, что среднее значение по шкале «Психологический климат» понизилось и составляет 12,1, что соответствует неопределенному типу психологического климата в семье и исходному замеру.

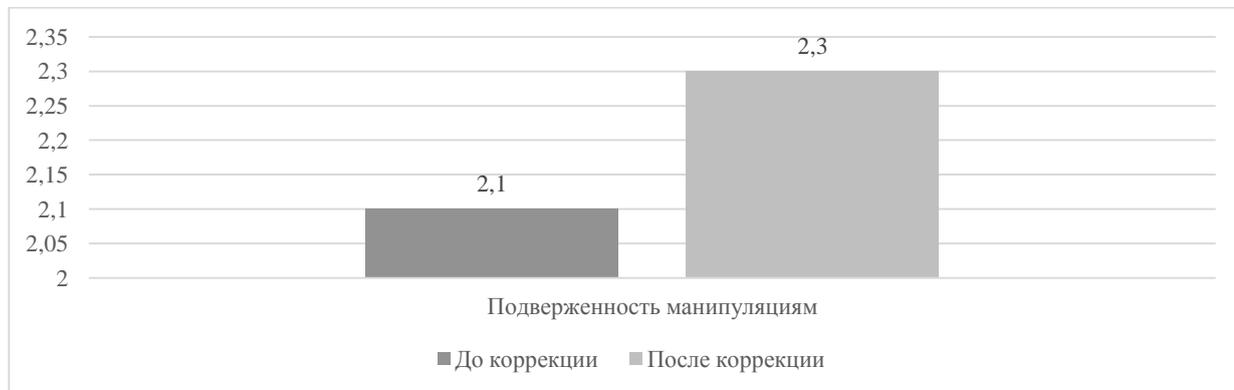

Рис. 10. Результаты методики «Степень вашей незащищенности от манипуляций» Е.А. Тарасова в контрольной группе до и после проведения эксперимента

На рис. 10 видно, что итоговый замер показал, что среднее значение по шкале «Подверженность манипуляциям» повысился и составляет 23,3, что соответствует среднему уровню подверженности манипуляциям и исходному замеру.

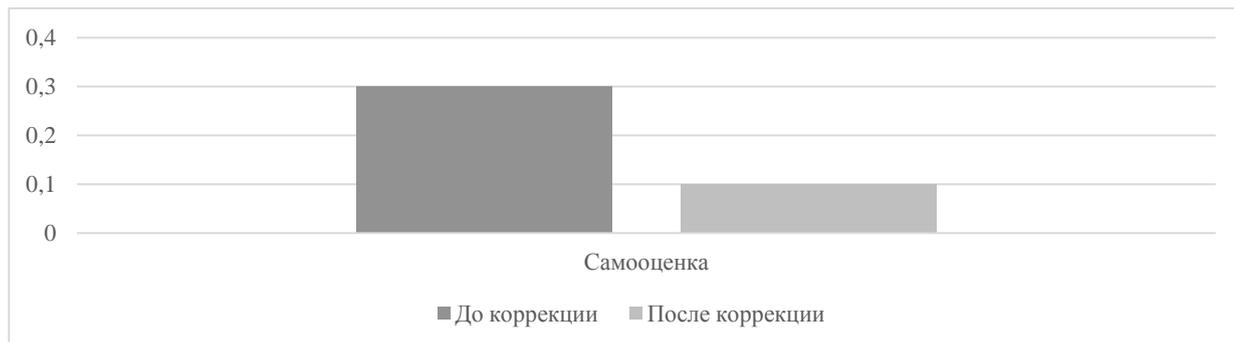

Рис. 11. Результаты методики «Изучение общей самооценки» Г.Н. Казанцевой в контрольной группе до и после проведения эксперимента

Таким образом, на рис. 11 видно, что, итоговый замер показал, что среднее значение по шкале «Самооценка» понизилось и составляет 0,1, что соответствует среднему уровню самооценки и исходному замеру.

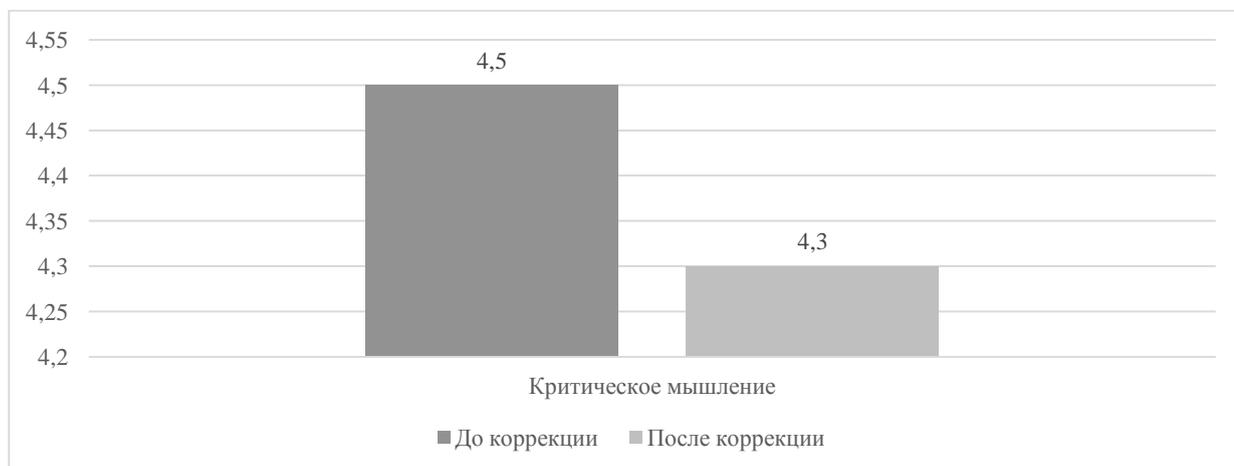

Рис. 12. Результаты методики «Критическое мышление» Л. Старки в контрольной группе до и после проведения эксперимента

Таким образом, на рис. 12 видно, что итоговый замер показал, что среднее значение по шкале «Критическое мышление» понизилось и составляет 4,2, что соответствует среднему уровню критического мышления и исходному замеру.

Для оценки значимости различий до и после коррекции в контрольной группе был использован Т-критерий Вилкоксона. Результаты расчетов представлены в табл. 3.

Таблица 3

Шкалы	Средние значения		Т-критерий Вилкоксона
	До коррекции	После коррекции	
Психологический климат в семье	12,7	12,1	84
Подверженность манипуляциям	2,1	2,3	42
Самооценка	0,4	0,1	54
Критическое мышление	4,5	4,4	42

Таким образом, по результатам сравнительного анализа диагностических результатов в контрольной группе до и после эксперимента значимые различия были не выявлены по шкалам: «Психологический климат в семье» ($T_{эмп}=84$), «Подверженность манипуляциям» ($T_{эмп}=42$), «Самооценка» ($T_{эмп}=54$), «Критическое мышление» ($T_{эмп}=42$).

Для того чтобы доказать эффективность авторской программы, необходимо провести сравнительный анализ экспериментальной и контрольной групп после проведения эксперимента. Диагностические результаты представлены на рис. 13—16.

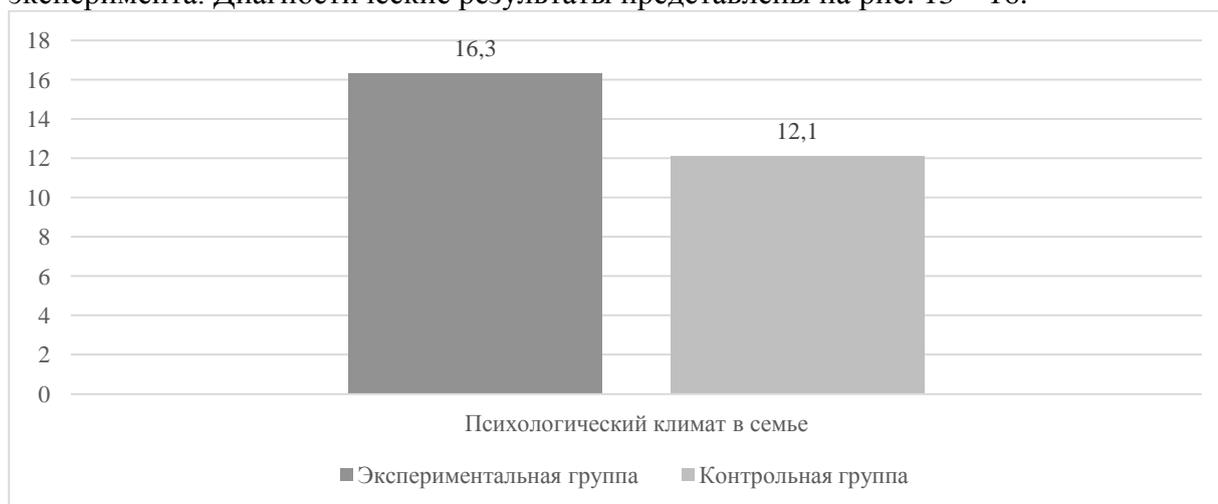

Рис. 13. Результаты методики «Психологический климат семьи» В.В. Бойко в экспериментальной и контрольной группах (итоговый замер)

По рис.13 видно, что в экспериментальной группе среднее значение по шкале «Психологический климат в семье» составляет 16,3, что характеризует неопределенный тип психологического климата в семье. В контрольной группе при итоговом замере среднее значение по шкале «Психологический климат в семье» составляет 12,1, что характеризует неопределенный тип психологического климата в семье.

По рис. 14 видно, что в экспериментальной группе при итоговом замере по шкале «Защита от манипуляций» среднее значение составляет 1,5, что характеризует высокий уровень защиты от манипуляций. В контрольной группе при итоговом замере среднее значение по шкале «Подверженность манипуляция» составляет 2,3, что характеризует средний уровень защиты от манипуляций.

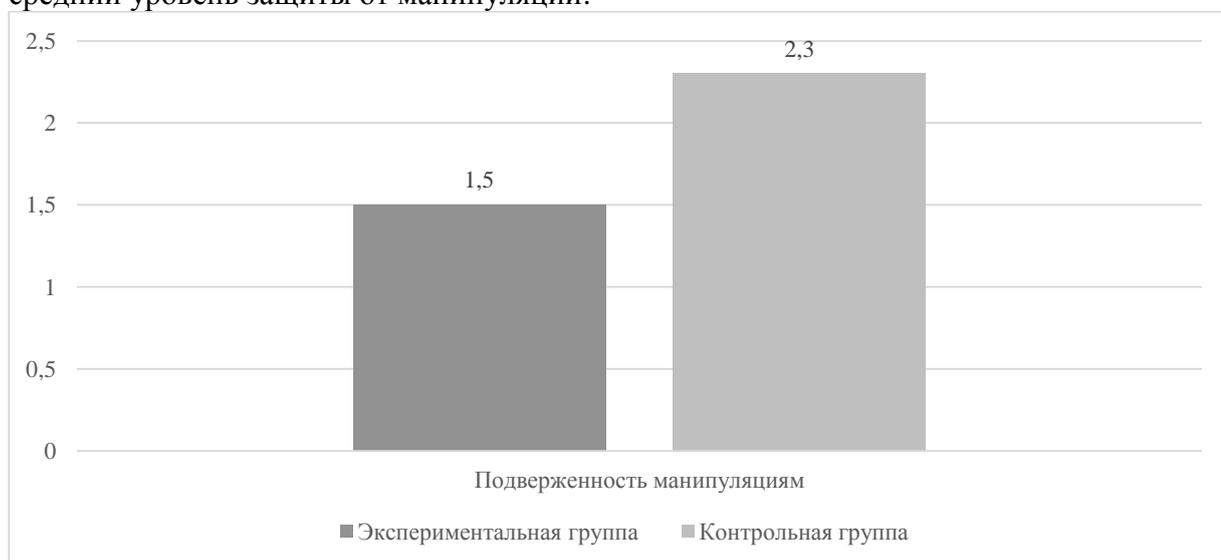

Рис. 14. Результаты методики «Степень вашей незащищенности от манипуляций» Е.А. Тарасова в экспериментальной и контрольной группах (итоговый замер)

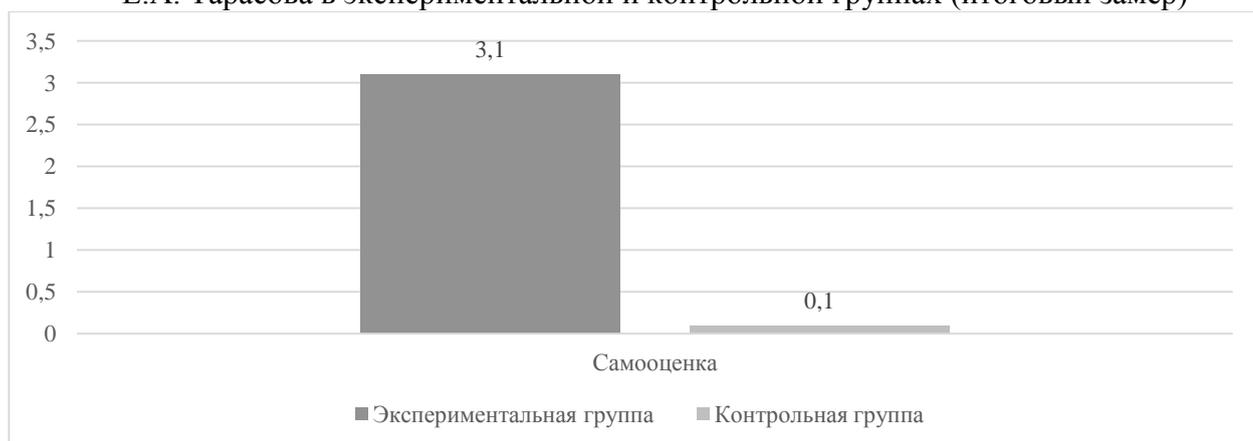

Рис. 15. Результаты методики «Изучение общей самооценки» Г.Н. Казанцевой в экспериментальной и контрольной группах (итоговый замер)

Таким образом, по рис. 15 видно, что в экспериментальной группе при итоговом

замере по шкале «Самооценка» среднее значение составляет 3,1, что характеризует средний уровень самооценки. В контрольной группе при итоговом замере среднее значение по шкале «Самооценка» составляет 0,1, что характеризует средний уровень самооценки.

На рис. 16 видно, что в экспериментальной группе при итоговом замере по шкале «Критическое мышление» среднее значение составляет 6,3, что характеризует средний уровень критического мышления. В контрольной группе при итоговом замере среднее значение по шкале по шкале «Критическое мышление» составляет 4,4, что характеризует средний уровень критического мышления.

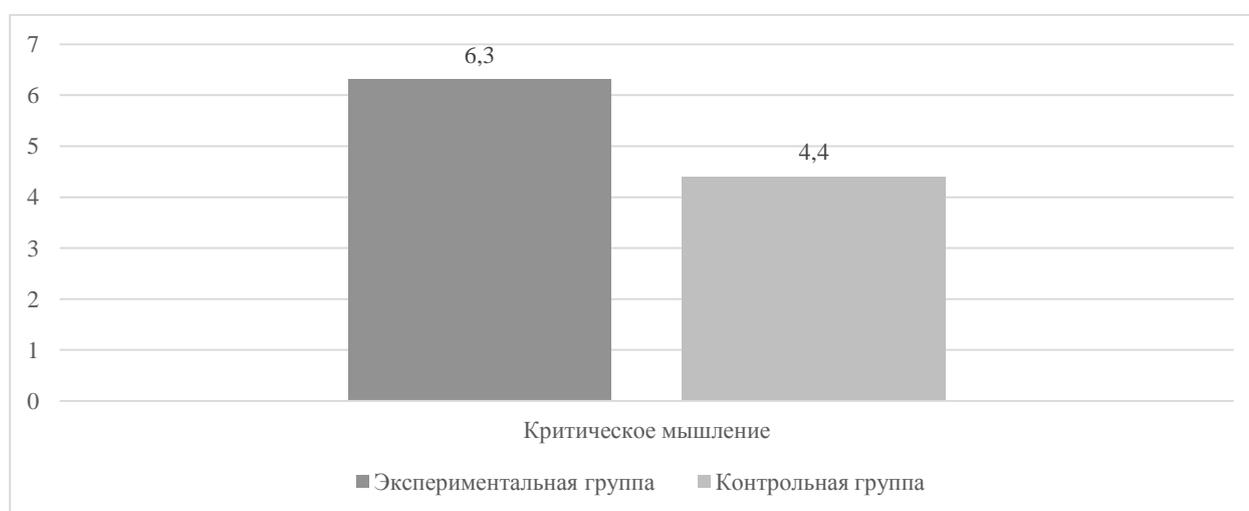

Рис. 16. Результаты методики «Критическое мышление» Л. Старки в экспериментальной и контрольной группах (итоговый замер)

Для оценки значимости различий после коррекции в экспериментальной и контрольной группах был использован метод U-критерия Манна—Уитни. Результаты расчетов представлены в табл. 4.

Таблица 4

Сравнительный анализ экспериментальной и контрольной группы после эксперимента

Шкалы	Средние значения		Сумма рангов		U-критерий Манна—Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Экспериментальная	Контрольная	Экспериментальная	Контрольная		
Психологический климат в семье	16,3	12,1	290,5	174,5	54,5	0,017080
Подверженность манипуляциям	1,5	2,3	172	293	52	0,012822
Самооценка	3,1	0,1	291	174	54	0,016141
Критическое мышление	6,3	4,4	285,5	179,5	59,5	0,029437

По результатам сравнительного анализа диагностических результатов в экспериментальной и контрольной группах после эксперимента значимые различия были выявлены по шкалам: «Психологический климат в семье» ($U_{эмп}=54,5$), «Подверженность манипуляциям» ($U_{эмп}=52$), «Самооценка» ($U_{эмп}=54$), «Критическое мышление» ($U_{эмп}=59,5$).

Выводы

Таким образом, в ходе проведения авторской программы на экспериментальной группе были гармонизированы семейные отношения испытуемых. Уровень самооценки был увеличен, но остается в пределах нормы. Благодаря этому испытуемые стали более самостоятельны, уверены в себе. Уровень критического мышления испытуемых возрос; таким образом, испытуемые стали ставить под сомнения факты и не доверять любой информации сразу. Понижилась степень подверженности манипуляциям, что говорит о том, что испытуемые научились различать виды манипуляций и применять техники борьбы с ней.

Эффективность авторской программы была доказана благодаря сравнительному анализу в экспериментальной группе до и после коррекционного воздействия и сравнительному анализу экспериментальной и контрольной групп после проведенного эксперимента. Разработанная коррекционная программа является эффективной и обуславливает повышению личностных показателей, которые способствуют предупреждению вовлечения молодежи в религиозные и культовые организации через интернет-пространство.

На основании проведенного исследования разработанную авторскую программу по предупреждению вовлечения молодежи в религиозные и культовые организации можно использовать для проведения занятий в учебных заведениях с целью коррекции таких показателей, как защищенность от манипуляций, уровень самооценки, уровень критического мышления, а также психологический климат в семейных отношениях, помогающих противостоять вовлечению в религиозные и культовые организации через интернет-пространство.

Литература

1. *Акимова В.В., Миронова О.И.* Факторы вовлечения в религиозные организации и особенности индивидуальной структуры религиозности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2018. Том 17. № 4(149). С. 46—55. DOI: 10.17922/2071-5323-2018-17-4-46-55
2. *Илюк Е.В.* Деструктивная секта как «психологическая» тюрьма (методы вовлечения и изменения сознания в деструктивных сектах) // Виктимология. 2018. № 1(15). С. 50—57.
3. *Лиманских Е.С.* Механизмы воздействия на личность и последствия вовлечения в деструктивные религиозные организации // Материалы Всероссийской конференции с международным участием «Юридические клиники в системе оказания бесплатной юридической помощи РФ» (г. Шадринск, 08 декабря 2018). Шадринск: Шадринский государственный педагогический университет, 2018. С. 105—112.
4. *Лифтон Р.* Технология «промывки мозгов». Психология тоталитаризма. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. 578 с.
5. *Миронова О. И.* Психологические особенности молодых людей, вовлеченных в религиозные и культовые организации через интернет-пространство // Психология и право.

2020. № 3. С. 189-210.

6. *Монастырский В.А., Садовникова Ж.В.* Причины ухода, приемы заманивания и особенности психологического воздействия на молодежь в сектах // Вопросы воспитания. 2008. № 13. С. 107—121.

7. *Мухина Т.К.* Педагогическая профилактика вовлечения учащихся в деструктивные религиозные организации в общеобразовательных учреждениях. Владимир: Владимирский государственный университет, 2016. 72 с.

8. *Романов А.В.* Причины вовлечения в культовые религиозные группы // Известия Уральского государственного экономического университета. 2013. № 2(46). С. 137—142.

9. *Садовникова Ж.В.* Подготовка будущих социальных педагогов к профилактике вовлечения молодежи в религиозные секты: дисс. ... канд. пед. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2004. 193 с.

10. *Яковлева М.Г.* О теоретических основах педагогической профилактики вовлечения американской молодежи в деструктивные секты // Инновационные проекты и программы в образовании. 2016 № 6. С. 64—68.

11. *Coates D.D.* «Cult Commitment» from the Perspective of Former Members: Direct Rewards of Membership versus Dependency Inducing Practices // Deviant Behavior. 2012. № 33. P. 168—184.

12. *Coates D.D.* Counselling former members of charismatic groups: considering pre-involvement variables, reasons for joining the group and corresponding values // Mental Health, Religion and Culture. 2011. № 3. P. 191—207.

13. *Klenk M.* New Religious Movements in Global Perspective // Religionswissenschaft. 2012. № 7. P. 1—16.

14. *Lalich J.* Bounded Choice: True Believers and Charismatic Cults. London: University of California Press, 2004. 353 p.

15. *Mironova O., Akimova V., Ivanova O., Polyakova O.* Social and psychological factors of youth involvement in religious and cult organizations through the Internet / Proceedings 1st International Scientific Practical Conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (Volgograd, July 2019) // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Vol. 331. P. 481—487.

16. *Verma A., Verma M., Rahul T.M., Khurana S., Rai A.* Measuring accessibility of various facilities by walking in world's largest mass religious gathering — Kumbh Mela // Sustainable Cities and Society. 2019. № 45. P. 79—86.

References

1. Akimova V. V., Mironova O. I. Faktory vovlecheniya v religioznye organizatsii i osobennosti individual'noj struktury religioznosti [Factors of involvement in religious organizations and features of the individual structure of religiosity]. Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta [Scientific Notes of the Russian State Social University], 2018, vol. 17, no. 4 (149), pp. 46-55. DOI: 10.17922/2071-5323-2018-17-4-46-55

2. Il'yuk E.V. Destruktivnaya sekta kak «psihologicheskaya» tyur'ma (metody vovlecheniya i izmeneniya soznaniya v destruktivnyh sektah) [Destructive sect as a "psychological" prison (methods of involving and changing consciousness in destructive sects)]. Viktimologiya [Victimology], 2018, no. 1 (15), pp. 50-57.

3. Limanskih E.S. Mekhanizmy vozdejstviya na lichnost' i posledstviya вовлечения в destruktivnye religioznye organizacii [Mechanisms of influence on the personality and the consequences of involvement in destructive religious organizations]. *Materialy Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Yuridicheskie kliniki v sisteme okazaniya besplatnoj yuridicheskoj pomoshchi RF» (g. SHadrinsk, 08 dekabrya 2018g.)* [Proceedings of the All-Russian conference with international participation "Legal clinics in the system of providing free legal aid to the Russian Federation"]. SHadrinsk: SHadrinskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. 2018, pp. 105-112.
4. Lifton R. Tekhnologiya «promyvki mozgov». Psihologiya totalitarizma [Technology "brainwashing". The psychology of totalitarianism.]. SPb.: Praym-EVROZNAK, 2005, pp. 578.
5. Mironova O. I. Psihologicheskie osobennosti molodyh lyudej, вовлеченных в religioznye i kul'tovye organizacii cherez internet-prostranstvo [Psychological characteristics of young people involved in religious and cult organizations through the Internet space] // *Psihologiya i pravo* [Psychology and Law], 2020, no. 3, pp.189-210.
6. Monastyrskij V.A., Sadovnikova ZH.V. Prichiny uhoda, priemy zamanivaniya i osobennosti psihologicheskogo vozdejstviya na molodezh' v sektah [Reasons for leaving, methods of luring and peculiarities of psychological impact on young people in sects]. *Voprosy vospitaniya* [Issues of education], 2008, no. 13, pp. 107-121.
7. Muhina T.K. Pedagogicheskaya profilaktika вовлечения uchashchihsya v destruktivnye religioznye organizacii v obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdeniyah [Pedagogical prevention of the involvement of students in destructive religious organizations in educational institutions]. Vladimir: Vladimirskij Gosudarstvennyj Universitet, 2016. 72 p.
8. Romanov A.V. Prichiny вовлечения в kul'tovye religioznye gruppy [Reasons for involvement in cult religious groups]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [News of the Ural State Economic University.], 2013, no. 2 (46), pp. 137-142.
9. Sadovnikova ZH.V. Podgotovka budushchih social'nyh pedagogov k profilaktike вовлечения molodezhi v religioznye sekty [Preparation of future social educators for the prevention of youth involvement in religious sects]. Diss. ... kand. ped. nauk. Tambov: Tambovskij gosudarstvennyj universitet imen G.R. Derzhavina, 2004. 193 p.
10. YAkovleva M.G. O teoreticheskikh osnovah pedagogicheskoy profilaktiki вовлечения amerikanskoj molodyozhi v destruktivnye sekty [On the theoretical foundations of pedagogical prevention of the involvement of American youth in destructive sects]. *Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii* [Innovative projects and programs in education], 2016, no. 6, pp. 64-68.
11. Coates D.D. «Cult Commitment» from the Perspective of Former Members: Direct Rewards of Membership versus Dependency Inducing Practices [«Cult Commitment» from the Perspective of Former Members: Direct Rewards of Membership versus Dependency Inducing Practices]. *Deviant Behavior*[Deviant Behavior], 2012, no. 33, pp. 168-184.
12. Coates D.D. Counselling former members of charismatic groups: considering pre-involvement variables, reasons for joining the group and corresponding values [Counselling former members of charismatic groups: considering pre-involvement variables, reasons for joining the group and corresponding values]. *Mental Health, Religion and Culture* [Mental Health, Religion and Culture], 2011, no. 3, pp. 191-207.
13. Klenk M. New Religious Movements in Global Perspective [New Religious Movements in Global Perspective]. *Religionswissenschaft* [Religionswissenschaft], 2012, no. 7, pp. 1-16.

14. Lalich J. Bounded Choice: True Believers and Charismatic Cults [Bounded Choice: True Believers and Charismatic Cults]. London: University of California Press, 2004. 353 p.

15. Mironova O., Akimova V., Ivanova O., Polyakova O. Social and psychological factors of youth involvement in religious and cult organizations through the Internet [Social and psychological factors of youth involvement in religious and cult organizations through the Internet]. Proceedings 1st International Scientific Practical Conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" [Social and psychological factors of youth involvement in religious and cult organizations through the Internet]. (g. Volgograd, July 2019). Advances in Social Science, Education and Humanities Research [Advances in Social Science, Education and Humanities Research], 2019, vol. 331, pp. 481-487.

16. Verma A., Verma M., Rahul T.M., Khurana S., Rai A. Measuring accessibility of various facilities by walking in world's largest mass religious gathering — Kumbh Mela [Measuring accessibility of various facilities by walking in world's largest mass religious gathering — Kumbh Mela]. Sustainable Cities and Society [Sustainable Cities and Society], 2019, no. 45, p. 79-86.

Информация об авторах

Миронова Оксана Ивановна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: [e-mail: mironova_oksana@mail.ru](mailto:mironova_oksana@mail.ru)

Information about the authors

Mironova Oksana Ivanovna, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: [e-mail: mironova_oksana@mail.ru](mailto:mironova_oksana@mail.ru)

Получена 30.09.2020

Принята в печать 12.05.2021

Received 30.09.2020

Accepted 12.05.2021

Психология участников уголовного судопроизводства: копинг-стратегия потерпевшего

Андрианов М.С.

НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7426-8219>, e-mail: andrianov@nextmail.ru

В статье обосновывается необходимость развития теории психологии потерпевшего — важного участника уголовного судопроизводства. Предлагается при анализе его поведения в ходе судебного разбирательства использовать понятие «совладающее поведение», выступающее в качестве специфического психологического механизма и частного случая единого процесса саморегуляции активности человека — средства осознанной адаптации, поиска личностной позиции и обдуманной последовательности определенных действий по преодолению травмирующих обстоятельств. Рассмотрены основные типы стратегий совладания с эмоциями и переживаниями последствий неблагоприятных жизненных событий и стрессовых ситуаций. Постулируется: доминирующая копинг-стратегия выступает промежуточным звеном между наблюдаемым поведением потерпевшего и его глубинными личностными характеристиками. Показано, что знание, понимание и учет такой ведущей стратегии поведения потерпевшего позволяют выносить обоснованные суждения о его личности, способствуют установлению психологического контакта, конструктивному взаимодействию с ним и, таким образом, повышают эффективность уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: психология участников уголовного судопроизводства, эмоциональное состояние жертвы преступления, совладающее поведение потерпевшего, доминирующая копинг-стратегия, психологический контакт и взаимодействие с потерпевшим.

Для цитаты: *Андрианов М.С.* Психология участников уголовного судопроизводства: копинг-стратегия потерпевшего [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 178–192. DOI: [10.17759/psylaw.2021110213](https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110213)

Psychology of Participants in Criminal Proceedings: the Coping-Strategy of the Aggrieved Party

Mikhail S. Andrianov

Research Institute of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7426-8219>, e-mail: andrianov@nextmail.ru

The article substantiates the need to develop a theory of the psychology of the aggrieved party - an important participant in criminal proceedings. When analysing that person's behavior during criminal proceedings it is suggested to use the concept of "coping behavior", serving as a specific psychological mechanism and a manifestation of a general process of individual self-regulation of activity, that is, the means of conscious adaptation, seeking for personality attitude and reasoned sequence of certain actions to overcome the traumatic circumstances. The major types of strategies for coping with emotions and negative effects of adverse and stressful life situations have been discussed. It is postulated that the leading coping-strategy acts as a mediator between the observed behavior of the aggrieved person and his/her underlying personality characteristics. It has been shown that knowledge, understanding and awareness of such leading behavioral strategy of an aggrieved individual make it possible to have reasoned judgements of his/her personality, facilitate establishing a psychological contact, having positive interaction with him/her and thereby improve the efficiency of criminal proceedings.

Keywords: psychology of the participants in criminal proceedings, emotional state of a crime victim, coping behavior of an aggrieved party, leading coping-strategy, psychological contact and communication with an aggrieved person

For citation: Andrianov M.S. Psychology of Participants in Criminal Proceedings: the Coping-Strategy of the Aggrieved Party. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 178–192. DOI:10.17759/psylaw.2021110213(In Russ.).

В настоящее время судебная психология обладает обширным опытом научно-практических исследований и большим объемом выявленных в их ходе знаний о психологии и поведении всех участников судебного разбирательства, а также важнейших психологических закономерностей данного процесса. Тем не менее, нельзя не отметить, что в научно-методической и учебной литературе, посвященной собственно психологии участников уголовного судопроизводства, одной процессуальной фигуре — потерпевшему, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания, либо особенности его поведения в суде освещаются довольно формально.

Значительная часть знаний по психологии потерпевшего относится к описанию особенностей взаимодействия с ним при расследовании преступления и выяснения обстоятельств уголовного дела, а также прояснению виктимологических аспектов его поведения, во многих случаях причинно связанного с преступлением [9; 14; 27]. При этом подчеркивается, что отличительной психологической характеристикой потерпевшего является его эмоциональная реакция на преступное посягательство и переживание произошедшего. Очевидно, это сказывается на поведении жертвы преступления, в частности, на запоминании им подробностей события и способности рассказать о них другим людям, в том числе расследующим преступление. Именно поэтому в литературе главный акцент делается на описании влияния эмоций на сознание и мышление потерпевшего.

Оценка состояния потерпевшего во многом определяет тактику и стратегию следствия, а также взаимодействие с ним профессиональных участников уголовного судопроизводства. Однако обратной стороной такого, в целом вполне оправданного, акцента на

«эмоциональной нестабильности» жертвы преступления становится формирование некоего профессионального представления о потерпевшем как таковом, выступающего в виде психологической установки [2; 7]. Это, по сути негативное, представление — предубеждение к нему (часто даже опережающее непосредственное знакомство с конкретным человеком), ожидание от него определенного поведения и отведение ему роли исключительно пассивного участника процесса, зависимого от действий профессионалов.

Между тем современное понимание предназначения уголовного судопроизводства в России существенно изменило его приоритеты: сейчас это не только борьба с преступностью, а, в первую очередь, инструмент в защите прав человека [31]. Соответственно, изменяется и социально-правовая позиция потерпевшего: теперь он активный участник уголовного процесса — гражданин, который законным образом отстаивает свои нарушенные права и, таким образом, препятствует преступной деятельности. В этом контексте, очевидно, остро возрастает актуальность, в первую очередь, теоретической проработки психологии потерпевшего и использования имеющихся психологических знаний при анализе особенностей его поведения непосредственно в процессе судебного разбирательства [3; 22]. Именно это позволит обеспечить индивидуальный подход к данной процессуальной фигуре, свободный от профессионально обусловленных установок или других стереотипных представлений, что особенно важно для успешного расследования преступления, его правильной квалификации, принятия законного, обоснованного и справедливого решения.

Анализ практики современного уголовного судопроизводства показывает, что участие потерпевшего в процессе часто носит формальный характер. Кроме того, нельзя не отметить, что в российских судах прочно обосновалось рассмотрение дел в особом порядке, регламентированном гл. 40 УПК РФ [6]. При этом специалисты-правоведы констатируют наличие серьезных проблем с обеспечением прав потерпевшего при таком порядке рассмотрения уголовных дел [5]. Между тем право потерпевшего на доступ к правосудию означает возможность отстаивать свою позицию относительно всех аспектов дела, защищать собственные права и интересы, гарантией реализации которых является именно его активное участие в правоотношениях [11].

Однако на практике нередки случаи, когда чувства удовлетворенности судебным процессом и убежденности в восстановлении социальной справедливости у потерпевшего не возникает, что вызывает и недоверие к правосудию в целом. Собственно, такое положение дел во многом обусловлено наличием определенных предубеждений к потерпевшему не только в общественном мнении, но и в профессиональном сознании тех, кто это правосудие осуществляет, а также является следствием недостаточного внимания к этой персоне со стороны профессиональных участников судопроизводства и отсутствия достаточных знаний по организации взаимодействия с ним в ходе судебных слушаний. Например, в специальной литературе подробно рассматривается тактика поддержания государственного обвинения, при этом основной акцент (что в целом оправдано) делается на построении версии обвинения, изучении личности подозреваемого и методике его допроса [10; 23]. Допросу свидетелей также уделяется немало места, а вот специфика получения показаний потерпевшего, особенно с учетом его личностных и поведенческих особенностей, на наш взгляд, освещается довольно слабо. Акцентируется в основном исключительно эмоциональный аспект поведения потерпевшего и способы установления контакта с ним с учетом данного фактора.

Действительно, жертва преступных посягательств испытывает целую гамму различных негативных эмоций. А пережитое состояние острой генерализации эмоциогенных воздействий неизбежно оставляет след в памяти и психике человека, сказывается в последующем на его поведении, поступках и образе жизни в целом. Нельзя не отметить, что, в целом, эмоции играют важную роль в жизни человека. Градация чувственных переживаний, как говорится «от любви до ненависти», широкий спектр разнообразных эмоций часто решающим образом определяют отношение к различным социальным объектам, а также восприятие событий и ситуаций. Практически каждый факт окружающей действительности вызывает у человека эмоциональный отклик, который, в свою очередь, сказывается на поведенческих реакциях и повседневном самоощущении индивида.

Вопреки довольно распространенному заблуждению, что эмоции исключительно негативно влияют на мышление и рациональное поведение, доказаны их важная роль в организации поведения и позитивное влияние на когнитивную сферу личности [28]. Но если человек испытывает некоторые эмоции длительное время, особенно в случае, когда они вызваны не реальным событием, а воспоминанием о нем (как это происходит у пережившего психологическую травму в результате преступных деяний), то подобная эмоциональная заикленность может мешать объективному восприятию действительности, создавая серьезные проблемы в общении и публичном поведении, вызывая затруднения в отношениях с ближним и дальним окружением. Соответственно, человек, оказавшийся в такой ситуации, в силу знаний и опыта, как своих, так и доверительного круга общения, пытается адаптироваться, ищет способы и приемы избавления от травмирующих переживаний.

При этом известно, что психика человека пластична и, каким бы ни было травмирующее событие, каждый так или иначе находит способ «принять» произошедшее, «успокоить» самого себя и справиться с негативными эмоциями или научиться овладевать ими с помощью различных средств. Таким образом, эмоциональное состояние жертвы преступления к началу судебного разбирательства (которое на практике обычно довольно отсрочено по времени), как правило, существенно отличается от того, каким оно было непосредственно после совершенного преступления и в последующие дни.

В психологии использование того или иного способа совладания с негативными переживаниями определяется как копинг-стратегия личности. Термин «копинг» (англ. *coping* — преодоление, психологическая адаптация; от *cope* — преодолевать, справляться, совладать) введен в оборот Р. Лазарусом (R.S. Lazarus) [35] для обозначения способов совладания детей с тревогой и стрессом, как «непрерывно меняющейся попытки в когнитивной и поведенческих сферах справиться со специфическими внешними или внутренними требованиями» [33, р. 59]. В настоящее время это понятие обозначает совокупность используемых индивидом различных линий поведения, позволяющих справиться с травмирующими обстоятельствами и внутренними их переживаниями [15; 16; 25; 30].

По сути, копинг-стратегия — это специфический психологический механизм и частный случай единого процесса осознанной саморегуляции активности и деятельности человека. Основу этого процесса составляют два аспекта: 1) структурно-функциональный — постановка и принятие цели, определение комплекса условий ее достижения, выработка программы действий и системы критериев достижения субъективно нужного результата, осуществление контроля и оценка результатов, определение необходимой коррекции действий и т. п.; 2) содержательно-психологический — привлечение и реализация в целях

саморегуляции доступных индивиду психологических средств (рефлексии и самосознания, интеллектуальных и творческих способностей, воображения, формирования целостного Я-образа и непротиворечивой внутренней «картины мира» и т. д.) и ресурсов (жизненного опыта, запаса жизненных сил, энергичности, моральной и физической стойкости, веры в себя и помощь окружающих и др.) [13]. При этом существует бесконечное многообразие и вариативность конкретного содержания существующих методов, путей и способов саморегуляции индивидуальной деятельности.

Таким образом, навыки и умения саморегуляции активности, как способы решения адаптивных задач и разрешения экстремальных, стрессовых ситуаций, обычно включены в широкий контекст целостной жизнедеятельности человека и усваиваются в процессе социализации [18; 20]. Соответственно, копинг-стратегия — это попытка человека осознать свое импульсивное или даже реактивное (мало зависящее от сознания и воли субъекта) поведение в прошлом, как «механический» отклик на внешние воздействия неизбежными и необратимыми реакциями. Это специальные усилия и действия, направленные на то, чтобы справиться с переживанием негативных жизненных событий, снизить их отрицательные последствия, стремление ослабить психологическое напряжение и облегчить самочувствие, стратегически определяя при этом свое поведение и поступки в будущем, как проектируемые и регулируемые. Главные цели таких действий: 1) устранение или видоизменение условий, породивших переживания; 2) управление смыслом переживаний для нейтрализации их проблемного характера (изменение способа видения ситуации и возникшей проблемы); 3) удержание эмоций и управление ими в возможных пределах.

Различных методов совладания существует довольно много. Как правило, каждый человек ищет и находит свой, иногда уникальный, способ, позволяющий регулировать свое эмоциональное состояние и обусловленное им поведение. Но все многообразие подобных способов, по сути, сводится к восьми основным *копинг-стратегиям* [19; 34]:

поиск поддержки — стремление обратиться за поддержкой к близким, друзьям и специалистам, а также усилия по поиску информационной, материальной, правовой или другой помощи. Однако нельзя не отметить, что целью в данном случае является не столько поиск «выхода из ситуации», сколько стремление справиться со своими эмоциями (отличительная черта всех копинг-стратегий) и желание избежать ситуации остаться «один на один» со своими переживаниями, «разделить» их с окружающими, что впоследствии может приобрести характер некой зависимости и мешать конструктивному разрешению проблемы;

самоконтроль — стремление регулировать собственные чувства и действия, усилия по овладению эмоциями, вплоть до подавления их, чтобы перейти к независимым от них разумным действиям, а также попытка «гасить» эмоции во всех сложных (опасных) жизненных ситуациях;

позитивная переоценка — стремление увидеть в ситуации свои положительные стороны, попытка интерпретации (которая, однако, не всегда рациональна) обстановки в позитивных терминах и для извлечения «выводов» из пережитого;

планирование — попытка выработки плана выхода из ситуации, довольно скрупулезного и последовательного, при этом выражено стремление следовать ему, четко придерживаясь продуманных действий;

принятие ответственности — оценка и принятие своих собственных ошибок как данность, способность увидеть действия и причины, способствовавшие складыванию

ситуации, свою роль в произошедшем и стремление не повторять прежних ошибок;

откладывание ответственности — стремление дистанцироваться, отделить себя от проблемы, «забыть» о ней, а также попытки решения других проблем «на расстоянии», надежда, что возникающее при этом напряжение рано или поздно пройдет;

конфронтация — жесткое, иногда ожесточенное противостояние между человеком и сложившейся ситуацией, а также окружающими. Применяется как агрессивный ответ обстоятельствам, проявление неприязни и гнева — человек воспринимает ситуацию и ее участников враждебно;

уклонение — пассивная попытка ухода от проблем, часто просто их избегание и игнорирование, своего рода это «побег» от реальности; «вина» за поступки и принятие ситуативного решения переносится на кого-либо другого.

Очевидно, что выбор каждой конкретной стратегии зависит от многих факторов: обстоятельств самой проблемной ситуации; глубины и специфичности переживаний; интеллектуальных, эмоциональных, волевых и других психологических ресурсов человека; индивидуальных особенностей и способностей (например, от личностных диспозиций: активности или пассивности, оптимизма и пессимизма, самооценки и силы стойкости, локуса контроля и т. д.), социальной зрелости; знакомства индивида с их возможным репертуаром, принятом в данном сообществе или в конкретной семье и т. д. [8; 17; 24].

Восемь указанных типов копинг-стратегий охватывают совершенно разные диспозиции личности, часто они кажутся взаимоисключающими, но индивид может опробовать и те типы копинга, которые обычно ему не характерны, до тех пор, пока не определится с *доминирующей* линией поведения в конкретной жизненной ситуации. Таким образом, человек в стрессовой ситуации может использовать различные стратегии, выбирая ту, которая максимально возможно позволяет справиться с душевным волнением и последствиями переживаний. Копинг — это динамический процесс внутренней подстройки к ситуации, совладания с травмирующими факторами.

Надо четко отграничивать копинг-стратегию от феномена психологической защиты (хотя внешне они часто выглядят схожими), которая является пассивной, часто слабо осознаваемой реакцией человека на опасную для личности ситуацию, и, как правило, однотипна для разных случаев. Нельзя отождествлять ее и с тем или иным эмоциональным переживанием, отреагированием, тем более что во многих случаях копинг-стратегия — это попытка как раз и справиться с подобным переживанием, и, так сказать, «овладеть» собой, «вырваться» из власти дряхлящих во времени эмоций, сохранить внутреннее равновесие, личностную целостность и психологическую устойчивость. Это осознанная последовательность определенных действий (внешних и внутренних) — специальная внутренняя работа.

Таким образом, копинг-стратегия может быть довольно хорошо и тщательно продумана человеком, поскольку осознанность и активность — основа саморегуляции. Но в реальности цель совладающего поведения, как правило, не представляется достаточно четкой и ясной, как это возможно в ходе выполнения любой конкретной деятельности в соответствии с планом. Здесь конечный результат не определен, задача — лишь в какой-то мере ослабить напряжение и избавиться от страданий. Понятно, что окончательного ее решения не существует. К тому же новые жизненные ситуации могут принести новые негативные эмоции, а избранная линия копинг-поведения оказаться не эффективной. Но, тем не менее, некая совладающая стратегия страдающему человеку требуется постоянно.

Такая, в целом позитивная, деятельность, во-первых, в большей степени именно намерение, стремление двигаться в определенном направлении, потому и называется стратегией; во-вторых, она может быть довольно вариативной, а не жестко обусловленной, окончательно выбранной линией действий. Кроме того, не всегда и уж тем более не все стратегии, облегчая самочувствие человека, могут оказаться продуктивными и привести к полному освобождению от патогенных эмоций. При этом задача совладания направлена на желание сохранить свою личность целостной любой ценой, даже если его копинг-стратегии не одобряют окружающие, поскольку некоторые из них могут иметь *асоциальный* характер [21; 29]. Но это продуманная линия поведения — целенаправленная деятельность как попытка преодоления травмирующих обстоятельств.

Собственно, этот факт и делает копинг-стратегию важным *понятием* юридической психологии [26; 29] и особенно ее раздела — судебной психологии, в частности, при анализе психологии потерпевшего как участника судебных разбирательств [22]. Сам факт сообщения потерпевшего в правоохранительные органы о совершенном преступлении, либо обращения в суд, равно как и отказ от такого обращения, сокрытие преступных действий, по сути, также являются копинг-стратегиями, так сказать, второго порядка по отношению к вышеперечисленным.

Таким образом, среди мотивов обращения потерпевшего к правоохранителям и его ожиданий от судебного решения (исполнение акта возмездия, препятствие преступной деятельности, восстановление нарушенных прав и социальной справедливости, получение моральной и материальной компенсации и др.) нужно выделять еще и стремление человека получить определенную психологическую «реабилитацию» в своих глазах и в глазах общества, поскольку переживание полученной психотравмы нередко приводит потерпевшего к потере чувства собственного достоинства и ощущению некой социальной «ущербности», либо стигматизации. Отстаивая законным способом свои права в суде, потерпевший в определенном роде надеется восстановить свою репутацию, «положение» в обществе, а также пытается «вернуть» целостность своей личности, приобрести эмоциональную стабильность и уверенность в себе. То есть это ничто иное, как один из способов совладающего поведения.

Компетентный юрист-практик на основе наблюдения за поведением человека способен довольно точно выявлять его характер, другие психологические особенности, и, таким образом, делать предположения о структуре и содержании его личности. Однако личность человека — довольно сложное образование, поэтому случаи ошибочных суждений о ней бывают даже у профессионалов, особенно при недостатке информации. Замечаемые поведенческие реакции человека в ситуации, требующей эмоционального напряжения (таковой, безусловно, являются судебные слушания), в первую очередь, «говорят» о его предпочитаемой стратегии совладения со стрессом, поскольку именно вокруг нее и группируются, а вот знание и понимание линии копинг-поведения позволит сделать выводы и о его отдельных личностных особенностях, и о личности в целом [4]. Соответственно, копинг-стратегия становится промежуточным звеном между наблюдаемым поведением человека и его глубинными личностными характеристиками.

Доминирующая линия совладающего поведения потерпевшего для внимательного наблюдателя довольно быстро определяется при контактах с ним и в определенном смысле свидетельствует о содержании, качестве и глубине переживаемых человеком эмоций, а также его знаниях, навыках и опыте преодоления травмирующих факторов, присущих ему

личностных особенностей и т. п. Она, таким образом, может выполнять условно диагностические функции для всех контактирующих с ним, поскольку каждая из них обычно соответствует определенной диспозиции личности, демонстрируя основные характеристики и качества. А поскольку это вполне осознанная деятельность потерпевшего, то понимание ее задает ориентиры для организации коммуникации с ним профессиональным участникам судебного разбирательства, либо в русле выбранной стратегии, либо с учетом ее и значительно облегчает взаимодействие с ним.

Как правило, потерпевший в своих высказываниях в суде (например, при даче показаний или в ходе прения сторон) стремится сообщить об испытываемых переживаниях и обязательно так или иначе декларирует свою копинг-стратегию, даже если это выходит за рамки протокольных требований и формального ответа на вопросы участников слушаний. Кроме того, она может быть выявлена в результате наблюдения за его неречевым поведением — это проявляется уже в его внешнем облике, в позе, мимике, жестикуляции и т. п. [4]. На знаки невербального общения профессиональные участники уголовного процесса должны обращать повышенное внимание, тем более что умение их интерпретировать входит в понятие коммуникативной компетенции и является профессиональным требованием.

Здесь, однако, нужно высказать следующее предостережение. Популярной литературы, посвященной описанию «языка тела», сегодня встречается немало. Именно к ней часто обращаются те, кто хочет приобрести знания об этой стороне общения. В таких источниках обычно приводится множество разнообразных, но при этом достаточно простых и однозначных интерпретаций, например: экспрессии типа «прячет глаза, отводит взгляд», равно как и «мнется, прячет руки, скрещивает их или хватается ими за части тела, одежды» означают, что человек не уверен в себе и в своих высказываниях, волнуется, сомневается, возможно, говорит неправду, пытается овладеть собой и т. п. Однако в реальности, в «живом» общении все далеко не так однозначно. Часто одно и то же выразительное движение у разных людей и в разных ситуациях означает совершенно другое, может быть даже прямо противоположное. Так, указанные выше знаки «языка тела» могут демонстрироваться намеренно, в целях маскировки и введения воспринимающего их в заблуждение. Поэтому делать вывод на основе только одного (или нескольких наиболее заметных «знаков»), толкование которых усвоено в процессе обучения невербальному языку) экспрессивного движения поспешно и часто ошибочно.

Более того, современные научные подходы к невербальной коммуникации доказывают, что значения большинства неречевых знаков можно определить только ситуативно и временно и только в приложении к конкретному человеку [1]. Однако это отнюдь не усложняет понимание других людей по их выразительным движениям (этому умению мы учимся с раннего возраста, тем более что основные стратегии совладания довольно просты и также формируются в детские годы, не случайно начало их изучения заложено в психологии детства) — опытный человек вполне успешно справится с такой задачей, — но предостерегает от поспешных выводов. Выносить же свои суждения, например, о доминирующей копинг-стратегии потерпевшего, надо на основе комплекса таких знаков, а также в соотношении их с его вербальными высказываниями.

Многие специалисты в области права и юристы-практики подчеркивают важность учета самочувствия потерпевшего и установления психологического контакта с ним [11; 12; 32]. Однако рекомендации по взаимодействию с ним имеют достаточно общий характер и при этом, как правило, практически не учитываются различия в личностях конкретных людей и

их поведенческих реакциях. В то время как очевидно, что методы и приемы налаживания контакта с человеком, демонстрирующим, например, копинг-стратегию принятия ответственности, малоэффективны, если потерпевший принятия ответственности, наоборот, избегает. А аналогичные коммуникативные приемы по отношению к человеку, настроенному на конфронтацию, будут восприняты им настороженно, даже могут быть расценены как манипулятивные и, в итоге, вызовут агрессивную реакцию.

Обычно каждый юрист-практик выстраивает взаимоотношения с жертвой преступления, опираясь на имеющиеся у него личный жизненный опыт и общепсихологические знания. Оснований для предварительной оценки личности — «классификации» партнера по социальному взаимодействию — как жизненно-бытовых, так и научно обоснованных существует немало. В частности, подобная «категоризация» социального объекта возможна по социально-демографическим параметрам, возрасту, социальному статусу и пр., либо по темпераменту, интеллекту, индивидуально-личностным особенностям и т. д. Тем не менее, нередки случаи, когда, например, государственный обвинитель, оценивая поведение потерпевшего в суде как излишне эмоциональное, «неразумное», асоциальное, либо деструктивное, пытается своими высказываниями и аргументами скорректировать или даже разрушить «публично неуместную», как ему кажется, личностную позицию данной процессуальной фигуры, не учитывая, что поведение потерпевшего нередко вполне осознанный способ совладания с переживаниями последствий преступления, а не только ситуативная реакция на внешние, либо внутренние раздражители.

Итак, совладающее поведение — универсальный психологический механизм саморегуляции активности. Он рационально используется каждым индивидом в различных жизненных ситуациях, и тем более к копинг-поведению прибегают жертвы преступных посягательств. Со временем этот волевой когнитивный процесс переходит на подсознательный уровень и практически «автоматически» включает предпочитаемый способ совладания в сложных, эмоционально напряженных обстоятельствах, определяя, в свою очередь, личностную позицию в целом, а также конкретные вербально артикулируемые действия и поступки. При этом, несмотря на свое многообразие и вариативность, число основных копинг-стратегий ограничено, что позволяет оперативно их выявлять, «диагностировать» наблюдателем. Соответственно, предлагаемый теоретический подход к организации взаимодействия с потерпевшим на основании категоризации его в зависимости от доминирующей копинг-стратегии представляется наиболее релевантным в данной конкретной жизненной ситуации — уголовном судопроизводстве и перспективным для практического использования.

Должное внимание к личности потерпевшего при осуществлении правосудия, адекватная оценка его самочувствия и поведения профессиональными участниками судопроизводства (в первую очередь, судьей, прокурором), понимание и учет основных закономерностей совладающего поведения, очевидно, будут способствовать установлению психологического контакта с потерпевшим, оптимизации взаимодействия с ним (в рамках процессуальной регламентации) и повысят эффективность судебного разбирательства.

Литература:

1. *Андреанов М.С.* Организация и психологическое воздействие паралингвистического дискурса // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Том 6. № 2А. С. 157—170.
2. *Андреанов М.С.* Проблема психологической установки к потерпевшему у других

участников уголовного процесса // Психология и право в современной России». Коченовские чтения: сб. тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2016. С. 7—8.

3. *Андреанов М.С.* Психологические аспекты взаимодействия потерпевшего с участниками уголовного процесса // Психологические особенности участников уголовного процесса: сб. науч. тр. / Под ред. О.Д. Ситковской; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М.: 2018. С. 6—12.

4. *Андреанов М.С.* Совладающее поведение потерпевшего и его учет в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 5(67). С. 85—90.

5. *Буланова Н.В., Решетова Н.Ю., Комогорцева К.А.* Разбирательство судом уголовных дел в особом порядке: проблемы правоприменения: науч. доклад. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. 72 с.

6. *Буланова Н.В., Решетова Н.Ю., Комогорцева К.А.* Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел в особом порядке: пособие / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М.: 2016. 76 с.

7. *Гулевич О.А.* Зависимость вердикта от особенностей потерпевшего // Психологические аспекты юриспруденции: учеб. пособие. М.: Моск. психолого-социальный институт, 2009. С. 331—333.

8. *Дробышева Т.В., Емельянова Т.П., Тихонова Э.В.* Совладание с ситуацией потери работы: региональные различия // Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики: сб. науч. работ / Отв. ред. О.В. Соловьева, Т.Г. Стефаненко. М.: МГУ, 2017. С. 2009—2016.

9. *Еникеев М.И.* Юридическая психология. М.: Норма, 2011. 501 с.

10. *Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е.* Следственные действия: психология, тактика, технология. М.: Проспект, 2011. 256 с.

11. *Камчатов К.В., Дощицын А.Н., Янчуркин О.В.* Деятельность прокурора по обеспечению прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений: пособие. М.: Академия Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2014. 72 с.

12. *Кириллова Н.П.* Психологические приемы допроса потерпевших, применяемые прокурором в суде // Актуальные проблемы юридической психологии. Потерпевшие и свидетели: от научных исследований к эффективной практике: сб. матер. международной конференции. СПб.: С.-Петербург. Гос. ун-т, 2014. С. 170—172.

13. *Конопкин О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Ленаид, 2016. 254 с.

14. *Криминальная психология: курс лекций* / Под ред. О.Д. Ситковской. М.: Проспект, 2016. 144 с.

15. *Крылова М.А.* Взаимосвязь когнитивной оценки трудной жизненной ситуации со стратегиями совладания и механизмами психологической защиты у молодежи // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлёв. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 1969—1975.

16. *Купченко В.Е., Базарбаева М.К.* Представление о трудной жизненной ситуации, адаптивные стратегии и копинг подростков с различным суицидальным риском // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлёв. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 1898—1906.

17. *Львова Е.Н., Митина О.В., Шлягина Е.И.* Личностные предикторы совладающего

поведения в ситуации неопределенности [Электрон. ресурс] // Психологические исследования. 2015. Том 8. № 40. С. 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1112-lvova40.html> (дата обращения: 11.06.2018).

18. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метасистема психологических ресурсов достижения целей и саморазвития человека // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Институт психологии РАН, 2017. С. 501—509.

19. Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998, Том 1, Вып. 2. С. 102—112.

20. Осницкий А.К. Деятельность, сознание, саморегуляция // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлёв. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 1996—2006.

21. Поздняков Я.И., Делибалт В.В. Особенности защитных механизмов и копинг-стратегий у лиц с рискованным поведением (на примере зацеперов и руферов) // Психология и право в современной России. Коченовские чтения: сб. тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с междунар. участием. М.: МГППУ, 2016. С. 42—46.

22. Психология участников уголовного процесса: монография // М.С. Андреанов [и др.] / Под науч. ред. О.Д. Ситковской. М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2019. 236 с.

23. Реализация прокурором полномочий при заключении, соблюдении условий и выполнении обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве: пособие // М.В. Зяблина [и др.]; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М.: 2018. 80 с.

24. Рогачев В.А., Коноплева И.Н. Взаимосвязь копинг-стратегий сотрудников правоохранительных органов со стилевыми особенностями саморегуляции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. С. 129—145. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Rogachev_Konopleva.phtml (дата обращения: 22.10.2017).

25. Рогачев В.А., Коноплева И.Н. Толерантность к неопределенности и выбор копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 4. С. 106—126. DOI:10.17759/psylaw.2017070409.

26. Рогачев В.А., Коноплева И.Н. Аналитический обзор исследований по проблеме неопределенности и изучения копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 26—43. DOI:10.17759/psylaw.2018080103.

27. Романов В.В., Котлярова Л.Н. Юридическая психология: учебник для академич. бакалавриата. 7-е изд. перераб. М.: Юрайт, 2018. 478 с.

28. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 169 с.

29. Сухова Е.В. Понятие «копинг-стратегия» и пример асоциальных копинг-стратегий // Прикладная юридическая психология. № 1. 2014. С. 76—83.

30. Трухан Е.А., Морозова Н.Н. Взаимосвязь стратегий преодоления стрессовых ситуаций со стилевыми особенностями саморегуляции у пациентов с депрессией // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлёв. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 2046—2054.

31. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / Отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Проспект, 2016. 616 с.

32. Широков И.В. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4(60). С. 127—131.
33. Causey D.L., Dubov E.F. Negotiating the transition to junior high school: The contributions of coping strategies and perceptions of the school environment // *Prevention in Human Services*. Vol. 10. 1993. P. 59—67.
34. Compas B.E., Forsythe C.J., Wagner B.M. Consistency and variability in causal attributions and coping with stress // *Cognitive Therapy and Research*. 1988. Vol. 12. P. 305—320.
35. Lazarus R.S. The stress and coping paradigm. Distorter et al. *Models for Clinical Psychopathology*. New York: Oxford University Press, 1981. P. 177—214.

References:

1. Andrianov M.S. Organizatsiya i psikhologicheskoe vozdeistvie paralingvisticheskogo diskursa [Organization and psychological impact of paralinguistic discourse]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and modern research]. 2017. Volume 6. No. 2A, pp. 157 — 170. (In Russ., Abstr. In Engl.).
2. Andrianov M.S. Problema psikhologicheskoi ustanovki k poterpevsheму u drugikh uchastnikov ugolovnogo protsessa [The problem of psychological attitude to the victim in other participants of the criminal process]. *Kochenovskie chteniya «Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii»*. Sb. tezisov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem [Kochenov's readings "Psychology and law in modern Russia". Collection of abstracts of participants of the all-Russian conference on legal psychology with international participation]. Moscow: Publ. MGPPU, 2016, pp. 7 — 8.
3. Andrianov M.S. Psikhologicheskie aspekty vzaimodeistviya poterpevshego s uchastnikami ugolovnogo protsessa [Psychological aspects of the victim's interaction with participants in the criminal process]. In Sitkovskaya O.D. (ed). *Psikhologicheskie osobennosti uchastnikov ugolovnogo protsessa. Sb. nauch. tr.* [Psychological characteristics of participants in criminal proceedings]. Moscow: Publ. University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, 2018, pp. 6 — 12.
4. Andrianov M.S. Sovladayushchee povedenie poterpevshego i ego uchet v ugolovnom sudoproizvodstve [Coping behavior of the victim and its accounting in criminal proceedings]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation]. No. № 5 (67), 2018, pp. 85-90. (In Russ., Abstr. In Engl.).
5. Bulanova N.V., Reshetova N.Yu., Komogortseva K.A. Razbiratel'stvo sudom ugolovnykh del v osobom poryadke: problemy pravoprimereniya. Nauch. Doklad [Special court proceedings in criminal cases: problems of law enforcement. Science Report]. Moscow: Publ. Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation, 2015, 72 p.
6. Bulanova N.V., Reshetova N.Yu., Komogortseva K.A. Uchastie prokurora v rassmotrenii sudami ugolovnykh del v osobom poryadke: posobie [Participation of the Prosecutor in the consideration of criminal cases by the courts in a special order: textbook]. Moscow: Publ. Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation, 2015, 76 p.
7. Gulevich O.A. Zavisimost' verdikta ot osobennostei poterpevshego [Dependence of the verdict on the characteristics of the victim]. *Psikhologicheskie aspekty yurisprudentsii: uchebnoe posobie* [Psychological aspects of law: a textbook]. Moscow: Publ. Moscow psychological and social

Institute, 2009, pp. 331 — 333.

8. Drobysheva T.V., Emel'yanova T.P., Tikhonova E.V. Sovladanie s situatsiei poteri raboty: regional'nye razlichiya [Coping with the situation of job losses: regional differences]. In Solov'eva O.V., Stefanenko T.G. (eds). *Innovatsionnye resursy sotsial'noi psikhologii: teorii, metody, praktiki* [Innovative resources of social psychology: theories, methods, and practices. Collection of scientific papers]. Moscow: Publ. Moscow state University, 2017, pp. 2009 — 2016.

9. Enikeev M.I. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]. Moscow: Norma Publ., 2011, 501 p.

10. Enikeev M.I., Obraztsov V.A., Eminov V.E. Sledstvennye deistviya: psikhologiya, taktika, tekhnologiya [Investigative actions: psychology, tactics, technology]. Moscow: Prospect Publ., 2011, 256 p.

11. Kamchatov K.V., Doshchitsyn A.N., Yanchurkin O.V. Deyatel'nost' prokurora po obespecheniyu prav i zakonnykh interesov lits i organizatsii, poterpevshikh ot prestuplenii: posobie [Activities of the Prosecutor to ensure the rights and legitimate interests of persons and organizations affected by crimes: textbook]. Moscow: Publ. Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation, 2014, 72 p.

12. Kirillova N.P. Psikhologicheskie priemy doprosa poterpevshikh, primenyaemye prokurorom v sude [Psychological methods of interrogation of victims used by the Prosecutor in court]. *Aktual'nye problemy yuridicheskoi psikhologii. Poterpevshie i svideteli: ot nauchnykh issledovaniy k effektivnoi praktike. Sb. mater. mezhdunarodnoi konferentsii* [Actual problems of legal psychology. Victims and witnesses: from research to good practice]. Saint Petersburg: Publ. St. Petersburg State University, 2014, pp. 170 — 172.

13. Konopkin O.A. Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii deyatelnosti [Psychological mechanisms of activity regulation]. Moscow: Publ. Lenaid, 2016, 254 p.

14. Kriminal'naya psikhologiya: kurs lektsii [Criminal psychology: a course of lectures], Sitkovskaya O.D. (ed). Moscow: Prospect Publ., 2016, 144 p.

15. Krylova M.A. Vzaimosvyaz' kognitivnoi otsenki trudnoi zhiznennoi situatsii so strategiyami sovladaniya i mekhanizmami psikhologicheskoi zashchity u molodezhi [The relationship of cognitive assessment of a difficult life situation with coping strategies and mechanisms of psychological protection in young people]. In Znakov V.V., Zhuravlev A.L. (eds). *Psikhologiya cheloveka kak sub"ekta poznaniya, obshcheniya i deyatelnosti* [Psychology of a person as a subject of knowledge, communication and activity]. Moscow: Publ. Institute of psychology of Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 1969 — 1975. (In Russ., Abstr. In Engl.).

16. Kupchenko V.E., Bazarbaeva M.K. Predstavlenie o trudnoi zhiznennoi situatsii, adaptivnye strategii i koping podrostkov s razlichnym suitsidal'nym riskom [Representation about difficult life situations, adaptive strategies, and coping of adolescents with various suicidal risks]. In Znakov V.V., Zhuravlev A.L. (eds). *Psikhologiya cheloveka kak sub"ekta poznaniya, obshcheniya i deyatelnosti* [Psychology of a person as a subject of knowledge, communication and activity]. Moscow: Publ. Institute of psychology of Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 1898 — 1906. (In Russ., Abstr. In Engl.).

17. L'vova E.N., Mitina O.V., Shlyagina E.I. Lichnostnye prediktory sovladayushchego povedeniya v situatsii neopredelennosti [Elektronicheskaya resurs] [Personal predictors of coping behavior in a situation of uncertainty]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research]. 2015. Vol. 8. No. 40. P. 4. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1112-lvova40.html> (accessed 11.06.2018). (In Russ., Abstr. In Engl.).

18. Morosanova V.I. Osoznannaya samoregulyatsiya kak metasistema psikhologicheskikh resursov dostizheniya tselei i samorazvitiya cheloveka [Conscious self-regulation as a metasystem of psychological resources for achieving goals and self-development of a person]. In Zhuravlev A.L., Kol'tsova V.A. (eds). *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoi psikhologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya* [Fundamental and applied research in modern psychology: results and prospects of development]. Moscow: Publ. Institute of psychology of Russian Academy of Sciences, 2017, pp. 501-509. (In Russ., Abstr. In Engl.).
19. Muzdybaev K. Strategiya sovladaniya s zhiznennymi trudnostyami [Strategy for coping with life's difficulties]. *Zhurn. sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal sociology and social anthropology]. 1998, Vol. 1, no. 2, p. 102 — 112.
20. Osnitskii A.K. Deyatel'nost', soznanie, samoregulyatsiya [Activity, consciousness, self-regulation]. In Znakov V.V., Zhuravlev A.L. (eds). *Psikhologiya cheloveka kak sub"ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti* [Psychology of a person as a subject of knowledge, communication and activity]. Moscow: Publ. Institute of psychology of Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 1996 — 2006.
21. Pozdnyakov Ya.I., Delibalt V.V. Osobennosti zashchitnykh mekhanizmov i koping-strategii u lits s riskovannym povedeniem (na primere zatseperov i ruferov) [Features of protective mechanisms and coping strategies in individuals with risky behavior (for example, snaggers and rufers)]. *Kochenovskie chteniya «Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii». Sb. tezisov uchastnikov Vseros. konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunar. uchastiem* [“Kochenov's readings "Psychology and law in modern Russia". Collection abstracts of participants of the all-Russian conference on legal psychology with international participation]. Moscow: Publ. MGPPU, 2016, pp. 42 — 46.
22. In Sitkovskaya O.D. (ed). Andrianov M.S. [i dr.] *Psikhologiya uchastnikov ugovnogo protsessa: monografiya* [The psychology of the participants of the criminal process: monograph]. Moscow: Publ. University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, 2019, 236 p.
23. Zyablina M.V. [i dr.] *Realizatsiya prokurorom polnomochii pri zaklyuchenii, soblyudenii uslovii i vypolnenii obyazatel'stv dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: posobie* [Implementation of the Prosecutor's powers when concluding, complying with the conditions and fulfilling the obligations of the pre-trial cooperation agreement: textbook]. Moscow: Publ. University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, 2018, 80 p.
24. Rogachev V.A., Konopleva I.N. Vzaimosvyaz' koping-strategii sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov so stilevymi osobennostyami samoregulyatsii [Elektronik resurs] [Interrelation of coping strategies of law enforcement officers with stylistic features of self-regulation]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law]. 2015. No. 1. p. 129 — 145. Available at: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Rogachev_Konopleva.phtml (accessed 22.10.2017). (In Russ., Abstr. In Engl.).
25. Rogachev V.A., Konopleva I.N. Tolerantnost' k neopredelennosti i vybor koping-strategii u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Elektronik resurs] [Tolerance to uncertainty and choice of coping strategies for law enforcement officers]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law]. 2017. Volume 7. No. 4. pp. 106-126. doi:10.17759/psylaw.2017070409. (In Russ., Abstr. In Engl.).
26. Rogachev V.A., Konopleva I.N. Analiticheskii obzor issledovaniy po probleme neopredelennosti i izucheniya koping-strategii u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Elektronik resurs] [Analytical review of research on the problem of uncertainty and the study of coping strategies in law enforcement officers]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law]. 2018. Volume 8. No. 1. Pp.

26-43. doi:10.17759/psylaw.2018080103. (In Russ., Abstr. In Engl.).

27. Romanov V.V., Kotlyarova L.N. *Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik dlya akademich. bakalavriata* [Legal psychology: textbook for academic undergraduate studies]. 7th edition, revised. Moscow: Publ. Yurait, 2018, 478 p.

28. Simonov P. V. *Emotsional'nyi mozg* [Emotional brain]. Moscow: Publ. Nauka, 1981, 169 p.

29. Sukhova E.V. Ponyatie «koping-strategiya» i primer asotsial'nykh koping-strategii [The concept of “coping strategy” and an example of antisocial coping strategies]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. No. 1. 2014, p. 76 — 83.

30. Trukhan E.A., Morozova N.N. Vzaimosvyaz' strategii preodoleniya stressovykh situatsii so stilevymi osobennostyami samoregulyatsii u patsientov s depressiei [Correlation of strategies for overcoming stressful situations with style features of self-regulation in patients with depression]. In Znakov V.V., Zhuravlev A.L. (eds). *Psikhologiya cheloveka kak sub"ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti* [Psychology of a person as a subject of knowledge, communication and activity]. Moscow: Publ. Institute of psychology of Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 2046 — 2054. (In Russ., Abstr. In Engl.).

31. *Ugolovnyi protsess: uchebnik dlya bakalavrov* [Criminal procedure: textbook for bachelors]. Voskobitova L.A. (ed). Moscow: Prospect Publ., 2016, 616 p.

32. Shirokov I.V. Obespechenie prav i zakonnykh interesov poterpevshego pri soglasii obvinyaemogo s pred'yavlenym emu obvineniem [Ensuring the rights and legitimate interests of the victim with the consent of the accused with the charge brought against him]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation]. No. № 4 (60), 2017, pp. 127 — 131. (In Russ., Abstr. In Engl.).

33. Causey D.L., Dubov E.F. Negotiating the transition to junior high school: The contributions of coping strategies and perceptions of the school environment. *Prevention in Human Services*. Vol. 10. 1993. P. 59 — 67.

34. Compas B.E., Forsythe C.J., Wagner B.M. Consistency and variability in causal attributions and coping with stress. *Cognitive therapy and research*. Vol. 12, 1988. P. 305 — 320.

35. Lazarus R.S. The stress and coping paradigm. Distorter et al. *Models for Clinical Psychopathology*. New York, Oxford University Press, 1981. P. 177 — 214.

Информация об авторе

Андреанов Михаил Семенович, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности, НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7426-8219>, e-mail: andrianov@nextmail.ru

Information about the author

Mikhail S. Andrianov, PhD in Psychology, leading researcher, Department of Psychological Support for Prosecutorial Activities, Research Institute of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-7426-8219>, e-mail: andrianov@nextmail.ru

Получена 01.08.2020

Принята в печать 12.05.2021

Received 01.08.2020

Accepted 12.05.2021

Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка)

Сафуанов Ф.С.

ФГБУ НМИЦПН имени В.П. Сербского; ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Сарычева Ю.А.

Перовский МРСО СУ по ВАО ГСУ СК России по г. Москве, Москва, Россия,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2402-9345>, e-mail: ya_duganova@list.ru

Статья посвящена выделению общих оснований уголовной ответственности за неонатид (убийство матерью собственного новорожденного ребенка). Проанализированы перечисленные в ст. 106 УК РФ составы преступления. Теоретический анализ дополняется исследованием 40 уголовных дел. Сделан вывод о том, что общим основанием включения трех составов преступления, отличающихся друг от друга рядом признаков, является ограниченная способность матери осуществлять осознанную и произвольную регуляцию своих действий при убийстве новорожденного ребенка. В первом случае основным фактором, обуславливающим ограничение данной юридически значимой способности, является презюмируемое законодателем особое психофизиологическое состояние роженицы, во втором — особое эмоциональное состояние, вызванное психотравмирующей ситуацией, связанной с беременностью и родами, в третьем — психическое расстройство, не исключающее вменяемости. Предложено ввести в текст закона указание на особое эмоциональное состояние матери-детоубийцы, ограничившее способность осознавать свои действия и руководить ими. Показана целесообразность обязательного назначения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы при квалификации ст. 106 УК РФ.

Ключевые слова: убийство матерью новорожденного ребенка; ст. 106 УК РФ; психотравмирующая ситуация; психическое расстройство, не исключающее вменяемости; комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза.

Для цитаты: Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А. Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193—207. DOI:10.17759/psylaw.2021110214

Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А.
Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193—207.

Safuanov F. S., Sarycheva J. A.
Psychologically Traumatic Situation as a Formal Element of an Offence under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (Murder by a Mother of Her Newborn Child)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 193—207.

Psychologically Traumatic Situation as a Formal Element of an Offence under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (Murder by a Mother of Her Newborn Child)

Farit S. Safuanov

V. Serbsky NMRCPN, MSUPE, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Julia A. Sarycheva

Investigation Department for the Eastern administrative district, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2402-9345>, e-mail: ya_duganova@list.ru

The study is aimed at finding general grounds of criminal responsibility for neonaticide (murder by a mother of her own newborn child). The formal crime signs listed in article 106 of CCRF have been analysed. The theoretical analysis is supplemented with a study of 40 criminal cases. It was concluded that the common ground for inclusion of the three formal elements of the crime (differing in a number of criteria) is the mother's limited capability to consciously and arbitrarily control her behavior while murdering her newborn child. In the first case, the main factor limiting this legally significant capability is a legislator-presumed specific psychophysical condition of the parturient woman, in the second case it is a specific emotional state caused by a psychologically traumatic event associated with pregnancy and childbirth. The third case is a mental disorder not excluding sanity. A remark about the baby-murdering mother's special emotional condition limiting her capability to be aware of her actions (and control them) has been suggested for inclusion in the text of the article. The advisability of obligatory prescription for a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination has been substantiated when the offence is categorized under article 106 of CCRF.

Keywords: neonaticide, murder by a mother of her newborn baby, article 106 of the Russian Criminal Code, psychologically traumatic situation, mental disorder not excluding sanity, comprehensive forensic psychological and psychiatric examination.

For citation: Safuanov F. S., Sarycheva J. A. Psychologically Traumatic Situation as a Formal Element of an Offence under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (Murder by a Mother of Her Newborn Child). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 193—207. DOI:10.17759/psylaw.2021110214(In Russ.).

Введение

Пожалуй, ни одна новая норма Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), введенного в действие в 1997 г., не вызвала такого неприятия и бурных дискуссий со стороны правоведов, как ст. 106 (Убийство матерью новорожденного ребенка). Полный текст

данной статьи (в ред. Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ) гласит: «Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, — наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок». Нетрудно заметить, что квалификация убийства матерью новорожденного ребенка включает в себя целых три самостоятельных и альтернативных состава преступления — убийство:

- во время или сразу же после родов;
- в условиях психотравмирующей ситуации;
- в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Как показывает практика судопроизводства и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСПЭ), эти составы могут пересекаться: нередки случаи, когда матери, имеющие психическое расстройство, совершают убийство новорожденного во время или сразу после родов, находясь в условиях психотравмирующей ситуации.

В чем же состоит суть юридических споров относительно данной нормы уголовного законодательства?

Во-первых, существуют отчетливые разногласия, считать ли убийство матерью новорожденного ребенка привилегированным составом преступления, правомерно ли определять его как преступление средней тяжести [1; 4; 6; 7; 11; 17; 22; 23; 30]?

Во-вторых, обсуждаются юридические аспекты соотношения ст. 106 УК РФ с п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (Убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии), со ст. 109 УК РФ (Причинение смерти по неосторожности), со ст. 125 УК РФ (Оставление в опасности), а также с нормами общей части УК РФ — ч.3 ст. 20 и ст. 22 [12; 18; 19].

В-третьих, ведутся споры относительно того, с какого момента можно считать жертву преступления новорожденным, в какой физиологический период и временной промежуток укладываются понятия «во время» и «сразу же» после родов, как разграничить убийство и криминальный аборт и т. п. Другая сторона проблемы — с какого возраста ребенок перестает считаться «новорожденным» [2; 4; 22]. Общепринято, что при убийстве матерью новорожденного в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, применяется «педиатрический» критерий новорожденности (28 суток). Но в отношении первого из составов преступления по ст. 106 УК РФ единой точки зрения нет — ясно только, что при убийстве ребенка «сразу же после родов» временной промежуток не может превышать 24 часов («медицинский» критерий новорожденности) [13; 25].

Ведущаяся полемика ознаменована многочисленными предложениями по изменению редакции ст. 106 УК РФ. При всем разнообразии мнений они сводятся к четырем позициям:

- ужесточение уголовного наказания детоубийства, признание ст. 106 УК РФ утратившей силу [1];
- объединение указанных трех составов преступления в одно, как это сделано в уголовном законодательстве Республики Казахстан [21]: убийство матерью своего новорожденного ребенка как во время родов, так и в последующий период, совершенное в

Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А.
Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193—207.

Safuanov F. S., Sarycheva J. A.
Psychologically Traumatic Situation as a Formal Element of an Offence under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (Murder by a Mother of Her Newborn Child)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 193—207.

условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости [22; 28];

– объединение первых двух составов преступления в одно с исключением третьего состава, как это сделано в Уголовном кодексе Республики Беларусь [32]: убийство матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами [6; 19].

– ограничение квалификации только первым составом преступления, как это сформулировано в уголовном кодексе Швейцарии [29]: если мать убивает своего ребенка во время родов или в период того времени, когда она находится под влиянием процесса родов, то она наказывается тюремным заключением на срок не более трех лет тюрьмы. При таком определении психотравмирующая ситуация связывается только с самим процессом родов [31].

Одной из причин неоднозначного отношения к ст. 106 УК РФ и сложностей ее квалификации А.Н. Попов [22] считает то обстоятельство, что в основу выделенных трех самостоятельных составов преступления положены разные основания (табл. 1).

Таблица 1

Критерии выделения составов преступления по ст. 106 УК РФ [22, с.8]

№	Состав	Основание выделения состава
1	Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов	Время совершения убийства
2	Убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости	Психическое состояние матери
3	Убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации	Обстановка, в которой совершается преступление

Возможно ли выделить общие факторы, которые будут объединять все, на первый взгляд, разнородные варианты убийства матерью новорожденного ребенка [33]? Какой характер могут иметь эти основания: внешние по отношению к психическому и психофизиологическому состоянию роженицы, ее мотивации, личностным особенностям (время совершения преступления, обстановка, в которой происходит убийство) или внутренние, затрагивающие субъективную сторону преступления, которые и дают возможность выделить такого рода деликты в привилегированный состав преступления, с существенным смягчением мер уголовного наказания?

Проанализируем с *целью выделения общих оснований уголовной ответственности за неонатцид* (убийство матерью собственного новорожденного ребенка) последовательно все перечисленные в ст. 106 УК РФ составы преступления. Теоретический анализ дополняется исследованием 40 уголовных дел, по которым судом квалифицировано убийство матерью новорожденного ребенка. Все подсудимые были признаны вменяемыми.

**Убийство матерью новорожденного ребенка
во время или сразу же после родов**

Основанием выделения этого вида преступления в привилегированный состав является представление о том, что беременность и физиологические роды оказывают негативное влияние на психический статус женщин, вызывают особое психофизиологическое состояние [13]. Наиболее четко эта позиция выражена А.М. Чихрадзе: «Степень общественной опасности преступления, предусмотренного статьей 106 УК РФ “Убийство матерью новорожденного ребенка”, считается меньшей по сравнению со статьей 105 УК РФ на основании установленного медициной факта, что имеют место особенности психофизического состояния женщины во время родов или сразу после родов. Это связано с гормональными и физическими изменениями в организме беременной женщины, в результате чего происходит трансформация ее психического состояния. Результатом данной трансформации является *неспособность роженицы в полной мере осознавать свои действия и руководить ими*¹ в период родов и сразу после них» [30, с.142]. Как отмечает Л.Л. Кругликов, психические отклонения матери во время родов и в последующий короткий период, обуславливающие ослабление ее способности к осознанной регуляции поведения, «презюмируются законодателем, и эта презумпция объявляется неопровержимой» [15, с.21]. С этой точки зрения неважно, были ли у конкретной роженицы, убившей новорожденного ребенка, какие-либо особенности психофизиологического состояния, влияющие на процесс осознания и регуляции своей психической деятельности во время родов: ее преступление все равно будет квалифицировано по ст. 106 УК РФ. Некоторые исследователи не разделяют эту позицию и предлагают в каждом случае выяснять психическое состояние матери [4; 14].

Дискуссию вызывает и проблема времени возникновения умысла на убийство новорожденного. Ю.М. Антонян с соавторами пишет: «Время возникновения умысла должно являться основанием для отграничения привилегированного состава детоубийства от убийства (ст. 105 УК РФ). Виновная может быть привлечена к ответственности только в том случае, если умысел возник во время родов или после них при наличии указанных в законе обстоятельств. Поэтому нельзя согласиться с точкой зрения, что момент возникновения умысла на убийство новорожденного на квалификацию данного преступления не влияет. Статья 106 УК РФ, по нашему мнению, является как раз той статьей, по которой ответственность может наступать только в случае наличия у виновной внезапно возникшего умысла» [2, с. 101—102]. Эту точку зрения поддерживают ряд исследователей [3; 4; 14; 31]. Однако, как отмечает А.Н. Попов, можно разделять возмущение несправедливостью закона, но несправедливость закона не дает нам права «подправлять» его и выдавать желаемое за действительное, а задумала мать преступление заранее или непосредственно во время родов, никакого принципиального значения для квалификации ст. 106 не имеет [22, с. 37—39].

Наш анализ 40 уголовных дел, связанных с неонатцидом, показывает, что суды при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка не ориентируются на время возникновения умысла на убийство, решающее значение имеет сам факт убийства во время или сразу же после родов.

Таким образом, можно сделать вывод, что такой формальный критерий как время совершения преступления [22; 23] никак не может служить основанием квалификации убийства новорожденного собственной матерью в качестве привилегированного состава преступления. Следует согласиться с мнением [15; 30], что в основе смягчения наказания за

¹ Выделено нами.

Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А.
Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193—207.

Safuanov F. S., Sarycheva J. A.
Psychologically Traumatic Situation as a Formal Element of an Offence under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (Murder by a Mother of Her Newborn Child)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 193—207.

это вид детоубийства лежит *презумпция ограниченной способности матери к осознанной регуляции своих действий* в момент совершения инкриминируемых ей действий, обоснованная данными медицины, физиологии и психофизиологии.

Убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации

Практически все авторы расценивают понятие психотравмирующей ситуации в ст. 106 УК РФ как оценочное понятие [11; 16; 31]. Тем не менее, «наличие психотравмирующей ситуации, под воздействием которой роженица совершает убийство новорожденного ребенка, является обязательным признаком объективной стороны и подлежит доказыванию» [10, с. 17].

Материалы изученных нами уголовных дел, возбужденных в отношении матерей, убивших своих новорожденных детей, и квалифицированных по ст. 106 УК, показывают, что встречающиеся в описательной части приговора формулировки делятся на две категории.

В первом случае описываются только особенности ситуации, в которой находилась мать до, во время или после родов, без указания на ее субъективное психическое состояние:

- «отсутствие доверительных отношений с родителями»;
- «тяжелое материальное положение в семье» («неудовлетворительное положение в семье»);
- «наличие на иждивении одного или несколько детей»;
- «внебрачная беременность»;
- «негативное отношение к беременности женщины биологического отца будущего ребенка либо сожителя»;
- «предложение сожителя сделать аборт»;
- «семейные и бытовые неурядицы»;
- «неодобрение матери забеременевшей женщины»;
- «уход супруга или сожителя из семьи в период беременности»;
- «измена супруга»;
- «нежелательная беременность»;
- «порицание общества и негативные последствия для себя» (Северный Кавказ)²
- «отсутствие постоянного места работы» («постоянного заработка»).

Гораздо реже психотравмирующая ситуация определялась через эмоциональное состояние подсудимой:

- «боязнь морального осуждения со стороны родственников и знакомых»;
- «нежелание огорчать родителей»;
- «опасение осуждения родственников»;
- «стыд перед окружающими за рождение ребенка вне брака».

² «Длительное и изнурительное ожидание, постоянная негативная эмоциональность, соединенные со спецификой ментальности некоторых народов, например Северного Кавказа, в конце концов, формируют психотравмирующую ситуацию» [24].

Понятно, что психотравмирующие воздействия без указания их влияния на эмоциональное состояние матери-детоубийцы, описанные в приговорах, имплицитно подразумевают их негативное воздействие на психическую деятельность подсудимых во время совершения преступления. Однако эта причинно-следственная связь не обосновывается и не доказывается.

Объективность установления эмоционального состояния подсудимых по ст. 106 УК РФ, с точки зрения Н. А. Живодровой, Ю. В. Андриянцевой [11], — достаточно спорный вопрос: необходимо установить причинную связь между тяжелыми обстоятельствами, причиняющими женщине психические страдания (психотравмирующей ситуацией), и совершением матерью убийства своего ребенка.

Между тем, с точки зрения научной психологии, механизмы криминальной агрессии, направленные на новорожденного, не так просты и однозначны. В наших предыдущих исследованиях [9; 25—27] было показано, что убийство матерью своего новорожденного ребенка чаще является следствием кумуляции напряженности в структуре внутриличностного конфликта в психотравмирующих условиях. Внутриличностный конфликт формируется при нежеланной беременности и заключается между биологически детерминированной потребностью родить и либо требованиями окружающих избавиться от плода, либо представлениями о недопустимости внебрачного материнства, его греховности. Следует учитывать и психофизиологические особенности нежеланной беременности. Изучение матерей, оставляющих новорожденных детей в роддомах [5], показало, что у многих из них формируется гипостезия телесных ощущений, активизируются защитные механизмы (вытеснение или рационализация интрацептивных ощущений), не позволяющие правильно осознавать свою беременность, ее сроки. Позднее распознавание беременности обуславливает невозможность легального ее прерывания и приводит к дальнейшему росту эмоциональной напряженности.

В результате «... в состоянии выраженной эмоциональной напряженности поведение матери при родах определяется аффективной мотивацией, это снижает ее возможность адекватно оценивать окружающее и свои действия» [27, с. 242]. Таким образом, ситуацию можно признать психотравмирующей только после глубокого анализа смыслового восприятия внешних воздействий, выяснения того психологического значения этих воздействий, которое они приобретает в сознании матери.

С нашей точки зрения, для того, чтобы понять, действительно ли ситуация, в которой находилась мать, совершившая убийство новорожденного ребенка, являлась для нее психотравмирующей, необходимо проводить судебную экспертизу с участием психолога. Только в этом случае оценка эмоциональной напряженности подсудимой, вызванной психотравмирующей ситуацией, как оказавшей существенное влияние на ее сознание и поведения, будет доказательной и обоснованной. Анализ изученных нами уголовных дел свидетельствует о том, что КСППЭ назначалась в 77,5% случаев и, если в выводах экспертов указывалось повышенное эмоциональное напряжение, вызванное психотравмирующей ситуацией, это находило отражение в приговорах.

Вместе с тем выявлено, что в решениях суда в недостаточной степени отражена существенность влияния эмоциональной напряженности на сознание и поведение подсудимых, неполнота меры осознанной регуляции своих преступных действий. Об этом

можно, по результатам анализа уголовных дел, судить лишь косвенно. В 97,5% случаев беременность была нежеланной. Замужем были только 40% женщин, остальные забеременели в статусе незамужней женщины от сожителя (40%) или от случайных знакомых, в результате изнасилования и т. п. Следует учесть, что и часть замужних женщин забеременели вследствие отношений с мужчинами, не являющимися их мужьями. Пытались прервать беременность (сделать аборт) только 10% и вставали на учет в женских консультациях только 7,5% подсудимых, что свидетельствует о попытках будущих матерей скрыть свое положение, об усилении их социальной изоляции. Об этом же свидетельствует тот факт, что только у 5% женщин родоразрешение происходило в медицинском учреждении при профессиональной помощи медицинского персонала, и во всех этих случаях в результате родов рождался живой ребенок, но матери совершали преступление практически сразу во время следования к месту своего проживания. У остальных женщин роды проходили самостоятельно, без посторонней помощи. О степени сужения сознания при совершении преступления свидетельствуют и нелепые действия подсудимых после совершения преступления: оставляли ребенка в туалете в общежитии, выбрасывали новорожденного в окно в собственной квартире или в ближайший мусорный ящик и т. п.

Большинство осужденных женщин характеризуются удовлетворительно или положительно, и только 7,5% (ранее судимые, лишенные родительских прав) — отрицательно: действия, направленные на лишение жизни своего новорожденного ребенка, обусловлены не столько личностными качествами этих женщин, сколько сложившимися жизненными обстоятельствами. Признали свою вину и оформили явку с повинной 95% осужденных. По другим социально-демографическим характеристикам (возраст, образование, наличие детей, трудоустроенность и т. п.) данные анализа принципиально не отличались от подобного рода исследований [2; 8; 20].

Таким образом, можно заключить, что основанием квалификации убийства новорожденного матерью в условиях психотравмирующей ситуации как привилегированного состава преступления является не обстановка, в которой совершается преступление [22], а *неспособность обвиняемой в полной мере осознавать и регулировать свои криминальные действия вследствие состояния повышенной эмоциональной напряженности (внутриличностного конфликта, стресса), вызванной психотравмирующим обстоятельствами.*

Убийство матерью новорожденного ребенка

в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости

Доктринальной является позиция, увязывающая этот состав преступления со ст. 22 УК РФ (Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости) [18; 19; 22; 23]. Действительно, если не понимать психическое расстройство, не исключающее вменяемости, в духе ст. 22 УК РФ, а трактовать этот термин буквально, то окажется, что суд будет вынужден, например, оценивать умышленное убийство своего ребенка, совершенное больной алкоголизмом в промежутке 2—28 суток после родов, по ст. 106 УК РФ: ее болезнь (синдром зависимости от алкоголя, F10.2, по МКБ-10) является психическим расстройством, она не исключает вменяемости. Но на практике такие

Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А.
 Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка)
 Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193—207.

Safuanov F. S., Sarycheva J. A.
 Psychologically Traumatic Situation as a Formal Element of an Offence under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (Murder by a Mother of Her Newborn Child)
 Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 193—207.

преступления всегда квалифицируются по ст. 105 УК РФ как убийство. Фактически это означает, что, несмотря на разные правовые последствия ст.106 и ст. 22 УК РФ, при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, необходимо определять, что обвиняемая в силу психического расстройства *не могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими*. Это возможно только в рамках судебно-психиатрической экспертизы или КСПЭ.

В этом составе преступления, в отличие от первых двух, указание на ограничение способности матери к осознанной и произвольной регуляции своих действий при совершении неонатцида сформулировано явно.

Заключение

Таким образом, общим основанием включения трех составов преступления, отличающихся друг от друга рядом признаков, является ограниченная способность матери при убийстве новорожденного ребенка осуществлять осознанную и произвольную регуляцию своих криминальных действий. Только в первом случае основным фактором, обуславливающим неполноту данной юридически значимой способности, является презюмируемое законодателем особое психофизиологическое состояние роженицы, во втором — особое эмоциональное состояние, вызванное психотравмирующей ситуаций, связанной с беременностью и родами, а в третьем — психическое расстройство, не исключающее вменяемости (табл. 2).

Таблица 2

Общий критерий объединения составов преступления в ст. 106 УК РФ

№	Состав	Общее основание — ограничение способности к осознанной регуляции своих действий вследствие:
1	Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов	особого психофизиологического состояния (презюмируется законодателем)
2	Убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации	особого эмоционального состояния, вызванного психотравмирующей ситуаций, связанной с беременностью и родами
3.	Убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости	психического расстройства, не исключающего вменяемости (отсылка к ч.1 ст. 22 УК РФ)

Кроме того, при возрасте матери от 16 до 18 лет может применяться ч. 3 ст. 20 УК РФ. Условием, освобождающим от уголовной ответственности, опять-таки является ограничение

Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А.
Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193—207.

Safuanov F. S., Sarycheva J. A.
Psychologically Traumatic Situation as a Formal Element of an Offence under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (Murder by a Mother of Her Newborn Child)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 193—207.

способности к осознанной регуляции своих действий, но уже вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством.

Такое понимание смыслового содержания ст. 106 УК РФ требует, на наш взгляд, более четких формулировок в тексте закона. Наиболее актуальны, на наш взгляд, изменения в определении второго из составов преступления, касающиеся убийства матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации, — состава, который, по данным нашего исследования, вызывает наибольшие затруднения при обосновании приговоров. Целесообразно ввести в текст закона указание на особое эмоциональное состояние, наподобие того, как это сделано в предложении Г.В. Назаренко: «Убийство матерью новорожденного ребенка в аффективном психическом состоянии, вызванном психотравмирующей ситуацией» [19, с. 33].

Более того, и с теоретических позиций, и с целью предотвращения субъективизма при оценке того, была ли ситуация психотравмирующей или нет, считаем необходимым включить в число признаков состава преступления и указание на то, что данное эмоциональное состояние ограничивало способность матери при совершении убийства новорожденного в условиях психотравмирующей ситуации к осознанию своих действий и их руководству. Этого требует принцип справедливости: мера ограничения осознанности и произвольности криминальных действий, независимо от того, обусловлена она психическим расстройством или эмоциональным состоянием, должна быть в уголовном законодательстве уравнена, поскольку подразумеваются одинаковые правовые санкции.

Преодолению субъективизма при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка могло бы послужить и требование обязательного назначения КСППЭ по ст. 106 УК РФ для определения психического или эмоционального состояния подозреваемой, обвиняемой, подсудимой при сомнениях в ее способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

В таком случае определение состояния повышенной эмоциональной напряженности обвиняемой, вызванной психотравмирующей ситуацией и оказавшей существенное влияние на ее действия (ограничившее способность осознавать свои действия и руководить ими), что входит в компетенцию эксперта-психолога, повысит обоснованность и доказательность квалификации второго из рассматриваемых составов преступления по ст. 106 УК РФ. Заключение эксперта-психиатра о психическом расстройстве обвиняемой, вследствие которого она не могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, служит для квалификации судом третьего из проанализированных составов преступления по ст. 106 УК РФ.

Литература

1. Аленкин Н.Е. Вопросы уголовной ответственности за детоубийство (ст. 106 УК РФ) // Вестник Московского университета. Сер.11. Право. 2013. № 5. С. 87—101.
2. Антонян Ю.М., Гончарова М.В., Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // LexRussica. № 3 (136). 2018. С. 95—114.

Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А.
Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193—207.

Safuanov F. S., Sarycheva J. A.
Psychologically Traumatic Situation as a Formal Element of an Offence under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (Murder by a Mother of Her Newborn Child)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 193—207.

3. Багмет А.М., Троцанович А.В. К вопросу об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ // Российский следователь. 2014. № 1. С. 18—20.
4. Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юрист, 2000. 620 с.
5. Брутман В.И., Радионова М.С. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности // Вопросы психологии. 1998. № 7. С. 38—47.
6. Горбатова М.А., Сергеева А.А. Привилегирующее обстоятельство в составе убийства матерью новорожденного ребенка // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 3. С. 39—44.
7. Грубова Е.И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.
8. Дашкевич Н.А. Свойства личности женщины, совершившей преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ // Вестник ИрГТУ. 2011. № 9(56). С. 249—253.
9. Дмитриева Т.Б., Качаева М.А., Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребёнка: Руководство для врачей и психологов. М.: ГНИЦ ССП имени В.П. Сербского, 2001. 44 с.
10. Дядюн К.В. Убийство матерью новорожденного ребенка: вопросы объективной стороны состава // Адвокат. 2013. № 11. С. 14—19.
11. Живодрова Н.А., Андриянцева Ю.В. Убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации: анализ судебной практики [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2019. Том 7. № 3(27). С. 139—143. URL: <http://esj.pnzgu.ru>
12. Карасова А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка: теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2003. 26 с.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. 592 с.
14. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных конституционных прав и свобод человека и гражданина в России. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 99 с.
15. Кругликов, Л.Л. Преступления против личности. Ярославль: ЯрГУ, 1998. 76 с.
16. Лукомская А.С. Личность обвиняемой (подозреваемой) в доказывании убийства матерью новорожденного ребенка, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 3. С. 146—149.
17. Мурзина Л.И. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 21 с.
18. Мухачева И.М. Состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости в соответствии со ст. 106 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2(75). С. 183—190.
19. Назаренко Г.В. Дифференциация уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера за детоубийство // Криминалистика. 2019. № 1(26). С. 31—34.

Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А.
Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193—207.

Safuanov F. S., Sarycheva J. A.
Psychologically Traumatic Situation as a Formal Element of an Offence under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (Murder by a Mother of Her Newborn Child)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 193—207.

20. *Натура А.И., Злобина Л.А.* Социально-психологический статус матери-убийцы новорожденного ребенка как элемент криминалистической характеристики преступления // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 134—138.
21. *Плаксина Т.А.* Регламентация ответственности за убийство новорожденного ребенка в уголовном законодательстве России, Казахстана и Кыргызстана // Алтайский юридический вестник. 2015. № 3(11). С. 77—81.
22. *Попов А.Н.* Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). СПб.: СПбЮИ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2001. 68 с.
23. *Попов А.Н.* Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 465 с.
24. *Рамазанов Т.Б.* Матери-детоубийцы: кто они с точки зрения криминалистики? // Юридический вестник ДГУ. 2015. Том 13. № 1. С. 109—114.
25. *Сафуанов Ф.С.* Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка // Российская юстиция. 1998. № 3. С. 29—30.
26. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М.: Гардарика; Смысл 1998, 192 с.
27. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
28. Уголовный Кодекс РФ. Новая редакция и комментарии к ней. URL: <https://ukrf24.ru/statia-106-uk>.
29. Уголовный кодекс Швейцарии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 350 с.
30. *Чихрадзе А.М.* Теоретические основы формирования юридического понятия «привилегированное убийство» // Аграрное и земельное право. 2019. № 12(180). С. 140—144
31. *Чемеринский К.В.* Объективная сторона убийства матерью новорожденного ребенка // Современные научные исследования. 2011. № 2. С. 2—32.
32. *Швед Н.А.* Убийство матерью новорожденного ребенка: подходы к установлению ответственности в Республике Беларусь и Российской Федерации // Криминалист. 2019. № 1(26). С. 99—103.
33. *Шкула И.Р.* Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемные вопросы квалификации и тенденции решения // Уголовная политика и правоприменительная практика. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. С. 298—304.

References

1. Alenkin N.E. Voprosy` ugovnoy otvetstvennosti za detoubijstvo (st. 106 UK RF) [Questions of criminal responsibility for infanticide (article 106 of the criminal code of the Russian Federation)]. Vestnik Moskovskogo universiteta . Ser.11. Pravo [Bulletin of the Moscow University. Ser.11. Law], 2013, no. 5, pp. 87-101.
2. Antonyan Yu.M., Goncharova M.V., Kurguzkina E.B. Ubijstvo mater`yu novorozhdenno go rebenka: ugovno-pravovye i kriminologicheskie problemy` [Mother's murder of a newborn child: criminal law and criminological problems]. LexRussica. № 3 (136). 2018, pp. 95-114.
3. Bagmet A.M., Troshhanovich A.V. K voprosu ob otvetstvennosti za prestuplenie, predusmotrennoe st. 106 UK RF [On the issue of liability for a crime under article 106 of the criminal code of the Russian Federation]. Rossijskij sledovatel` [Russian investigator], 2014, no. 1, pp. 18-20.

Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А.

Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка)

Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193—207.

Safuanov F. S., Sarycheva J. A.

Psychologically Traumatic Situation as a Formal Element of an Offence under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (Murder by a Mother of Her Newborn Child)

Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 193—207.

4. Borodin S.V. Prestupleniya protiv zhizni [Crimes against life]. Moscow.: Yurist, 2000. 620 p.
5. Brutman V.I., Radionova M.S. Formirovanie privyazannosti materi k rebenku v period beremennosti [Formation of mother's attachment to the child during pregnancy]. Voprosy` psixologii [Questions of psychology], 1998, no. 7, pp. 38-47.
6. Gorbatova M.A., Sergeeva A.A. Privilegiruyushhee obstoyatel`stvo v sostave ubijstva mater`yu novorozhdenного rebenka [A privileged circumstance in the composition of the murder of a newborn child by a mother]. Zhurnal pravovy`h i e`konomicheskikh issledovaniy [Journal of legal and economic research], 2019, no. 3, pp. 39-44.
7. Grubova E.I. Problemy` otvetstvennosti za ubijstvo mater`yu novorozhdenного rebenka v rossijskom i zarubezhnom ugolovnom zakonodatel`stve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Problems of responsibility for the murder of a newborn child by a mother in Russian and foreign criminal legislation]. Ph. D. (Law) Thesis] Moscow, 2009. 27 p.
8. Dashkevich N.A. Svoystva lichnosti zhenshhiny`, sovershivshej prestuplenie, predusmotrennoe st. 106 UK RF [Personal characteristics of a woman who has committed a crime under article 106 of the criminal code of the Russian Federation]. Vestnik IrGTU [IrGTU Bulletin]. 2011. No. 9 (56), pp. 249-253.
9. Dmitrieva T.B., Kachaeva M.A., Safuanov F.S. Kompleksnaya sudebnaya psixologo-psixiatricheskaya e`kspertiza psixicheskogo sostoyaniya materi, obvinyaemoj v ubijstve novorozhdenного rebyonka: Rukovodstvo dlya vrachej i psixologov [Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of the mental state of a mother accused of murdering a newborn child: a guide for doctors and psychologists]. Moscow: Publ. GNC SSP im. V.P. Serbskogo, 2001. 44 p.
10. Dyadyun K. V. Ubijstvo mater`yu novorozhdenного rebenka: voprosy` ob`ektivnoj storony` sostava [Murder of a newborn child by a mother: questions of the objective side of the composition]. Advokat [Lawyer]. 2013. No. 11, pp. 14-19.
11. Zhivodrova N. A., Andriyanceva Yu. V. Ubijstvo mater`yu novorozhdenного rebenka v usloviyax psixotravmiruyushhej situacii: analiz sudebnoj praktiki [Murder of a newborn child by a mother in a psychotraumatic situation: analysis of judicial practice]. E`lektronny`j nauchny`j zhurnal «Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo» [Electronic scientific journal "Science. Society. State"]. 2019. T. 7. No. 3 (27), pp.139-143. <http://esj.pnzgu.ru>
12. Karasova A.L. Ubijstvo mater`yu novorozhdenного rebenka: teoretiko-prikladny`e aspekty` otvetstvennosti po st. 106 UK RF: avtoref. dis. ... kand. jurid. Nauk [Murder of a newborn child by a mother: theoretical and applied aspects of responsibility under article 106 of the criminal code of the Russian Federation. Ph. D. (Law) Thesis]. Rostov-na-Donu, 2003. 26 p.
13. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod red. Yu.I. Skuratova, V.M. Lebedeva [In. Yu.I. Skuratov, V.M. Lebedev (eds.) Commentary on the criminal code of the Russian Federation]. Moscow, 1996. 592 p.
14. Krasikov A. N. Ugolovno-pravovaya oxrana politicheskix, grazhdanskix i iny`x konstitucionny`x prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii [Criminal law protection of political, civil and other constitutional rights and freedoms of a person and citizen in Russia]. Saratov: Publ. Saratov. un-ta, 2000. 99 p.
15. Kruglikov, L.L. Prestupleniya protiv lichnosti [Crimes against persons]. Yaroslavl`: Publ. YarGU, 1998. 76 p.

Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А.
Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193—207.

Safuanov F. S., Sarycheva J. A.
Psychologically Traumatic Situation as a Formal Element of an Offence under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (Murder by a Mother of Her Newborn Child)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 193—207.

16. Lukomskaya A.S. Lichnost` obvinyaemoj (podozrevaemoj) v dokazy`vanii ubijstva mater`yu novorozhdennogo rebenka, sovershennoe v usloviyax psixotravmiruyushhej situacii [The identity of the accused (suspect) in proving the murder of a newborn child by the mother, committed in a psychotraumatic situation]. Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of the Udmurt University]. 2011. No. 3, pp.146-149.
17. Murzina L.I. Ubijstvo mater`yu novorozhdennogo rebenka: ugovolno-pravovy`e i kriminologicheskie problemy`: avtoref. dis. ... kand. jurid. Nauk [Mother's murder of a newborn child: criminal law and criminological problems. Ph. D. (Law) Thesis]. Saratov, 2009. 21 p.
18. Muxacheva I.M. Sostoyanie psixicheskogo rasstrojstva, ne isklyuchayushhego vmenyaemosti v sootvetstvii so st. 106 UK RF [The state of a mental disorder that does not exclude sanity in accordance with article 106 of the criminal code of the Russian Federation]. Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava [Actual problems of Russian law]. 2017. No. 2 (75), pp. 183-190.
19. Nazarenko G.V. Differenciaciya ugovolnoj otvetstvennosti i iny`x mer ugovolno-pravovogo xaraktera za detoubijstvo [Differentiation of criminal responsibility and other measures of criminally-legal character for infanticide]. Kriminalist` [Criminalist]. 2019. No. 1 (26), pp. 31-34.
20. Natura A.I., Zlobina L.A. Social`no-psixologicheskij status materi-ubijcy novorozhdennogo rebenka kak e`lement kriminalisticheskoy xarakteristiki prestupleniya [Socio-psychological status of the mother-killer of a newborn child as an element of criminalistic characteristics of the crime]. Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]. 2017. No. 12, pp. 134-138.
21. Plaksina T.A. Reglamentaciya otvetstvennosti za ubijstvo novorozhdennogo rebenka v ugovolnom zakonodatel`stve Rossii, Kazaxstana i Ky`rgy`zstana [Regulation of responsibility for the murder of a newborn child in the criminal legislation of Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan]. Altajskij juridicheskij vestnik [Altai legal Bulletin]. 2015. No. 3 (11), pp.77-81.
22. Popov A.N. Ubijstvo mater`yu novorozhdennogo rebenka (st. 106 UK RF) [Murder of a newborn child by a mother (article 106 of the criminal code of the Russian Federation)]. Saint Petersburg.: SPbYuI General`noj prokuratury` Rossijskoj Federacii. 2001. 68 p.
23. Popov A.N. Prestupleniya protiv lichnosti pri smyagchayushhix obstoyatel`stvax [Crimes against the person under extenuating circumstances]. Saint Petersburg.: Yuridicheskij centr Press. 2001. 465 p.
24. Ramazanov T.B. Materi-detoubijcy: kto oni s tochki zreniya kriminalistiki? [Child-killing mothers: who are they from the point of view of criminology?]. Yuridicheskij vestnik Dgu [DSU legal Bulletin]. 2015. No. 1, pp. 109-114.
25. Safuanov F. S. E`kspertiza psixicheskogo sostoyaniya materi, obvinyaemoj v ubijstve novorozhdennogo rebenka [Examination of the mental state of a mother accused of murdering a newborn child]. Rossijskaya yusticiya [Russian justice system]. 1998. No. 3, pp. 29-30.
26. Safuanov F.S. Sudebno-psixologicheskaya e`kspertiza v ugovolnom processe [Forensic psychological examination in criminal proceedings]. Moscow: Gardarika, Smy`sl.1998, 192 p.
27. Safuanov F.S. Sudebno-psixologicheskaya e`kspertiza: Uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [It is judicial-psychological examination: a Textbook for academic bachelor degree]. Moscow: Publ. Yurajt. 2014. 421p.
28. Ugolovny`j Kodeks RF Novaya redakciya i kommentarii k nej [The criminal Code of the Russian Federation. New version and comments to it]. <https://ukrf24.ru/statia-106-uk>.

Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А.
Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка)
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193—207.

Safuanov F. S., Sarycheva J. A.
Psychologically Traumatic Situation as a Formal Element of an Offence under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (Murder by a Mother of Her Newborn Child)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 193—207.

29. Ugolovny`j kodeks Shvejczarii [Criminal code of Switzerland]. Saint Petersburg.: Yuridicheskij centr Press. 2002. 350 p.
30. Chixradze A.M. Teoreticheskie osnovy` formirovaniya yuridicheskogo ponyatiya «privilegirovannoe ubijstvo» [Theoretical basis for the formation of the legal concept of «privileged killing»]. Agrarnoe i zemel`noe pravo [Agrarian and land law]. 2019. No. 12 (180), pp. 140-144.
31. Chemerinskij K.V. Ob`ektivnaya storona ubijstva mater`yu novorozhdennogo rebenka [Objective side of the mother's murder of a newborn child]. Sovremennyy`e nauchny`e issledovaniya [Modern scientific research]. 2011. No.2, pp. 20-32.
32. Shved N. A. Ubijstvo mater`yu novorozhdennogo rebenka: podxody` k ustanovleniyu otvetstvennosti v Respublike Belarus` i Rossijskoj Federacii [Mother's murder of a newborn child: approaches to establishing responsibility in the Republic of Belarus and the Russian Federation]. Kriminalist` [Criminalist]. 2019. No. 1 (26), pp. 99-103.
33. Shikula I.R. Ubijstvo mater`yu novorozhdennogo rebenka: problemny`e voprosy` kvalifikacii i tendencii resheniya [Mother's murder of a newborn child: problematic issues of qualification and solution trends]. Ugolovnaya politika i pravoprimenitel`naya praktika [Criminal policy and law enforcement practice]. Saint Petersburg.: Centr nauchno-informacionny`x texnologij «Asterion». 2019, pp. 298-304.

Информация об авторах

Сафуанов Фарит Суфиянович, доктор психологических наук, профессор, руководитель лаборатории психологии, ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России; заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Сарычева Юлия Анатольевна, магистр психологии, следователь Перовского межрайонного следственного отдела Следственного управления по Восточному административному округу Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2402-9345>, e-mail: ya_duganova@list.ru

Information about the authors

Safuanov Farit Sufijanovich, Doctor of Psychology, Professor, Head of Psychology Laboratory, The National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky, Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; Head of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, MSUPE, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Sarycheva Yulia Anatol'evna, Master of psychology, investigator of the Perovsky inter-district investigative Department of the investigative Department for the Eastern administrative district of the Main investigative Department of the investigative Committee of the Russian Federation for Moscow, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2402-9345>, e-mail: ya_duganova@list.ru

Получена 06.10.2020
Принята в печать 12.05.2021

Received 06.10.2020
Accepted 12.05.2021

Особенности саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью

Власова Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: L1025173@yandex.ru

Лановая А.М.

Национальный научный центр наркологии – филиал ФГБУ «НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4255-7953>, e-mail: alesya.lan@gmail.com

В статье приводятся результаты эмпирического исследования особенностей саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью. Саморегуляция определяется как системный процесс, который включает в себя процессы инициирования, планирования, моделирования, оценки и коррекции форм внешней и внутренней активности человека согласно его целям. При алкогольной зависимости как одной из форм деструктивного аддиктивного поведения происходят серьезные деформации в личностной сфере человека. Во-первых, формируются негативные изменения в работе всех психических процессов. Во-вторых, злоупотребление алкоголем приводит к нарушениям эмоциональной сферы. Аддикты склонны к агрессивным, неконтролируемым действиям. Проведенное эмпирическое исследование имело целью выявить особенности в изменении саморегуляции, связанные с формированием алкогольной зависимости. В экспериментальную группу (N=40) вошли мужчины с установленным диагнозом алкоголизма второй и третьей стадии. Результаты эмпирического исследования могут быть использованы для разработки специальных профилактических программ на основе приемов развития саморегуляции.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, алкогольная зависимость, саморегуляция, стилевая саморегуляция, фрустрация.

Благодарности: Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования Канунникову Галину Александровну – клинического психолога Наркологической клинической больницы №17 г. Москвы.

Для цитаты: Власова Н.В., Лановая А.М. Особенности саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 208–220. DOI:10.17759/psylaw.2021110215

Self-Control Peculiarities of Men with Alcohol Dependence

Nataliia V. Vlasova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: L1025173@yandex.ru

Alesya M. Lanovaya

National Research Center on Addictions – branch, National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology n.a. V.Serb'sky, Russian Federation Ministry of Health, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4255-7953>, e-mail: alesya.lan@gmail.com

The article presents the results of an empirical research of self-regulation peculiarities of men with alcohol dependence. Self-regulation is defined as a system process which is comprised of initiation, planning and modeling processes, evaluation and correction of one's external and internal activities in accordance with goals. In case of alcohol dependence as one of the forms of destructive addictive behavior, serious disorders occur in one's personality sphere. Firstly, negative changes emerge in all mental processes. Secondly, alcohol abuse leads to disorders in the emotional sphere. Addicts are liable to aggressive and uncontrolled acts. The empirical study that aimed to detect peculiarities in self-regulation altered by the establishing alcohol dependence. The experimental group included 40 men diagnosed with the second and third stages of alcoholism. The results of the empirical study can be used in preventive programs based on techniques of developing self-regulation.

Keywords: addictive behavior, alcohol dependence, self-regulation, self-regulation style, frustration.

Acknowledgements: The authors are grateful to clinical psychologist Galina A. Kanunnikova for assistance in data collection (Addiction Clinic №17, Moscow, Russia).

For citation: Vlasova N.V., Lanovaya A.M. Self-control peculiarities of men with alcohol dependence. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 208–220. DOI:10.17759/psylaw.2021110215 (In Russ.).

Введение в проблему

В данной работе затрагивается проблема зависимого поведения как одна из форм девиации. Аддиктивное поведение является наиболее распространенным типом девиантного поведения. В современных условиях, когда многие традиции разрушаются под давлением стремительного технического прогресса, ослабляются связи в микро- и макросоциуме, человек находится в непрерывном состоянии деструктивного стресса. Девиантность в некоторых ситуациях становится выходом, возможностью социально-психологической адаптации к происходящим изменениям в обществе [9].

Алкоголизм как одна из форм аутодеструктивного поведения влечет угрозу не только для самой аддиктивной личности, но и для общества в целом. Так, по данным Министерства здравоохранения России только за последние семь лет количество преступлений, совершенных лицами в состоянии алкогольного опьянения, возросло более чем на пятьдесят

тысяч, что составляет порядка 10% от общего числа случаев нарушения закона [10].

Проблема алкоголизации населения остается одной из важнейших в области медицины и психологии, а люди, страдающие данным заболеванием, нуждаются в профилактической и коррекционной психологической помощи. Для проведения эффективной работы по предупреждению и реабилитации алкоголизма требуются научные знания об определенных причинных факторах, при наличии которых человека следует включить в группу риска данного вида аддикции [15].

Многие исследователи в области аддиктологии, характеризуя зависимую от алкоголя личность, выделяют следующие ее особенности:

- испытывает трудности при выходе из сложных, но типичных для человека жизненных ситуаций;
- обладает заниженной самооценкой, которая внешне маскируется такими чувствами, как презрение, самодовольство, горделивость;
- открыта социальным контактам, но, как правило, избегает близких отношений;
- склонна к лживым высказываниям;
- избегает ответственности;
- имеет тенденцию к регулярному и неоправданному обвинению других людей [17].

Систематическое употребление алкоголя неминуемо приводит к целому ряду других трансформаций личности. Во-первых, происходят негативные изменения в работе всех психических процессов. Снижается качество мыслительных процессов, ухудшается память, человеку труднее удерживать и переключать внимание. Во-вторых, употребление алкоголя приводит к нарушениям эмоциональной сферы. Зависимый от алкоголя человек становится более импульсивным, ощущает либо крайнюю чувствительность к происходящему вокруг, и тогда ему тяжелее справляться со своими переживаниями, либо полную безэмоциональность, когда внешние события вообще не вызывают никаких чувств [16].

Отмечаются также нарушения поведения, связанные с расстройством процессов саморегуляции. Слабо контролируется речь и нарушена координация движений. Алкогольно зависимый часто склонен к проявлениям агрессии, может терять контроль над своими действиями, что в итоге может приводить к делинквентному, преступному поведению [6].

В личностной сфере наблюдаются негативное восприятие себя, беспомощность, постоянное ощущение дискомфорта вне компании выпивающих. Меняется структура и иерархия ее мотивов, потребности теряют свою опосредованность. В связи с этим существенно уменьшается круг интересов, все стремления направлены лишь на удовлетворение одного — освободиться от физического и психологического дискомфорта. Происходит переформирование системы ценностей аддикта, стираются понятия этических и моральных норм [3].

Изменения в данных сферах личности приводят к нарушениям взаимодействия с окружающими. Отмечаются дистанцирование от людей, не употребляющих спиртное, и одновременно возвышение ценностей и тех, кто разделяет интерес к алкоголю. Только в их компании зависимые находят поддержку, позитивную оценку своего пристрастия. В то же время в исследованиях отмечается, что взаимоотношения между алкогольно зависимыми в одном кругу носят двойственный характер: они обладают общей целью, и тема алкоголя их объединяет и сближает, но одновременно с этим они не проявляют уважительного отношения к членам своей референтной группы [8].

Деструктивность коммуникации при алкогольной зависимости главным образом

выражается в том, что зависимый выстраивает своеобразную эмоциональную связь не с представителями социума, а с неодушевленным объектом [4].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает проблема саморегуляции аддиктивной личности. В своей жизни человеку всегда приходится делать тот или иной выбор при взаимодействии с внешним миром, и на этот процесс влияют различные факторы: условия окружающего мира, индивидуальные психологические особенности самого человека и окружающих его людей, цели деятельности и способы их достижения. Совершить выбор и устранить неясность ситуации, человеку помогают механизмы регуляции и саморегуляции [13].

Понятие саморегуляции тесно связано с понятием воли, а именно с волевым усилием и волевым действием. Регулятивная функция воли понимается как «...психический механизм, через который личность регулирует свои психические функции, прилаживая их друг к другу и перестраивая их в соответствии с решаемой задачей» [10, с. 42].

О.Н. Конопкин выделяет четыре основных регуляторных процесса: планирование целей, моделирование условий, программирование действий и оценка результатов, а также два регуляторно-личностных свойства: гибкость и самостоятельность [12].

Данные процессы являются компонентами системы саморегуляции.

- Принятая цель. Главенствующая и смыслообразующая функция саморегуляции.
- Модель условий. Совокупность условий внешнего и внутреннего мира человека.
- Программа. Непосредственное выполнение функции регуляции деятельности.

Представляет способы достижения цели, алгоритм действий, информированность субъекта.

- Контроль и оценка. Сопоставление субъектом результатов деятельности и намеченных целей. [11]

Представленная система саморегуляции присуща людям в целом, но для отражения их индивидуальных психологических характеристик используются факторы, связанные с устойчивостью и адекватностью постановки цели. Имеются в виду различия в активности, соответствии целей окружающей обстановке, которые отражают особенности моделирования условий (продуктивность психических процессов) и создания программы действий (аспекты тщательности планирования, соотнесение действий с прошлым опытом, прогностические способности) [14].

Также влияние на стиль саморегуляции оказывают следующие индивидуальные характеристики человека:

- адекватность (соответствие способов условиям);
- осознанность (осмысленный подход);
- пластичность (способность вносить корректировки);
- устойчивость (независимость от неблагоприятных ситуаций) [7].

В.И. Моросанова связывает индивидуальный стиль с вариантами выхода из сложных жизненных ситуаций. основополагающим фактором является непосредственный тип реакции на фрустрирующую ситуацию. Стиль саморегуляции отображает характер деятельности человека в целом, его активности, он включает в себя компенсаторную, интегративную и инструментальную функции [13].

Согласно субъектному подходу, человек, проявляя активность, сам планирует и вносит корректировки в свою деятельность. Как правило, индивидуальный стиль рассматривают через особенности результатов и процесса деятельности человека [5].

На принцип субъекта деятельности опиралась в своих работах Л.Г. Дикая. Согласно данному принципу, существует связь между внешними условиями окружающего мира и индивидуально-психологическими структурами личности, которые задействованы в саморегуляции. Л.Г. Дикая представляет саморегуляцию в качестве психологической системы и деятельности психики. Центральными компонентами саморегуляции являются принцип активности и принцип развития. Автор выделяет два уровня функционирования саморегуляции: психофизиологический и психодинамический. Взаимодействие между уровнями формирует стиль саморегуляции, в то время как фундаментом для его построения являются ресурсы человека. Ресурсы, в свою очередь, закладываются на основе личного опыта [9].

В личностно-ориентированной теории регуляции психических состояний выдвинуто следующее положение: саморегуляция является иерархической системой, компонентами которой выступают регуляторы различных психических состояний. Каждое новое состояние переживается человеком, осмысливается, осознается — именно так и происходит функционирование системы саморегуляции. Важную роль здесь играют психические процессы человека, а также его индивидуальные психологические особенности [13].

Психическая саморегуляция человека, страдающего алкогольной зависимостью, нарушена. Регулятивный системный процесс, который включает в себя этапы инициирования, планирования, моделирования, оценки и коррекции форм внешней и внутренней активности человека, согласно его целям, становится деформированным. Страдают как отдельные компоненты системы саморегуляции, так и весь процесс адаптации человека, его реакции на стрессовую ситуацию [7].

Все вышесказанное и определило цель нашего исследования — выявить особенности саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью.

Гипотеза исследования

В исследовании мы исходим из предположения, согласно которому мужчины с алкогольной зависимостью обладают более низким уровнем саморегуляции и повышенной чувствительностью к стрессовым ситуациям, воздействию неблагоприятных факторов в сравнении со здоровыми мужчинами.

Метод и участники исследования

В ходе эмпирического исследования нами было проведено сравнение основных компонентов саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью (экспериментальная группа) и здоровых мужчин, которые составили контрольную группу. Средний возраст испытуемых составил 36,5 (+/-3,9) лет. Мужчины экспериментальной выборки (40 человек) находились на стационарном наблюдении в наркологической клинической больнице г. Москвы, им был поставлен диагноз — алкогольная зависимость второй и третьей стадии. Контрольную группу составили здоровые мужчины (41 человек), не злоупотребляющие алкоголем и инициативно пожелавшие участвовать в исследовании.

Для выявления особенностей саморегуляции в обеих группах использовались следующие методики: «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана, опросник «Стилевая саморегуляция поведения человека» В.И. Моросановой и «Методика изучения фрустрационных реакций» С. Розенцвейга. Для обработки данных использовался статистический критерий проверки гипотез в пакете SPSS Statistics-26: непараметрический

критерий Манна-Уитни для независимых выборок.

Результаты и их обсуждение

Полученные данные по методике «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана, представленные в табл. 1, свидетельствуют о следующих особенностях в компонентах процесса саморегуляции между экспериментальной и контрольной группами. Не обнаружено значимых различий в свойстве «Настойчивость» между мужчинами с алкогольной зависимостью и здоровыми мужчинами. Также разница в показателях в уровнях развития волевой саморегуляции не является достаточно большой, чтобы говорить о статистически значимых различиях двух выборок. Вместе с тем имеются значимые различия по признаку «Самообладание» ($p \leq 0,01$). Данные свидетельствуют о том, что мужчины с алкогольной зависимостью демонстрируют неустойчивость эмоциональных проявлений либо эмоциональную холодность. Они неуравновешены, отличаются неадекватностью поведения. Таких людей пугает все новое, они обидчивы.

Таблица 1

Результаты методики «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В.Эйдмана (N = 81)

Показатели методики	Группа	Средний ранг	Асимптотическая значимость
Общий уровень саморегуляции	Контрольная группа	23,05	0,259
	Экспериментальная группа	18,85	
Настойчивость	Контрольная группа	20,71	0,875
	Экспериментальная группа	21,30	
Самообладание**	Контрольная группа	26,21	0,004
	Экспериментальная группа	15,53	

По данным исследования с помощью опросника «Стилевая саморегуляция поведения человека» (В.И. Моросанова), представленным в табл. 2, можно сделать вывод о том, что статистически значимые различия между мужчинами с алкогольной зависимостью и здоровыми мужчинами по уровню саморегуляции отсутствуют. Однако следует отметить, что есть различия между экспериментальной и контрольной выборками в уровнях признака по субшкалам «Программирование» ($p \leq 0,05$), «Оценка результатов» ($p \leq 0,01$) и «Самостоятельность» ($p \leq 0,01$).

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что по уровню выраженности признаки по шкалам «Программирование деятельности» и «Самостоятельность» выше в экспериментальной группе. Данные показатели можно объяснить тем, что не имеющие алкогольной зависимости мужчины обладают более высокими навыками планирования своей деятельности. Они более тщательно и детально продумывают все этапы своей работы, способны адекватно оценивать внешние обстоятельства и вносить своевременные и важные корректировки в свои планы для достижения цели. В то время как аддикты менее самостоятельны, им зачастую требуется помощь в организации и контроле их действий со стороны, у них меньше развиты

способности самозащиты, они более подвержены чужому мнению. При этом у алкогольно зависимых мужчин отмечается более высокий уровень признака по шкале «Процесс оценки результатов деятельности» ($p \leq 0,01$). Данные результаты можно связать с предположением о том, что у аддиктивной личности формируются особые критерии при оценивании результатов своей деятельности, отличные от факторов здорового человека. Так, алкогольно зависимые считают, что являются вполне состоятельными в любой деятельности, стоит им лишь начать ее. Однако зачастую они не могут адекватно оценить, с какими конкретными задачами сумеют справиться, не критичны к своим способностям и возможностям.

Таблица 2

**Результаты опросника «Стилевая саморегуляция поведения человека»
 В.И.Моросановой (N = 81)**

Показатели опросника	Группа	Средний ранг	Асимптотическая значимость
Процесс планирования	Контрольная группа	22,31	0,463
	Экспериментальная группа	19,63	
Процесс моделирования	Контрольная группа	20,57	0,809
	Экспериментальная группа	21,45	
Процесс программирования*	Контрольная группа	24,60	0,039
	Экспериментальная группа	17,23	
Процесс оценки результатов**	Контрольная группа	16,60	0,011
	Экспериментальная группа	25,63	
Гибкость	Контрольная группа	20,71	0,872
	Экспериментальная группа	21,30	
Самостоятельность**	Контрольная группа	26,12	0,004
	Экспериментальная группа	15,63	
Общий уровень саморегуляции	Контрольная группа	24,29	0,070
	Экспериментальная группа	17,55	

Результаты исследования по «Методике изучения фрустрационных реакций» (С. Розенцвейг) в табл. 3 свидетельствуют о различиях в реакциях на проблемные ситуации и способах выхода из них у алкогольно зависимых и здоровых мужчин. Статистически значимые различия отмечаются по направлениям реакции (экстрапунитивная и импунитивная) и по типу реакций (фиксация на препятствии и фиксация на удовлетворении потребности). Более высокая частота экстрапунитивных реакций на проблемную ситуацию отмечается у мужчин с алкогольной зависимостью. Таким образом, у алкогольных аддиктов агрессия в целом направлена на окружение, внешнюю причину проблемы. Эти результаты подтверждают данные о формировании и нарастании агрессивных характерологических черт у мужчин с алкогольной зависимостью. Они более склонны к обвинению окружающих, демонстрируют различные формы агрессивного поведения, чаще вербального и открытого характера.

Таблица 3

Результаты «Методики изучения фрустрационных реакций» С. Розенцвейга (N = 81)

Показатели методики	Группа	Средний ранг	Асимптотическая значимость
Экстрапунитивная реакция**	Контрольная группа	15,14	0,001
	Экспериментальная группа	27,15	
Интропунитивная реакция	Контрольная группа	20,52	0,789
	Экспериментальная группа	21,50	
Импунитивная реакция**	Контрольная группа	25,81	0,008
	Экспериментальная группа	15,95	
Фиксация на препятствии***	Контрольная группа	14,00	0,000
	Экспериментальная группа	28,35	
Фиксация на самозащите	Контрольная группа	19,14	0,299
	Экспериментальная группа	22,95	
Фиксация на удовлетворении потребности*	Контрольная группа	25,10	0,022
	Экспериментальная группа	16,70	

По результатам исследования, мужчинами, страдающими алкогольной зависимостью, сложные жизненные ситуации рассматриваются в качестве дистрессовых, в которых они довольно часто затрудняются найти выход, но сразу пытаются обвинить кого-то или перенести ответственность на внешние обстоятельства. В некоторых случаях аддикты склонны к внешнему самообвинению, когда, считая себя виновными и одновременно стремясь защититься, демонстрируют проявления вербальной агрессии. Данные результаты могут служить показателем неадекватной оценки окружающей обстановки и самооценки, нейтральных или негативных взглядов на жизнь, общество и свои перспективы.

В отличие от аддиктов, не имеющие зависимость от алкоголя мужчины чаще склонны оценивать стрессовую ситуацию как сложную, но мобилизирующую, дающую возможность проявить себя, найти наиболее эффективные выходы из стрессовой ситуации. Они проявляют более высокий уровень осознанности, как ситуации, так и самих себя, своих возможностей и способностей.

Данные по шкале «Фиксация на удовлетворении потребности» ($p \leq 0,05$) «Методики изучения фрустрационных реакций» С. Розенцвейга свидетельствуют о том, что у мужчин контрольной выборки чаще отмечаются реакции с фиксацией на непосредственное удовлетворение потребности. Таким образом, алкогольно зависимые, в отличие от здоровых мужчин, менее склонны направлять свою деятельность на поиск благоприятных и адекватных выходов из проблемных ситуаций.

По результатам, полученным по шкале «Фиксация на препятствии» ($p \leq 0,001$) «Методики изучения фрустрационных реакций», у представителей экспериментальной выборки наблюдается преобладание реакций на фрустрирующую ситуацию с фиксацией на препятствии. Это свидетельствует о том, что алкогольно зависимые делают акцент на

аспекте, который мешает им, вызывает неприятные эмоции. В этих условиях они больше внимания уделяют самой ситуации, конкретным факторам, отражающим невозможность удовлетворить потребность, в то время как во внимании здоровых мужчин доминирует цель преодолеть возникшую фрустрацию, найти выход из ситуации.

Таким образом, на основании результатов проведенного нами исследования можно выделить следующие особенности саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью. Прежде всего, это неустойчивость эмоциональных реакций, для внешних проявлений которых характерна либо эмоциональная холодность, либо крайняя неуравновешенность. Поведение, отражающее особенности саморегуляции алкогольно зависимых мужчин, характеризуется неадекватностью, склонностью к реакциям страха либо враждебности и агрессивности. По сравнению со здоровыми мужчинами аддикты отличаются низкими навыками программирования своих действий, неспособностью адекватно оценивать внешние обстоятельства и вносить своевременные и важные корректировки для достижения цели, невозможностью тщательно продумывать этапы деятельности. При выполнении любой задачи, вызывающей дополнительные трудности, или возникновении препятствий на пути ее решения они испытывают потребность в помощи в организации и контроле своих действий, ощущая при этом свою несостоятельность, что, в свою очередь, заставляет их, в качестве оправдания, обвинять в любых неприятностях других людей. Деформированные критерии оценки результатов своей деятельности, приводят их к демонстрации в проблемной ситуации реакций агрессии, направленной на окружение или внешнюю причину проблемы.

Заключение

Процессы психической саморегуляции являются важнейшим механизмом, обеспечивающим способности человека адаптироваться к постоянно меняющимся условиям окружающей среды, самостоятельно выстраивать план для достижения целей, своевременно редактируя его, контролировать свои поведение и эмоции. Адаптивно функционирующая система саморегуляции позволяет человеку чувствовать себя продуктивным, способным достигать новых высот, быть в гармонии с окружающим миром.

Алкогольная зависимость, как и любой другой тип аддиктивного поведения, сопровождается нарушением функционирования процессов психической саморегуляции. Это приводит к разным последствиям, но тенденция — отчетливо негативная.

Мужчина, зависимый от алкоголя, и, соответственно, имеющий нарушения психической саморегуляции, разрушает взаимоотношения с семьей, близкими, теряет благополучный ориентир своей жизни, лишается способности адекватно оценивать окружающую обстановку и действовать в ней, не способен соотносить желания с нормами общества. Неспособность контролировать эмоциональные реакции и поведение могут привести к нарушениям закона, и тогда, как «снежный ком», прибавляются негативные события, сложные ситуации, из которых все сложнее будет выходить, труднее будет справляться с накапливающимися проблемами.

Психокоррекционная работа с алкогольно зависимыми мужчинами ведется исходя из особенностей их нарушений. Данное исследование имело своей целью выявление особенностей саморегуляции у мужчин с алкогольной зависимостью. Поставленная цель была достигнута. Полученные результаты можно использовать для разработки психокоррекционных программ.

Известно, что ранняя психологическая коррекционная работа дает более конструктивные

результаты. Но чаще всего к ней приступают не на первой стадии алкогольной зависимости, однако это несколько не умаляет ее значимости. Выявленные в исследовании особенности саморегуляции, несомненно, имеют место на всех стадиях алкогольной зависимости. Меняется только степень их выраженности. При проведении психокоррекции учитываются специфические аспекты каждой стадии зависимости.

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить: наша гипотеза о том, что мужчины с алкогольной зависимостью обладают более низким уровнем саморегуляции и повышенной чувствительностью к воздействию неблагоприятных факторов в сравнении со здоровыми мужчинами, подтверждается частично. Обнаружены различия в уровнях отдельных компонентов саморегуляции: способность к эмоциональному самообладанию, программированию, оценке результатов и самостоятельности своей деятельности. Также отмечается более высокий уровень придания значимости стрессовым ситуациям с фиксацией на неблагоприятных факторах, склонность к поиску виновных, а не поиску решений.

Основываясь на результатах проведенного исследования, психологическая коррекционная работа должна строиться с учетом решения следующих задач:

- развитие навыков самообладания;
- развитие самостоятельности;
- развитие навыков психологической защиты;
- тренировка навыков программирования деятельности;
- стабилизация эмоциональной сферы и поведения, изменение направленности реакций на проблемные ситуации и поиск адекватных способов выхода из проблемных ситуаций.

Психокоррекционная программа может включать в себя блоки, посвященные психодиагностике, тренингам развития саморегуляции, просветительской работе.

Коррекция процессов саморегуляции может быть реализована посредством формирования установки на поиск приоритетных целей с алгоритмом их достижения, формирования мотивации на поиск жизненного смысла, предназначения, корректировки самооценки, системы ценностей и личностно значимых ориентиров.

Литература

1. Абдурахманов Р.А., Костеров А.С. Основные направления изучения копинг-поведения в современной психологии. // *Цивилизация знаний: Проблема человека в науке XXI века. Труды XII Международной научной конференции.* 2011. С. 335—341.
2. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Якушенко А.В. Стигматизация и психическое здоровье // *Психическое здоровье и образование: сборник научных статей по материалам II Конгресса «Психическое здоровье человека XXI века».* 2018. С. 132—134.
3. Бусарова О.Р. Профориентационная работа с подростками и юношами с девиантным поведением: опыт подготовки специалистов // *Психология и право.* 2019. Т. 9. № 3. С. 35—44. DOI:10.17759/psylaw.2019090303
4. Буслаева Е.Л., Михалкин Н.В. Ценности современного Российского общества: философско-психологический анализ. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки.* 2005. № 1. С. 62—69.
5. Буслаева Е.Л. Ценностные ориентации современной молодежи // *Социальное положение детей, подростков и молодежи в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч.* // Уфа: Учреждение Российской академии наук Институт

социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН. 2010. С. 159—162.

6. Власова Н.В. Психологические особенности профилактики аддиктивного поведения современной молодежи // Мир образования — образование в мире. 2018. № 1(69). С. 178—185.

7. Власова Н.В. Экзистенциальные проблемы современного юношества // Акмеология. 2014. № S3, 4. С. 53—54.

8. Грязнов А.Н., Асыллова З.Р. Интерперсональные отношения лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией [Электронный ресурс] // КПЖ. 2009. № 7, 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpersonalnye-otnosheniya-lits-stradayuschih-alkogolizmom-i-narkomaniye> (дата обращения: 08.04.2019).

9. Дикая Л.Г. Психология саморегуляции функционального состояния субъекта в экстремальных условиях деятельности: дисс. д-ра психол. Наук. М. 2002. 342 с.

10. Информация Минздрава России в связи с инициативой Минпромторга о снятии ограничений на продажу алкоголя в магазинах, расположенных около социальных и спортивных объектов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2016/02/25/2803-informatsiya-minzdrava-rossii-v-svyazi-s-initsiativoy-minpromtorga-o-snyatii-ogranicheniy-na-prodazhu-alkogolya-v-magazinah-raspolozhennyh-okolo-sotsialnyh-i-sportivnyh-ob-ektov> (дата обращения: 10.11.2019).

11. Канаркевич О.С. Деструктивные изменения личности у алкогольных аддиктов [Электронный ресурс] // Известия ЮФУ. Технические науки. 2006. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnye-izmeneniya-lichnosti-u-alkogolnyh-addiktov> (дата обращения: 07.10.2019).

12. Конопкин О.Н. Функциональная структура саморегуляции деятельности и поведения // Психология личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1989. С. 158—172.

13. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М., 2001. 192 с.

14. Сафуанов Ф.С., Сорокова М.Г., Соковец А.К. Про- и антиагрессивные личностные факторы у обвиняемых с психическими расстройствами в преступлениях против личности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 158–177. DOI:10.17759/psylaw.2019090312

15. Шелехов И.Л., Морева С.А., Власова Н.В. Гендерные роли и стереотипы // Наука и образование. Материалы конференции: в 6 т. 2007. С. 200—204.

16. Griffiths M. D. Technological addictions: Looking to the future // Paper presented at the 105th Annual Convention of the American Psychological Association. Chicago, 2017. P. 76.

17. Becker G. The Quest for the Theory of Everything [Электронный ресурс] / G. Becker // Drew University Faculty. The Drew. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/228870926_Gary_Becker_and_the_Theor_u_of_Everything (дата обращения: 03.10.2019).

References

1. Abdurakhmanov R. A., Kosterov A. S. the Main directions of the study of coping behavior in modern psychology // In the collection: Civilization of knowledge: the Problem of man in science of the XXI century Proceedings of the XII International scientific conference. 2011. Pp. 335—341.

(In Russ.).

2. Bovina I. B., Dvoryanchikov N. V., Yakushenko A.V. Stigmatization and mental health // in the collection: Mental health and education collection of scientific articles on the materials of the II Congress "Mental health of the XXI century". 2018. Pp. 132—134. (In Russ.).
3. Busarova O. R. Career guidance work with adolescents and young men with deviant behavior: experience of training specialists // Psychology and law. 2019. Vol. 9. No. 3. Pp. 35—44. DOI:10.17759/psylaw.2019090303. (In Russ.).
4. Buslaeva E. L., Mikhalkin N. V. Values of modern Russian society: philosophical and psychological analysis. Bulletin of the Moscow state regional University. Series: Philosophical Sciences. 2005. No. 1. Pp. 62. (In Russ.).
5. Buslaeva E. L. Value orientations of modern youth. In the collection: the Social situation of children, adolescents and youth in modern society materials of the all-Russian scientific and practical conference: in 2 parts. // Establishment of the Russian Academy of Sciences Institute of social and economic research of the Ufa scientific center of RAS. 2010. Pp. 159—162. (In Russ.).
6. Vlasova N. V. Psychological features of prevention of addictive behavior of modern youth // World of education-education in the world. 2018. No. 1 (69). Pp. 178—185. (In Russ.).
7. Vlasova N. V. Existential problems of modern youth // Acmeology. 2014. No. S3-4. Pp. 53—54. (In Russ.).
8. Gryaznov A. N., asylova Z. R. Interpersonal relations of persons suffering from alcoholism and drug addiction [Electronic resource]. 2009. No. 7-8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpersonalnye-otnosheniya-lits-stradayuschih-alkogolizmom-i-narkomaniey> (accessed 08.04.2019). (In Russ.).
9. Dikaya, L. G. Psychology of self-regulation of the functional state of the subject in extreme conditions of activity: Dis. d-RA psikhol. Sciences / M. 2002. 342 PP. (In Russ.).
10. Information of the Ministry of health of Russia in connection with the initiative of the Ministry of industry and trade on the removal of restrictions on the sale of alcohol in stores located near social and sports facilities [Electronic resource] // URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2016/02/25/2803-informatsiya-minzdrava-rossii-v-svyazi-s-initsiativoy-minpromtorga-o-snyatii-ogranicheniy-na-prodazhu-alkogolya-v-magazinah-raspolozhennyh-okolo-sotsialnyh-i-sportivnyh-ob-ektov> (accessed 10.11.2019). (In Russ.).
11. Kharkevich O. S. Destructive changes of personality of alcohol addicts [Electronic resource] // Izvestiya yufu. Technical science. 2006. No. 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnye-izmeneniya-lichnosti-u-alkogolnyh-addiktov> (accessed 07.10.2019). (In Russ.).
12. Konopkin O. N. Functional structure of self-regulation of activity and behavior / O. N. Konopkin // Psychology of personality in socialist society. - Moscow: Nauka, 1989. Pp. 158—172. (In Russ.).
13. Morosanova V. I. Individual style of self-regulation: phenomenon, structure and functions in arbitrary human activity. Moscow, 2001. 192 PP. (In Russ.).
14. Safuanov F. S., Sorokova M. G., Sokovets A. K. Pro - and anti-aggressive personal factors of defendants with mental disorders in crimes against the person // Psychology and law. 2019. Vol. 9. No. 3. Pp. 158—177. DOI:10.17759/psylaw.2019090312. (In Russ.).
15. Shelekhov I. L., Moreva S. A., Vlasova N. V. Gender roles and stereotypes // in the collection: Science and education conference Materials: in 6 volumes. 2007. Pp. 200—204. (In Russ.).
16. Griffiths M. D. Technological addictions: Looking to the future / M. D. Griffiths // Paper

Власова Н.В., Лановая А.М.
Особенности саморегуляции мужчин с алкогольной
зависимостью
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 208–220.

Vlasova N.V., Lanovaya A.M.
Self-Control Peculiarities of Men with Alcohol
Dependence
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 208–220.

presented at the 105th Annual Convention of the American Psychological Association. - Chicago, 2017. P. 76.

17. Becker G. the Quest for the Theory of Everything [Electronic resource] // Drew University Faculty. The Drew. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/228870926_Gary_Becker_and_the_Theor_y_of_Everything (accessed 03.10.2019).

Информация об авторах

Власова Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: L1025173@yandex.ru

Лановая Аlesia Михайловна, младший научный сотрудник отделения организации профилактической помощи в наркологии Национального научного центра наркологии – филиала ФГБУ «НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4255-7953>, e-mail: alesya.lan@gmail.com

Information about the authors

Nataliia V. Vlasova, PhD (Psychology), Associate Professor, Chair of Legal, Forensic Psychology and Law, Department of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: L1025173@yandex.ru

Alesya M. Lanovaya, junior researcher of the Department of Preventive Care, National Research Center on Addictions – branch, National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology n.a. V.Serbtsky, Russian Federation Ministry of Health, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4255-7953>, e-mail: alesya.lan@gmail.com

Получена 27.04.2020
Принята в печать 12.05.2021

Received 27.04.2020
Accepted 12.05.2021

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL
PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Актуальность аксиологических проблем юридической психологии

Ильина В.А.

Иркутский юридический институт (филиал), Университет прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО УП РФ), г. Иркутск, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

В статье аргументируется необходимость исследования аксиологических проблем юридической психологии. Отражаются результаты проведенного теоретического исследования ценностной стороны юридической психологии, в которых отстаивается идея применения системного подхода к анализу ценностей. Утверждается, что для решения аксиологических проблем юридической психологии в виде систематизации ее ценностей необходимым возврат к философским основам познания, онтологии, диалектике, логике, материальным основам психики. При этом считается, что с систематизацией ценностей в юридической психологии может справиться не всякий системный подход. В качестве доктринальной альтернативы предлагается разработанная в философии и психологии онтологическая система категорий этики как основа естественного и позитивного права. Данная система, основанная на онтологических критериях, представляет собой матрицу (сетку) фундаментальных знаний на уровне категорий. Онтологическая матрица аксиологических категорий этики (основы права) должна раскрываться в психологических понятиях и представлять для юридической психологии ценностные ориентиры, позволяющие развиваться в научном познании, не отрываясь от фундаментальных правовых и этических основ.

Ключевые слова: наука, юридическая психология, аксиология, система ценностей, онтология, диалектика.

Для цитаты: *Ильина В.А.*, Актуальность аксиологических проблем юридической психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 221—231. DOI:10.17759/psylaw.2021110216

Urgency of Axiological Problems in Legal Psychology

Valentina A. Ilyina

Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia,
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

The article substantiates the necessity to research the axiological problems of legal psychology and shows the results of a theoretical study of the value-related aspect of legal psychology. These results advocate the idea of using a systemic approach in values analysis. It is maintained that in order to resolve the axiological problems of legal psychology by way of systematization of its values what's needed is a return to the philosophical foundations of cognition, ontology, dialectics, logic, the material basis of psyche. At the same time, it is believed that not every systemic approach can cope with value systematization in legal psychology. As a doctrinal alternative, philosophy and psychology develop and offer an ontological system of ethical categories to be the cornerstone of natural and positive law. This system relies on the ontological criteria and is a matrix (grid) of fundamental knowledge at the categorial level. The ontological matrix of axiological categories of ethics (the foundations of law) must manifest itself in psychological concepts and must represent value orientations for legal psychology, making it possible for one to develop within the framework of scientific cognition, without losing touch with the fundamentals of law and ethics.

Keywords: science, legal psychology, axiology, value system, ontology, dialectics.

For citation: Ilyina V.A. Urgency of Axiological Problems in Legal Psychology. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 221—231. DOI:10.17759/psylaw.2021110216 (In Russ.).

Введение

Настоящее время — время стремительных преобразований общества на основе технологических революций в науке, когда вновь актуальными становятся демократические начала, при которых расширяется «свобода выбора для человека, начала добровольности в его поведении» [11, с. 9] — совершается исторически очередная переоценка ценностей. Данная переоценка не может быть решена без участия науки, призванной находить истину, в том числе в аксиологической («аксиос» с *греч.* — ценность) стороне изучаемых ею объектов реальности. На науку уповают и ждут ответы на злободневные вопросы, касающиеся возникновения новых явлений и процессов, происходящих в современном обществе. В связи с этим проблема ценностей в юридической психологии возникает не случайно, поскольку сфера правовых отношений испытывает те же инновационные влияния, что и сфера экономики, медицины, образования и др. Речь идет о внедрении в жизнедеятельность общества цифровых технологий, нейротехнологий, искусственного интеллекта и др.

Целью настоящего теоретического исследования является поиск аргументов в пользу исследования аксиологических проблем юридической психологии, разрешаемых, по мнению автора, посредством анализа и систематизации ее ценностей, что в конечном итоге позволит осуществить расстановку приоритетов в развитии юридической психологии.

Результаты

Теоретический анализ показал, что актуальность исследования аксиологических проблем юридической психологии обусловлена, прежде всего, рядом обстоятельств, связанных с

современными тенденциями развития социогуманитарной линии в различных областях научного знания.

Во-первых, внутренняя логика развития науки связана с расширением спектра направлений познавательного процесса, а это актуализирует проблему выбора приоритетных областей научного познания, в том числе и на основе аксиологических критериев.

Во-вторых, социальные последствия реализации современных научных открытий требуют прогнозирования отдаленных результатов такой реализации, применение гуманистического критерия для оценки характера и содержания научной деятельности.

В-третьих, современное научное знание все более ориентируется на изучение человека, в связи с чем важнейшим объектом социально-гуманитарного познания становится система социальных ценностей [8, с. 160].

Актуальность исследования аксиологической проблематики в юридической психологии вызвана также культурными аспектами, в которые вовлечена всякая наука. Это обострение глобальных кризисов, связанных с выбором стратегий цивилизационного развития и открытием возможностей для современного диалога культур [17, с. 8], при которых происходит переоценка одних ценностей и формирование других. Интеграция культур неизбежно заставляет интегрироваться и научные дисциплины. Ни одна отрасль науки не может остаться в стороне от интеграционного дисциплинарного знания, в котором проблема ценностей выходит на первый план. Новые ценностные ориентиры находят свое отражение в современной научной доктрине. Для юридической психологии это, прежде всего, психолого-правовая доктрина [7; 15; 16], в которой отражаются ценности, связанные с целями и задачами современного реформирования и нововведениями во всех сферах российского законодательства [18], психологический механизм которых призвана объяснять юридическая психология.

Очевидно, что для юридической психологии, как научной дисциплины, входящей в систему правовых наук [13, с. 21], связующим с ними предметом анализа являются общественные отношения. Общественные отношения, как и в целом жизнедеятельность и развитие общества, не могут полноценно существовать без ценностных отношений и взглядов, играющих роль ориентира. На значение ценностных ориентиров в общественных отношениях указывает исторический опыт всего человечества. Наука же, как крупнейший социальный феномен, играет здесь «первую скрипку»: она раскрывает сущность тех или иных ценностей, лежащих в основе отношений между людьми, и общество всегда будет учитывать данное обстоятельство, используя его. Эффективность данного (ценностно-ориентированного) использования зависит «... от уровня знаний о самой природе ценностей, о социальной сущности ценностных представлений, установок и ориентаций, о закономерностях и механизмах их возникновения, функционирования, изменения и влияния на различные сферы и стороны общественной жизни» [20, с. 5].

При аксиологическом научном анализе общественных отношений неизбежно возникает плюралистическое множество мнений, при котором результаты исследований могут оказаться принципиально различными. Данное явление возникает как очевидное, поскольку ценностный подход — оценочный, позволяющий по-разному интерпретировать и объяснять современные реформы общественного устройства, отстаивать или критиковать исторически сложившиеся ценностные ориентации и взгляды. Научные изыскания с аксиологическим аспектом могут стать на сторону разных интересов, и это обстоятельство обуславливает постановку вопроса о ценностной сущности самой науки.

Анализ научной сферы с позиций аксиологии может (и объективно призван) способствовать более разностороннему, глубокому и точному пониманию перипетий научного прогресса, а значит, более результативному управлению последним. В свою очередь, достижения и неудачи на этом практическом пути и их теоретическое осмысление неизбежно должны стимулировать дальнейшую (и притом комплексную) разработку фундаментальной аксиологической проблематики [20].

Необходимость решения аксиологических проблем в юридической психологии усиливается еще и тем, что ее развитие тесно связано с практикой правоприменения. Практика же правоприменения показывает на возникновение сложной и в общем неблагоприятной ситуации в сфере правоотношений, существующей не только на локальном государственном уровне, но и на уровне глобальном, мировом. Во весь рост и с исключительной остротой встает проблема преступности, выраженная в крайне опасных ее формах — терроризме, торговле наркотиками и оружием, коррупции, экстремизме [2; 19]. Беспокорство вызывает легализация организованной преступной деятельности, коррупционность на разных уровнях государственной власти. На этом фоне растет число девиаций, угрожающих общественному устройству не менее, чем сама преступность: самоубийство среди несовершеннолетних, компьютерная аддикция, половой аморализм и др.

Перечисленные показатели дополняются другими современными данными в отношении особо охраняемой категории граждан — детей, женщин и стариков, затрагивающими непосредственно предмет научного исследования юридических психологов и показывающими нравственное состояние современного общества. Так, за последнее десятилетие в нашей стране ежегодно становятся жертвами убийств и получают тяжкие телесные повреждения 2 тыс. детей, от жестокости родителей страдают 2 млн детей, а 50 тыс. детей убегают из дома. Ежегодно пропадают 25 тыс. несовершеннолетних; насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье; около 40 тыс. детей школьного возраста вообще не посещают школу; темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения самой преступности; в современной России насчитывается около 50 тыс. несовершеннолетних заключенных, что примерно в 3 раза больше, чем было в 1930-е годы. В начале 2009 г. в нашей стране насчитывалось около 700 тыс. сирот (в сравнении: после Великой отечественной войны их насчитывалось меньше) [21, с. 59]. Общее состояние современного российского общества, таким образом, выглядит очень тревожным.

По результатам социологического мониторинга за 2019 год фундаментальных и актуальных проблем развития гражданского общества в России, доминирующими тревогами массового сознания явились: «дороговизна жизни», «произвол чиновников», «повышение цен на продукты питания», «разделение общества на богатых и бедных», «экологическая обстановка», «безработица», «страх перед будущим», «падение нравов, культуры», «безопасность близких», «ухудшение положения пенсионеров в обществе», «терроризм», «заккрытие, простой предприятий», «преступность», «алкоголизм», «наркомания» [10, с. 5—6].

Данные показатели дополняются массой бытовых примеров, отражающих обилие негативных явлений, существующих в нашем обществе. Но главной для ученых-психологов может стать проблема терпимости общества к ним, «их восприятие значительной частью населения как привычных и непреодолимых» [21, с. 59]. Терпимость, или так называемая толерантность, сегодня становится самостоятельным предметом научного анализа [4]. Это

связано не только с самой категорией «толерантность» и ее эпистемологическим значением, но и с проблемами, имеющими важное социальное и психологическое значение — безразличием, безволием, апатией, отчуждением современного человека, как от материальных и духовных ценностей, так и человека от самого человека.

Необходимость достойного выхода из сложившейся ситуации, оптимизации общественных отношений обуславливают возможную и должную роль юридической психологии в совместном с другими науками социально-гуманитарного и, прежде всего, правового цикла подходе к улучшению социальной обстановки на основе научного объяснения психологических механизмов правозначимых явлений современной действительности. В этом смысле аксиологическая проблематика юридической психологии представляет особый интерес для исследователя и имеет важное практическое значение.

В свете перечисленных проблем автором была предпринята попытка осмысления аксиологической стороны юридической психологии и обоснования систематизации ее ценностей. Логика исследования заключалась в следующем: анализе ценностей как предмете науки; рассмотрении основных научных подходов к пониманию природы ценностей; определении истоков формирования ценностей юридической психологии как прикладной дисциплины и детерминантов ее формирования как научной отрасли психологии; раскрытии сущности системного подхода и поиске приемлемой логики систематизации ценностных категорий юридической психологии. *Проведенное теоретическое исследование позволило сделать следующие выводы:*

— обзор аксиологической проблематики в науке в целом и в юридической психологии — в частности позволил утвердиться в важности ее исследований с широких, общественно-социальных позиций в обход узким позитивистским и феноменологическим взглядам. Для юридической психологии, как дисциплины прикладного значения, имеющей прямое отношение к социальным феноменам, ценности науки — это, прежде всего, те ценности-знания, которые позволяют судить о ее активности как участнике регулирования отношений в правовой сфере;

— первоначальные и основные (как принято это считать в философии) подходы к критериям определения ценностей в науке гуманитарного цикла (к которым относится юридическая психология) имеют две противоположные традиции: материализм и идеализм. В рамках этих двух подходов действует множество теорий, вставших на ту или иную сторону познания сущности ценностей. Между тем сущность этих основных подходов (материалистического и идеалистического) в настоящее время существенно искажена, а под грузом плюралистических взглядов и толкований просто стирается. Вопрос же о понимании материалистической или идеалистической сущности той или иной психологической теории в юридической психологии ставится, пожалуй, более остро по сравнению с другими отраслями психологии. Результаты деятельности юридических психологов тесным образом связаны с судьбами конкретных людей — участниками правоотношений. От выводов психологов, участвующих в разбирательстве по уголовным и гражданским делам во многом зависит принятое судебное решение, поэтому идеалистические теории в практике правоприменения просто недопустимы;

— исторический обзор истоков формирования ценностей юридической психологии как научной дисциплины, лежащей на стыке психологии и права, позволил убедиться в том, что такие ценности, как свобода и равенство, справедливость, государство и право, общественное благоустройство и безопасность человека, являются непреходящими. Данные

ценности первичны, они сформировались в самих истоках общественного устройства [6] и стали настолько естественными, что проявляются на подсознательном, архитипическом уровне в психологии народов. Вся дальнейшая история вплоть до наших дней показывает постоянную борьбу за них. Чем больше предыдущее поколение вложило сил в защиту общечеловеческих ценностей, тем острее воспринимает настоящее поколение любую попытку покушения на них. В связи с этим юридическая психология обязана применить все силы для аргументации истинно правовых ценностей, отстаивая их человеческую природу;

— обзор парадигмальных и иных дебатов, имеющих место в современном научном творчестве, позволяет говорить о существовании в юридической психологии (как отраслевой психологической науки) тех же внутренних кризисов, что и в ее «материнской» науке психологии: столкновение противоположных установок при объяснении результатов исследования (эмпирических и гуманитарных); спор между «жестким», естественно-научным детерминизмом и социокультурной детерминацией [12, с. 61—81] и др. Все эти внутринаучные перипетии, с одной стороны, являются результатом естественного развития психологии, но с другой стороны, разрушают ее цельность и создают условия для проникновения под вывеской науки психологии лженаучных теорий и парапсихологических течений [22, с. 274—275]. В связи с этим вопрос об объективности методов исследования в юридической психологии в настоящее время должен быть поставлен более остро, поскольку данное время, по мнению ученых, насыщено «вакханалией лженауки» [1, с. 14—30; 3, с. 105];

— решение аксиологических проблем в юридической психологии, по мнению автора, возможно решить в ходе применения системного подхода, предполагающего организацию взаимодействия категорий юридической психологии. Тех категорий, в которых раскрываются научные и правовые ценности. Психология, как известно, это, прежде всего, категориальная наука, и закономерности (связи) важно искать на уровне категорий и затем раскрывать их в теориях [6];

— с систематизацией ценностей в юридической психологии между тем может справиться не всякий системный подход. Поскольку юридическая психология вбирает в себя не только психологические категории, но и категории правовые, искомым системный подход должен оперировать именно юридической семантикой, но раскрываемой посредством категориально-понятийного аппарата психологии. В связи с этим автор полагает, что реализовать данную задачу способна объединяющая все науки философская дисциплина онтология, или наука о сущем;

— в основу ценностей-категорий юридической психологии, по мнению автора, приемлемо положить разработанную в философии и психологии онтологическую систему категорий этики [9], как основу естественного и позитивного права. Данная система ценностей юридической психологии на основе онтологических критериев представляет собой матрицу (сетку) фундаментальных знаний на уровне категорий (см. таблицу). Онтологическая матрица категорий аксиологической системы юридической психологии позволяет посредством видения ее ценностей в единстве связей и взаимодействий двигаться в научном познании, не отрываясь от фундаментальных правовых и творческих основ. Она ни в коей мере не препятствует свободе развития науки, простору для движения научной мысли и выполняет директивную функцию для ученого психолога в сфере права только в части видения закономерностей изучаемых им правовых явлений.

Осмысление аксиологических проблем юридической психологии позволило прийти не

только к вышеуказанным выводам. Данный анализ дополнительно убедил в постулате о том, что природа ценностей юридической психологии лежит в закономерной связи правовых явлений с интересами и потребностями общества, с надеждой людей на безопасность и свободу, верой в будущее, что возможно реализовать только при построении и удержании правового государства и благоустройстве жизнедеятельности его граждан.

Государство и право в своем единстве и в этических определенностях юридической психологии является основной ценностью, за которой стоит благополучие общества. Поэтому государство и право не могут быть подчинены отдельной личности и ее интересам, поскольку интересы этой личности и общества могут не совпадать. Кроме того, государство и право — есть самые уникальные ценности, которые могло создать человечество в качестве продукта своей сознательной и многовековой общественной деятельности.

Таблица

Система ценностей юридической психологии

ТВОРЕНИЕ (юридическая психология)															
Созидатель								Созидание							
Труженик				Культура				Гражданин				Цивилизация			
КРАСОТА (гармония)								ПОРЯДОК							
Мечта				Мечтание				Закон				Государство			
Досуг		Честолюбие		Убеждение		Увлечение		Служба		Служение		Власть		Управление	
ТВОРЧЕСТВО				ИСКУССТВО				СПРАВЕДЛИВОСТЬ				СОСУЩЕСТВОВАНИЕ			
Воображение		Соображение		Отображение		Преображение		Достоинство		Равенство		Терпение		Уважение	
Субъект	Объект	Образование	Обучение	Дарование	Дерзание	Призвание	Признание	Логика	Интерес	Труд	Заслуги	Судьба	Случай	Свобода	Счастье
Мы	Вы	Я	Ты	Сведения	Сообщение	Речь	Общени	Желание	Права	Честь	Подвиг	Усилие	Умение	Удача	Успех
Сожительство		Участие		Знак		Язык		Установка		Достоинство		Воля		Вера	
ДЕЛО				СЛОВО				СОВЕСТЬ				СВОБОДА			
Желание		Участие		Норов		Привычки		Устав (закон)		Обычай		Уклад		Строй	
Поступок				Поведение				Правило				Соблюдение			
ПРАВ								ПРАВО							
Труженик				Культура				Гражданин				Цивилизация			
Деятель								Деяние							
ДОБРО — БЛАГО (сущность правовых отношений)															

Юридическая психология, как прикладная дисциплина и как научная отрасль психологической науки, не может остаться в стороне от аксиологической проблематики,

актуально вставшей в приоритетных направлениях развития современных гуманитарных и общественных наук в свете технологического триумфа. Она как всякая другая общественная наука служит человеку и призвана сдерживать технологическую дегуманизацию. Юридическая психология одна из тех гуманитарных дисциплин, которая наиболее близко соприкасается с правовыми науками и может обосновать сдерживание внесения в законодательство результатов научных изысканий с возможными негативными последствиями для своего объекта.

Собственную систему ценностей юридическая психология должна отстаивать также и потому, что ее научный статус может быть поколеблен теми тенденциями, которые проявляются в настоящее время в науке в целом: девальвацией изучения фундаментальных (академических) наук общественного и гуманитарного цикла (философии, диалектики, логики и др.); отвлечением большей части населения на искусственно созданные ценности или персоналии от истинного предназначения человека — его познания сущности мироздания (к которому относится и он сам); упованием на суверен искусственного интеллекта; все расширяющимися возможностями технических средств управления и контроля как альтернативы правомерным психологическим методам воздействия на человека и др.

Понимание ложности данных установок и настроений в обществе не решает проблемы правового регулирования. Взять что-то из положительного прошлого — не значит ухудшить положение. Возврат к философии, онтологии, диалектике, логике, материальным основам психики — верный путь решения аксиологических проблем в юридической психологии как научной дисциплины, рискующей «увлечься» позитивизмом и феноменологией только для того, чтобы «выжить» в условиях жесточайшей конкуренции. Психология не должна оказаться в числе тех наук, которым будущее поколение инкриминирует поддержку возможных антигуманных научных изысканий.

В завершение важно отметить, что юридическая психология не может быть консервативной наукой, она должна идти не просто в ногу со временем (прежде всего с действующим законодательством), а впереди его, прогнозируя и разъясняя последствия претворения нормотворческих инициатив и правовых актов в жизнь. Все, с чем работает юридическая психология — от методов профессиографического отбора, установления причин и условий преступности и до разработки приемом раскрытия преступлений, — так или иначе, отражается в действующем законодательстве.

Литература

1. Александров Е.Б. Проблемы экспансии лженауки // В защиту науки. Бюллетень. 2006. № 1. С. 14—30.
2. Власов В.И. Общество — справедливость — государство — социальная напряженность экстремизм-терроризм // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2012. № 3(18). С. 141—152.
3. Ефремов Ю.Н., Полищук Р.Ф. Государство и лженаука // В защиту науки. Бюллетень. 2006. Вып. 1. С. 105—110.
4. Ильинская С.Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М.: Праксис, 2007. 288 с.

5. История политических и правовых учений: учебник для вузов. 2-е изд., стереотип. / Под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М.: НОРМА-ИНФРА·М, 1999. 736 с.
6. Казаневская В.В. Категориальный уровень в структуре психологической науки [Электронный ресурс] // Научные материалы международного форума и школы молодых ученых ИП РАН. 2002. URL: <http://www.ipras.ru> (дата обращения: 29.04.2020).
7. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М.: Генезис, 2010. 352 с.
8. Кузьменко Г.Н., Отюцкий Г.П. Философия и методология науки: учебник для магистратуры. М.: Юрайт, 2014. 450 с.
9. Кузьмин Е.С. Система «Человек и мир»: монография: в 2 т. / Науч. ред. В.И. Березовский. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. Том 1, 2. 314 с.
10. Состояние гражданского общества в России. XLIX этап социологического мониторинга «Как живешь Россия?», июнь 2019 года / Под общ. ред. В.К. Левашова. М.: Перспектива, 2019. 143 с.
11. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Институт государства и права РАН, 2012. 363 с.
12. Марцинковская Т.Д. Междисциплинарность как системообразующий фактор современной психологии // Методологические проблемы современной психологии: сб. статей / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2004. 183 с.
13. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. 571 с.
14. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
15. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М.: Гардарика, 1998. 192 с.
16. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности / Под науч. ред. Г.М. Миньковского. М.: НОРМА, 1998. 285 с.
17. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 393 с.
18. Трансформация государства и права в условиях глобальной цифровизации общества // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 26 окт. 2019 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. 296 с.
19. Фёдоров А.В. Рекомендательные акты СНГ об уголовной ответственности юридических лиц в контексте новых вызовов и угроз // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4(22). С. 13—20.
20. Ценностные аспекты науки и проблемы экологии: сб. статей / Отв. ред. Е.Т. Фаддеев и др. М.: Наука, 1981. 278 с.
21. Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: Институт психологии РАН, 2014. 349 с.
22. Юревич А.В. Социальная психология научной деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2013. 447 с.

References

1. Aleksandrov E.V. Problemy ekspansii lzhenauki. [Problems of expansion of pseudoscience]. V zashchitu nauki. Byulleten'. [In defense of science. Bulletin]. 2006. no. 1. pp. 14—30.
2. Vlasov V.I. Obshchestvo — spravedlivost' — gosudarstvo — sotsial'naya napryazhennost' ekstremizm-terrorizm. [Society — justice — state — social tension extremism-terrorizm]. Voprosy

natsional'nykh i federal'nykh otnoshenii. [Questions of national and federal relations]. 2012. no. 3 (18). pp. 141—152.

3. Efremov Yu.N., Polishchuk R.F. Gosudarstvo i lzhenauka. [State and Pseudoscience]. V *zashchitu nauki. Byulleten'*. [In defense of science. Bulletin]. Moscow, 2006. Vyp. 1. pp. 105—110.

4. Il'inskaya S.G. Tolerantnost' kak printsip politicheskogo deistviya: istoriya, teoriya, praktika. [Tolerance as a principle of political action: history, theory, practice]. Moscow: Publ. Praksis, 2007. 288 p.

5. Istriya politicheskikh i pravovykh uchenii: uchebnik dlya vuzov. Izd. 2-e, stereotip [History of political and legal doctrines: a textbook for universities. Ed. 2nd, stereotype.]. Moscow: Publ. NORMA-INFRA•M, 1999. 736 p.

6. Kazanevskaya V.V. Kategorial'nyi uroven' v strukture psikhologicheskoi nauki [Elektronnyi resurs] [Categorical level in the structure of psychological science]. *Nauchnye materialy mezhdunarodnogo foruma i shkoly molodykh uchenykh IP RAN. 2002*. [Scientific materials of the international forum and the school of young scientists of the IP RAS. 2002]. URL: <http://www.ipras.ru>. (Accessed 29.04.2020).

7. Kochenov M.M. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza: teoriya i praktika. Izbrannye trudy. [Forensic psychological examination: theory and practice. Selected Works]. Moscow: Publ. Genezis, 2010. 352 p.

8. Kuz'menko G.N., Otyutskii G.P. Filosofiya i metodologiya nauki : uchebnik dlya magistratury. [Philosophy and methodology of science: a textbook for graduate studies]. Moscow: Publ. Yurait, 2014. 450 p.

9. Kuz'min E.S. Sistema «Chelovek i mir»: monografiya. v 2 t. [System «Man and the World». in 2 vol.]. Berezovskii V.I. Irkutsk: Publ. Irkut. gos.un-ta, 2010. Vol. 1, 2. 314 p

10. Sostoyanie grazhdanskogo obshchestva v Rossii. XLIX etap sotsiologicheskogo monitoringa «Kak zhivesh' Rossiya?», iyun' 2019 goda [The state of civil society in Russia. XLIX stage of sociological monitoring «How do you live in Russia?», June 2019]. Moscow: Publ. Perspektiva, 2019. 143 p.

11. Mal'ko A.V. Stimuly i ogranicheniya v prave: teoretiko-informatsionnyi aspekt. 3-e izd., pererab. i dop. [Incentives and limitations in law: information-theoretical aspect. 3rd ed., revised. and add.]. Moscow: Publ. Institut gosudarstva i prava RAN, 2012. 363 p.

12. Martsinkovskaya T.D. Mezhdistsiplinarnost' kak sistemoobrazuyushchii faktor sovremennoi psikhologii. [Interdisciplinarity as a system-forming factor in modern psychology]. Metodologicheskie problemy sovremennoi psikhologii: sb. statei. [Methodological problems of modern psychology: Sat. articles]. Moskva: Publ. Smysl, 2004. 183 p.

13. P'yanov N.A. Konsul'tatsii po teorii gosudarstva i prava: uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab. i dop. [Consultations on the theory of state and law: a training manual. 2nd ed., revised. and add.]. Irkutsk: Publ. IGU, 2008. 571 p.

14. Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir. [Being and consciousness. Man and the world]. Sankt-Peterburg: Publ. Piter, 2003. 512 p.

15. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugolovnom pro-tsesse : nauch.-prakt. posobie. [Forensic psychological examination in criminal proceedings: scientific-practical. allowance]. Moscow: Publ. Gardarika, 1998. 192 p.

16. Sitkovskaya O.D. Psikhologiya ugolovnoi otvetstvennosti. [Psychology of Criminal Responsibility]. Moscow: Publ. NORMA, 1998. 285 p.

Ильина В.А.
Актуальность аксиологических проблем юридической
психологии
Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 221—231.

Ilyina V.A.
Urgency of Axiological Problems in Legal Psychology
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 221—231.

17. Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie. [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya, 1999. 393 p.
18. Transformatsiya gosudarstva i prava v usloviyakh global'noi tsifrovizatsii obshchestva. [The transformation of state and law in the context of global digitalization of society]. Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Irkutsk, 26 okt. 2019 g.). [Materials vseros. scientific-practical conf. (Irkutsk, October 26, 2019)]. Irkutsk: Publ. IGU, 2019. 296 p.
19. Fedorov A.V. Rekomendatel'nye akty SNG ob ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits v kontekste novykh vyzovov i ugroz. [Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya]. 2018. no. 4 (22). pp. 13—20.
20. Tsennostnye aspekty nauki i problemy ekologii: sb. statei. [Value aspects of science and environmental problems: Sat. articles]. Moscow: Publ. Nauka, 1981. 278 p.
21. Yurevich A.V. Psikhologiya sotsial'nykh yavlenii. [Psychology of social phenomena]. Moskva: Publ. Institut psikhologii RAN, 2014. 349 p.
22. Yurevich A.V. Sotsial'naya psikhologiya nauchnoi deyatelnosti. [Social Psychology of Scientific Activities]. Moscow: Publ. Institut psikhologii RAN, 2013. 447 p.

Информация об авторе

Ильина Валентина Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО УП РФ), г. Иркутск, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

Information about the author

Valentina A. Ilyina, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Organization and Methods of Criminal Prosecution, Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

Получена 25.06.2020
Принята в печать 12.05.2021

Received 25.06.2020
Accepted 12.05.2021

Exploring Court Culture and its Scale Development

Dinesh Kumar

Indian Institute of Technology Roorkee, India,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5943-1444>, e-mail: dkumar@hs.iitr.ac.in

We conducted three interlocking studies to explore the concept of court culture and to develop a court culture scale. In study 1, we conducted in-depth interviews of legal professionals and clients (n=51) from the Indian states of Uttar Pradesh (UP) and Uttarakhand (UK) to identify the indicators of court culture. In study 2, we generated the items and refined them. In study 3, we surveyed legal professionals to assess measurement dimensionality and reliability (n=517). The scale indicated seven independent court culture dimensions: outcome orientation, manipulation, discipline, individualism & collectivism, work orientation, pride, and professionalism.

Keywords: court culture, judicial culture, scale development, individualism and collectivism, work orientation.

Funding: This work was supported by the University Grants Commission, Government of India.

Acknowledgements: The author is grateful to the Government of India for financial assistance in conducting this research.

For citation: Kumar D. Exploring Court Culture and its Scale Development. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 232–238. DOI:10.17759/psylaw.2021110217 (In Russ.).

Исследование судебной культуры и разработка параметров ее описания

Кумар Д.

Индийский технологический институт города Рурки, Рурки, Индия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5943-1444>, e-mail: [e-mail:dkumar@hs.iitr.ac.in](mailto:dkumar@hs.iitr.ac.in)

Мы провели три взаимосвязанных исследования, чтобы разработать и исследовать понятие судебной культуры и разработать систему величин для ее описания. В первом исследовании были проведены подробные опросы специалистов в области права и клиентов (n=51) из индийских штатов Уттар-Прадеш (УП) и Уттаракханд, чтобы определить признаки судебной культуры. Во втором исследовании мы выработали параметры измерения и уточнили их. В третьем исследовании мы опросили специалистов в области права, чтобы оценить надёжность измерений (n=517). Исходя из полученной системы параметров описания стало ясно, что существует 7 независимых аспектов судебной культуры, а именно: ориентированность на конечный результат,

воздействие, дисциплина, индивидуализм и коллективизм, ориентированность на работу, гордость за принадлежность к профессии и профессионализм.

Ключевые слова: судебная культура, разработка параметров описания, индивидуализм и коллективизм, ориентированность на работу.

Финансирование: Финансовую поддержку при проведении исследования оказала Комиссия по университетским грантам Правительства Индии.

Благодарности: Автор благодарит Правительство Индии за финансовую помощь в проведении исследования.

Для цитаты: Кумар Д. Исследование судебной культуры и разработка параметров ее описания [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 232–238. DOI:10.17759/psylaw.2021110217

1. Introduction

Courts are one of the crucial pillars of any civilized society. The culture of any organization influences various aspects and outcomes of any organization. Hence, understanding and measuring court culture is vital to make efficient decision-making for better performing courts.

2. Literature Review

The culture of any organization, institution, or place tends to impact the working and outcomes. To maintain peace and harmony in society, courts are an important organization.

Understanding the court culture can give insights into the courts' strengths and weaknesses to improve their overall work. Measuring the court culture is a big challenge. Some researchers have tried to define the court culture. There are a few studies that have been attempting to define and measure the court culture. Legal culture is the similar term used to denote macro level culture of society in the legal context. In the recent years legal culture is studied extensively whereas the concept of court culture in the context of modern courts is studied rarely [14;15;16;21;22;23;28].

The study of T. W. Church is the pioneering work for court culture. They have used the term local legal culture and defined it as “the expectations, practices, and informal rules of judges and attorneys' behavior[2].” B. J. Ostrom et al. have classified four types of culture, i.e., clan, adhocracy, market, and hierarchy. In the clan type of culture, the organization is like an extended family. In adhocracy-type culture, an organization is a dynamic and entrepreneurial place. In a market-type culture, the organization is result-oriented, and the hierarchy-type culture organization is very controlled. They have developed a competing values value matrix using factors dominant characteristics, organization leadership, employees' management, organizational glue, strategic emphasis, criteria for success[20]. Some studies show that the term court culture is not used, but they have discussed similar concepts. For example, J. Eisenstein and H. Jacob have used the term ‘courtroom work group’ relationship among defense lawyer, prosecution lawyer, and court judges[3]. R. Goffee and G. Jones have used a two-dimensional diagram using sociability and solidarity. Sociability suggests the extent of friendliness among people. In contrast, solidarity, whereas solidarity extent to which people have understood their goals and shared commitment. They have described four types of cultures, i.e., networked culture, mercenary culture, fragmented culture, and communal culture. The networked culture emphasizes making friends in an organization, mercenary culture emphasizes competing self-work and not worrying about other people. Fragmented cultures emphasize doing what necessary and communal culture is emphasizes

creating a family-type atmosphere[5] like R. Goffee and G. Jones, B. J. Ostrom and R. A. Hanson have classified court culture into dimensions of solidarity and sociability, representing four types of culture, i.e., communal, networked, autonomous, and hierarchical[19]. B. J. Ostrom and R. A. Hanson (2009) narrate court culture as people's beliefs and behaviors responsible for resolving them[19]. S. Heath has done a detailed study using Leverick & Duff's (2002) passive and proactive court culture indicators. These indicators are broadly categorized into three parts, i.e., expectations and understandings, practices and incentives, and workgroup relationships. S. Heath has interviewed court stakeholders and compared two courts, whether proactive or passive[9]. A. Hucklesby defined court culture as "A set of informal norms which are mediated through the working relationships of the various participants." [13]. In contrast, G.C. Diana relates it to "values developed in each jurisdiction as a result of the evolution of criminal justice ideology and guiding philosophies over time" [6]. Y. Huang explains that court culture includes creating the court system, the formation of legal thinking, training of judges, etc. [12].

The study of G. Hofstede is considered a pioneer study in the area of culture. In that four dimensions of culture, individualism versus Collectivism, Large versus Small Power Distance, Strong versus Weak Uncertainty Avoidance, and Masculinity versus Femininity [10]. To measure these broader dimensions in the context of the culture of countries, G. Hofstede has considered items related to the role of the family in work situations, the importance of harmony, the nature of the employer-employee relationship, meaning of status difference, respect for old age, ways to grievances redressal, formalization of organizations, implicit models of organizations, the meaning of time, the appeal of precision and punctuality, tolerance of deviant behaviors and ideas, career expectations, etc. [10]. K.S. Cameron and R. E. Quinn relate the culture with the people's ideology carry inside their heads. In an organizational sense, culture is an unwritten rule that everyone follows in an organization [1]. M. Wu further added a new dimension named Confucian work dynamics in the study of Hofstede [27]. Later on, A.A. Moemeka has discussed individualism, collectivism, and communalism as the broader dimensions of a society. Communalism emphasizes community welfare instead of the interests of individuals [17]. F. Trompenaars and C. Hampden-Turner have elaborated the culture concept and identified seven dimensions of the culture: universalism versus pluralism, individualism versus communitarianism, specific versus diffuse affectivity versus neutrality, inner-directed versus outer-directed, achieved status versus ascribed status and sequential time versus synchronic time [24]. Renowned anthropologist E.T. Hall discussed the eight dimensions of overtness of messages, locus of control and attribution for failure, non-verbal communication, expression of reaction, cohesion and separation of groups, people bonds, level of relationship commitment, and flexibility of time [8].

Previous studies have tried to differentiate culture based on different categories, but in the Indian context, courts have uniformity of court rules and hierarchy. Hence, the conceptualization of court culture in the Indian context has to be explored, keeping in mind the local conditions. For that, I have analyzed court culture using study 1.

3. Study 1: Exploring Court Culture

Study 1 is conducted to develop a detailed understanding of court culture from the semi-structured interviews of lawyers, clients, court staff, and judges. The interview questions focused on the indicators of court culture.

Detailed interviews were conducted with lawyers (n=15), judges (n=4), court staff (n= 14), and clients (n=15) from the seven district courts of UP and UK by using the non-probability purposive sampling method. Interviews were conducted either in Hindi or English from 51 respondents and

lasted from 10 to 20 minutes. The researcher referred to an interview schedule also asked more questions based on the respondents' responses. Interviews were conducted till the point of conceptual saturation [4;6]. Notes were made while conducting the interviews.

Thematic analysis was used to analyze the interviews. Interviews were recorded, coded, and analyzed based on themes and patterns. Based on the observation and interviews, I identified court culture indicators such as justice sensitivity, work orientation, innovativeness, individualism-collectivism, manipulation, outcome orientation, openness, power distance, pride, power distance, fatalism, ambiguity avoidance, masculinity, and infrastructure. These dimensions can be broadly grouped under characteristics, beliefs, opinions, and practices. I have conceptualized the court culture as the system of vastly standard features and practices of any organization and beliefs and views of its judges, lawyers, and court staff.

4. Study 2: Item Generation

Study 2 generated 106 scale items based on the hints from existing literature and in-depth interviews of 51 legal professionals. I considered the items based on the existing literature and field visits. I referred to established methods for scale development [13]. The items were screened by three research scholars, one professor, and ten advocates fluent in Hindi and English and rated each item on a scale of 1 to 5 for relevance and clarity and optional comments. Thirty-one items with a low mean value in *relevance* were removed, and two items with a low mean value in *clarity* were modified, leaving 75 items.

A pilot study was conducted by taking responses from 105 respondents, including lawyers (n=100), judges (n=2), and court staff (n=3). After the pilot study, the analysis was done by checking mean, communality, and inter-item correlation. After the pilot study, 51 items were kept for study 3.

5. Study 3: Scale Characteristics and Factor Structure

The objective of study 3 is to assess the newly developed scale's characteristics and factor structure. Legal professionals, including judges, lawyers, and court staff from UP (n=434) and UK (n=83), responded to the survey. Google forms were used to collect the data either from face-to-face meetings or via electronic messages. Total 517 valid responses were received. 47.5% of the respondents were graduates, and 52.5% were postgraduate or above, 100 percent were male, average age 35.09 years, average court experience 8.65 years, average distance of their home from the court 11.50 kilometres.

I used 75 items to measure court culture while using Hindi translation of scale because of the native language of UP and UK's geographical location is Hindi. Participants were asked to tell their opinion on a scale of 1 to 5 (1= Strongly disagree, 5=Strongly agree). Items were translated into Hindi with the help of a bilingual translator, and then another bilingual translator translated them back to English to verify the accuracy of the translation.

5.1 Internal Consistency

The score of Cronbach's alpha for the scale is 0.91, which is within the acceptable limits as per the recommendation of J.F. Hair et al. and J.C. Nunnally [7;18]. I conducted reliability statistics after assessing the factor structure re. Cronbach's alpha of all the factors is within or near acceptable limits.

Table

Internal consistency of the factors of court culture scale

Factor	Cronbach's Alpha
Outcome Orientation	.88
Manipulation	.88
Discipline	.70
Individualism and Collectivism	.70
Work Orientation	.71
Pride	.68
Professionalism	.66

5.2 Factor Structure

SPSS statistics software was used to perform EFA for the data of 51 items and checked the KMO test of sampling adequacy with a score of .92 indicating adequate sample size (>.50) and a significant value of chi-square for Bartlett's test of sphericity $\chi^2=7866.532$, $p<.001$ [25].

I performed EFA with principal axis factoring and with direct oblimin rotation. After multiple iterations, 11 items were dropped due to low communality, lower inter-items correlation, or cross-loading issues[26]. I conceptualized 13 factors, but I had no solid theoretical background to support this conceptualization. EFA extracted seven factors. Based on the items' face value, I named the factors as per table 1, and these seven factors explained 53.003% variance.

6. Discussion

I have taken a grounded theory approach while conducting these three interlocking studies. This paper makes a theoretically essential contribution in the field of legal studies. I have explored the concept of court culture through literature and field visits. Court culture scale is developed using a qualitative and quantitative approach. This scale contains seven factors: outcome orientation, manipulation, discipline, individualism & collectivism, work orientation, pride, and professionalism. Overall, the scale appears to be conceptually strong and psychometrically valid. Study 1 explored the construct of court culture by conducting in-depth, open-ended interviews of legal professionals. In study 2, items were generated, and study 3 assessed the characteristics and factor structure.

The study certainly has some limitations. The data has been collected from the two Hindi-speaking states of India. It would be helpful to understand the validity of this scale across different cultural settings and geographical locations. Moreover, data is collected from 100 percent males, and in future studies, data should be collected from female legal professionals.

The court culture scale will be helpful to understand the culture of courts. This paper will enhance the understanding of court culture and allow legal researchers and court policymakers to understand the culture of courts systematically. Data about court culture can help improve the court systems.

References

1. Cameron K. S., Quinn, R. E. Diagnosing and changing organizational culture: Based on the competing values framework. *John Wiley & Sons*. 2011.
2. Church T. W. (1978). Civil Case Delay in State Trial Courts. *The Justice System Journal*. 1978, pp.166-196.
3. Einstein J., Jacob, H. *Felony justice: An organizational analysis of criminal courts*. Boston: Little, Brown. 1977. pp. 21.
4. Francis J. J., Johnston M., Robertson C., Glidewell L., Entwistle V., Eccles M. P., Grimshaw J. M. What is an adequate sample size? Operationalising data saturation for theory-based interview studies. *Psychology and health*, 2010, 25(10), 1229-1245.
5. Goffee R., Jones G. The character of a corporation: How your company's culture can make or break your business. *Harper Collins Business*.1998.
6. Diana G. C., Culture before law? Comparing bail decision-making in England and Canada. *Ph.D. dissertation, University of Leeds*, 2017.
7. Hair J.F., Black W.C., Babin B.J. Anderson R.E. *Multivariate Data Analysis: A Global Perspective*, 7th ed., *Pearson Education*, Upper Saddle River, NJ. 2010.
8. Hall E. T., & Mildred R. Hall, *Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans*.1990.
9. Heath S. Court Culture as an Explanation of Case Processing Efficiency: An Exploratory Study of the Applicability of Leverick and Duff's Typology of Court Culture to Bail Courts in Ontario (*Doctoral dissertation, University of Ottawa, Canada*). 2010.
10. Hofstede G. Cultural dimensions in management and planning. *Asia Pacific Journal of Management*. 1983. 1(2), 81-99.
11. Hinkin T. R. A review of scale development practices in the study of organizations. *Journal of Management*. 1995. 21(5), 967-988.
12. Huang Y. On the modernization of Chinese traditional legal culture. *Administrative Legal System* (2006): 20-22.
13. Hucklesby A. Court culture: An explanation of variations in the use of bail by magistrates' courts. *The Howard Journal of Criminal Justice*. 1997.129-45.
14. Ibragimov S, Makhmudova A. Legal culture-the basis for the rule of law. *Збірник наукових праць АЮГОΣ*. 2020.
15. Kholmiraeva M., Ruzieva M. The role of legal consciousness and legal culture in ensuring the ideological security of the national interests of the people of uzbekistan. *The American Journal of Social Science and Education Innovations*. 2021. Mar 31;3(03):355-9.
16. Mamasharifovna N.F. legal culture and the main factors of its formation. *EPRA International Journal of Multidisciplinary Research*. 2021 May 9;7(5):187-90.
17. Moemeka A. A. Communalism as a fundamental dimension of culture. *Journal of Communication*.1998. 48(4), 118-141.
18. Nunnally J.C., *Psychometric Theory*, *McGraw-Hill*, New York, NY.1978.
19. Ostrom B. J., & Hanson R. A. Understanding and diagnosing court culture.2009.

Кумар Д.
Исследование судебной культуры и разработка
параметров ее описания
Психология и право. 2021. Том 11. №. 2. С. 232–238.

Kumar D.
Exploring Court Culture and its Scale Development
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 232–238.

20. Ostrom B. J., Ostrom C. W., Hanson R. A., Kleiman M. The Mosaic of Institutional Culture and Performance: Trial Courts as Organizations. *US Department of Justice, National Institute of Justice*.2005.
21. Pirnazarov G.N. Conception of development of legal culture in society is the main factor to enhance the legal culture of the youth. *European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences*. 2020;8(1).
22. Rozhnov SN, Rachek SV. Legal culture as a basic component of professional training in vocational education. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 2019;8(12):4090-4.
23. Shutaleva AV, Golysheva MV, Tsiplakova YV, Dudchik A. Media education and the formation of the legal culture of society. *Perspectives of Science & Education*. 2020 Jun 1;44(3).
24. Trompenaars F., Hampden-Turner C. Understanding cultural diversity in business. *Irwin, London, England*.1998.
25. Williams B., Onsman A., Brown T. Exploratory factor analysis: A five-step guide for novices. *Australasian journal of paramedicine*.2010.8(3).
26. Worthington R. L., & Whittaker T. A. Scale development research: A content analysis and recommendations for best practices. *The counseling psychologist*.2006, 34(6), 806-838.
27. Wu M. Hofstede's cultural dimensions 30 years later: A study of Taiwan and the United States. *Intercultural communication studies*.2006, 15(1), 33.
28. Yusrizal Y, Mukhlis M, Amalia N. Adat court vs syariah court: Study of the legal culture of aceh communities completing the khalwat cases. *International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE)*. 2019 May 28;7(6S5):1367-70.

Information about the author

Dinesh Kumar, Master of Social Work, Senior Research Fellow, Indian Institute of Technology Roorkee, India, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5943-1444> , e-mail:dkumar@hs.iitr.ac.in

Получена 05.02.2020
Принята в печать 12.05.2021

Received 05.02.2020
Accepted 12.05.2021